

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера)

Т.Б. Щепанская

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ ПРОФЕССИЙ:
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ
(Россия, конец XX — начало XXI в.)

«Наука»
Санкт-Петербург
2010

УДК 008.001.14
ББК 60.5+63.5
Щ55

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

*д-р филологических наук В.В. Головин,
канд. ист. наук П.Л. Белков*

Публикуется при финансовой поддержке Фонда Карнеги
(Carnegie Corporation of New York) и Смольного Коллегиума СПбГУ

Результаты исследования прошли практическую апробацию
при подготовке и в преподавании учебного курса «Антропология работы: гендер,
идентичность, традиция» программы «Искусства и гуманитарные науки»
Санкт-Петербургского государственного университета

**Щ55 Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные
практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.).** СПб.:
«Наука», 2010. 338 с.
ISBN 978-5-025547-0

Монография посвящена исследованию феномена неформальной традиции в профессиональной среде. В основу работы положены материалы многолетнего полевого этнографического исследования повседневных практик, атрибутики, неформального дискурса профессий (наблюдения и интервью проводились, главным образом, в Санкт-Петербурге в 1998–2009 гг.), а также архивные и опубликованные данные по профессиональным традициям в России позднего и постсоветского времени. В книге рассматривается семиотика повседневности: символические интерпретации пространства профессии, предметной среды и атрибутики, телесности и психологических качеств, приписываемых профессионалу. Задача книги — обобщить уже имеющиеся данные о конкретных профессиональных традициях, структурировать их, введя набор основных рубрик, точнее — определить границы феномена, высказать гипотезы относительно логики его структурирования.

В книге элементы профессиональных традиций анализируются с точки зрения их прагматики. В центре внимания находится их роль в контексте отношений власти и социального контроля, а также культурного конструирования отношений профессионала к объекту его деятельности, клиентам (потребителям), в определении его места в сообществе коллег и позиции относительно внешних инстанций власти. Выявляется роль неформальной традиции в поддержании автономии профессий, а также соотношение профессионального контроля с организационным, бюрократическим, рыночным и т.д.

Книга адресована этнографам, фольклористам, социологам, а также всем интересующимся изучением профессий, проблемами городской этнографии, субкультур, семиотики повседневности.

УДК 008.001.14
ББК 60.5+63.5

© Т.Б. Щепанская, 2010
© МАЭ РАН, 2010
© Издательство «Наука», 2010

ISBN 978-5-025547-0

Введение

ПРОФЕССИЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СООБЩЕСТВО, СИМВОЛИЗМ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Предметом настоящего исследования является феномен неформальной **профессиональной традиции**, под которой мы понимаем набор или систему (это еще предстоит выяснить) стереотипизированных представлений, практик и текстов, бытующих и воспроизводящихся в профессиональной среде в процессе повседневных коммуникаций. Здесь важно подчеркнуть именно механизм воспроизводства — неформализованный, помимо организационно оформленных коммуникативных практик и схем.

Задача — выяснить, каким образом неформальные традиции соотносятся с феноменом профессионализма в целом. В этом контексте исследуется их роль в формировании и репрезентации профессиональной идентичности, функционировании профессионального сообщества (роль традиций в организации повседневных взаимодействий, поддержании неформальных отношений и легитимации их норм), осуществлении социального контроля.

Этот феномен можно было бы определить как «субкультуры профессий», если бы термин «субкультура» не стал так неопределенно-многозначен, не подвергался такой разносторонней критике и его использование не требовало столь многочисленных оговорок. Другое определение рассматриваемой области — «профессиональные традиции» — применимо при условии внесения двух уточнений.

Первое. Мы рассматриваем традиции как **знаковый феномен**, и, таким образом, определение его может быть модифицировано следующим образом: под «профессиональными традициями» понимается символично-нормативный комплекс, бытующий в той или иной профессиональной среде в виде стереотипизированных форм поведения, дискурса, символов и правил интерпретаций, транслируемых непосредственно в процессе повседневной коммуникации.

Второе. Речь идет не о любых традициях вообще, а о так называемых «неформальных», воспроизводимых на неофициальном уровне, в процессе повседневных взаимодействий, включенных в процесс функционирования профессионального сообщества.

Таким образом, предмет изучения — элементы повседневности (поведения и дискурса), ключевые характеристики которых были перечислены выше: знаковый характер, стереотипизированность, воспроизводимость во времени и связь с профессиональной средой.

Исследование проходит на **микроуровне**, в его основе феноменологический подход — описание повседневности «с позиции деятеля», с чем связано использование этнографических методов наблюдения, глубинного интервью, автобиографических документов как базовых методов сбора первичной информации.

Итак, мы исследуем один из видов культуры повседневности, отличающийся от прочих тем, что воспроизводится в профессиональной среде и включен в контекст профессиональной деятельности и связанных с нею отношений. Существует ли специфика, характерная именно для профессиональной традиции? Есть ли общее между традициями разных профессий? Складываются ли эти общие черты в сколько-нибудь устойчивый комплекс (хотя бы на уровне структуры), т.е. можно ли описать его как модель «профессиональной традиции»?

Для решения этой группы задач важен **сравнительно-этнографический метод**. Сопоставление сведений о различных профессиональных традициях позволяет очертить диапазон проявлений феномена «профессиональных традиций» и выявить черты, общие для ряда профессий. Это может стать базой для моделирования (выявления внутренней логики, правил развертывания) феномена «профессиональной традиции» или хотя бы его отдельных черт (общих параметров, по которым традиции разных профессий могут быть сопоставлены между собой).

Таким образом, наша работа видится как сравнительно-этнографическое исследование неформальных традиций, складывающихся в профессиональных средах, с целью моделирования профессиональной традиции как особого социокультурного феномена. Эту цель, впрочем, мы имеем в виду как перспективную, понимая, что ее достижение означало бы исчерпывающее этнографическое описание, а затем аналитическое структурирование традиций всех профессий, что явно не укладывается в рамки одного исследования. В данной работе цель формулируется скромнее — обобщить уже имеющиеся данные о конкретных профессиональных традициях, структурировать их, введя набор основных рубрик, точнее определить границы феномена, высказать гипотезы относительно логики его структурирования.

Как объяснить набор основных (воспроизводящихся в разных профессиональных традициях) тем, нередко образов, мотивов и практик? Мы будем рассматривать прагматические аспекты традиции и ее отдельных (повторяющихся) элементов. Какую роль эти элементы играют в процессе профессиональной коммуникации? Как они соотносятся с механизмами социального контроля?

Действительно, сам факт, что часть информации, значимой для профессионалов, транслируется вне организационно закреплённых форм коммуникации, по неформальным, «невидимым» для организации и разного рода власти каналам, позволяет предположить, что здесь значим именно уход от социального контроля со стороны организационных и властных структур. Исходя из этой гипотезы, я уделяю здесь особое внимание анализу роли неформальной традиции в контексте отношений власти и социального контроля. Содержатся ли в ней культурные коды практик сопротивления или утверждения власти? Подкрепление уже существующих внешних (организационных, этических и т.п.) норм — и / или их деконструкция? Альтернативные нормы и системы их легитимации?

Иными словами, в этой работе в первую очередь рассматривается одна из предполагаемых логик, определяющих состав и структуру профессиональной неформальной традиции, а именно логика встраивания профессии (профессионалов, их сообщества) в систему властных отношений. Анализ неформальной традиции здесь тем более важен, что и сама профессия (профессиональная среда), в отличие от организации, может быть описана как неформальное — «воображаемое» — сообщество, базирующееся на общей идентичности, общих символах и в значительной степени неформальной системе социального контроля.

Вопрос об определении социальной структуры профессионального сообщества, соотношении ее с организационной структурой ниже будет обсуждаться отдельно.

Итак, предмет изучения — неформальные профессиональные традиции:

- их феноменология, состав, особенно общие для разных профессий элементы (т.е. стереотипизированные элементы повседневного дискурса, символика пространства профессии, ее предметного мира, а также тела и повседневных практик профессионалов);
- процессы их воспроизводства (а следовательно, в поле зрения окажутся повседневные коммуникации);

— их прагматика, особенно роль в контексте отношений власти и социального контроля.

Далее следует подробнее остановиться на основных понятиях, определяющих область нашего исследования, таких как профессия, неформальные традиции (профессиональная субкультура), профессиональная среда или сообщество.

1. ПРОФЕССИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Обсуждая тему профессий, мы не можем не учитывать опыт ее концептуализации в рамках социологии, где уже сложилась определенная традиция и в качестве субдисциплины оформилась социология профессий. Обсуждение социологического понимания профессии необходимо и для уяснения специфики антропологического подхода и антропологического понимания этого феномена.

Определения профессии исторически менялись с развитием теоретических подходов и, похоже, вместе с самим объектом, тем более что они развивались практически параллельно. Обзор, в основном, социологических подходов к определению и исследованию профессий можно найти, в частности, у таких авторов, как Т.Л. Александрова, О.В. Лукша, Р.Н. Абрамов; П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова развивают также социально-антропологические аспекты исследования профессий¹. Современная профессиональная структура, ее социальный контекст складывались вместе с формированием самой социологии как одной из сфер профессиональной деятельности. Социология как профессия и, следовательно, социологические модели и подходы (в том числе к феномену профессии), т.е. схемы видения объекта, развивались в данном случае не просто параллельно, а в рамках изменений самого объекта.

В работах XIX — начала XX в. акцентируются только самые общие признаки профессии, которая определяется как специализированное занятие, закрепленное за определенной общественной группой. В этом широком понимании в число профессий включаются любые занятия, дающие средства к существованию, заработок (М. Вебер²). Наблюдается тенденция к детализации (увеличению числа признаков профессии) и переносу акцентов с одних признаков на другие.

Т. Парсонс в трудах 1930-х годов сосредоточивает внимание на специализированном знании и профессиональной этике как определяющих чертах феномена профессионализма, выделяющих про-

фессии из множества занятий (профессии он рассматривает по контрасту с другими занятиями — бизнесом и государственным управлением). Соответственно профессиями в настоящем смысле, по Парсонсу, выступают интеллектуальные, основанные на институционально оформленной системе трансляции научного знания, а идеальные профессии — академические (поскольку обеспечивают трансляцию знаний как базу для всех прочих профессий)³.

Современное понимание профессий базируется на том же наборе признаков профессионализма, однако жесткого и единого определения нет и соответственно нет единства мнений относительно того, какие занятия корректно определять как профессии. В статье о профессиональной этике Р. Мэттьюз (1991) отмечает отсутствие «общепринятого определения профессий» и проводит разделение между узким и широким пониманием феномена. В узком понимании профессии — «это занятия, которые могут легально практиковаться только обладателями определенных квалификаций, приобретаемых через экзамены или другие формальные тесты (лицензирование). Вдобавок там существует кодекс поведения (профессиональная этика), который обеспечивается, в конечном счете, возможностью утраты лицензии»⁴.

Более употребительным автор считает широкое понимание профессии, распространяемое на «множество занятий, где нет ни лицензирования, ни какого-либо формального обеспечения лишения прав». К числу профессий в этом понимании относятся, например, «учителя и ученые — безусловно, даже несмотря на то что не существует никакого «реестра», из которого мы могли бы быть вычеркнуты за плохое поведение; авторы, журналисты и актеры — возможно. Эти не лицензируемые профессии имеют во многих случаях свои собственные кодексы этичного поведения, даже если им не всегда следуют»⁵.

В обоих вариантах в качестве определяющих признаков профессии подчеркиваются специализированное знание и этика. Различия касаются степени формализации того и другого — через процедуры лицензирования знания и наличие кодекса профессиональной этики. Понятно, что оба варианта отражают конкретную ситуацию и статус профессий, сложившиеся на Западе в конкретный исторический период (новое время). В эти определения трудно вписать национальные и исторические вариации феномена.

Ш. Ротблатт (1995) в обзорной статье, написанной по поводу трех крупных публикаций 1991–1992 гг. по истории и национальной

специфике статуса профессий в США и Германии, также подчеркивая многообразие подходов, находит между ними еще меньше точек соприкосновения. Он отмечает некоторые пункты, по которым существует согласие между практически всеми исследователями профессий.

Один из них — «профессии определяются через этику служения», под которой подразумевается доминирование альтруистических мотивов «заботы об интересах клиента» и «общественном благе» над личным интересом (феномен, занимавший важное место в рассуждениях Т. Парсонса⁶). Второй признак — образование (научное или прикладное) как основа профессиональной идентичности.

Однако практически по всем остальным пунктам, касающимся определения профессий, Ш. Ротблатт отмечает разногласия между исследователями. Среди наиболее дискутируемых вопросов социологии профессий по состоянию на середину 1990-х годов он указывает следующие:

- об экспертном статусе профессионального знания и самих профессионалов (сохраняется ли за профессионалами в наши дни статус экспертов);
- о «модельных» профессиях (какие профессии следует признать главными, ключевыми, т.е. эталонными для определения самого феномена профессионализма);
- о времени происхождения профессий и связи их с процессами урбанизации («Можно ли даже говорить о росте профессий, если они существовали веками. <...> Также дискутируют по поводу того, имела ли урбанизация формирующее влияние на развитие профессий»). Ш. Ротблатт, комментируя эти дискуссии, высказывает точку зрения, согласно которой «города, безусловно, расширили требования к существующим профессиональным услугам и обеспечили возможности для трансформации профессий»⁷, но эта осторожная формулировка не означает, что профессии отсутствовали как феномен в доиндустриальных и дорыночных обществах;
- о положении профессий в структуре социума: являются ли профессии отдельной стратой или действительно «забытым средним классом»;
- об отношении профессий к структурам рынка и к государству.

Дополнительную сложность в определении феномена профессии вносит учет таких факторов, как историческая и национальная

специфика, а также трансформация профессий, происходящая в контексте глобализации финансовых и информационных потоков.

Национальная специфика и исторический контекст формирования современных профессий оказывают влияние на то, какие профессии рассматриваются как модельные (или эталонные)⁸. Так, в литературе, опирающейся в основном на американский опыт, в качестве эталонных рассматриваются так называемые «свободные» профессии. В американском понимании это профессии врача, адвоката. На первый план выдвигается фактор профессиональной автономии — независимости профессионалов (в первую очередь от государства), а знание и контроль над системой образования и лицензирования рассматриваются как условие поддержания этой автономии⁹.

Между тем исторический опыт Германии и некоторых других стран Европы, как пишет Ч. Мак-Клелланд, демонстрирует другое соотношение профессий и государства. По его сведениям, в Германии наиболее важным фактором, определявшим развитие профессий, был не фактор «свободных профессий», а государство. Государственная служба формировалась в аристократическом окружении монарха как наиболее престижная из оплачиваемых сфер деятельности, прообраз прочих профессий. Соответственно, описывая германский опыт роста профессионализма, Мак-Клелланд в качестве модельных рассматривает профессии, связанные с гражданской службой (civil service)¹⁰. Какие профессии могли бы иметь статус модельных в российском контексте? Теоретические заключения на этот счет требуют историко-социологического анализа, в моей же — этнографической — работе я могу опираться на конкретные высказывания профессионалов — участников данного исследования. В моих материалах есть высказывания профессионалов в разных сферах, где они сравнивают свою работу с работой военного, врача или актера: эти работы в некоторых интервью фигурируют в качестве культурных образцов, ориентиров при описании профессионализма. Таких сравнений недостаточно, чтобы точно определить профессии-модели, но они свидетельствуют о том, что сопоставление актуально для самих профессионалов, что они ориентируются на общую для разных занятий матрицу профессионализма.

Еще одна тема социологических обсуждений — современная трансформация профессий в контексте глобализации¹¹. Развивается новая форма зависимости (профессиональной деятельности, спро-

са на нее, характера конкуренции) от глобальных финансовых потоков. Важную роль начинают играть менеджеры — слой управляющих международных компаний, фондов и других подобных структур. Статус «свободного профессионала» или служащего государственного учреждения все больше сменяется зависимостью от международного менеджмента¹².

Еще одна тенденция — расслоение профессионалов на частных предпринимателей и тех, чей статус все больше приближается к статусу наемных работников (теория пролетаризации профессионалов). Иными словами, профессиональная дифференциация имеет тенденцию перекрываться классовой. С этим связаны изменения стратегий профессионалов: в их репертуар включаются такие формы сопротивления, которые ранее были характерны для борьбы рабочего класса — стачки, закрытие учреждений, уличные акции.

Обсуждение профессий включается в контекст социологии знания — знание рассматривается в качестве центрального признака, определяющего современные профессии¹³: предметом обсуждения становится специализация знания, его институционализация (наличие специальных образовательных учреждений), процедуры лицензирования (официального подтверждения знаний и навыков его применения), дающие право заниматься профессиональной деятельностью. Знание, подтвержденное официальной процедурой лицензирования, рассматривается как главный фактор легитимации доступа в профессию. Одновременно знание и навыки его практического применения — это основа специализированной деятельности, а следовательно, социального статуса и профессиональной идентичности членов сообщества.

Признавая ключевую роль специализированного знания в понимании профессионализма, историки и социологи рассматривают происхождение современных профессий в связи с историей университетского образования, «образовательной дифференциации. В некоторых странах эволюция высшего образования означала замену прежнего процесса социализации, восходящего к гильдиям»¹⁴. Отсюда особый интерес к профессиям, в основе которых лежит максимально институционализированное знание (академическим) и интеллектуальному слою как особой среде, в которое оно воспроизводится¹⁵.

Определения, устанавливающие как центральный признак профессии знание, подтверждаемое официальной процедурой лицензирования, учитывают, однако, лишь одну историческую форму

профессий, характерную для нового времени, когда сформировалась система институтов высшего образования как инстанций, обладающих правом сертификации. Истоки ее в Западной Европе относят к XVI в.¹⁶ Только к концу XVIII в., как показал в своих «археологических» исследованиях Мишель Фуко на примере медицины и психиатрии, наблюдаются трансформации дискурса ряда профессий, связанные с новой системой их институционального оформления¹⁷. Причем это касалось вначале только единичных профессий, а сложение характерных для современности организационных форм большинства из них можно констатировать только к концу XIX — началу XX столетия¹⁸, когда профессии приобретают массовый характер.

Еще один признак, включаемый в число определяющих феноменов профессии, — наличие профессиональной этики и / или кодекса, контроль над соблюдением которого осуществляет профессиональное сообщество. Этические нормы затрагивают в основном характер оказания профессиональных услуг (определяя их минимально допустимый уровень), отношения профессионалов к клиентам и в среде самих профессионалов. Истоки профессиональной этики исследователи связывают с происхождением самих профессий на базе цехов или гильдий, духовенства и придворной среды.

Развитие этических норм выражается в их формализации (фиксации в официально принятом кодексе профессии), нарушение их может стать основанием для лишения права заниматься соответствующей деятельностью. Контроль над соблюдением норм осуществляется самим сообществом.

На следующей стадии формируются контрольные инстанции (этические советы, профессиональные ассоциации и т.п.), что означает переход закрепленных в кодексе норм (первоначально вошедших туда из сферы обычая и морали) в форму правовых (признак правовой регуляции — наличие специальной группы, осуществляющей контроль и право санкций в случае нарушения).

Однако важно заметить, что это право ограничивается рамками профессионального сообщества, крайняя санкция — исключение из него. Возможность (пусть редко осуществляемая, но предусмотренная хотя бы теоретически) исключения из профессии за нарушение норм означает право контроля сообщества над своим составом вплоть до определения членства. Дальнейшее развитие формализации этических норм ведет к их фиксации уже не только в кодексах, но и формальных инструкциях, т.е. на уровне организаций.

Третья черта, перечисляемая среди ключевых признаков профессии, — ее относительная автономия или стремление к автономии от внешних форм контроля. Выражением этого стремления служит, в частности, борьба, которую ведут профессиональные сообщества за контроль над системой специального образования (правом доступа в профессию) и исполнением этических норм (правом исключения из профессии). Автономия как признак профессии особенно акцентируется американскими исследователями, рассматривающими в качестве образца или модели так называемые «свободные» профессии, определяющей формой организации деятельности которых является частная практика.

Термин «профессия» используется в литературе еще и в значении «общность профессионалов», «социальная группа, определяемая профессиональной квалификацией» (ср.: «представители профессии», «автономия профессии», «доступ в профессию»), аналогично понятию «класс». Автономия (или независимость профессий), институции и традиции, направленные на ее поддержание, — характеристики как раз этой общности. Среди стратегий, направленных на поддержание автономии, борьба профессионального сообщества за контроль над доступом в профессию (через монополию на лицензирование, а для этого — контроль над образовательными институтами), членством и выходом (через кодексы профессиональной этики и контроль над ее исполнением, который тоже сосредоточен в рамках сообщества).

Стремление к автономии предполагает сопротивление влиянию и диктату со стороны внешних сил, прежде всего государства и рынка, а также блокирование разного рода зависимостей на микроуровне (например, в отношениях между профессионалом и клиентом — заказчиком или потребителем его услуг). Как пишет Ш. Ротблатт, «исторической и социологической проблемой для профессий было то, как избежать зависимости, когда фактически профессионалы были столь же сильно зависимы от клиентов или рынков, как и любой социальный класс»¹⁹.

Сопротивление внешнему давлению в целях поддержания автономии требует определенных усилий по поддержанию сотрудничества внутри профессиональной среды. Как в кодексах профессиональной этики, так и на уровне обычаев воспроизводятся антиконкурентные нормы, направленные на смягчение конкуренции в профессиональной среде или предотвращение ситуаций, когда она может возникнуть²⁰. Контроль доступа в профессию и исклю-

чения из нее позволяет профессионалам избежать конкуренции извне (или держать ее под контролем). Среди таких мер — акции и публичные кампании, осуществляемые представителями профессий против шарлатанов, дилетантов и полупрофессионалов, утверждающие неправомочность занятий этой деятельностью тех, кто не входит в состав сообщества лицензированных профессионалов.

Итак, среди признаков, определяющих понятие профессии, как наиболее общепринятые фигурируют следующие:

- специализация **занятия** (функций);
- закрепление за определенной общественной **группой**;
- **знание** как основа профессионального статуса;
- специальное **образование** и формальная процедура **лицензирования**;
- профессиональная **этика** (с тенденцией к ее закреплению в кодексе).

Продолжают этот ряд признаки, характеризующие профессиональное сообщество:

- **автономия** профессий;
- профессиональная **идентичность**.

Степень выраженности этих признаков интерпретируется как показатель степени профессионализма, достигнутой в той или иной сфере деятельности.

Профессии не являются застывшей, раз и навсегда утвердившейся реальностью, они подвержены трансформациям. Утрата того или иного признака, например уменьшение автономии профессий, их контроля за сферой специального образования под влиянием политической или экономической ситуации, рассматривается как *депрофессионализация*, восстановление автономии, контроля — как *репрофессионализация*²¹.

2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИЙ

Вышеописанное понимание профессий довольно точно соответствует конкретной ситуации Запада нового и новейшего времени. Однако культурно-специфический характер отобранных признаков профессии не позволяет использовать это определение в антропологическом исследовании, которое предполагает возможность учета

и других (национальных, региональных, локальных, исторических) вариантов феномена профессионализма и затем их сопоставления между собою.

Антропологическая перспектива требует снижения детализации понятия, т.е. расширения границ феномена, во всяком случае на первом этапе. Достаточно очертить только самые общие характеристики объекта, с тем чтобы детализировать их позже на основе анализа выявившихся конкретных вариантов.

Характерно, что в антропологической традиции изучение профессиональных сообществ оформилось в рамках таких субдисциплин, как «occupational anthropology» или «anthropology of work». Английское «occupation» переводится на русский язык как ‘занятие, профессия’ и относится к любой сфере деятельности, выделившейся из домашней. В англоязычных социологических словарях такие атрибуты, как автономия, контроль специального знания, доступа в профессию, дисциплины и стандартов выполнения профессиональных услуг, наличие этических кодексов и системы воспроизводства специальных знаний, соотносятся именно с «profession», которая рассматривается не просто как «занятие», но как форма организации трудовой деятельности, включающая регуляцию с целью обеспечения стандартов выполнения работы, кодекс поведения, управление знанием, контроль членов, отбор и обучение новых учеников²².

В русском языке это разделение четко не проводится: оба термина — и profession, и occupation — могут переводиться на русский как ‘профессия’. Если occupation переводится и как ‘занятие’, и как ‘профессия’, то occupational скорее как ‘профессиональный’.

В отечественном словоупотреблении, в том числе в социально-демографической статистике, принято широкое понимание профессии — как внедомашней сферы деятельности, приносящей доход, требующей определенной квалификации, закрепленной за особой группой, но не обязательно отвечающей таким критериям, как автономия, наличие формализованных профессиональных кодексов и системы лицензирования. Все эти проявления формализации атрибутов профессионализма вообще не получили развития в российском варианте. Обычно в литературе в качестве определяющего профессионализм фактора учитывается специализированное знание, однако существует значительный разброс вариантов социального статуса и организации профессиональной деятельности.

Ориентируясь на такое понимание профессий, мы можем включать в их число широкий круг занятий, требующих квалификации и закрепленных за определенной социальной группой. Следует заметить, что антропологическое исследование базируется на учете не только формальных характеристик занятия, но и (в первую очередь, как отправной точки) позиции деятеля. Поэтому в число определителей профессии может включаться не только формальная квалификация, но и неформальные знания, нормы, навыки, приобретенные непосредственно в контакте с коллегами — наставниками, учителями, сотрудниками.

Знание, определяющее «профессионализм» в глазах самих работников, включает не только результаты образования, но и знания, освоенные в процессе деятельности или в общении с коллегами, причем этому второму, неформальному, пласту зачастую приписывается большая ценность, чем формальному образованию. На практике занятия, требующие разного уровня формальной и неформальной квалификации с учетом разных пропорций их сочетания образуют непрерывный ряд или даже массив. Мы не можем отбирать из них заранее одни и отсекают другие, пользуясь формальными определителями, заданными извне. Интересующие нас субкультурные традиции, передающиеся в рамках профессиональных групп, могут быть выражены независимо от уровня институционализации образования, нельзя заранее считать, что они находятся в однозначном соответствии.

Таким образом, приступая к этнографическому исследованию профессий (в значении «профессиональных групп») и их традиций, мы будем исходить из достаточно широкого их определения, опираясь на такие их атрибуты, как:

- **занятие**, специализированное во внедомашней сфере, дающее (основной) доход, средства к существованию, закрепленное за определенной социальной группой;
- **знание** и навыки его использования как обоснование права на это занятие.

Знание рассматривается нами не только в аспекте его институционализации, но прежде всего как главное основание права на профессиональную деятельность, а также профессиональной идентичности.

В качестве дополнительных (или относительных, различающихся по степени выраженности) учитываются такие признаки, как автономия, профессиональная этика, институционализация транс-

ляции знания. Автономия (независимость) профессий, стратегии ее достижения и поддержания также учитываются нами как признак профессионализации данной сферы деятельности, но он может варьировать по степени. Автономия есть одно из проявлений закрепленности занятия за определенной группой и, собственно, индикатор стабилизации этой группы. Учитывая варьирующий характер этого признака, мы включаем в круг нашего исследования профессии с разной степенью автономии, не отбирая заранее только те, где этот признак выражен наиболее отчетливо.

Трансляция знания также может быть институционализована в разной степени. В одних профессиях существует развитая система формального образования и лицензирования, в других формальное образование сочетается с неформальными механизмами получения и подтверждения квалификации. Этнографическое исследование дает возможность учесть разные механизмы и каналы трансляции знания, их соотношение с получением права на занятие, собственно доступа в профессию.

Варирует по степени выраженности и этическая составляющая профессионализма — от обычая и обычного права, подкрепленного неформальными санкциями, до писаных кодексов и должностных инструкций, нарушение которых может стать основой для официальных мер против нарушителя со стороны профессиональных ассоциаций или администрации учреждений.

Профессиональные группы вошли в число объектов не только социологического, но и антропологического исследования. В США антропология профессий (под названием *occupational anthropology*, от *occupation* 'занятие, профессия') развивалась в рамках антропологии современного урбанизированного общества. Методология этих исследований, по мнению Клиффорда и Маркуса (1986)²³, восходит как к традициям полевой этнографии в духе М. Мид, так и к практике Чикагской школы городской социологии, для которой характерно использование этнографических методов применительно к городской среде²⁴.

Проект перенесения антропологических исследований в свое собственное общество («домашняя» антропология) обсуждался в англоязычной профессиональной литературе в связи с очевидными изменениями традиционного объекта антропологии. Обретение независимости бывшими колониями в 1960-х годах означало резкое сокращение доступа в «традиционно этнографические» районы, поскольку правительства новых независимых государств зачастую не

приветствовали антропологов, связывая их деятельность с колониализмом. Кроме того, включение бывших колоний, как и вообще «не западных» стран, в процессы модернизации означало сужение сферы бытования так называемой «традиционной» или «аборигенной» культуры.

Между тем, как в тот период писал К. Леви-Стросс, интенсификация международных связей, урбанизация, миграционные потоки приводили к тому, что культурные различия оказывались все ближе, внутри самих обществ, к которым принадлежали исследователи. Это связано, во-первых, с иммиграцией из традиционно «этнографических» мест в бывшие метрополии, во-вторых, с культурной дифференциацией внутри самих западных обществ. Результат обоих процессов — все более отчетливо мультикультурный характер этих обществ и актуализация в их рамках привычных для антропологии тем культурных различий, символических (культурных) границ и т.п.

В 1960—1980-е годы сформировалось направление, получившее название «домашней», или «репатриированной» антропологии, ориентированное на изучение современных обществ. Городская среда стала объектом изучения антропологии города. Кроме традиционно этнографических методов включенного / участвующего наблюдения, бесед и выслушивания небольшого числа информантов, использования личных связей, здесь применялись анализ личных документов, биографических источников, местной прессы и т.п.

М. Моффатт (1992) в обзоре этнографических работ 1960—1980-х годов об американской культуре отмечает, что «большинство из этих участвующих наблюдателей, <...> как антропологи где бы то ни было в мире, искали “деревни” — родственные группы или коллективы некоторого рода — и входили туда или регулярно их посещали: городские соседские объединения, <...>, профессиональные группы (*occupational groups*), фабрики, расположения корпораций, суды, тюрьмы, другие правовые учреждения, политические партийные организации, дошкольные учреждения, школы, колледжи и профессиональные школы, научные лаборатории, академические издательства, <...> больницы, другие медучреждения, включая психиатрические, <...> банды, <...> добровольные ассоциации, группы на основе хобби и досуга»²⁵.

Профессиональные группы стали объектом внимания как разновидность такой «деревни» — сообщества, которое можно было непосредственно наблюдать в процессе его каждодневной жизни,

в которое можно войти, воспроизводя привычные практики этнографического исследования. Такие методы использовались уже в первой половине XX столетия представителями Чикагской школы городской социологии, заложившей мощную традицию исследований городских сообществ на микроуровне. В то же время исследователи в этой сфере столкнулись с задачей размежевания с социологической традицией, поиска специфичных для нашей дисциплины тем и подходов.

Анализируя развитие городской антропологии в 1950–1970-х годах, Р. Саньек отмечает, что изучение рабочих мест и отношений было представлено слабо по сравнению с изучением деятельности и отношений по месту жительства. В основном изучали соседские связи, структуры расширенного родства, сетевые структуры, проблемы бедности и миграций между селом и городом²⁶. Характерен акцент на изучении маргинальных областей городской жизни как наиболее проблемных. Как пишет Р. Саньек, в те годы «занятие бедными и городскими мигрантами не было уравновешено изучением установившегося рабочего и среднего классов, богатых, политических деятелей; антропологи не занимались изучением “вверх”»²⁷.

Эта тенденция несколько переменялась в 1980-х годах, когда в США издается серия «Антропология работы» (ред. Дж. Нэш). Появилась масса публикаций, авторы которых базировались на этнографических исследованиях отдельных коллективов (например, научной лаборатории) и профессиональных групп (строительных рабочих, водителей грузовиков и т.п.).

Для городской антропологии, изучающей сложные общества, характерен выход за рамки непосредственно наблюдаемого этнографически локального сообщества. Этнографические данные в работах этого периода подвергались анализу в контексте более широких процессов, таких как деиндустриализация, дерегуляция, профсоюзная политика, расизм в отношении небелых рабочих, гендерная дискриминация, небезопасность работы²⁸.

Исследование разных сфер деятельности шло крайне неравномерно. М. Моффатт на основе анализа публикаций по американской этнографии (до 1990-х годов) отмечает, что было опубликовано много этнографий школьного образования, организаций и мало работ собственно по этнографии профессий, много исследований медицины и мало — других профессий, много работ по фабричным рабочим и мало по работающим в сфере услуг (хотя она более многочисленна)²⁹. Современные аналитики отмечают, что в сопостав-

лении с проблематикой организаций и организационной культуры проблематика профессий, профессионализма, профессиональной культуры и традиций в антропологических публикациях оказалась представлена слабо.

В отечественной (русской) науке изучение подобных феноменов восходит к бытописательской традиции, более или менее систематически развивавшейся с середины XIX столетия, когда была опубликована «Физиология Петербурга»³⁰. Этнографическо-публицистические очерки повседневной жизни людей разных занятий были дополнены филологическими разысканиями — изучением профессиональных арготизмов и фольклора³¹. Большинство публикаций касалось представителей маргинальных и низших слоев населения (нищих, бродячих торговцев, ямщиков и извозчиков, фабричных рабочих), но были и отдельные работы об образованных слоях, например о чиновниках³². Некоторые материалы бытописательского плана были опубликованы и позже, уже в советский период, например очерки Гиляровского³³.

В советский период исследования занятий развивались в рамках социологии труда. Этнографические исследования в этой сфере были немногочисленны и касались чаще всего различных групп промышленных рабочих. Для нас представляют особый интерес исследования рабочего фольклора³⁴. Однако целостных описаний комплексов традиций тех или иных профессиональных групп, а тем более сколько-нибудь сопоставимых друг с другом, обнаружить не удалось, как и обоснованной модели профессиональной традиции как особого социокультурного феномена.

В 1990-е и в начале 2000-х гг. этнографические исследования городских, в том числе профессиональных, традиций развиваются в нескольких направлениях. В этнографическом ключе выполнен ряд работ саратовского социолога и социального антрополога проф. П. Романова о производственных организациях. В фокусе интереса в основном социологические проблемы (соотношение формальных и неформальных отношений, перестройка их в результате социальной трансформации, изменение характеристик рабочей силы), хотя и рассматриваются они на микросоциологическом уровне с использованием этнографических средств³⁵.

Работы по этнографическому изучению повседневности (в том числе и профессиональных сообществ) проводились в рамках проектов Центра независимых социальных исследований в Санкт-Петербурге³⁶.

Вербальные традиции (лексика и фольклор), связанные с различными профессиями, попадают в поле зрения фольклористов и лингвистов. В частности, в Москве, в Институте высших гуманитарных исследований в РГГУ, несколько лет функционировал семинар по современной городской народной культуре под руководством проф. С.Ю. Неклюдова. Среди тем семинара, в частности, фигурировали такие, как «Постфольклор» и «Наивная литература». На его сайте «Виртуальные мастерские в общественных науках» имеется большая подборка материалов по современному городскому фольклору, в том числе и по некоторым профессиональным традициям (археологи, пожарные)³⁷. Результатом деятельности этого семинара стал, в частности, том «Современный городской фольклор» (М.: РГГУ, 2004), где среди прочих городских субкультур рассматриваются традиции парашютистов и программистов³⁸.

Наше исследование, продолжая в целом традицию городской антропологии, сосредоточивается на тематике профессий, имея в виду задачу этнографической фиксации символическо-нормативных конструкций, важных для понимания феномена профессионализма в его повседневном выражении. Одна из первых задач, которая возникает в связи с этим, — отбор занятий (и соответствующих социальных групп), соответствующих понятию профессии.

Если ориентироваться на наиболее широкое определение профессий как оплачиваемых специализированных занятий, закрепленных за одной из общественных групп (по Веберу), то критерием становится существование сложившейся социально-профессиональной группы. Если принять во внимание фактор специализированного знания как основы права на занятие, то отпадают прежде всего неквалифицированные работы. Учитывать ли критерий существования формальных процедур лицензирования и сертификации, как институтов публичного подтверждения знаний и соответственно прав на профессию? Такие процедуры получили на Западе наибольшую разработку в тех случаях, когда профессия осуществляется преимущественно на базе частной практики. В России такие процедуры разработаны весьма неравномерно для разных профессий.

Встает вопрос: учитывать ли те занятия, где специализированные знания поддерживаются в основном посредством неформальных механизмов — традиции, передаваемой в профессиональном сообществе «лицом к лицу»? Провести разделение между подобными «неформальными» знаниями и формализованными бывает затруднительно: в разных профессиях они сосуществуют в разных со-

четаниях и пропорциях.

Еще вопрос: что считать «профессиональным знанием»? Может ли быть, скажем, мистическое знание или магия основой профессионализма? Сложившееся в социологии представление базируется на понимании профессионального знания как научного, рационального, поскольку формирование феномена профессий в его современном виде обычно связывают с традицией Просвещения. Соответственно профессия часто определяется как занятие, основанное на применении специализированного научного знания в определенной области деятельности.

Между тем такое понимание знания не охватывает другие исторические формы профессионализма, а отнюдь не все исследователи согласны с точкой зрения на профессию как феномен только нового времени (сформировавшийся в контексте развития буржуазных обществ). Обсуждаются и другие исторические формы профессионализма, другие способы институционализации знания, его передачи и подтверждения (например, цеховая структура или гильдии). Если распространить понятие профессионализма и на досовременные (или доиндустриальные) общества, то придется допустить и существование иных, кроме научной, форм знания, обосновывающего право на профессию.

Специфика антропологического подхода диктует общую стратегию в понимании феномена профессии: ориентацию на самые общие черты профессионализма (специализация, знание как основа права на занятие, закрепление за определенной группой). В то же время мы избегаем точного указания институциональных, а тем более организационных характеристик профессии (таких как процедуры легитимации, трансляции знания, степень автономии и т.д.), ожидая их конкретизации непосредственно от этнографических исследований.

Мы полагаем, что однозначно разделить занятия на «профессии» и «непрофессиональные» на базе российского материала и англоязычных определений невозможно, скорее можно распределить их по степени профессионализма или, точнее, по степени выраженности тех или иных его признаков. Такой подход позволит нам, по крайней мере на первых порах, включить в круг изучаемых объектов не только те профессии, которые в полной мере оформились по западному (описанному в западной социологической литературе) образцу, но и те, где профессионализм может быть представлен в ином культурном выражении или историческом срезе.

Таким образом, используя в этой работе термин «профессия», мы имеем в виду сферу оплачиваемой деятельности, базирующуюся на общественно подтвержденной квалификации (знании, навыках и праве его использования); с другой стороны, под «профессией» мы понимаем и социальную общность, за которой признается и закрепляется право на эту деятельность.

3. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

В рамках настоящей работы на первый план выходит задача исследования профессионального сообщества как среды порождения и бытования неформальной традиции. Профессия рассматривается, в первую очередь, как социокультурная общность. Следует задаться вопросом о ее социологической характеристике или о понятиях, которые могли бы стать средствами ее описания, сколько-нибудь адекватного нашим задачам. Что собой представляет и в каких понятиях может быть представлена эта общность?

В отечественной литературе она чаще всего обозначается как «профессиональное сообщество». В действительности применимость понятия «сообщество» в данном случае заслуживает обсуждения с учетом того, что профессия — это не организация, ее границы, членство и само существование точно не определены. Очертить ее границы труднее, чем, например, организации, где существует формально определенное членство. В качестве параметров, определяющих принадлежность к профессии, можно рассматривать, как мы видели:

- наличие специального образования, формально признанной квалификации, подтвержденной процедурой (например, лицензирования и др.);
  - факт занятия профессиональной деятельностью;
  - получение средств к существованию, дохода от этой деятельности;
  - профессиональную идентичность (самоидентификацию как профессионала и признание в этом качестве другими коллегами).
- Возможные (но не обязательные) индикаторы принадлежности к профессии;
- членство в разного рода профессиональных ассоциациях, от профсоюзов до творческих объединений;
  - участие в конкретных проектах (например, в научных сборниках или семинарах);

- упоминание в справочных изданиях;
- публикация статей и рецензирование работ в соответствующих профессиональных изданиях.

Понятно, что все эти параметры не обязательно совпадают или присутствуют в каждом конкретном случае. Множество людей работает не по той профессии, которую получили в образовательных учреждениях. Профессионалы, достаточно устойчиво воспринимающие свое положение, могут и не подавать о себе сведений в справочники; не все заботятся о членстве в ассоциациях. Определить границы профессионального сообщества только по формальным индикаторам невозможно.

Другой способ определения сообщества — по самосознанию его представителей, их представлениям о принадлежности (своей и других людей) к этому сообществу. В этом случае на первый план выходит критерий профессиональной идентичности, а определение границ сообщества происходит через процедуры символической идентификации (определения принадлежности, классификации «свой — чужой»). Соответственно профессиональное сообщество определяется с позиции его члена — через символы этого сообщества, т.е. собственно самой профессии.

Общность, базирующаяся на общей символике и идентичности, описывается в рамках модели «воображаемого сообщества» Б. Андерсона³⁹. Выражение «воображаемое сообщество» использует П. Сангрэн, говоря о профессиональной среде социальных исследователей. В журнале «Current Anthropology» проводилась дискуссия по проблемам этнографического метода. Выступая в ней, Сангрэн предлагает отойти от обычного стереотипа дискуссий о методах исследования в индивидуализированном контексте: «Почему бы не распространить наши горизонты за рамки индивидуальных исследований на воображаемое сообщество социальных исследователей?»⁴⁰ Конкретизируя, он предлагает рассматривать этнографию как коммуникацию, «коллективный процесс, протекающий среди этнографов и их информантов, а не воображать исследовательский метод, способный включить власть интерсубъективного понятия науки в единственную исследовательскую методологию»⁴¹.

Под «воображаемыми сообществами» понимают большие коллективы, объединенные прежде всего общими идентичностями и минимально — сетями непосредственно межличностных отношений (формулировка Кэлхоуна)⁴². Концепция «воображаемого сообщества» сформировалась, в первую очередь, применительно к ис-

следованию национальных общностей, акцентируя роль ощущения национальной идентичности и принадлежности как факторов консолидации национальных государств в Европе. Однако в современной литературе она разрабатывается и применительно к общностям, возникающим на базе религии, места, гендера, политики, цивилизации⁴³, служащих своего рода общими символами, вокруг которых складывается коллективная идентичность, переживание общности.

Важной чертой воображаемых сообществ является то, что они формируются на базе непрямых отношений (опосредуемых через общие символы), на нелокальной основе.⁴⁴ М. Моффатт в обзоре этнографических исследований американской культуры отмечает, что многие современные американцы не живут в локальных соседских «сообществах», но зачастую «строят» сообщества, опираясь на более широкие и «гипотетические» понятия (городок, университет, этничность), которые и становятся основой их коллективной идентичности и чувства общности⁴⁵.

Среди таких символических оснований может быть и профессия. В работе о «глобальном городе» М. Albrow, J. Eade, J. Durrschmidt, N. Washbourne отмечают, что на фоне осмысления процессов глобализации происходит сдвиг от изучения локальных сообществ, восходящего к традициям Чикагской школы, к изучению воображаемых сообществ, основанных на формировании общей идентичности людей, не обязательно соседствующих в физическом пространстве, не всегда знакомых между собою, но идентифицирующих «своих» через общие символы. Эта модель позволяет адекватно описать получающие все большее распространение формы объединения людей, где членство не обязательно зависит от пространственной локализации. Отсутствующие физически, находящиеся в удалении люди остаются интегрированными в сообщество и даже местные общности. Лежащие в их основе «локальные солидарности и социальные порядки», символично-нормативные комплексы могут производиться на самых разных уровнях, от регионального и национального до глобального⁴⁶.

Эта модель предполагает, что общности разного масштаба и уровня воспринимаются их представителями как сообщества, т.е. на отношения в их рамках в той или иной степени переносятся нормы локальных сообществ (общин), а чаще их фрагменты, символы. Соответственно эта модель позволяет применить к изучению делокализованных, рассеянных в пространстве, опосредованных внешними коммуникативными структурами общностей традиционно

этнографические и антропологические средства, накопленные на базе изучения классических сообществ — локальных общин, т.е. представить социальные структуры глобализирующегося мира как «деревни», привычные объекты этнографии.

Модель профессии как «воображаемого сообщества» предполагает важную роль профессиональной идентичности и механизмов идентификации через общие символы в определении принадлежности к сообществу и его границ. В применении к этнографическому исследованию профессии это означает, что его объектом должна стать не только конкретная профессиональная среда, сложившаяся в конкретном месте, хотя именно такая локальная среда обычно изучается и реально доступна на этапе сбора полевого материала. Однако эти наблюдения должны быть дополнены учетом более широкого контекста: тех представлений об общности (общих нормах, знании, стиле жизни, символике, ценностях) между людьми одной профессии в разных регионах и странах, которые существуют среди ее носителей, в частности, в наблюдаемом этнографом месте.

Иными словами, на уровне представлений самих профессионалов границы профессии (как воображаемого сообщества) могут оказаться значительно шире непосредственно наблюдаемого коллектива или другого варианта локального сообщества коллег. «Воображаемое» здесь, разумеется, совсем не означает нереальное, поскольку именно на представления о профессии и ее границах ориентируются ее члены в своей повседневной деятельности, построении взаимодействий, поддержании сетевых связей (например, в рассылке приглашений на конференции или выборе работ для рецензирования). Эти внелокальные связи, важные для самоопределения профессии, также должны стать предметом этнографической фиксации. Многие современные профессии воспринимаются своими представителями как общности отнюдь не местного и даже не национального масштаба, а как глобальные или по меньшей мере транснациональные общности.

Таким образом, термин «воображаемое сообщество» указывает скорее на механизм поддержания общности (через символические образы, символы идентичности), чем на ее ирреальный характер.

Модель воображаемого сообщества может быть удачной рамкой для описания некоторых свойств профессии — в той мере, в которой принадлежность к ней определяется профессиональной идентичностью и ориентацией на общие символы как маркеры иден-

тичности. Воображаемое сообщество определяется через общие символы — одновременно символы общности и маркеры идентичности. Эта концепция открывает путь исследованию символического конструирования сообщества, т.е. роли разделяемых символов в определении границ сообщества, принадлежности к нему и его стратификации.

А. Коэн определяет сообщество через ориентацию на общие символы: «Реальность сообщества в восприятии людей, — пишет он, — заключается в их принадлежности <...> к общему полю символов». И далее: «Восприятие и понимание людьми их сообщества <...> сводится к ориентации по отношению к его символизму»⁴⁷.

Исследование практик идентификации должно включать анализ, во-первых, этих общих символов, во-вторых — коммуникативных ситуаций, ориентированных на выявление такой принадлежности. Это заставляет нас обратиться к исследованию практик повседневности, символика и интерпретации которых хорошо улавливаются этнографическими методами.

Следует оговориться, что, обращаясь к модели воображаемого сообщества, мы не предполагаем, что это единственная схема для описания такого сложного феномена, как профессия, охватывающая все его аспекты. Применимость этой модели ограничивается тем обстоятельством, что принадлежность к профессии определяется образованием (подтвержденным формализованными процедурами лицензирования и сертификации), а профессиональный статус формализован в системе должностей, профессиональных наград, званий, ученых степеней и т.п. Границы и структура профессиональной общности заданы вполне объективными и формализованными критериями, но только отчасти. На практике это правило допускает множество исключений.

Принадлежность к профессии, статус в сообществе, реальный доступ к ресурсам зависят не только от формальных характеристик, но и от неформализованных факторов: репутации, характера межличностных отношений, плотности социальных сетей, степени интеграции человека в профессиональную среду и т.п. Кроме тех людей, кто включен в систему организаций, осуществляющих данный вид деятельности, к числу профессионалов относятся и временно не работающие в этой сфере (пока не утратили самоидентификацию и причисляются другими представителями профессии к числу коллег), и люди старшего поколения, уже вышедшие на пенсию, и знаковые, зачастую мифологизированные фигуры (например, «отцы-

основатели» учреждений или направлений профессиональной деятельности, разного рода легендарные личности, воспринимаемые в качестве культурного образца профессионала или, наоборот, отклонения от идеала профессии). Множественность факторов, определяющих принадлежность к профессии как социальной общности, дает основание рассматривать идентичность как своего рода результирующую разнообразных влияний и индикаторов.

Подводя итог этих рассуждений, скажу, что модель воображаемого сообщества я считаю возможным применить к профессии в ограниченной степени, как средство, позволяющее увидеть ее «с позиции деятеля», ее представителя. Эта модель позволяет выявить символические конструкции, на которые опирается профессиональная общность.

Следует подчеркнуть, что объект нашего внимания не вообще «профессия» как абстрактная социальная общность, а те структуры в рамках профессии (структуры отношений, формы взаимодействий, повседневных практик), которые являются субъектом или носителем неформальных профессиональных традиций. Субъект профессиональных традиций не профессия в целом, абстрактная общность, не все существующие в ней структуры, а именно неформальные (в первую очередь).

Понятно, что в их передаче и легитимации свою роль играют и некоторые формальные, институционализованные средства, но тогда из разряда традиций соответствующие символы и нормы переходят в разряд организационных требований или инструкций, т.е. выходят за рамки обозначенной нами предметной области (неформальных традиций). Задаваясь вопросом, кто (какой субъект, какая социальная структура) является носителем профессиональных традиций, мы должны обратить внимание, прежде всего, на неформальные структуры в рамках профессиональной среды. Именно для описания этих неформальных структур хорошо подходит модель воображаемого сообщества, представляющая общность через разнообразные факторы идентификации «своих» с позиции самого работника.

Еще более привязана к этой позиции и открыта концепция профессии как *среды* (*milieu*), описываемой через восприятие ее входящими в нее людьми как совокупность разделяемых повседневных практик, установок и символов. Среда — понятие, описывающее социальные образования с позиции включенных в них людей как их социальное окружение, мир, в который человек погружен и с кото-

рым взаимодействует в процессе повседневной жизни. Среда характеризуется определенным набором разделяемых знаний, установок, повседневных практик, относительно стабильных, привычных. Они, по выражению Макса Шелера, «побуждают, направляют и контролируют наши действия в мире»⁴⁸.

П. Бурдьё описывает среду как определенный класс условий существования, производящий *habitus*, т.е. набор диспозиций (предрасположенностей к этим условиям), у принадлежащих к ней людей. В свою очередь, сформировавшись, *habitus* обеспечивает по мере возможности воспроизводство той среды, к которой он приспособлен⁴⁹.

Отношения между людьми одной среды характеризуются как средние между отношениями чужаков и «своих» (принадлежащих к одной контактной группе). Это люди, разделяющие некоторый набор установок, занятий, имеющие общие культурные характеристики, обеспечивающие особый тип отношений и условий взаимодействия: «Мы видим наших братьев в милье ни как полностью чужаков, ни как полностью индивидов, но как людей, каким-то образом подходящих, освоенных. Собрат входит в мою среду (милье) как конкретный другой в функции, которая определена “ситуацией” или “горизонтом”, которая определяет конкретного другого в милье и предопределяет наши отношения»⁵⁰.

Отношения в рамках социальной среды, таким образом, определяются ситуацией взаимодействия и функцией, выполняемой каждым из участников. Статус человека, его восприятие, идентификация внутри среды определяются набором его функций. Концепция «среды» акцентирует культурные характеристики социальной общности (разделяемые представления, практики), что делает ее полезной в качестве инструмента антропологического исследования.

Важно и то, что среда — это характеристика социальной общности с позиции деятеля, отдельного человека, изнутри общности. Следовательно, она позволяет представить то видение социального контекста, на базе которого формируется повседневная деятельность погруженных в него людей. Эта концепция позволяет описывать интересующие нас феномены (профессиональные традиции) в их социальном контексте, т.е. с учетом социальных отношений, которые обеспечивают их формирование и воспроизводство.

Концепция милье учитывает и обратную связь — влияние традиций на воспроизводство структуры социальных отношений. Вместе с тем определение общности — носителя профессиональных тради-

ций как среды не требует детального «объективистского» (внешне-го) описания социальной структуры конкретных сообществ или социальных сетей. Внимание фокусируется на том, как (в каких образах, символах, верованиях) эта структура видится с позиции «деятеля», т.е. члена профессиональной среды. Структура социальных отношений может варьировать в достаточно широких пределах, в то время как корпус профессиональных традиций остается в основных чертах неизменным. Понятие среды не предполагает прямой и непосредственной зависимости социальной структуры и структуры культурной традиции (как знаковой системы) и позволяет сосредоточиться на описании последней.

Еще один вопрос — о границах среды, в рамках которой воспроизводятся профессиональные традиции. Действительно ли профессиональные традиции транслируются в рамках профессиональной среды (понимаемой как среда коллег)? Эмпирические материалы этому противоречат. Так, в воспроизводстве актерских традиций большую роль играют театральные билетеры, работники мастерских, гримеры и буфетчики: нередко именно им приписывается роль «хранителей» традиций. В цикл воспроизводства профессиональных традиций на определенных этапах включаются и люди, не принадлежащие к профессии, но включенные в среду, в которой протекает деятельность профессионала.

Таким образом, среда воспроизводства профессиональных традиций не то же, что профессиональное сообщество. Можно предположить случаи, когда традиция, влияющая на профессиональную деятельность, транслируется в рамках профессионального сообщества (среды коллег), но это будет только частным случаем в рамках более общего варианта, когда в трансляцию традиции вовлечена вся среда, в которой протекает деятельность профессионалов. Следовательно, надо уточнить определение «профессиональной традиции»: нельзя сказать, что это традиция, транслируемая в рамках профессионального сообщества, а скорее это *традиция, воспроизводство которой происходит в контексте профессиональной деятельности*.

Этот контекст включает, как мы видели, не только представителей данной профессии, но и их социальное окружение: в цикл воспроизводства традиции могут включаться вспомогательный персонал и администрация учреждений, круг личных знакомых и родственников, даже представители клиентов — театральной публики, поклонников, пациентов, учеников и их родителей и т.п.

Таким образом, понятие среды в применении к исследованию социальной базы профессиональной традиции полезно как более открытое, чем «сообщество», оно позволяет включить в орбиту рассмотрения и те фрагменты социальной структуры, которые участвуют в передаче традиции, хотя выпадают за рамки формального определения профессии.

Можно предложить также, что базой для неформальной традиции является не структура профессиональной среды в целом (включая структуру официальных организаций), а в первую очередь неформальные структуры в ее рамках. В качестве рабочей гипотезы можно принять следующую модель:

неформальная традиция развивается на базе неформальных коммуникативных структур, складывающихся в рамках и вокруг профессиональной деятельности;

сами эти структуры возникают и функционируют в рамках формальных организационных структур и в этом смысле зависят от них;

в рамках неформальной традиции транслируются модели поведения (нормы, образцы, стереотипы, их подкрепления), обеспечивающие воспроизводство в первую очередь неформальных структур, но, возможно, отчасти и формальных, в той мере, в какой неформальные с ними сцеплены.

4. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Роль неформальных связей в отечественной практике организации труда затрагивалась в ряде социологических работ⁵¹. Например, С.Ю. Алашеев исследует неформальные отношения на производстве в советский и постсоветский период⁵². Базой его исследования послужили материалы полевой работы на двух крупных промышленных предприятиях Самары в 1992–1993 гг. (интервью, групповые беседы, наблюдения и личные впечатления). В сферу неформальных отношений автор включает три типа поведения, выходящего за рамки формально установленных правил: единичное нарушение, которое сходит с рук, неформальные отношения как система зависимостей («сделки») и альтернативная норма, разделяемая в трудовом коллективе (такой норме следуют, зачастую не осознавая ее, просто как само собой разумеющемуся стереотипу)⁵³.

П.В. Романов связывает распространение неформальных отношений в России со спецификой организации производства, когда в результате экономии на текущем ремонте и практики рационализаций на производстве существовала тенденция к превращению сложной техники из серийной в уникальную, чему сопутствовало и формирование специфических требований к рабочей силе. Характерны рост неопределенности требований, меньшее значение формальной квалификации и рост значения знания конкретных машин, а также готовности заниматься их настройкой и ремонтом по просьбе мастера. Причем речь идет о занятиях, содержание и время которых заранее не оговаривались контрактом, т.е. они могли выполняться в основном на неформальной основе⁵⁴.

В социологической литературе рост неформального сектора производства и услуг отмечается как более общая тенденция, просматривающаяся в процессе глобализации потоков финансов и рабочей силы⁵⁵. Неформальные трудовые отношения рассматриваются в связи с расширением присутствия на рынке рабочей силы маргинальных слоев (бедных, мигрантов).

Между тем С.Ю. Алашеев отмечает как тенденцию на российском рынке труда ослабление роли неформальных отношений в прежних, традиционных (сложившихся в советский период) сферах производства. Он связывает это с падением объемов производства, в результате чего у работодателя возникает заинтересованность в увольнении части рабочей силы. Как основание для увольнений зачастую используются формальные санкции, которые прежде, в период стабильной работы предприятий, чаще всего не использовались, а конвертировались в неформальные рычаги воздействия на работников⁵⁶. Заметим, однако, что в данном случае неформальные отношения сворачиваются скорее не в пользу формальных, а вместе с общим свертыванием производства, т.е. как симптом общего свертывания самого комплекса производственной структуры.

Применительно к мировой экономике социологи также отмечают тенденцию к формализации контроля над деятельностью профессионалов, в рамках общей тенденции к уменьшению степени автономии профессий. Эти процессы связывают с усложнением и расширением структуры организаций, в рамках которых протекает деятельность профессионалов, в результате чего возрастает степень контроля со стороны менеджеров организаций⁵⁷. Особенно такие тенденции заметны в рамках транснациональных корпораций, что связано как с большим масштабом, так и с необходимостью

стью контроля стандартов профессиональных услуг в разных социокультурных контекстах.

Тенденцию перехода контроля от профессиональных сообществ к менеджерам сопровождают процессы диверсификации внутри профессий и уже упоминавшаяся «пролетаризация». Процесс пролетаризации означает изменение моделей поведения профессионалов. В частности, как отмечает Э. Фридсон, «профессионалы больше не могут управляться своими собственными неформальными методами использования группового влияния и осуществления власти своих ассоциаций; вместо этого они контролируются другими»⁵⁸. В данном случае формализация контроля трактуется как симптом частичной утраты некоторыми занятиями признаков классической профессии (депрофессионализации).

В контексте процессов глобализации, таким образом, отмечаются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, к росту неформальных структур на рынке труда (в основном в формах занятости низших социальных слоев), с другой — к снижению роли неформальных механизмов контроля и усилению формализации в рамках сложившихся профессий.

5. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

Предметом нашего исследования является феномен неформальных профессиональных традиций, т.е. элементов повседневности, которые в представлении самих носителей связаны с их профессиональной деятельностью, актуальны и воспроизводятся в контексте этой деятельности. В самом общем виде под профессиональными традициями понимаются элементы повседневности, отвечающие критериям:

- знаковости;
- стереотипности;
- воспроизводимости во времени (традиционности);
- бытования и трансляции в профессиональной среде;
- преимущественно на неформальной основе.

Профессиональная традиция представлена в виде совокупности символических структур (текстов, символов, как вербальных, так и невербальных), а также правил их порождения и интерпретации. Эту совокупность мы рассматриваем как знаковую систему — систему культурных кодов, посредством которой моделируется по-

вседневное поведение, формы взаимодействий, структуры дискурса в профессиональной среде. Таким образом, мы рассматриваем традицию на двух уровнях: знаковом и социально-поведенческом, и одной из задач является исследование взаимосвязей между этими уровнями, т.е. между знаковыми конструкциями и социальными структурами.

Анализ профессиональной традиции в социоповеденческом аспекте касается форм поведения и моделирующих его структур (норм, обычаев, ритуалов, стереотипов, образцов), которые воспроизводятся в рамках данной традиции, а также сфер социальной жизни, регулируемых этими нормами, стереотипами, т.е. рассматриваемой традицией. Семиотический (знаковый) уровень анализа охватывает вопрос о культурных кодах, знаковых структурах, в форме которых транслируются эти поведенческие модели (нормы, образцы и проч.). Оба уровня неразрывно связаны друг с другом, так что правомерно рассматривать их как единый символическо-нормативный* комплекс (поскольку нормы представлены в символической форме, а символы так или иначе выражают и воспроизводят нормы).

Данная работа базируется на полевом этнографическом исследовании, которое ориентировано на фиксацию символических структур: стереотипизированных текстов («профессионального фольклора»), специфической лексики (профессионального сленга), знаковых форм повседневного поведения, в особенности ритуальных и ритуализированных практик.

Особое внимание уделяется прагматике этих символических форм, для чего в поле фиксируются (по мере возможности) конкретные ситуации их актуализации и интерпретации. Анализ этих ситуаций дает возможность сделать выводы о нормах, транслируемых посредством этих символических структур. Таким образом, в полевом исследовании мы идем от символов как видимых форм репрезентации социальной жизни, к обнаружению их социорегулятивных функций и, следовательно, сфер социальных отношений, регулируемых в рамках рассматриваемой традиции.

* Под «нормативной» сферой мы для краткости формулировки понимаем здесь всю сферу традиционных средств регуляции поведения: не только регуляторы, выраженные в виде собственно норм (прямых правил, запретов), но и другие средства моделирования поведения, такие как образцы, стереотипы, рационализации и т.п.

Важными индикаторами принадлежности того или иного наблюдаемого феномена к области «традиции» служат знаковый характер (т.е. зафиксированные случаи его интерпретации как знака в изучаемой среде) и стереотипизированность (что говорит о воспроизводимости, т.е. включении в сферу действия традиции как механизма воспроизводства культурных форм).

Стереотипизированность элементов повседневности проявляется на разных уровнях. Так, тексты в рамках повседневного дискурса могут быть стереотипными на уровне жанровой формы (приметы, байки, эпиграммы, тосты), сюжета и фабулы, отдельных мотивов, формул и лексики. Те формы, в которых эта стереотипность наиболее очевидна для самих носителей, в среде их бытования определяются как «профессиональный фольклор».

Стереотипизация просматривается и в повседневном поведении: в форме ориентации на общие модели, выявляемой только аналитически; сознательного воспроизводства культурных образцов (ссылки на значимые в профессиональной среде фигуры), ритуалов, статус которых придается действиям, наиболее стереотипизированным и семиотически насыщенным (профессиональные праздники, застолья, посвященные церемонии).

Таким образом, цель нашего исследования — социокультурная характеристика профессии как особой общности или среды, т.е. та сторона феномена профессии, которая до сих пор описывалась в терминах субкультуры⁵⁹.

Рассматриваемый пласт профессиональных традиций следует отличать от «профессиональной культуры». Под последней обычно понимают степень овладения профессией, качество осуществления профессиональной деятельности, т.е. это характеристика качества реализации профессионализма⁶⁰. Профессиональная культура усваивается в процессе обучения, а ее содержанием являются нормы, транслируемые и провозглашаемые на официальном уровне, и ценности, составляющие идеологию профессии.

Рассматриваемые же нами традиции передаются неформально и зачастую противоречат официальным правилам или направлены на их модификацию. Их основа — альтернативный нормативный комплекс, альтернативные интерпретации профессиональных символов. Они могут частично совпадать с официальными, но отнюдь к ним не сводятся. Профессиональную культуру могут оценить клиенты и внешние инстанции, «субкультура» же (неформальные тра-

диции) остается в пределах профессиональной среды, в статусе, близком к эзотерическому.

Разделение между ними обычно проводят по линии культура — субкультура. Подчеркивая это различие, можно использовать определение рассматриваемого типа традиций как субкультурных. Не определяя профессиональные традиции как субкультуру (хотя бы потому, что заранее не известно, образуют ли разрозненные традиции данной профессиональной среды единый комплекс), мы считаем возможным применить к ним понятие «субкультурные» в качестве эпитета, указывающего, что эти традиции не обязательно разделяются властными инстанциями, определяющими правила функционирования профессий.

Заметим, что применимость понятия «субкультура» к рассматриваемому феномену заслуживает обсуждения, если учесть, что обычно оно использовалось для описания традиций подчиненных (subordinate) групп, в оппозиции доминирующей культуре. В рамках этой оппозиции профессии должны ассоциироваться скорее со второй. В терминах субкультуры чаще всего описывают культурные традиции уличных банд, молодежных группировок, социальных образований, возникающих в периферийных или маргинальных областях социальной структуры. Профессии же, напротив, образуют ее ядро, составляя базу ее основных институций (от правосудия до здравоохранения). В рамках этой оппозиции профессиональные традиции должны были бы быть противопоставлены субкультурам.

Между тем термин «субкультура» используется не только в этом значении, но и в более широком — как обозначение культурных особенностей «суб-обществ», т.е. отдельных сегментов «общества» как целого. В этом случае культурные традиции отдельных профессий могут быть описаны наряду с традициями других сообществ (молодежных, стилевых и т.п.).

Использование термина «субкультура» как обозначения неформальных традиций профессиональных групп (occupational sub-culture) восходит к практике Чикагской школы городской социологии. Это понятие охватывало разные стороны жизни профессионального сообщества, включая профессиональную мифологию, неформальные способы обучения, нормы повседневных взаимодействий. Как писал в конце 1940-х годов Р. Майерс, в тех сферах, где профессиональные субкультуры сохранялись в неповрежденном виде, «многие из практик, верований и переживаний имели тенденцию к зависимости друг от друга и взаимоподкреплению»⁶¹. Суб-

культура рассматривается здесь как целостное, внутренне согласованное образование, неразрывно связанное с сообществом-носителем.

Позже, в 1980–1990-х годах, это представление подверглось критике, но самое понятие «субкультура» продолжает использоваться, причем распространяется не только на современные профессиональные группы, но и на исторически предшествовавшие им ремесленные объединения. В своем обзоре работ о субкультурах А. Беннетт и К. Кэн-Хэррис упоминают, в частности, исследование Пирсона (1994) о лондонских подмастерьях, в среде которых сложился особый «социальный порядок или субкультура», на что общество реагировало установлением ограничений на участие подмастерьев в футбольных играх, музыкальных развлечениях и их появление в тавернах⁶².

6. ДИСКУССИИ О СУБКУЛЬТУРЕ

Понятие «субкультура» вошло в терминологический инструментарий социальных наук в начале XX в., став, как пишут А. Беннетт и К. Кэн-Хэррис, одним из ключевых понятий Чикагской школы. Оно использовалось первоначально для социологического объяснения девиаций, в противоположность доминировавшему тогда пониманию девиации как психологического отклонения, свойственного особой «криминальной личности» (Ч. Ломброзо).

Учеными Чикагской школы девиантное поведение рассматривалось как нормальное поведение, детерминированное культурными нормами. Но это иные нормы, отличающиеся от доминирующих или общепринятых. Такие отличные от общепринятых нормативные комплексы в сочетании со средствами их репрезентации и рассматривались как субкультуры⁶³. Делинквентность, таким образом, рассматривалась как часть субкультурной традиции, как правило, непривилегированных социальных групп. Девиантные практики служат им средством выживания в условиях недостатка доступа к разного рода ресурсам. В рамках этой модели понятие субкультуры (хотя и косвенно) оказалось связано с социальной локализацией — как правило, в периферийных и маргинальных областях социальной структуры.

Традиции Чикагской школы отчасти наследовали ученые Бирмингемского Центра современных культурных исследований

(Birmingham Centre for Contemporary Cultural Studies — CCCS). Понятие «субкультура» здесь также играло ключевую роль, преимущественно как средство изучения послевоенной британской молодежи. Характерно рассмотрение исследователями левой ориентации молодежных субкультур в классовой перспективе. Субкультурные особенности стиля, потребительского поведения молодежных сообществ рассматривались в связи с их социальной локализацией (в основном изучались рабочие, иммигранты), как средства символического противостояния, видимые индикаторы продолжающейся культурными средствами классовой борьбы.

Если в книге «Сопротивление через ритуал»⁶⁴ субкультурные способы символического противостояния трактовались скорее как иллюзорная замена классовой борьбы, не дающая решения материальных проблем, то в ряде других работ отмечается реальный выигрыш культурного пространства и времени для коллективных форм досуга, а коллективное выражение идентичности описывается как политический акт, форма классовой борьбы в позднесовременном обществе (концепция А. Грамши)⁶⁵. В этой интерпретации понятие «субкультура» вписывается в контекст оппозиции «subordinate / dominant» и ассоциируется с культурной спецификой подчиненных групп.

Однако параллельно развивается и другое, более широкое и нейтральное понимание субкультуры как средства описания культурного разнообразия современных обществ. Это значение термина отражает, например, определение субкультуры, данное в публикации 1944 г. и неоднократно воспроизводившееся в более поздних работах. Под субкультурой его автор, Дж. Гордон, предлагает понимать «подразделение национальной культуры, базирующееся на сочетании характеристик социального положения (классовый статус, этническая основа, региональное и сельское или городское проживание и религиозная принадлежность), но формирующее в их комбинации единство, имеющее интегрированное влияние на участвующих в нем индивидов»⁶⁶. Цитируя это определение, авторы статьи отмечают, что термин «субкультура» используется всякий раз, когда проявляется отделение меньшинств от культуры мейнстрима⁶⁷. Это определение базируется и на модели, предполагающей сосуществование и оппозицию доминантной (мейнстрим) культуры и субкультуры.

Наряду с этим развивается модель общества как состоящего из многочисленных суб-обществ («subsocieties»), определяемых по

структурно-демографическим признакам (например, молодежь) или как реально существующее сообщество (банда). Понятие субкультуры служит для описания культурной специфики этих сообществ, т.е. представления социальной дифференциации через культурные формы.

Представление о современном городском обществе как состоящем из множества групп с различными жизненными стилями и ценностями, как отмечает П. Мартин, характерно для символического интеракционизма⁶⁸, однако уже в 1970-х годах оно подвергалось критике, в том числе и в работах интеракционистского направления.

Так, в обзорной работе 1979 г. Г. Файн и Ш. Клейнман⁶⁹, принимая определение субкультуры как разделяемого его носителями знания, закрытого для аутсайдеров, подвергают критике путаницу, которая возникает при смешении понятий субкультуры и социальной общности. Авторы подчеркивают, что возможно различие между теми, кто состоит в сообществе, и теми, кто принимает ценности и поведение, характерные для субкультуры. В особенности это относится к общности, определяемой теоретически по структурным характеристикам, например уровню дохода, полу или возрасту: «В случае молодежи, например, кажется неадекватным оперировать с широким кругом систем представлений (и субкультур) в рамках этой возрастной группы посредством концепции одной демографически определенной субкультуры»⁷⁰.

Многообразие молодежных субкультур уже тогда было очевидным. По мнению авторов статьи, нельзя приписывать субкультуру одной конкретной группе, путая ее тем самым с групповой культурой (хотя субкультура и может вести свое происхождение от групповой). Методологически важно разграничение между субкультурой (как разделяемыми нормами, ценностями, представлениями, поведенческими моделями) и сообществом разделяющих ее людей.

Г. Файн и Ш. Клейнман определяют понятие субкультуры в интеракционистском ключе. Если субкультура предполагает наличие разделяемой информации, закрытой для аутсайдеров, то это должно означать и наличие коммуникаций, конкретных взаимодействий, которые обеспечивают диффузию информации. Социальную базу субкультуры нельзя отождествлять с одной конкретной группой и переносить данные исследования одной группы на другие, схожие с нею по структурным или демографическим признакам. Чтобы утверждать, что несколько групп являются носителями одной и той

же субкультуры, следует установить, существует ли в действительности между ними обмен информацией.

Авторы определяют два признака — индикатора существования субкультуры:

факт существования коммуникации в рамках определенного сегмента общества (между отдельными группами);

то обстоятельство, что люди, принадлежащие к этому сегменту, разделяют общую идентификацию.

Исходя из замечания Т. Шибутани о том, что культурные ареалы ограничены коммуникативными каналами, авторы статьи формулируют интеракционистский взгляд на субкультуру, который «локализует культуру во взаимосвязанных группах». Отсюда вытекает программа исследования, ориентированная на формы межгрупповых коммуникаций, средства, обеспечивающие диффузию информации между отдельными группами, формирование сферы общего доступа к закрытой для других информации, т.е. то, что и понималось под субкультурой.

Происхождение субкультур исследователи связывают с динамикой внутригрупповых взаимодействий, в процессе которых «культурные формы создаются посредством индивидуальной или коллективной манипуляции символами». Но собственно возникновение субкультуры — это следующий этап, когда сложившиеся символические конструкции распространяются во взаимодействующих группах. Если они транслируются через масс-медиа, то становятся доступны более широкой аудитории. После этого может происходить дополнительная диффузия через каналы межличностного общения⁷¹.

В рамках интеракционистской модели нерелевантно представление о противостоянии «субкультур» и «доминантной» культуры, поскольку в соответствии с этой моделью так называемые «общепринятые» законы и правила не репрезентируют ни одной реальной группы, а являются результатом процесса согласования противостоящих норм и ценностей разнообразных субкультур. Социальный порядок рассматривается не как интегрированная система, но как следствие процесса борьбы, а субкультуры — как «коллективные формы социальной активности», «способы репрезентации процессов согласования социальных действий»⁷² — видимые характеристики социальной дифференциации.

В современных дискуссиях вокруг субкультур представление о мультикультурном характере общества становится общим местом.

В этой парадигме, как пишет П. Мартин, любая группа или ассоциация, разделяющая идентифицируемый комплекс идей, может быть описана как «субкультура»: от политической партии, церкви, профобъединения, армии до нómадов-путешественников New Age, фанатов тяжелого металла, футбольных болельщиков или представителей профессии⁷³.

Однако исследователи высказывают сомнение в том, что такое описание было бы полезно, поскольку понятие «субкультура» утрачивает целый ряд своих смысловых аспектов. В статье для коллективного труда «После субкультуры: критические исследования по современной молодежной культуре» Д. Чейни предлагает для описания постиндустриального общества понятие «фрагментированной культуры», имея в виду, что «так называемая доминантная культура фрагментирована на множество предпочтительных вариантов жизненного стиля»⁷⁴. В рамках этой модели понятие «субкультура», по мнению Д. Чейни, утрачивает смысл, поскольку больше невозможно говорить о сохранении разделения на «суб-» и «доминантную» культуру: вся культура распалась на фрагменты, отнюдь не на базе противостояния «доминантной».

Эту точку зрения разделяет и ряд других авторов вышеупомянутого сборника⁷⁵, предлагая взамен понятия «субкультура» другие средства для описания культурной дифференциации: концепции «жизненного стиля», «neo-tribe» («нового племени») или «сцены» и «культуры вкуса» (основанных на общих эстетических предпочтениях — по отношению к молодежным музыкальным культурам)⁷⁶.

Впрочем, несмотря на критику, понятие «субкультура» все еще сохраняет значение как средство описания культурной дифференциации, прежде всего потому, что акцентирует черты, придающие дифференциации *видимость*: культурные идентичности, способы их символизации и артикуляции⁷⁷. Надо заметить, что критике подверглись в большей степени те значения понятия «субкультура», которые характерны для работ Бирмингемского центра (связь с социальной локализацией, классом, культурным сопротивлением).

Еще одна линия, по которой развивается критика этого понятия, — связь между субкультурой и сообществом. Если вплоть до 1970-х годов такая связь не подвергалась сомнению (субкультура понималась как культура суб-обществ), то интеракционистский анализ обнаружил несоответствия: сфера распространения субкультуры (совокупности символов, знаний, норм, ценностей) не всегда совпадает с границами той или иной конкретной общности.

Этим несоответствиям нашлось и теоретическое обоснование. Если так называемая культура «мэйнстрима» есть результат борьбы и согласований между разными субкультурами, то и сами субкультуры должны быть результатом аналогичных процессов, т.е. не могут рассматриваться как культурная характеристика какой-либо группы, а тоже как согласование между противостоящими групповыми культурами.

Несоответствие границ распространения субкультуры и общности стало еще более очевидным в последние десятилетия XX в. Исследования субкультур показали, что в их трансляции принимают участие внегрупповые инстанции, такие как масс-медиа⁷⁸. Участие масс-медиа как в роли посредников, так и в качестве источников информации, транслирующих культурные нормы и образцы, затем усваиваемые на групповом или межгрупповом уровне, не позволяет больше рассматривать культурные характеристики отдельных сегментов общества как результат внутренних взаимодействий, происходящих в замкнутой среде «своих».

Можно рассматривать субкультуру как подсистему внутри «культуры» как целого, вне связи с тем или иным конкретным сообществом, поскольку одни и те же символические комплексы могут усваиваться (независимо) разными сообществами, становиться основой консолидации сообществ в разных местах. Пример — панки, сообщества которых возникают в разных точках мира как результат ориентации на общие культурные образцы. Часть этих образцов транслируется масс-медиа, часть распространяется через фэнзины (самодельные журналы) в пределах самой панк-сцены (слабо структурированной среды), часть остается на внутригрупповом уровне.

Если рассматривать порядок жизни стоматологов или, например, панков как субкультуру, то возникает вопрос: по отношению к какой «культуре» она выступает как подсистема? Где границы этой «культуры»? В практике социальных наук по умолчанию они совпадают с границами «общества», которое рассматривалось в рамках национальных государств (во всяком случае, для Запада) или этнической территории (если этническая культура имела точную локализацию). В контексте процессов глобализации эти границы становятся все более условными, а связь культуры и территории — все более зыбкой⁷⁹.

Исследователи говорят о делокализации таких традиционных понятий, как культура, среда и сообщество, имея в виду, что их связь с территорией становится все менее обязательной. Является ли

панк-культура субкультурой по отношению к какой-либо из национальных культур? Более адекватным представляется описание ее как одной из многих транснациональных культур.

То же можно сказать и о многих современных профессиях, особенно если они вовлечены в международное сотрудничество или формируются в рамках транснациональных корпораций. На базе корпоративных коммуникаций, конференций и научных обменов, других форм международного сотрудничества, а также чтения зарубежных публикаций, переводов, освоения технологий должен происходить и обмен профессиональными традициями на неформальном уровне, как согласование стилей коммуникации.

Таким образом, следует принимать во внимание культурное разнообразие уже не только в рамках национальных культур, но и в глобальном масштабе. На базе складывающейся глобальной системы коммуникаций формируется, по-видимому, не одна унифицированная культура, а множество разнообразных глобальных или транснациональных культур, среди которых могут быть и профессиональные. Впрочем, статус профессиональных традиций (включение в более широкие контексты) следует рассматривать отдельно в каждом конкретном случае.

Подвергается критике и идея (суб)культуры как интегрированного целого, где символические структуры образуют систему, а нормы и ценности внутренне согласованы, и вся эта система служит базой культурной интеграции сообщества⁸⁰. Современная культура представляется «супермаркетом стилей», где стили и даже их отдельные элементы, множество символов — фрагментов различных (например, этнических) культур — циркулируют в пространстве масс-медиа, открывая возможность выбора любых уникальных сочетаний для самоидентификации и презентации на уровне как групп, так и отдельных индивидов.

Дж. Томпсон предложил концепцию, в рамках которой культурные феномены «могут быть поняты как символические формы в структурированных контекстах»⁸¹. Предметом изучения должны стать не целостные культурные комплексы («субкультуры»), а отдельные символические формы, правила их отбора, сочетания и интерпретации в конкретном социальном контексте — в процессе функционирования в той или иной социальной среде, в ситуации типовых взаимодействий и т.п.

В отечественной традиции понятие «субкультура» стало активно использоваться с середины 1980-х годов, вначале по отношению

к молодежной среде. И до сих пор оно остается популярным инструментом ее исследования⁸². При этом у нас доминирует понимание субкультуры как средства описания культурного разнообразия и применяется не только к девиантным или маргинальным общностям. В терминах субкультур публикуются этнографические описания повседневных практик отдельных молодежных сообществ⁸³, семиотические исследования используемых ими знаковых систем⁸⁴.

В 1990-х годах понятие «субкультура» переносится на исследование других сред, например профессиональных⁸⁵. Первоначально популярное в большей мере у социологов, меньше — этнографов, оно находит применение и в исследованиях современного городского фольклора, в рамках которого обнаруживаются комплексы текстов, сгруппированные по субкультурному признаку⁸⁶. Обращение к субкультурной методологии сделало видимыми и позволило обнаружить жанровые комплексы — пласты городского фольклора, обычно остающиеся закрытыми, поскольку имеют хождение только в рамках определенных социокультурных сред (профессиональных, дружеских, половозрастных, локальных сообществ).

Довольно активно развиваются социально-антропологические исследования в области антропологии занятий, акцентирующие как раз повседневные практики, а в них — неформальные аспекты социальной регуляции. Вышли два сборника статей под редакцией П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой, где теоретические статьи соседствуют с конкретными исследованиями отдельных занятий или организаций (авторы — в большинстве своем молодые исследователи, аспиранты и студенты, специализирующиеся в области социологии, социальной антропологии и социальной работы)⁸⁷. Вклад в исследование неформального дискурса объединенных одним занятием сообществ сделали и исследователи фольклора. В сборнике статей, посвященном фольклору малых социальных групп, есть статьи о фольклоре водителей маршрутных такси, кладбищенских работников, торговцев рынка⁸⁸. Я также приняла участие в этих и других сборниках, опубликовав статьи по сравнительно-этнографическим исследованиям профессиональных традиций, а также выступила с рядом других публикаций по этнографии профессий, в том числе и по проблемам социального контроля⁸⁹.

Что дают эти дискуссии применительно к профессиональным традициям? Адекватно ли в данном случае понятие «субкультура»?

Мы рассматриваем профессиональные традиции как проявления культурной дифференциации общества, наряду с традициями

других социальных сред. Границы влияния профессиональных традиций определяем не по формальному признаку (среда обладателей той или иной профессии), а по реальному распространению. Степень внутренней интегрированности, опосредованности внешними инстанциями, связи с сообществом и включения в процессы глобализации могут быть разными для разных профессий, и соответственно они в разной степени будут соответствовать понятию субкультуры. Поэтому не будем применять его ко всем профессиям, заранее навязывая им общие характеристики.

Профессиональные традиции мы рассматриваем в рамках модели современного общества как мультикультурного, среди прочих — этнических, половозрастных и т.п. — вариаций жизненного стиля. Без описания профессиональных традиций картина культурного разнообразия была бы неполна, а между тем именно эта сфера остается малоизученной, по сравнению с молодежной субкультурой, традициями различных банд или культурой бедности.

7. ЛАКУНА: ТРУДНОСТИ STUDYING UP

Еще П. Бергер и Т. Лукман (1966 г.) указывали на диспропорцию в изучении повседневности, заметив, что маргинальные, так называемые аномические (т.е. локализованные в зоне социальной аномии) социальные среды и возникающие на их основе субкультуры оказались гораздо более изучены, чем номические, т.е. носители социальной нормы, составляющие основу социальной структуры⁹⁰.

Исследования по субкультурам начинались с публикаций о молодежных сообществах и движениях, в первую очередь контркультурных. В отечественной традиции большая часть их по сей день посвящена молодежи, а также криминальной субкультуре и традициям различных социально изолированных групп.

Такой перекокс может быть связан с целым рядом обстоятельств. Проводя этнографические исследования, их авторы искали похожий на привычный объект: аналог «деревни» (контактного сообщества, доступного непосредственному наблюдению). Такие объекты легче всего обнаружить в изолятах — общинах, образующихся в маргинальных областях социума. Профессии кажутся слишком структурированным и сложным объектом. Имеет значение и возможность доступа, определяемая соотношением положения в социальной структуре исследователя и изучаемого сообщества.

Авторы обзоров публикаций по этнографии города в 1980—1990-х годов отмечали малое число исследований высокостатусных групп, так называемых «studies-up». М. Моффатт, рассматривая работы американских антропологов об американской (США) культуре 1970—1980-х годов, среди нескольких сотен изданий обнаружил только четыре «studies-up». При этом он отмечает, что три из них фокусируют внимание на группах, обладающих меньшей властью в своей (высокостатусной) среде (например, женщинах), либо рассматривают имиджевые, наиболее демонстрируемые практики элиты (филантропию). Один из исследователей получил доступ к изучаемой среде (корпоративному менеджменту) благодаря своим личным связям. Никто не имел возможности проводить полевые наблюдения на постоянной основе или получить доступ к частной жизни изучаемых групп⁹¹.

Л. Надер, исследуя процессы контроля, осуществляемые профессионалами, задается вопросом о том, почему американским антропологам трудно исследовать процессы контроля в Соединенных Штатах. Она обращает внимание на то, что антропологи, как и прочие граждане, обусловлены своим обществом и его установлениями⁹².

Французские исследователи М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло посвятили этой проблеме специальную статью, в которой относительно малое число исследований, посвященных элите, объясняют исходя из соотношения позиций социолога и тех, кого он изучает⁹³. Авторы предлагают несколько объяснений:

- затрудненный доступ к высокостатусным группам;
- на такие исследования редко бывает (оплаченный) социальный заказ — гранты, в основном, выделяются на изучение низкостатусных групп, с целью более эффективного управления ими;
- исследователь чувствует себя комфортнее, когда статусная асимметрия складывается в его пользу, а не наоборот.

Исследования господствующих классов, как пишут авторы статьи, могут быть опасны тем, что раскрывают механизмы власти и ее воспроизводства, а также воспроизводства социальной элиты. Они нарушают молчание, которым окружают себя привилегированные классы (особенно это касается частной жизни). Все это было бы нарушением правил социальной коммуникации, обеспечивающих сохранение иерархического устройства. Позиция социолога в этой ситуации воспринимается как «шпионская», как будто он «выдает» среду, которая приняла его как наблюдателя.

Еще одно затруднение в исследованиях высокостатусных групп связано с конфликтом интерпретаций. Здесь социальный статус интерпретаторов имеет решающее значение, поскольку легитимность интерпретации определяется во многом именно социальной позицией, с которой она производится.

В упоминавшейся выше статье Л. Надер есть эпизод с выставкой в Музее Смитсоновского института, посвященной месту науки в американском обществе. Организаторы предложили интерпретацию темы, отличающуюся от общепринятой. При этом они столкнулись с негативной реакцией некоторых членов научного сообщества, которую автор сравнивает с реакцией коренных народов на любую репрезентацию их культур, если та не соответствует их собственной или не контролируется ими. Со стороны научного сообщества в адрес организаторов «звучали имплицитные и явные угрозы лишиться работы, призывы к пересмотру и изменению (исправлению) концепции выставки, обвинения в демонизации науки. Оскорбленные ученые хотели сценария, который изображал бы славу американской науки и технологии, который бы прославлял Нобелевских лауреатов. Контекстуализированная научная репрезентация рассматривалась как враждебный акт»⁹⁴.

Высокостатусные группы стремятся сохранять контроль над информацией о себе и ее интерпретацией. К этому стремятся, разумеется, любая группа, однако в распоряжении высокостатусных имеются и влияние, достаточное, чтобы дезавуировать «неверную» интерпретацию, и санкции, способные понизить статус интерпретаторов (ср. угрозы увольнением в описанном случае).

М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло также отмечают, что исследование «studying up» означает, что придется столкнуться «в поле с агентами, в гораздо большей степени наделенными различными формами капитала, зачастую включая и культурный — с агентами, богатыми символическим капиталом (благами, манерами и знаниями), способными продемонстрировать и сделать неоспоримой легитимность занимаемой ими позиции. Крупный буржуа всегда умеет поставить вас на место»⁹⁵.

Все это означает ограничение возможности исследования групп, обладающих более высоким статусом, чем исследователь, ограничение, заложенное в самих правилах научной коммуникации, которая складывалась так, чтобы обслуживать управление, а не деконструировать его. Работая в колониях, антропологи (как теперь выясняется, к несчастью) редко изучали культуру колонизаторов. Изучение

«своих» обществ начиналось с фольклора «народа», а в применении к высокостатусным группам (политикам, профессионалам) антропологические термины «племя», «ритуал» и т.п. до сих пор используются «как дистанцирующие тропы» и воспринимаются скорее как сатирические⁹⁶.

Ограничения, накладываемые на исследование наделенных властью социальных групп, затрагивают и изучение профессий в той мере, в какой они включены в функционирование властных институтов и обладают правом контроля соответствующих сфер общественной жизни. Так или иначе профессии, среди прочих групп, обеспечивающих институциональную основу общества, оказались в культурном отношении изучены заметно слабее, чем маргинальные или низкостатусные.

Еще раз уточним: лакуна касается именно внутренних традиций, развивающихся в среде профессионалов: их повседневной, «народной» (иногда используется слово «folk») жизни. В то же время предметом изучения систематически становились лишь конвенциональные социальные роли как часть функционирования институций (то же отмечают М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло относительно изучения буржуазии).

8. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Отмеченная диспропорция наиболее ощутима даже не столько в накоплении фактического материала, сколько на уровне концептуального осмысления «номических» субкультур, возникших на базе не исключенных сообществ, а как раз наиболее включенных в институциональную структуру социума. По мере накопления полевых материалов по конкретным профессиональным традициям становится все более очевидным, что они не вписываются в ту схему описания, которая сформировалась на основе анализа маргинальных или периферийных субкультур. Иными оказались неформальные отношения, нормы обычного права, формы ритуального поведения, повседневных практик, символика, а также сквозные мотивы бытующих в профессиональной среде текстов.

Выскажем предположение, что принципиальные различия связаны с позицией этих групп по отношению к власти. До сих пор, особенно на отечественном материале, предметом изучения стано-

вились в большей степени культурные особенности подвластных групп: молодежи⁹⁷ (преимущественно в аспекте «отклонений» и протестных движений), школьников (многочисленные публикации по школьному фольклору)⁹⁸, женщин-рожениц в системе родовспоможения⁹⁹, солдат срочной службы¹⁰⁰, заключенных¹⁰¹ и т.д.

Говоря о них как «подвластных», я имею в виду их положение в системе соответствующих институций, определяющих их статус. Их символика, нормы и тексты в значительной мере определялись логикой исключенности. Немалую роль в их текстах и тактиках играли мотивы противостояния власти социальных институтов, со стороны которых данная субкультура ощущала давление. В школьном фольклоре заметное место занимает сопротивление власти системы образования путем пересмеивания транслируемых ею текстов (многочисленные произведения в жанре «переделки») и символического снижения олицетворявшего ее образа учителя, завуча, директора школы. Разные направления молодежной субкультуры продуцируют многочисленные тексты о столкновении с представителями власти — милицией или кондукторами в общественном транспорте.

Профессиональные традиции не вписываются в эти модели прежде всего из-за принципиально иной позиции по отношению к власти. Профессионалы — те, кто воплощает силу доминирующих социальных институтов (от армии до образования и медицины) и непосредственно персонифицирует осуществляемую ими власть. Подходы и методы, сложившиеся в ходе исследований маргинальных и подчиненных сообществ, оказались неадекватны по отношению к профессионально-корпоративным, которые составляют ядро социальных институтов.

Задача, следовательно, — сформулировать концепцию, в рамках которой профессиональные традиции могут быть не только адекватно описаны, но и соотнесены с половозрастными и маргинальными субкультурами, изученными ранее. Иными словами, требуется общий контекст, в который можно было бы поместить те и другие. На наш взгляд, такой контекст возникает в рамках социокультурной модели функционирования социальных институтов, которая в общих чертах выглядела бы следующим образом.

Целый ряд институтов современного общества (здравоохранение, образование, оборона и проч.) могут быть представлены в виде системы, основанной на взаимодействии субкультурных традиций двух типов: «профессионалов» и «клиентов». Например, в рамках

института среднего (школьного) образования складываются детские школьные традиции, с одной стороны, и профессиональная традиция учителей — с другой; в системе родовспоможения — субкультура беременных и рожениц и традиции медперсонала. Поскольку о субкультурах «клиентов», т.е. групп, выступающих как объект институционального воздействия, имеется обширный круг публикаций, мы сосредоточим основное внимание на другой стороне — субкультурах или традициях профессиональных, которые определяют неформальные механизмы, а в некоторой степени и формальные нормы функционирования данного института. Предметом нашего внимания будут и их взаимоотношения с субкультурами подчиненных групп.

Общий контекст их взаимодействия формируется в связи с отношениями власти, хотя и не сводится к ним. Мы рассматриваем социальные институты (политику, армию, образование, здравоохранение, науку и проч.) как воплощение и механизм реализации власти в обществе¹⁰². Именно через них власть может быть доведена до каждого человека и принимает форму конкретных воздействий на его телесную и духовную жизнь. Действительно, клиенты имеют дело не с абстрактной силой институциональной власти, а с людьми, осуществляющими эту власть посредством своей профессии (связанных с нею прав, обязанностей и знаний), т.е. с профессиональной субкультурой.

Пафос профессиональных традиций связан с позицией профессионалов как носителей власти социальных институтов, от имени которых они действуют. Соответственно в профессиональной символике, мифологии и обычном праве можно обнаружить механизмы осуществления власти, а также ее фиксации, легитимации, сакрализации, монополизации, трансляции и проч. Для многих профессиональных традиций характерны элитизм, культивирование избранности, подкрепляемое комплексом текстов и практик, воспроизводимых на уровне повседневности.

Субкультуры управляемых групп (выступающих в рамках тех же институций в роли «клиентов») в рамках этой модели должны иметь противоположную направленность. В их составе конструируются средства (символические и практические) блокирования власти, транслируемой социальным институтом. Они подкрепляются мифологией и символикой «ухода», символическим снижением, деконструкцией статуса профессионала. В среде беременных женщин и рожениц актуализируется ряд традиций, направленных на бло-

кирование влияния врачей и всей системы родовспоможения¹⁰³. Школьный фольклор в значительной степени ориентирован на противостояние власти, воплощенной в фигуре учителя¹⁰⁴.

Однако в таком полярном виде отношения могут существовать только на уровне модели. Наряду с механизмами сопротивления в среде клиентов должны развиваться и средства адаптации к власти, ее дополнительной легитимации, исходя из символики и мифологии своей среды или частичного принятия мифологических схем от профессионалов.

В целом функционирование социального института (и воплощенной в нем власти) может быть описано в терминах межкультурного взаимодействия. Профессиональная традиция в этой системе воплощает стабильность и инерцию социального института, а «клиентская» — динамическое начало. Это позволяет сформулировать новый подход к генезису общественных движений, источник которых видится в межкультурных напряжениях в рамках того или иного института (или нескольких), если эти напряжения расшатывают равновесие, выливаясь в борьбу между «клиентами» и «профессионалами» и приводят к трансформации, а то и деконструкции социального института (и, следовательно, систем управления в соответствующем сегменте общества).

Таким образом, в рамках предлагаемого подхода представляется возможным по-новому концептуализировать такие фундаментальные проблемы, как функционирование **власти** в культурно сложном (множественном) обществе и генезис **общественных движений**, т.е. представить внутреннюю динамику и трансформацию систем управления.

Задачи нашего исследования состоят в том, чтобы ввести в поле научного дискурса профессиональные субкультуры и корпоративные традиции, до сих пор концептуально малоосвоенные, сформулировать социокультурный подход к исследованию власти и социального контроля в культурно сложном социуме (в частности, к проблемам ее функционирования и трансформации).

Предлагаемый проект имеет и практические приложения. В частности, описание двух составляющих социального института: профессионалов (воплощающих его власть) и клиентов (объекта власти) — как разных и взаимодействующих культурных традиций делает их видимыми друг для друга, открытыми для общественного контроля. Это должно способствовать смягчению напряжений в рамках социального института (если рассматривать такого рода

напряжения как результат действия межкультурных барьеров) и в целом большей открытости общества.

Профессиональные и организационные традиции часто заключают в себе инерционные механизмы, консервируя закостеневшие формы власти. Исследование этих традиций может быть полезно для осознания, трансформации и преодоления таких устаревших форм, обеспечивая обществу возможность осознанного развития.

Модель профессиональной традиции, однако, не сводится к описанию осуществления институциональной власти по отношению к клиентам. Субкультурные традиции содержат еще и средства сопротивления внешнему контролю, вторжению внешних инстанций (государства, бизнес-менеджмента) в сферу профессиональной деятельности. На уровне традиций поддерживается характерная для профессий стратегия поддержания автономии и борьбы за монопольное право контроля над сферой своей компетенции. Борьба против контроля со стороны внешних инстанций нередко вступает в противоречие с провозглашаемой этикой общественного служения, а потому остается в сфере внутреннего неформального дискурса, скрытого от общественного контроля.

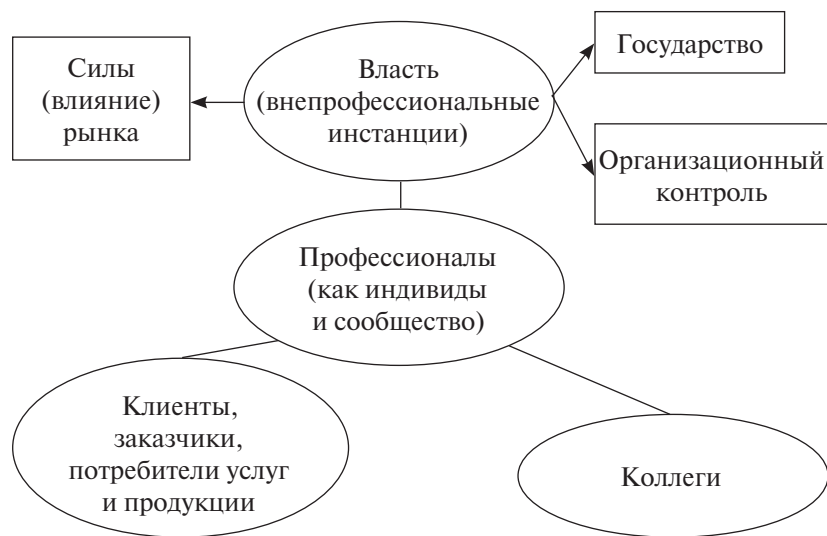
Еще одной сферой, регламентируемой в рамках профессиональных традиций, оказывается борьба за власть и сопротивление власти внутри самого профессионального сообщества. Стратегии, связанные с внутренней иерархией в рамках профессиональной среды, также контролируются скорее традицией, что понятно, если учесть, что иерархия профессиональной среды (как и вся ее структура) неформальна и существует наряду с формальной иерархией в рамках организации (учреждения), с которой может вступать в противоречие.

Итак, если представить содержание профессиональной традиции как альтернативный нормативный комплекс (совокупность средств социальной регуляции, сосуществующих с официальными, а потому альтернативных), его можно смоделировать следующим образом:

- области социальной регуляции: отношения «профессионал — клиенты», «в среде профессионалов» и «профессионалы — внешние властные инстанции»;
- позиции в отношениях власти: осуществление власти, сопротивление, адаптация;
- традиция как источник культурного конструирования неформальной (что не исключает возможной формализации) системы норм, их легитимации и подкрепления.

В рамках построения модели профессиональной традиции необходимо учитывать различие типов отношений, в систему социальной регуляции которых она встраивается. Профессионал (как индивид) и профессия (как сообщество) включены в сеть отношений нескольких типов:

- внутрипрофессиональные;
- с клиентами — потребителями профессиональных услуг и продукции;
- с внешними по отношению к профессии инстанциями власти и социального контроля (организация, государство и система административного управления, рынок и система экономического давления) (см. схему ниже).

Для каждого из этих отношений обозначим темы, где можно ожидать проявлений неформальной традиции.

1. Профессия — клиенты

1.1. **власть** (через контроль над объектом профессиональной деятельности):

- 1.1.1. дополнительные легитимации и подкрепления власти;
- 1.1.2. расширение или изменение сферы власти;
- 1.1.3. дополнительные правила для клиентов;

- 1.2. **сопротивление** зависимости (например, зависимости от заказчика, поступающей от него оплаты, его оценки деятельности профессионала);
- 1.3. **адаптация** к требованиям заказчика, освоение традиций клиентской среды, смягчение профессиональной власти под влиянием тактик сопротивления.
- 2. Профессиональное сообщество:
  - 2.1. поддержание иерархии
  - 2.2. сопротивление иерархическому расслоению профессиональной среды.
- 3. Профессия — внешние инстанции:
  - 3.1. сопротивление внешнему контролю;
  - 3.2. адаптация к внешним воздействиям;
  - 3.3. стратегии встраивания во внешние структуры власти

Поддержание властной позиции на базе неформальных структур требует конструирования не только норм, но и средств их подкрепления и легитимации, альтернативных официальным. В рамках профессиональной среды создается шкала оценок, альтернативная общепринятым и недоступная контролю извне сообщества. Она ложится в основу внутренней иерархии профессионалов, которая стремится через механизмы репутации, популярности и сетевой поддержки конвертироваться в позиции формальной структуры (например, место в неформальной иерархии влияет на прохождение голосований, присуждение ученых званий и т.д.).

Это и есть средство обеспечения автономии профессии на уровне неформальных традиций. В основу такой автономной шкалы ложатся знания, недоступные непосвященным, носящие эзотерический (а иногда иррациональный) характер, термины и символические понятия, интерпретация которых доступна только принадлежащим к данной среде.

Эту модель профессиональной традиции мы будем иметь в виду как рабочую гипотезу, переходя к анализу эмпирического материала.

9. ИСТОЧНИКИ

Базой настоящей работы послужили материалы полевого исследования профессиональных традиций, проводившегося преимущественно в Санкт-Петербурге начиная с 1998 по 2009 г. Основным

был метод глубинного интервью, дополненный наблюдениями и анкетными опросами по отдельным темам, а также анализом документов (полевых дневников и фотоальбомов археологов, геологов, а также видеозаписей, сделанных представителями профессий или в их ближайшем окружении).

Программы полевого изучения профессиональных традиций были составлены автором на основе пилотажных исследований отдельных профессий, анализа публикаций профессионального фольклора и отрывочных сведений, имеющих в литературе.

Были созданы две программы: «Профессиональная идентичность» и «Профессиональные традиции и фольклор», которые охватывали феномен с разных сторон. Первая нацелена на выявление маркеров профессиональной идентичности и включает четыре основных блока: «Идентичность и самопрезентация», «Профессиональная биография», «Неформальные отношения», «Символика и атрибутика». В рамках каждого блока намечены ключевые темы, что позволило собирателям адаптировать программу к специфике конкретной профессиональной среды, хотя и оставило возможность сопоставления различных сред.

Вторая программа направлена на феноменологическую фиксацию элементов повседневности, расцениваемых в изучаемой среде как профессиональные традиции. Она включает разделы о ритуализованных практиках, обычаях, фольклоре (стереотипизированных текстах, которым придается статус «фольклора»), атрибутике профессии, организации и символизации пространства, времени, телесности в рамках профессиональных традиций.

Эти программы использовались автором как базовые, открытые для модификации применительно к специфике той или иной конкретной профессиональной среды. Сбор полевых материалов производился как автором, так и студентами, участниками антропологического практикума на кафедре культурной антропологии факультета социологии СПбГУ, а также Смольного института свободных искусств и наук (программа «Искусства и гуманитарные науки») на филологическом факультете СПбГУ.

Собирательская деятельность проводилась под руководством и с использованием программ автора настоящей работы начиная с 1998 г.

При написании книги использовался также визуальный материал: коллекция фотографий рабочих мест людей разных профессий, сделанных автором и студентами в рамках учебных заданий по тем

же программам. В качестве сравнительных привлекаются материалы Биографического архива СИ РАН (автобиографии петербуржцев и жителей других городов России, написанные в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов), мемуарная литература и пресса (интервью на темы профессий с их представителями — здесь данные из разных регионов России).

Полевые материалы хранятся в личном архиве автора, частично — в Архиве МАЭ РАН. Материалы, собранные студентами, частично (если они представлены в электронном виде) были помещены в рабочий электронный архив кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ, остались в их личных архивах и написанных на их основе курсовых и дипломных работах.

В тексте полевые материалы, собранные автором, обозначены как ПМА, другими собирателями — ПМ, с указанием фамилии собирателя и года записи (список собирателей см. в конце книги). Большая часть записей сделана в Санкт-Петербурге, в этом случае место не указывается, другие места записи отмечаются в скобках. Часть собранных студентами данных была использована собирателями при написании курсовых и дипломных работ, статей, подготовке докладов на студенческих и аспирантских конференциях¹⁰⁵.

В результате собраны полевые этнографические материалы (данные включенного и не включенного наблюдения, глубинных интервью) о повседневных практиках и особенностях неформальной коммуникации в таких сферах профессиональной занятости, как научная и научно-преподавательская деятельность (теоретическая физика, физика полупроводников, физическая химия, геология, этнография, антропология, археология, фольклористика), медицина (профессия врача), ветеринария, сценические искусства (артисты драматического театра, театра оперы и балета, музыканты классического и эстрадного направления, рок-исполнители), транспорта (гражданской авиации; междугородних перевозок, общественного транспорта, такси, маршрутных такси), сферы услуг (общественного питания; игровой индустрии; профессионального спорта).

Углубленно и систематически освещены свыше двух десятков профессий / занятий, а фрагментарные сведения имеются еще о нескольких десятках других (отдельные интервью, материалы публикации и т.д.) — они используются как сравнительные.

Таким образом, сформировался уже довольно значительный массив данных о профессиональных традициях, что дает нам воз-

возможность поставить задачу их сравнительного исследования. Его цель — выявление общих тем или мотивов, характерных для разных профессий. Предполагается, что совокупность таких тем может быть интерпретирована как общая матрица, а ее анализ даст возможность восстановить принципы, по которым строятся и функционируют неформальные традиции различных профессий.

Эта задача может быть поставлена как общая на далекую перспективу, поскольку этнографическое и антропологическое изучение профессий на отечественном материале находится пока на самых первых своих этапах. Концептуализация, теоретическое моделирование профессиональной традиции как особого феномена и в мировой практике осуществлено пока только в отдельных его аспектах. Поэтому данное исследование вряд ли может претендовать на представление завершенной модели профессиональной традиции как законченной системы. Реально на данном этапе ставить задачу выявления хотя бы отдельных принципов, определяющих ее структуру и функционирование. Отсюда неизбежная фрагментарность наших наблюдений.

10. СТРУКТУРА РАБОТЫ

Этнографическому исследованию предшествует теоретическое введение, в котором рассматриваются социологические и антропологические подходы к исследованию профессий. В первой главе определяются рамки прагматического анализа неформальной профессиональной традиции с точки зрения ее места в системе различных форм социального контроля. Далее следуют главы, где представлен эмпирический этнографический материал, представляющий феноменологию повседневности профессиональной среды.

В этих главах предпринимается этнографическое исследование повседневного опыта носителей различных профессий с точки зрения того, как в этом опыте проявляет себя интересующий нас феномен неформальной традиции. Как традиция проецируется в материальную среду, в которой живут и взаимодействуют представители профессии? Как происходит надделение материальных объектов свойством знаковости и как, в процессе каких практик, происходит считывание их значений (интерпретация)?

На этапе полевого исследования вычленились знаковые элементы этого опыта — те аспекты повседневности, которые в профессио-

нальной среде воспринимаются и функционируют в качестве знаков, опосредуя процессы коммуникации. Предметом исследования становится их прагматика — функционирование в качестве символов профессии и профессиональной идентичности, медиаторов повседневной коммуникации в профессиональной среде.

Это должно подготовить материал для анализа роли символических элементов повседневности в конструировании профессиональной идентичности, организации системы взаимодействий профессионала (с клиентами, в своем сообществе и с внешними властными инстанциями), осуществлении социального контроля и самоорганизации профессионального сообщества. Анализ социальных функций элементов неформальной традиции будет посвящен следующий раздел монографии.

Вообще говоря, символическое значение в той или иной ситуации может получить любой элемент повседневной жизни, но мы останавливаемся на тех объектах, ситуациях и последствиях семиозиса, которые специально фиксируются в дискурсе профессиональных традиций: фигурируют в текстах, в которых традиция моделирует самое себя.

Для простоты восприятия символически значимые элементы повседневности можно распределить на три класса, рассматривая их как коды, задействованные в профессиональных традициях: пространственный, предметный (вещественный) и телесный. Впрочем, в последнюю группу я, опираясь на классификации самой неформальной традиции, отнесла бы вообще символику различных проявлений человеческого организма: не только собственно тела, но и способностей, ментальных качеств, свойств восприятия и т.д. (в соответствии с той классификации, которая актуальна в самой среде бытования). Поэтому точнее говорить не о «телесной», а об «органической» или антропоморфной символике как одном из кодов, задействованных профессиональной традицией.

Первичный анализ этнографических наблюдений — семиотический: выявление культурных кодов повседневных практик и отношений. Мы продвигаемся от наблюдаемых феноменов (тем, мотивов, ритуальных практик, общих для разных профессий) к их интерпретациям и затем к социальной прагматике: роли в организации социальных взаимодействий и конструировании самого феномена профессионализма.

Материал сгруппирован по типам культурных кодов (типам носителей знаковости): рассматривается символическая загружен-

ность пространства профессии, телесности, предметного мира (атрибутики). Выявляются их взаимосвязи, например вписывание предметных атрибутов профессии в образ тела профессионала (символическая «достройка» его тела) и проекция тела в пространство профессии.

Конкретные примеры сгруппированы вокруг сквозных тем или мотивов, выявленных в результате сравнительного изучения разных профессиональных традиций, воспроизводимых хотя бы в нескольких из них. Это говорит о неслучайности этих мотивов и позволяет высказать гипотезу о связи со структурными принципами культурного конструирования «профессионализма».

Обозначив необходимость модели профессиональной традиции (субкультуры), мы имеем в виду построение контуров такой модели в качестве перспективной программы «антропологии профессий» как особой субдисциплины в рамках социальной антропологии¹⁰⁶.

В рамках данной книги делаются шаги в этом направлении. По материалам полевых исследований и сопоставления комплексов неформальных традиций нами выявлены несколько общих тем, воспроизводимых в разных профессиональных средах. Общность обнаруживается как на символическом уровне (собственного символика и ее интерпретаций), так и на уровне социальной регуляции (нормы, обычаи, стереотипы поведения, способы их подкрепления и воспроизводства).

Книга задумана как этнографическая, основная часть ее посвящена семиотике повседневности. Рассматриваются ситуации, когда отдельные ее элементы становятся значимы, получают интерпретацию и выступают как средства или медиаторы взаимодействий. Здесь представлены наблюдения, посвященные семиотике тела, пространства и атрибутов профессии.

Параллельно проводится анализ этнографических материалов о неформальных традициях с точки зрения их прагматики, прежде всего роли в контексте отношений власти и социального контроля. Рассматриваются сферы социальной регуляции, в которых задействованы выявленные в этнографическом исследовании символические конструкции.

Последние главы книги посвящены роли символических аспектов повседневности в процессах культурного конструирования отношений профессионала к объекту его деятельности, клиентам (потребителям), его места в сообществе коллег и позиции относительно внешних инстанций власти. Отдельно проводится анализ гендер-

ных аспектов профессиональных традиций. Здесь мы перемещаемся в положение внешнего наблюдателя, анализируя функционирование выявленных символических форм уже не столько с точки зрения носителя традиции, сколько с точки зрения представлений о структуре профессиональных взаимодействий.

¹ Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 11–17; Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М: Изд-во Института Социологии РАН, 2003. С.61 — 79; Абрамов Р.Н. Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий. В кн.: Профессиональные группы: динамика и трансформация. Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. С.37–58. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: Сб.науч.ст. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований. Изд-во «Научная книга», 2005. С. 13 — 49.

² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. Пер. с нем. М.: «Прогресс», 1990. С.657.

³ Parsons T. Remarks on Education and the Professions // The International Journal of Ethics. 1937. P. 365–381; Parsons T. The Professions and Social Structure (1939) // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition). N.Y., 1966.

⁴ Matthews R.C.O. The Economics of Professional Ethics: should the professions to be more like business? // The Economic Journal. 1991. Vol. 101. July. P. 737.

⁵ Ibid.

⁶ Parsons T. Remarks on Education and the Professions // The International Journal of Ethics. 1937. P. 365–381.

⁷ Rothblatt Sh. How «Professional» Are the Professions? A Review Article // Comparative Studies in Society and History. 1995. Vol. 37, № 1. P. 195.

⁸ Ibid. P. 197–198.

⁹ Kimball B.A. The «True Professional Ideal» in America. A History. Blackwell, 1992.

¹⁰ McClelland Ch. The German Experience of Professionalization. Modern Learned Professions and Their Organizations from the Early Nineteenth Century to the Hitler Era. Cambridge, 1991.

¹¹ На российском материале см., например: Мещеркина Е.Ю. Личностный опыт перемены профессиональных занятий // Россия: трансформирующееся общество / Ред. В.А.Ядов. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001; Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: «Наука», 2004.

¹² Rothblatt Sh. Op.cit. P. 197–199.

¹³ См.: Freidson, E. Professionalism: The Third Logic. On the practice of knowledge. London: Polity press, 2001. Определение профессии через специализированное знание как основу деятельности принимают отечественные исследователи социологии и антропологии профессий П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова (2005), с.32–34.

¹⁴ Rothblat, Sh. Op.cit. P. 195.

¹⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. Пер. с нем. М.: «Прогресс», 1990. С.707–735; Профессиональные группы интеллигенции. М: Изд-во Института Социологии РАН, 2003; Антропология академической жизни: Адаптационные процессы и адаптивные стратегии/Отв.ред. Г.А.Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008; Антропология академической жизни: Междисциплинарные исследования. Том 2 / Отв.ред. Г.А.Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010.

¹⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 657.

¹⁷ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 64.

¹⁸ См., в частности, о становлении инженерной профессии: Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М., 1998. С. 22–25.

¹⁹ Rothblatt Sh. Op.cit. P. 197.

²⁰ Анализ таких норм посвящена цитировавшаяся выше статья: Matthews R.C.O. (1991).

²¹ Rothblatt Sh. Op.cit. P. 197, 204.

²² Александрова Т.Л. Указ. соч. С. 15; Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1998. С. 343.

²³ Clifford, J. and Marcus G.R. (eds.) Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Pr., 1986

²⁴ См. об этом: Peirano M.G.S. When Anthropology is at Home: The Different Contexts of a Single Discipline // Annual Review of Anthropology. 1998. Vol. 27. P. 111–112.

²⁵ Moffatt M. Ethnographic writing about American culture // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21. P. 210.

²⁶ Sanjek R. Urban Anthropology in the 1980s: A World View // Annual Review of Anthropology. Vol. 1990. № 19. P. 152.

²⁷ Ibid. P. 152.

²⁸ Ibid. P. 156.

²⁹ Ibid. P. 222.

³⁰ Физиология Петербурга. СПб., 1845/

³¹ Реестр слов офенского наречия (составленный стряпчим Владимирской удельной конторы А.А. Успенским. Список слов офенского наречия, объясняющий полный смысл оно на российском языке (образцы разговора по-русски и по-офенски, приложенные к реестру А.А. Успенского) // Тр. Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М., 1820. С. 239–243; Ч. I. .М., 1822. С. 322–324; Офени Владимирской губернии //

Владимирский сборник. Мат-лы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и издал К. Тихонравов. М., 1857; Гарелин Я.П. Суздала, офени, или ходебщики // Вестник Императорского РГО. 1857. Кн. 2. Ч. XIX. Отд. 2. «Исследования и материалы»; Чернышев. Список слов портновского языка // Изв. отд. рус. яз. и словесности АН. 1898. Ч. III; Советов М., Родин Ф. Бурлачество по Волге и другим рекам. Вольск, 1925; Дуров П.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929; Успенский Л. Мат-лы по языку русских летчиков // Язык и мышление. 1936. № 6–7; Истомин И.А. Трудовые припевки плотогонов. М., 1979; Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи (1938) // Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 95–138 (Впервые опубликована в: Развитие грамматики и лексики современного русского языка.. М., 1964. С. 311–359).

³² См. очерки из «Физиологии Петербурга» (впервые опубликованы в 1845 г.): Некрасов Н. Чиновник // Физиология Петербурга. М., 1984. С. 189–194; Белинский В. Александринский театр // Там же. С. 155–188. Серафимович А.С. Педагог. Наборщик // Русские очерки. Т. 3. М., 1956. С. 658–665 (впервые опубликованы в 1910-х годах.).

³³ Гиляровский В.А. Мои скитания (гл. 7. Театр; гл. 9. Актерство. С. 148–170, 187– 03). Архангельск, 1987 (впервые опубликовано в 1928 г.).

³⁴ Добровольский В.Н. Некоторые данные условного языка калужских рабочих. // Изв. Отд. рус. яз. и словесности АН. 1899. 4; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937; Путилов Б.Н. Русский рабочий фольклор и художественные традиции. // Народно стваролаштво. Folklor. 1966. Вып. 17–19. С. 1414–1420; Блажес В.В. П.П.Бажов и рабочий фольклор. Свердловск, 1982; Гордон Л., Груздева У., Комаровский В. Шахтеры–92: Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993; Корепова К.У. Соромовские рабочие песни 1900–1907 гг. // РФ. XV. С. 156–161; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970 (Рец.: РФ. XIII. С. 291–293.); Он же. Сказки в горнозаводской среде Урала // РФ. XIII. С. 179–193; Лобанов М.А. Песни лесных рабочих Поветлужья // РФ. XV. С. 210–216; Полищук Н.С. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих // РФ. XV. С. 177–185; Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 2; Современный фольклор старых заводов. Свердловск, 1984; 100 песен русских рабочих / Сост. П.Г. Ширяева. Л., 1984; Фольклор Урала. Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск, 1986; Славянские рабочие песни. Киев, 1986; Мисюрев А.А. Легенды Горной Кольвани. Барнаул, 1989.

³⁵ См., например: Романов П. Формальные организации и неформальные отношения: кейс стади практик управления в современной России. Саратов, 2000. Там же приведена и обширная библиография по социологии организаций и использованию этнографических методов исследований в условиях города.

³⁶ Паченков О.В. Рациональное заколдовывание реальности: современные российские «маги» // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9. СПб., 2001. С. 96–109; Дамберг С., Семенов В. О возможности сравнения профессиональных практик интеллектуальных сообществ // Рабочие тетради по компаративистике. Сравнительные исследования в политических и социальных науках / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб., 2001. Вып. 2. С. 31–33; Кольцова О. Разорванная коммуникация: прагматическая концепция языка и профессиональные практики журналистов / Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Качанова, А. Бикбова. М.; СПб., 2000. С. 79–102; Кольцова О. Производство новостей: типы «влияний» на работу журналистов // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9. СПб., 2001. С. 109–123.

³⁷ Башарин А.С. Песенный фольклор археологов второй половины XX века (архив); Ливанова Н.Е.. Фольклор парашютистов (архив); Ливанова Н.Е.. Формы репрезентации картины мира в фольклорной традиции парашютистов (архив) // www.ruthenia.ru.

³⁸ Ливанова Н.Е. Фольклор парашютистов // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 123–127; Шумов К.Э. Профессиональный миф программистов // Там же. С. 128–164.

³⁹ Anderson B. Imagined Communities. L., 1983.

⁴⁰ Sangren P.S. Comments to: R.Aunger. On Ethnography. Storytelling or Science? // Current Anthropology. 1995. Vol. 36, № 1. February. P. 97–130. Тема возникла в контексте обсуждения этнографического метода.

⁴¹ Там же. P. 122.

⁴² Calhoun C. Indirect Relationships and Imagined Communities // Social Theory for a Changing Society / Ed. by P. Bourdieu and J.S. Coleman. Boulder, 1991. P. 95–96. Эту формулировку воспроизводит и Т. Филлипс в статье, посвященной методам исследования воображаемых сообществ: Phillips T. Imagined Communities and Self-Identity: An Exploratory Quantitative Analysis // Sociology. 2002. Vol. 36 (3). P. 597–617.

⁴³ Phillips T. Op.cit. P. 600/

⁴⁴ Albrow M., Eade J., Durrschmidt J., Washbourne N. The Impact of Globalization on Sociological Concepts: Community, Culture and Milieu // Living the Global City. Globalization as a local process / Ed. by J. Eade, L., N.Y., 1997. P. 23–24.

⁴⁵ Moffatt M. Op.cit. P. 217–218.

⁴⁶ Albrow M., Eade J., Durrschmidt J., Washbourne N. Op.cit. P. 23–24.

⁴⁷ Cohen A.P. The Symbolic Construction of Community. L., N.Y., 1985. P. 14.

⁴⁸ Scheler, M. Der Formalismus in der Ethik und die Materiale Wertethik. Bern und Munich: Francke, 1966.

⁴⁹ Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. Вып. 2. С.44 — 59; см. также гл.3 из кн.: Бурдые П. Практический смысл. СПб: Алетейя, 2001

⁵⁰ Albrow, M., Eade, J., Durrschmidt, J., Washbourne N. Op.cit. P. 31.

⁵¹ См., например: Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3–17; Захаров Н.Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 67–72; Неформальная экономика в постсоветском пространстве. Проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиаевой, О. Паченкова. СПб, 2000; Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999; Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов, 2000.

⁵² Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.

⁵³ Там же. С. 12.

⁵⁴ Романов П.В. Указ. соч. С. 33.

⁵⁵ Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России. М.: «Наука», 2007

⁵⁶ Алашеев С.Ю. Указ. соч.

⁵⁷ Rothblatt Sh. Op.cit. P. 194–204.

⁵⁸ Freidson E. The Changing nature of professional control // Annual Review of Sociology. 1984. № 10. P. 6.

⁵⁹ Bennett A., Kahn-Harri, K. Introduction // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth culture. 2004. P. 3.

⁶⁰ См., например: Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998; Игнатов В.Г., Белолипецкий В.К. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: Контекст истории и современность. Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2000

⁶¹ Myers R.R. Myth and Status Systems in Industry // Social Forces. 1948. Vol. 26. № 3. P. 332.

⁶² Bennett A., Kahn-Harris K. Op.cit. P. 3.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain / Eds.: S. Hall and T. Jefferson. N.Y., 1976.

⁶⁵ Ibid. P. 6.

⁶⁶ Это определение было воспроизведено в работе: Gould J., Kolb W. A Dictionary of the Social Sciences. L., 1964. P. 167–168, а затем процитировано в статье: Albrow M., Eade J., Durrschmidt J., Washbourne N. The Impact of Globalization on Sociological Concepts: Community, Culture and Milieu // Living the Global City. Globalization as a local process / Ed. by J. Eade. L.; N.Y., 1997. P. 26.

- ⁶⁷ Albrow M., Eade J., Durrschmidt J., Washbourne N. Op.cit. P. 26.
- ⁶⁸ Martin P.J. Culture, Subculture and Social Organization // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture / Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York, 2004. P. 25.
- ⁶⁹ Fine G.A., Kleinman Sh. Rethinking Subculture: An Interactional Analysis // The American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 1. P. 1–20.
- ⁷⁰ Ibid. P. 3.
- ⁷¹ Ibid. P. 8–9.
- ⁷² Martin P.J. Op.cit. P. 23, 25.
- ⁷³ Ibid. P. 25.
- ⁷⁴ Chane D. Fragmented Culture and Subcultures / After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture / Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York, 2004. P. 36–48.
- ⁷⁵ См., например: Carrington B., Wilson B. Dance Nations: Rethinking Youth Subcultural Theory // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture / Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York, 2004. P. 67.
- ⁷⁶ Обзор этих концепций см.: Bennett A., Kahn-Harris K. Introduction // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth culture. Hampshire, New York, 2004. P. 12–14.
- ⁷⁷ Martin P. Op.cit. P. 21; Chaney D. Op.cit. P. 37.
- ⁷⁸ Thornton S. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Hanover, NH, 1996. P. 129.
- ⁷⁹ Albrow M., Eade J., Durrschmidt J., Washbourne N. Op.cit. P. 26–28.
- ⁸⁰ Ibid. P. 27.
- ⁸¹ Ibid; Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, 1990. P. 123.
- ⁸² Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., , 2000.
- ⁸³ Молодежный Петербург: Движения, организации, субкультуры. СПб., 1997; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга/ Отв.ред. В.В. Костюшев. СПб., 1999; Щепанская Т.Б. Процессы ритуализации в молодежной субкультуре // Советская этнография. 1988. № 5. С. 15–25.
- ⁸⁴ Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986–1989 гг. СПб., 1993; Она же. Имена социального (функциональный анализ поверий об энергии) // Этносы и этнические процессы. СПб., 1993. С. 329–341.
- ⁸⁵ Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Отв.ред. К.Б. Соколов. СПб., 1996.
- ⁸⁶ Современный городской фольклор. М., 2003. Около половины объема книги посвящено текстам и традициям молодежных сообществ, прихрамовой среды, туристов, парашютистов, программистов, солдат срочной службы, заключенных и др.
- ⁸⁷ Антропология профессий / Под ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных

- исследований, 2005; Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри/Ред.: П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007.
- ⁸⁸ Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: Сб. науч. ст. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2008.
- ⁸⁹ Щепанская Т.Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / Под ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С.50 — 100; Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том 2. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С.405 — 427; Застолье на рабочем месте: символы профессии, репрезентации и идентичности // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: Сб. науч. ст. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2008. С. 50 — 74.; Проекция социального контроля в пространстве профессий // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 18-31
- ⁹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 160 (Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. N.Y., 1966).
- ⁹¹ Moffatt M. Op.cit. P. 209.
- ⁹² Nader L. Controlling Processes. Tracing the Dynamic Components of Power. Sidney W. Mintz Lecture for 1995 // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. № 5. P. 712.
- ⁹³ Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Отношение к объекту исследования и условия его принятия научным сообществом // Socio-Logos'96: Альманах Российско-Французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996. С. 39–48.
- ⁹⁴ Nader L. Op.cit. P. 718.
- ⁹⁵ Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Указ. соч. С. 45.
- ⁹⁶ Moffatt M. Op.cit. P. 213.
- ⁹⁷ Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986–1989 гг. СПб., 1993; Петров Д. Молодежные субкультуры. Саратов, 1996; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб., 1999. С. 262–302; Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., , 2000.
- ⁹⁸ Virtanen L. Children's Lore // Studia Fennica. 1978. Vol. 22; Осорина М.В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 34–45; Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1–2; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Москва; Харьков; Минск, 1999; Русский школьный фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов. М.,

1998. С. 185–99; Белоусова Е. Наши современницы о родовспоможении в России // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 216–228; Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 2. С. 389–423.

¹⁰⁰ Лурье М.Л. Служба в армии как «воспитание чувств» // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001. С. 247–259; Образцов И.В. Формы проявления неуставных отношений // СОЦИС. 1996. № 2.

¹⁰¹ Лихачев Д.С. Картежные игры уголовников // Лихачев Д.С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993; Социология преступности. М., 1966 (В частности, статьи: Дюркгейм Э. Норма и патология; Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры; Мертон Р. Социальная структура и аномия; Клауорд Р.А., Одмен Л.Е. Дифференциация субкультуры и др.); Самойлов Л. Этнография лагеря (и вызванная этой статьей дискуссия: Субкультура лагеря и архетипы сознания; Субкультура за решеткой; Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990. № 1–2; Гишинский Я., Афанасьев А. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993; Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура: Психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2; Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С. Бахтин и Б.Н. Путилов. СПб., 1994; Соколов К. Криминальная субкультура // Художественная жизнь современного общества. В 2 т. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб., 1996. С. 138–151.

¹⁰² Примером такого подхода может быть довольно значительный пласт публикаций о медицинском патернализме: Браун Дж., Русинова Н.Л. Социокультурные ориентации сознания и отношение к индивидуальной ответственности за здоровье, автономности пациента и медицинскому патернализму // Качество населения Петербурга. II / Тр. Санкт-Петербургского филиала Ин-та социологии РАН. СПб., 1996. С. 132–158. В этой работе приводится библиография.

¹⁰³ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства: Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27; она же. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л. Топорков. М., 1996. С. 395–443; Круглякова Т.И. Быт и фольклор дородового отделения // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры М., 2001. С. 217–236.

¹⁰⁴ Русский школьный фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.

¹⁰⁵ Ивлева И. Петербургские торговцы: пример стратегии преодоления бедности в российском мегаполисе // Петербург в зеркале социологии. Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. Спецвыпуск. С. 284–304; Федосеев С.Ю. Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полевиков // Журнал социологии и соци-

альной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 167–173; Зайцева Н.В. Этнографические наблюдения в театре им. Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21); Кондратьева Н. Петербургский театральный фольклор: на примере театра им. Ленсовета // Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 162–166.

¹⁰⁶ Серия публикаций этого направления объединила исследователей, работающих в рамках разных профессиональных дисциплин: социологов, этнографов, фольклористов и культурологов. См.: Современный городской фольклор. М., 2003; Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005; Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007; Фольклор малых социальных групп: Традиции и современность. М., 2008.

Глава 1 ПРОФЕССИЯ, ТРАДИЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

В этой работе неформальная профессиональная традиция рассматривается как форма регламентации повседневной жизни — неформализованный институт социального контроля. С этой точки зрения мы будем анализировать этнографические материалы.

Однако прежде чем приступить к такому анализу, нужно провести обзор социологических исследований по проблемам социального контроля в контексте профессии, с тем чтобы представить круг обсуждаемых в этой связи проблем. Цель этого обзора — понять, как рассматриваемый феномен — неформальная профессиональная традиция — соотносится с другими формами социального контроля в профессиональной среде. Обращение к социологическим концепциям в данном случае не противоречит общей этнографической направленности настоящего исследования. Социологический анализ необходим, чтобы представить место и роль изучаемого феномена (к которому относятся наши этнографические данные) в системе социальных регуляторов профессиональной деятельности.

1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И АВТОНОМИЯ ПРОФЕССИЙ

Проблема социального контроля ставится обычно в связи с темой профессиональной автономии как одной из ключевых характеристик в социологическом определении профессии. Как пишет Э. Фридсон, один из самых известных социологов профессий, «традиционно профессии рассматриваются как во многом свободные от иерархических форм социального контроля, характерных для других видов занятий; вместо этого они саморегулирующиеся, являются объектом только неформального коллегиального контроля»¹. Преобладание неформального контроля в данном случае фигурирует как проявление и признак профессиональной автономии.

Ш. Ротблатт именно по признаку автономии / независимости от внешних форм контроля проводит дифференциацию между профессией и социальным классом: «Классы <...> были зависимы от рынков и один от другого, а отличительной чертой профессии была независимость»². В своем обзоре трех монографий по истории профессий Ротблатт отмечает и проблематичность автономного статуса: «Для профессий как исторической, так и социологической проблемой было избежать зависимости, в то время как фактически профессионалы были так же сильно зависимы от клиентов и рынков, как любой социальный класс»³. Историческое развитие профессионализма, с этой точки зрения, предстает как утверждение профессиональной автономии: этот процесс и понимается под профессионализацией занятий.

Утрату автономии Ротблатт, соответственно, определяет как депрофессионализацию: «Исторические перемены превращали профессионалов фактически в наемных работников таких институтов, как правительства, финансовые организации, промышленные фирмы, больницы, частные филантропические организации, университеты и церкви, подчиняя профессионалов условиям, которые диктовали работодатели. Самоуправление замещалось менеджериализмом»⁴. Это породило тактики сопротивления, не характерные для профессионалов (стачки, пикеты, бойкоты, стачки солидарности и т.п.), в связи с чем речь идет уже о пролетаризации определенных сегментов профессиональных групп. Теме не менее автономия остается одной из ключевых характеристик профессии как идеального типа. Сохранение независимости профессий требовало стратегий, связанных с контролем рынка, среди них:

- повышение ценности дефицита профессиональных навыков, что, в свою очередь, предполагает контроль профессий над образовательными системами, где обучаются их члены (как следствие — контроль численности профессионалов и уровня их квалификации);
- стремление к возникновению добровольных ассоциаций (тоже контроль численности и качества) и более или менее принудительной саморегуляции (self-policing);
- стратегия проверки (квалификации) для контроля над продвижением нарушителей правил, шарлатанов, полуобразованных или других аутсайдеров, не прошедших официальной сертификации или получивших ее сомнительным альтернативным способом (контроль численности через контроль качества знаний и услуг).

Но в любом случае остается необходимость в уважении со стороны публики и спонсировании со стороны правительства (пример Германии). Отсюда стремление профессий сохранить контроль над своей «моральной вселенной» — системой моральных оценок профессионального труда⁵. Эта система моральных оценок поддерживается как общепринятая в рамках профессионального сообщества шкала — основа для оценок качества образования и услуг, а тем самым и контроль численности, и, как следствие, поддержание ценности профессиональных услуг для общества в целом.

Профессиональная автономия в рамках этой модели рассматривается уже не как установившаяся черта профессии, но как цель, стратегия, предмет борьбы между профессиональным сообществом и внешними инстанциями социального контроля. В этом ключе Ч. Мак-Клелланд рассматривает взаимоотношения между государством и профессиями (преподавание, право, медицина и др.) в Германии, рисуя в исторической перспективе картину борьбы за контроль над экзаменами и другими квалификационными механизмами, определяющими численность профессии. В этой борьбе обнаруживались внутренние разделения внутри профессий (например, возрастные), которыми позже воспользовались нацисты⁶.

Британский экономист Р. Мэттьюз⁷ акцентирует внимание на другом аспекте борьбы за профессиональную автономию (в частности, за такие ее аспекты, как контроль качества и условий профессиональной деятельности) — борьбе с силами рынка. Экономисты, пишет он, уже отмечали некоторые препятствия действию сил свободного рынка в отношении профессий.

Во-первых, это антиконкурентные соглашения, действующие в рамках профессиональной среды. В глазах публики они оправданы тем, что обеспечивают более высокое качество профессиональных услуг, чем при свободной конкуренции. Действительно, когда потребитель не может проверить качество услуг профессионала (не имея достаточных для этого специальных знаний), конкуренция может быть фактором, подталкивающим к обману, уловкам и злоупотреблениям. Интенсивность конкуренции означает, что не только усилия, но и обман приносит большую финансовую выгоду. Отсюда — соблазн обмана потребителей профессиональных услуг.

В обычном бизнесе эта проблема решается в терминах принципа «риска потребителя» (*caveat emptor*): поскольку именно он заинтересован в качестве товара, то на него, а не на продавца, падает ответственность за осмотр товара и оценку его качества. В некоторых

случаях ему дается время оценить товар в процессе эксплуатации, чтобы выявить скрытые дефекты. В отношениях же «профессионал — клиент» этот принцип неприменим из-за асимметрии во владении информацией: экспертное знание — по определению прерогатива профессионала и обычно недоступно потребителю его услуг. Это создает возможность для злоупотреблений со стороны профессионала.

Мэттьюз упоминает такие виды злоупотреблений (базирующихся на асимметрии знания):

- недосмотр: ненамеренные недоработки из-за того, что профессионалу не удается уделить все внимание конкретному случаю;
- экономия, усечение услуги: преднамеренное усечение услуг профессионалом, чтобы сохранить свои силы и время;
- навязанный спрос: требования, приводящие к затратам со стороны клиента, например, совет клиенту направить средства на профессиональные услуги (операцию, судебную тяжбу), фактически не являющиеся необходимыми клиенту или даже ему невыгодные⁸.

В условиях свободной конкуренции эти уловки способны принести значительные денежные средства профессионалу, но никак не улучшат качество оказываемых услуг. Отсюда — необходимость правовых ограничений их использования (а тем самым и ограничения силы свободной конкуренции, когда каждая сторона действует теоретически наиболее выгодным для себя образом).

В качестве средства ограничения рыночных сил (а тем самым и рыночных механизмов контроля деятельности профессионалов) Мэттьюз рассматривает профессиональную этику. Наличие этических кодексов, по мнению социологов, одна из черт, характеризующих классические профессии. Ученый подчеркивает содержащиеся в этических кодексах профессий ограничения на различные формы обмана и злоупотреблений и даже ограничения на ситуации, когда они только возможны. Такие принципы профессиональной этики, как максимизация вклада в профессию (понимаемую как призвание⁹) и уважение партнера, могут быть своего рода гарантией качества услуг. Наличие этических кодексов также поддерживает представление об альтруистической направленности профессиональной деятельности, высоких идеалах и этике общественного служения.

Интенсивность конкуренции может стать препятствием и на пути развития самой профессии — лежащего в ее основе знания. Так, Мэттьюз отмечает, что «растущая конкуренция между учеными

в Соединенных Штатах, которая, как можно было ожидать, ведет к достижениям в знании, в то же время повысила страх ученых, что их полуоформленные идеи могут подвергнуться плагиату; предполагается, что это повысило скрытность и снизило доверие, а поскольку доверие и ранний обмен (диффузия) идей важны для достижений в науке, то неясно, стал ли чистый результат усиления конкуренции в итоге положительным или отрицательным»¹⁰. Этот пример приводится как иллюстрация случая, когда ограничения конкуренции в профессиональной среде могут быть экономически оправданы.

Целям снижения конкуренции служат, как уже говорилось, процедуры, ограничивающие численность профессионального сообщества, — лицензирование и сертификация. Одновременно они поддерживают и монополию профессионалов на право оказания услуг. Надо иметь в виду, пишет автор статьи, что, предупреждая обман и уловки, любые антиконкурентные меры открывают и путь для монополистической эксплуатации, например в форме завышенной оценки услуг или отказа от инноваций (для «облегчения жизни» профессионалов).

Таким образом, традиционная автономия профессий, с экономической точки зрения, может рассматриваться как ограничение действия рыночных сил; меры, поддерживающие автономию, фактически препятствуют рынку как форме внешнего контроля профессиональной деятельности. Ограничивают они и возможность контроля со стороны клиентов (которые, даже будучи недовольными, не могут в некоторых случаях отказаться от услуг из-за тенденции к их монополизации сообществом солидарных друг с другом профессионалов).

Если рассматривать профессиональную автономию как форму ограничения внешнего контроля, то полезно представить весь диапазон возможных форм контроля, которым подвергается деятельность профессионала.

2. ИНСТАНЦИИ И ФОРМЫ КОНТРОЛЯ

Р. Симпсон в статье, опубликованной в социологическом ежегоднике за 1985 г., сопоставив исследования по социологии организаций, профессий и руководства по офисной работе, предлагает классификацию форм социального контроля на рабочем месте. Эта

классификация содержит пять моделей контроля: простой, технический, бюрократический, профессиональный (occupational) и самоконтроль¹¹. В этой схеме первые три формы взяты из работы Эдвардса об индустриальном контроле¹². Источник всех трех форм контроля — работодатель. Симпсон добавил к этому еще две, где инстанцией контроля служит не работодатель, а профессиональное сообщество и даже сам индивид — носитель профессиональных норм и ценностей (в этом случае контроль профессионального сообщества осуществляется посредством установок, ставших частью личности самого работника).

1. **Простой** контроль подразделяется на прямой и иерархический: — прямой: в маленьких магазинчиках и офисах, осуществляется через отношения лицом к лицу между работником и боссом, не опосредован правилами и полностью произволен, если босс так желает; — иерархический: если фирма разрастается и босс не может руководить каждым лично, то вводится иерархический контроль — несколько уровней менеджеров, каждый из которых осуществляет прямой контроль над нижестоящими.

2. **Технический**: встроен в технологию работы. Пример: конвейерная линия, где производственный ритм, скорость движения машины контролируют рабочих.

3. **Бюрократический**: вводит надзор, но опирается на правила, формальные инструкции и наказания и другие безличные средства. Контролеры не могут доминировать над подчиненными по своей воле, поскольку тоже ограничены правилами, что определяет рамки их авторитета.

Следующие два типа контроля не исходят от нанимающей организации.

4. **Профессиональный**: профессиональная (occupational) группа контролирует своих членов. Современный пример — основные профессии, исторический пример — гильдии.

5. **Самоконтроль**: индивиды контролируют свою работу, что характерно для самозанятости¹³.

На практике, замечает исследователь, встречаются смешанные формы контроля, и можно говорить скорее о степени выраженности тех или иных типов.

Далее он рассматривает теории, объясняющие соотношение разных форм контроля. Теория контингентности (от contingency — случайность, непредвиденное обстоятельство), популярная в социо-

логии профессий 1960-х годов, моделирует факторы, определяющие степень бюрократизации контроля (его индикаторы — жесткость правил, выраженность иерархии и централизация планирования). По этой теории, бюрократизация определяется двумя переменными: технологией (степенью необходимой координации для ее осуществления) и степенью неопределенности условий работы (технологического процесса и условий, задаваемых окружением). Чем выше неопределенность, тем вероятнее децентрализация решений и неформальный характер процедур их принятия. Под неопределенностью понимается:

- отсутствие точного понимания связи между конечным результатом и средствами его достижения;
- нерутинный и нетривиальный характер задач, которые не могут быть сведены к простым инструкциям, а требуют гибких решений на месте;
- быстрый, непредсказуемый или неконтролируемый характер изменений окружающей среды.

В результате правила или планы не могут предусмотреть возникающую ситуацию и решения с большой вероятностью отдаются на откуп непосредственным работникам, не скованным жесткими правилами¹⁴.

Теория зависимости от ресурсов (как вариант экологии человека в приложении к организации) предполагает, что организации развивают те структуры и процессы, которые обеспечивают приток необходимых им ресурсов, независимых от самой организации. «Если мы определим “ресурсы” широко, чтобы обозначить все полезное, производимое либо вне, либо внутри, то в той степени, в какой единица (человек или группа) монополизирует знание или контроль над решающими или неопределенными частями технологии этой организации (ресурсами), они будут обладать властью»¹⁵. Эта теория может объяснять усиление контроля со стороны профессиональной группы, если рассматривать профессиональное знание как ресурс.

В связи с темой нашей работы особое внимание уделим концепциям, относящимся к «профессиональному» контролю и самоконтролю, т.е. таким формам, которые осуществляются самим профессиональным сообществом.

Э. Фридсон, говоря о социальном контроле в области профессиональной деятельности¹⁶, предложил различать его узкую и расширенную формы (по сфере контроля):

- контроль над содержанием работы (насколько профессионал контролирует задачи и способы своей деятельности);
- контроль условий работы: доступен ли профессионалу контроль социального контекста его деятельности, регулирующих ее социальных структур, маркетинга и компенсации (вознаграждения).

Контроль содержания рассматривается как минимальная форма контроля, а контроль социальных условий предопределяет и возможности для контроля содержания работы¹⁷.

Р. Симпсон отмечает, что в большинстве работ по социологии профессий рассматриваются различные соотношения между профессиональным контролем (осуществляемым в рамках самой профессиональной группы) и бюрократическим (где задействованы внешние контролирующие инстанции, например государство). Ряд исследователей развивают тезис о пролетаризации профессий (еще в 1970-х годах об этом писал М. Оппенгеймер¹⁸), т.е. переходе профессионалов (или их части) в положение наемных работников. Такой переход сопровождается деквалификацией (упрощением и снижением профессиональных навыков и знаний), разделением деятельности на узкие операции, которые легко свести к рутине, и утратой или снижением степени автономии профессий. Все большее значение приобретает контроль со стороны организации, предоставляющей профессионалу рабочее место.

В этом контексте имеет смысл различие между бюрократическим контролем над профессиональной деятельностью со стороны внешних по отношению к организации инстанций (государства) и собственно организационным или менеджеристским (контролирующая инстанция — менеджмент самой организации, где работает профессионал). Организационный контроль более непосредственно связан с повседневными профессиональными практиками: способен определять их через штатное расписание, распорядок рабочего времени, порядок вознаграждения и т.д.

Итак, говоря о профессиональной (неформальной) традиции как одной из форм социального контроля повседневных практик, мы должны иметь в виду, что она бытует в контексте существования других форм контроля, инстанциями которых являются:

- государство с его органами управления и законодательными актами;
- организация с ее штатным расписанием, должностными инструкциями, распоряжениями руководства;

- клиенты — пользователи, заказчики, потребители профессиональных услуг;
- рынок (и связанное с его функционированием давление экономических условий).

В порядке развития этой схемы можно учитывать еще и организации-посредники между профессионалами (исполнителями профессиональных услуг) и клиентами: например, страховые компании в сфере здравоохранения, экспертные советы различных благотворительных фондов или общественные организации. Однако эти инстанции-посредники в социологическом смысле могут рассматриваться как проводники, чье право контроля исходит от клиентов (чьи интересы они представляют), государства (которое оплачивает некоторые профессиональные услуги и в этом смысле также может рассматриваться как их пользователь) или частных компаний-спонсоров. В этом смысле их право контроля есть не самостоятельное, а делегированное им право клиента, государства и агентов рынка, т.е. модель не меняет (хотя и детализирует).

Заинтересованность в автономии (в контроле содержания и условий своего труда) создает базу для борьбы профессионального сообщества с внешними формами контроля (забегая вперед, заметим: этнографический материал дает множество конкретных примеров этой борьбы).

Но ведь профессия не только объект контроля. Это одна из самых авторитетных общественных сил, которая сама осуществляет функции социального контроля в рамках соответствующих социальных институтов, сфер общественной жизни (например, медики — в сфере общественного здоровья, юристы — правовых отношений и т.д.). Профессионалы заинтересованы и в развитии механизмов контроля своих клиентов в конкретных ситуациях взаимодействий. В этом отношении профессиональное сообщество может быть заинтересовано в поддержке со стороны других инстанций социального контроля, видеть в них опору своего авторитета у клиентов и потому действовать в поддержку внешних инстанций контроля. Кроме того, такая поддержка может входить в общественную миссию профессионального служения.

Следовательно, можно ожидать, что и в рамках неформальной традиции могут быть обнаружены оба вида борьбы за социальный контроль: как формы сопротивления официальным нормам, так и средства их поддержки и дополнительного подкрепления (если они подкрепляют власть и статус самой профессии). Так выглядит

гипотеза, вытекающая из социологического понимания профессий.

Каким образом в эти рассуждения вписывается неформальная традиция? Ведь до сих пор профессии рассматриваются как основа институциональной структуры общества. Профессии — носители экспертного знания, лежащего в основе как раз наиболее важных его институтов, формальных структур и систем их эксплицитных легитимаций. Какое место занимает тогда неформальная профессиональная традиция? Ожидаемы определенные трудности в концептуализации этого феномена.

3. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Хотелось бы обратить внимание на то, что обычно не артикулируется, — неформальный характер многих форм, которые обсуждаются как формы «профессионального» контроля. Скажем, под профессиональной этикой может пониматься как формализованный, так и неписанный этический кодекс. Когда Р. Симпсон говорит о «профессиональном контроле» (в данном случае — контроле, осуществляемом в рамках профессионального сообщества), он обращает внимание на неформальные его проявления. Анализируя исследования групповых медицинских практик и больниц, проводившиеся в 1970-х годах Фридманом, Миллманом, Боском, он пишет, что здесь «профессиональный контроль оказывается ритуализованным фасадом и самоконтролем в реальности. Предполагается, что коллеги оценивают работу друг друга, но реальная коллегиальная этика — это жить и давать жить [другим. — *Т.Ш.*]. Дурной тон — дисциплинировать или даже критиковать коллегу, хотя безнадежно некомпетентных могут принудить уйти из групповой практики»¹⁹.

Симпсон отмечает, что коллеги являются для профессионала «референтной группой, чье поведение и устанавливаемые ценности предположительно влияют на природу самоконтроля»²⁰. Отсюда особая роль профессиональной этики — как неформальной, так и кодифицируемой в виде этических кодексов. В Американском социологическом журнале в 1983 г. была опубликована статья Э. Эббота о профессиональной этике — описание и социологический анализ типичных этических кодексов. Этика рассматривается как форма социального контроля — интернализованного норматив-

ного контроля, касающегося поведения профессионала в рамках его профессиональной роли²¹. Профессиональная этика базируется на социальных обязательствах профессии: корпоративных (обязательства служить обществу) и индивидуальных (актуальных в отношениях «профессионал — клиент», на чем делал акцент Т. Парсонс²²). Еще одна сфера регуляции — отношения между коллегами — также получает подкрепление в этических требованиях.

На базе анализа большого массива литературы о профессиональной этике Э. Эббот вычленяет пять основных ее черт:

1) Почти у всех профессий есть в том или ином виде *формальные этические коды*. В американском случае это обычно писанные кодексы, в британском — чаще неписанные, но тоже достаточно формальные. Есть и инстанции, наделенные в рамках профессионального сообщества функциями этической оценки конкретных случаев. Это тоже как формальные сообщества (Этический комитет, Этическая комиссия, выносящая решения от имени той или иной профессиональной ассоциации), так и неформальные — коллеги, обладающие высоким авторитетом.

2) *Корреляция с внутривидовым статусом*. «Представляется, что как вера в формальные этические кодексы, так и согласие с ними позитивно коррелируют с внутривидовым статусом <...>. Во многих профессиях сложилось это отношение, потому что только практики [практикующие профессионалы. — Т.Ш.] с высоким внутривидовым статусом являются членами профессиональных организаций и тем самым подлежат юрисдикции профессиональной этики»²³. Но существует и широкий круг профессиональных функций, которые выполняются «этически сомнительными» практиками, периферийными группами, этическое принуждение которых затруднительно. Там действительные процедуры формального лицензирования / лишения лицензий²⁴, но понятно, что эта мера доступна только в самых крайних и исключительных случаях, а не как регулятор повседневности.

3) *Эффект видимости*. Многочисленные свидетельства говорят о том, что «формальное преследование согласно правилам профессиональной этики — в значительной мере функция общественной видимости нарушения»²⁵. В рамках этой гипотезы, по мнению Э. Эббота, находит объяснение многократно фиксируемое в конкретных исследованиях несоответствие между высоким уровнем нарушений и низким уровнем расследований, характерным для широкого круга профессий. В пользу «теории видимости» говорят мно-

гочисленные свидетельства, выявляющие «тенденцию наказывать нарушения обязательств профессионала перед клиентом более строго, чем внутривидовые нарушения»²⁶. Другая интерпретация: относительно менее видимых нарушений в большей степени проявляется влияние неформального принуждения, которое осуществляется в процессе повседневной рутины, в общении коллег. Т.е. в менее видимых (за пределами профессионального сообщества) случаях нарушений предполагается более выраженная роль неформального контроля профессиональной среды.

4) *Индивидуализм*. Профессиональная этика применяется по отношению к индивидуальным случаям и профессионалам. Она не регулирует общий уровень выполнения своих функций профессией, общие результаты. Правда, здесь Э. Эббот замечает, что «индивидуализм» этот характерен для англо-американских профессий и по крайней мере исторически не был характерен для французского и германского вариантов профессионализма. Там этические правила вытекали из «формальных корпоративных обязательств, налагаемых на профессии центральными властями», и выполнение обязательств подлежало государственному регулированию²⁷.

5) *«Специфическое разделение и баланс запретов, <...>* преобладают обязательства перед своими профессионалами, особенно такие, которые снижают конкуренцию за клиентов: политика цен, правила против перехватывания клиентов и т.п.». Правила, гарантирующие доверие клиентов занимают меньше места, но связанные с ними нарушения ведут к самым сильным санкциям²⁸.

Исходя из этой модели, следует ожидать распространения неформальных регулятивных традиций в большей степени среди основной массы профессионалов (чем среди высокостатусных); на периферии профессии, среди тех, кто выполняет подчас этически сомнительные (но имеющие спрос) профессиональные функции; в области рутинных практик и повседневных дел (нежели исключительных случаев). Можно учитывать эти соображения опять же как гипотезу.

Неформальные механизмы контроля у развитых (имеющих профессиональные организации: общества, ассоциации, этические комиссии и т.д.), рассматриваемых в англоязычной традиции как «классические», профессий дополняются и вполне формализованными. Так, осуществляемый профессионалами контроль доступа в профессию (а через него и численности, и уровня конкуренции)

подкрепляется законодательными актами и институтами, регулирующими лицензирование и сертификацию. Здесь важно отметить, что, во-первых, в этих случаях профессиональный контроль (через профессиональные организации) дополняется государственным и опирается на силу государства. Кроме того, как пишет Р. Симпсон, эти акты и институты сформированы в процессе борьбы профессионального сообщества за свои интересы, их утверждение внешними инстанциями власти. Именно за счет «трансляции культурного влияния в политическую власть некоторые профессии обрели контроль над содержанием своей работы и расширили свои рынки»²⁹. Автор, таким образом, обращает внимание на то, что формализованные механизмы контроля в контексте профессиональной деятельности утверждаются на базе неформальных (упомянуто *культурное влияние* профессионалов, сюда же можно добавить их этический авторитет, на чем делал акцент Т. Парсонс³⁰).

Этические принципы, поначалу неформально определяющие авторитет профессионала в среде коллег, имеют тенденцию кодифицироваться и институционализироваться: принимаются и публикуются этические кодексы, возникают этические советы, профессиональные ассоциации, т.е. профессия формирует свои собственные организационные формы, помимо внешних организаций, контролируемых их работодателем. Эти организации непосредственно вырастают из неформальных структур влияния внутри профессии. В этом случае они действенны. Вырастать же они могут и по вполне формальному указанию какой-то из обладающих властью инстанций, как это нередко бывает в России (возникающие по указанию руководства учреждений профессиональные ассоциации нередко остаются малоизвестными / незначимыми в самой профессиональной среде).

Поэтому именно неформальные основания и механизмы социального контроля нужно рассматривать как базовые для понимания функционирования профессиональной среды, как основу для появления более формализованных и организованных.

Эти неформальные механизмы обычно описываются в терминах «профессиональной этики», но она все больше формализуется, и тем самым ее анализ отдаляется от интересующего нас предмета. Другой подход — анализ их в рамках традиций профессионального «сообщества»³¹. Но в этом случае подход смещается в сторону сообщества (отношений, структуры, иерархии и т.п.), а традиция как регулятивная структура, определяющая внутреннюю логику повсед-

невности, ускользает. Здесь интересны концепции практического знания и практической теории.

Идея «практической теории» базируется на концепции практики, как ее видел П. Бурдьё, полагая, что в процессе практики формируется дискурс, не сводимый к теоретическому и определяемый практикой³². Д. Брэйн³³ пишет о связи «практического знания» и социального контроля на примере исследования процесса профессионализации в области архитектуры. Автор дистанцируется от макросоциологического и макроисторического подхода, где «идеологические характеристики» профессии (требование специализированного знания, сама концепция профессионализма) рассматриваются только как «ресурс, который должен быть монополизирован и является источником профессиональной власти и привилегий»³⁴.

Брэйн акцентирует задачу исследования на отношениях между профессиональным знанием и социальной структурой профессиональной практики, полагая, что именно в процессе практической деятельности в профессиональной среде происходит «производство практического знания — специфическая артикуляция теории и практики, которая характеризует профессиональную дисциплину», при этом замечая, что практическое знание «является конституирующим компонентом структуры профессионального (occupational) контроля, которая характеризует профессионализированные занятия»³⁵.

На примере архитектурной профессии в США автор прослеживает, как фактическая структура профессионального контроля формировалась в контексте и в зависимости от реального выполнения архитектурной работы. В процессе практики формировался особый «риторический стиль», и «артикуляция риторического стиля дала возможность профессиональной группе освоить нишу в разделении труда». Риторические стратегии, складывавшиеся в процессе практик в среде архитекторов, определяли классификацию самой работы, отделяя профессиональные практики. Трудовой процесс в рамках этой концепции рассматривается как интерпретативный. Автор обращает внимание на такие ключевые понятия формирующегося профессионального дискурса архитекторов, как понятие «вкуса» и «стиля». В частности, на протяжении XVIII столетия «архитектура была комплексом знаний, ассоциировавшихся с культивируемым вкусом. Она еще не была идентифицирована с отдельной профессиональной практикой»³⁶, но риторические стратегии, формировавшиеся на базе понятия «вкуса»,

уже позволяли отличить работы, которые лягут в основу будущего понимания профессионализма.

Концепция «практического знания» позволяет сделать важный для антропологического исследования переход от макросоциологических теорий (профессионализации занятий как формирования монопольного контроля над сферой их деятельности, базирующегося на специальном знании) к уровню повседневных практик, на которые делается акцент как на значимый контекст формирования этого знания. Важно различие, которое проводится между теоретическим знанием и знанием практическим, которое реально и определяет повседневное функционирование профессиональной среды и механизмов социального контроля.

В статье У. Бринккьера и М. Норгольма, опубликованной на русском языке в сборнике по социологии и антропологии профессий³⁷, авторы развивают концепцию «практической теории», которая «предоставляет общий язык для разговора о практике» и должна рассматриваться как часть практики, а не как теория³⁸.

Когда этнограф в процессе полевого исследования фиксирует дискурсивные структуры (представления и высказывания, актуализирующиеся в процессе повседневной деятельности профессионалов или в их рассказах об этой деятельности), то, вероятно, он фиксирует именно феномены практического знания. Это знание отнюдь не всегда эксплицировано, и в процессе исследования его нужно улавливать, искать или специально создавать условия для его экспликации. Этнограф должен отметить еще и такую черту практического знания: оно не всегда вербализовано, может быть невербализуемо (по этическим или когнитивным причинам). В обычных условиях многие компоненты этого знания выражены в невербальных формах: его символами (понятными носителям без объяснений) служат само пространство профессии, предметы, рассеянные в этом пространстве, тела и движения работающих здесь людей. Все это воспринимается, прочитывается, но если и находит словесное выражение, то скорее всего в ритуальной обстановке (например, в посвячительных практиках, во время коллективного застолья и т.п.) или в ситуации нарушения, сбоя, неопределенности.

Наша задача — выявить такие (в том числе невербальные) структуры практического знания, а затем осмыслить собранные материалы с точки зрения того, как они опосредуют повседневные коммуникации в профессиональной среде. Среди прочих аспектов

коммуникации мы будем особенно внимательно присматриваться к тем, которые помогут выявить механизмы социального контроля, реализующиеся через эти символические структуры. Почему именно социальный контроль? Потому что, рассматривая повседневные коммуникации именно в этом аспекте, мы подготавливаем почву, чтобы связать события микросоциального уровня, доступные этнографическому наблюдению, с закономерностями макроуровня.

Российские исследователи (работающие, главным образом, в традиции социологии и антропологии труда и организаций) в последние годы обратили внимание на этнографические методы исследования, высвечивающие микроуровень социальной организации. В частности, выявились некоторые особенности социального контроля, базирующегося на неформальных правилах и отношениях. Так, С. Алашеев предложил модель, описывающую неформальные нормы как своего рода «правила нарушений» формально заданных норм на производстве. В рамках этой модели нарушения, базирующиеся на негласных соглашениях между работником и менеджментом, между работниками, становятся основой неформальных зависимостей, пронизывающих весь процесс производства. Автор отметил и размывание этой системы зависимостей (как и регулирующих их неформальных традиций) по мере развития рыночных отношений³⁹.

П. Романов подробно описал неформальные нормы, поддерживающие патерналистскую модель иерархических отношений на производстве в постсоветской России. Патернализм описывается как форма легитимации власти, базирующейся на общих ценностях руководящих и подчиненных групп (в качестве таких ценностей, например, эффективно используются семейные: отсюда роль семейных связей в найме и контроле на рабочем месте). Патернализм базируется на форме социального обмена, когда лояльность подчиненных обменивается на блага от вышестоящих. Отсюда соединение власти с определенной ответственностью за обеспечение подчиненным определенного уровня социальных благ⁴⁰.

Теперь, очертив диапазон социологических подходов к проблеме социального контроля в профессиональной среде, обратимся собственно к этнографическим материалам. Рассмотрим те формы, в которых социальный контроль находит подкрепление или, наоборот, встречает сопротивление со стороны профессиональных традиций.

4. ЭТНОГРАФИЯ НАРУШЕНИЙ

Говоря о неформальной традиции, мы имеем в виду, что она оказывает влияние на повседневную жизнь профессиональной среды — обыденные практики, взаимодействия, коммуникации. Традиция в данном контексте рассматривается как форма социального контроля наряду с институциональными формами (организационным, государственным, рыночным), также определяющими порядок повседневных взаимодействий в профессиональной среде. Тогда возникает вопрос: как эти формы соотносятся между собою? Точнее, нас интересует, как неформальная традиция соотносится с прочими инстанциями контроля.

Можно предположить следующие варианты их соотношения.

1. **Дополнение:** традиция дополняет другие формы контроля, вырабатывая и транслируя выходящие за рамки формализованных (например, организационных инструкций или государственных законов):

- а) поведенческие **нормы** (в виде правил и табу; обычаев, ритуализованных практик; культурных стереотипов и образцов);
- б) **подкрепление** как формальных, так и неформальных норм.

2. **Альтернатива:** традиция содержит альтернативные (в том числе прямо противоречащие) формальным нормы и подкрепления. В этом случае речь идет фактически о нормах для нарушений и — потенциально — формировании практик **сопротивления** институциональным формам контроля.

Нужно также провести различие между ситуациями, когда профессионал (или профессиональное сообщество) подвергается контролю, т.е. выступает как его объект, и ситуациями, когда он(о) осуществляет контролирующие функции, выступая субъектом контроля.

Действительно, профессиональная деятельность, если ее рассматривать в контексте функционирования социальных институтов, таких как образование, здравоохранение, наука, индустрия и т.д., является формой осуществления власти, делегированной данному институту. В этом смысле любая профессия наделяется функциями социального контроля в соответствующей ее компетенции сфере общественной жизни. Эта функция подкрепляется дискурсивной властью определять ситуацию в терминах профессии, тем самым обосновывая свое право вмешательства. Примеры того, как ряд профессий осуществляет функции социального контроля, см. в статье антрополога Л. Надер⁴¹.

Применительно к неформальным профессиональным традициям в этом контексте надо ставить вопрос о том, распространяются ли они на непрофессиональную среду. Содержит ли профессиональная традиция нормы, регулирующие действия внешних по отношению к профессии групп (клиентов, заказчиков и тех людей или учреждений, чья активность реализуется в сфере, подконтрольной профессии)? Может быть, традиция диктует им неформальные правила в дополнение к формальным? Или же формирует дополнительные подкрепления (идеи, поверья, устойчивые нарративы и культурные образцы) для формальных институциональных норм?

Итак, рассмотрим этнографический материал (фиксирующий профессиональные традиции, повседневные практики и структуры неформального дискурса) в перспективе анализа форм социального контроля. В фокусе внимания — неформальные нормы и структуры подкрепления (легитимации, мотивации следования правилам), а также, возможно, и формы сопротивления другим вариантам контроля.

Подкрепление формальных норм. «Если не открывается дверь, крутани муфту» — надпись в водительской кабине городского автобуса [ПМА: СПб., 2008]. В моих фотографиях рабочих мест присутствуют многочисленные примеры нормативных высказываний, опирающихся на авторитет традиции, но выражающих вполне официальные нормы. Это и вывешенные на видном месте призывы, и даже целые «кодексы», своды правил поведения. В офисных помещениях встречаются записки, которыми коллеги напоминают друг другу о том, что уходя надо закрыть кабинет и не забыть сдать ключи.

Но есть и множество примеров тому, как неформальная традиция противостоит формальной. В случае профессии это противостояние зачастую означает сопротивление профессиональной среды организационным нормам или другим внешним формам социального контроля.

Символическое сопротивление. «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!» — пословица, популярная в позднесоветское время среди сотрудников ленинградских НИИ. В данном случае очевидно смеховое дистанцирование от характерной для того времени практики «плановых» защит. Эта фраза — формула-квинтэссенция характерных для научной среды того времени разговоров о том, что защита диссертации превращается в ритуал, а результат мало зависит от того, содержит ли она научные открытия, от таланта

ее автора. Профессиональная среда протестует против вымывания критериев профессионализма из системы оценок научного труда. Смеховой характер формулировки нормативного высказывания здесь прочитывается как маркер противостояния между профессиональной традицией (ученая степень как показатель принадлежности к профессии, предполагающей талант, дар, как признак избранности, маркер элитизма) и организационными нормами (нормальная карьера работника НИИ предполагает защиту диссертации). Это протест элитистского профессионального сознания против рутинизации профессиональных практик. Можно видеть в этом и борьбу между профессией и организацией за контроль доступа в профессиональную среду.

В описанном выше случае сопротивление имплицитно, неявно. Более заметны фольклорные конструкции, в которых нарушение нормы открыто демонстрируется, специально обыгрывается, а порой служит поводом для своеобразной бравлады.

В этой связи уместно сослаться на Интернет-исследование московского фольклориста М. Ахметовой⁴². На одном из сетевых ресурсов Рунета (в своем личном блоге) она предложила посетителям тему для обсуждения: ситуации нарушения профессиональных норм. В качестве примера привела нарративы научных работников, в «профессиональном тексте» которых отметила «устойчивый сюжет о нарушении некоторых писанных и неписанных норм, которое одновременно может являться, хотя далеко не всегда, проявлением этакой лихой удали, пусть даже на грани фола. У исследователей нарушение заключается, как мне кажется, в недолжном обращении с объектом исследования... А еще какие бывают сюжеты такого рода?» (запись датирована 3 апреля 2008 г.). Посетители ресурса (в основном молодые исследователи социогуманитарного профиля, но также и не относящиеся к этой сфере) с энтузиазмом откликнулись на призыв. Они привели многочисленные примеры профессиональных баек о нарушениях норм (правил техники безопасности и этических). Проведем вторичный анализ этих материалов с точки зрения того, какие инстанции контролируют соблюдение этих норм и, следовательно, против каких форм контроля направлены упомянутые в профессиональном фольклоре нарушения.

1) Нарушения касаются правил взаимоотношений с людьми из непрофессиональной среды: клиентами или просто непосвященными.

Психологи и психотерапевты упоминают нарушения таких норм, как запрет на обсуждение проблем клиента со знакомыми (тем более общими), обсуждение хода терапии, контрперенос⁴³ по отношению к клиенту, сексуальная связь с клиентом.

Юристы говорили об этически сомнительной, но в ряде случаев приносящей выгоду практике, когда договор об оказании юридической помощи заключают с обеими сторонами (в том числе и когда присутствует конфликт интересов), например с двумя контрагентами в сделке. «По договору есть продавец и покупатель, ты юрист у обоих — пишешь договор так, чтобы каждый считал себя в крупном выигрыше». Профессиональная этика в этом случае предписывает взять самоотвод.

В байках журналистов упоминается такое нарушение правил, как публикация интервью без визы интервьюируемого, с искажениями. Этнографы и фольклористы в качестве «грехов» упоминали скрытую запись без санкции информантов. Для журналистов клиенты — это заказчик статьи или же читатели, покупающие газету. Человек, у которого журналист берет интервью, представляет в данном случае объект его профессиональной деятельности: дает тот исходный текст, с которым журналисту предстоит профессионально поработать, чтобы этот текст превратился в соответствующий требованиям заказчика и критериям профессионализма продукт. Традиция здесь на стороне профессионала, утверждая его право рассматривать полученный текст именно как объект, даже в тех ситуациях, когда это оборачивается этическими нарушениями в отношении людей, этот объект представляющих.

В случае социальных исследователей информанты и респонденты тоже представляют объект исследования — исходные «материалы», которые далее подлежат обработке. Правда, теоретически объект и клиент могут совпасть в одном лице: когда интервьюируемый сам заказывает публикацию в ходе своей предвыборной компании, в случае активистской этнографии, когда этнограф изучает группу, чтобы затем действовать в ее интересах.

2) Нарушение норм, диктуемых организацией-работодателем: это можно рассматривать как сопротивление организационному контролю. Так, в фольклоре журналистов упоминается «втюхивание» редактору под видом статьи «копипаста» (копии чужого текста или его фрагментов), т.е. ненадлежащее выполнение должностных обязанностей или предоставление услуг / продукции ненадлежащего качества. Вероятно, в этот же класс нарушений попадают и раз-

личные варианты нарушений или ненадлежащего исполнения должностных обязанностей, связанные с отправлением бытовых нужд на работе (или вместо работы). Так, по материалам М. Ахметовой, редакторы вспомнили чаепитие в процессе редактирования, когда пища и чашка располагаются на редактуре (угроза порчи рукописи). М. Ахметова приводит поговорку московского редактора: «Что за редактуре, на которой никто не поел» [ПМ: М. Ахметова, М., 2008 г.].

Для музыкантов такой «грешок» — выход на сцену без репетиционной подготовки. М. Ахметова приводит фразу, которую слышала от музыканта (бас-гитариста) из Кишинева: «Правило кишиневских музыкантов: лучшая репетиция — это концерт» [ПМ: М. Ахметова, М., 2002 г.]. Добавлю еще мотивы баек музейных работников: рассказы о том, как во время ежегодной чистки экспонатов работники случайно ломают экспонат, скрывают это, придавая поломанной вещи видимости целой; чистка или склейка с помощью нештатных материалов и т.д. «Грешок» этнографов — практическое использование магических средств и ритуалов, почерпнутых из полевых записей (например, привораживание с помощью найденных в экспедиции заговоров).

3) Нарушения техники безопасности также можно рассматривать как сопротивление организационному контролю (поскольку за безопасность на производстве отвечает организация). Самый распространенный мотив — «работа без перчаток» (как вариант работы без защитных приспособлений): у химиков в качестве такого нарушения фигурирует работа без перчаток с ядовитыми химическими веществами, у биохимиков — с радиоактивной меткой, у исследователей в области молекулярной биологии — с зараженной человеческой кровью, у электриков — с проводами под напряжением. Электрики упоминают также сон под кабелем высокого напряжения.

4) Шокирующие непосвященных способы обращения с объектом профессиональной деятельности, тоже, вероятно, являющиеся нарушениями организационных правил, хотя в данных байках подчеркивается скорее их противоречие нормам общественным. В среде работников медучреждений, особенно отделений реанимации и патологоанатомических, ходят байки о том, как они отдыхают и принимают пищу в палате, где находится коматозный больной, или трапезничают, занимаются сексом в помещении морга. В качестве экстрима (достоверность незначима) упоминаются совокупление с коматозным больным или занятие сексом в морге, в виду

мертвых тел⁴⁴. Добавлю и такой сюжеты, как вынос фрагментов препарируемых тел из морга студентами-медиками. Примеры можно продолжать, поскольку, по сути, вся неформальная профессиональная традиция — это фиксация ситуаций отклонения от формально провозглашаемых правил, ведь эта традиция есть альтернативный источник нормирования.

Основная часть нарушений в приведенной коллекции — это сопротивление профессионалов организационному контролю. Те нарушения, которые противоречат интересам клиентов, также должны контролироваться организацией, поскольку соответствуют понятию «ненадлежащего качества услуг».

М. Ахметова обратила внимание на то, что значимо не только (не столько) само нарушение (сам факт его исключителен и не всегда достоверен), сколько обычай рассказывать о такого рода нарушениях в среде коллег, на значимость этих рассказов для самопрезентации. «Это как люди традиционными для своего профессионального текста средствами позиционируют себя через нарушение профессиональной этики», — пишет она в комментариях к той же подборке. Какую роль мотив «нарушений» играет в самопрезентации профессионала, в конструировании его неформального статуса?

Две черты: опасность нарушений и вместе с тем их, в конечном счете, польза с точки зрения результатов профессиональной деятельности — общие для этого типа нарративов. По сути, их смысловое ядро — определение профессионализма как умения достигать результата (выполнять профессиональную задачу) любой ценой. Акцент на опасности придает ситуации нарушения характер испытания на профессионализм, о чем говорили и участники обсуждения.

В тех случаях, когда мы определили нарушение как «ненадлежащее качество услуг», оно представлено как незначимое, но полезное с точки зрения профессии в целом. Так, журналист, опубликовавший интервью без вычитки его интервьюируемым, сократил сроки выхода материала и тем самым сделал публикацию более актуальной. Отписавшись от редактора «копипастом» на какую-нибудь проходную тему, он оставляет время для подготовки материала, который ему (как профессионалу) кажется более значимым. Оба текста подчеркивают приоритет логики профессионала над требованиями руководства или тех людей, с кем он взаимодействует в ходе своей работы.

М. Ахметова, комментируя подборку, отметила, что многие нарушения опасны для самого нарушителя, имея в виду физическую опасность, угрозу его здоровью и жизни. Рассмотрим этот момент с

точки зрения логики сопротивления. Пренебрегая опасностью, брагуя этим, герой таких баек опирается на свой профессионализм: предполагается, что правила техники безопасности адресованы непрофессионалу, а профессионал способен сам оценить степень риска и принять решение. Тут же и демонстрация того, что его действия подчиняются только логике профессиональной необходимости, а не формальным инструкциям.

Говоря о риске, сопровождающем нарушения норм в профессиональных байках, обратим внимание еще и на риски другого рода — социальные. Некоторые действия (например, упомянутые в журналистских байках подлог и плагиат) опасны, поскольку могут повлечь санкции со стороны руководства, а иные (см. примеры из фольклора юристов, психотерапевтов и работников отделений интенсивной терапии) вообще чреваты судебным преследованием (если бы они были достоверны).

Смысл такого рода рассказов как репрезентации стратегии сопротивления формам социального контроля, внешним по отношению к профессии, очевиден. А вот мотив опасности рассмотрим подробнее в рамках анализа весьма характерного аспекта неформального профессионального дискурса — аспекта, который мы определили как «мифологию риска».

Альтернативные нормы. Обосновывая возможность нарушений, неформальная традиция (конечно, через ее посредство — профессиональное сообщество) претендует на то, чтобы в «освобожденном» таким образом от внешнего контроля пространстве устанавливать свои правила поведения, альтернативные формальным. Эти правила в большинстве ситуаций прямо не формулируются, а считаются самоочевидными.

Их эксплицитная формулировка возможна:

- в ситуации их нарушения, когда требуется оценка конкретного поступка;
- в ситуации застолья, когда в форме тостов и эпиграмм, поздравительных славословий и капустников даются краткие характеристики участников: эти характеристики базируются на неформальной системе норм и оценок, тем самым проявляя невидимую обычно шкалу;
- в контексте посвящения неопитов, которым объясняют то, что прочим самоочевидно.

Нормативные суждения принимают стереотипные формы, они в изобилии представлены в различных жанрах профессионального

«фольклора», от профессиональных примет (название условно и собирательно) до баек, легенд, песен и тостов. Одна из задач данной книги — как раз анализ этого нормативного комплекса.

Пока же — о механизмах социального контроля в сфере неформальной традиции.

5. МИФОЛОГИЯ РИСКА КАК СИСТЕМА ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Говоря о неформальной традиции как форме социальной регуляции, о неформальных нормах (правилах и запретах), нужно обратить внимание на специфику подкрепления этих норм. Здесь социальный контроль не может опираться на обычные рычаги — силу или институциональное принуждение. Следует предположить, что актуальным становится принуждение символическое или хотя бы его возможность. Действительно, неформальная традиция содержит дополнительные подкрепления профессиональных норм — как официальных, так и альтернативных.

Приведем пример. В системе гражданской авиации у пилотов и бортпроводников существуют табу на некоторые темы в разговорах; это общераспространенная, хотя и неписаная норма. *«Есть, конечно, то, что вообще не рассказывают, — говорит мне бортпроводница авиапредприятия «Пулковские авиалинии» (ныне вошла в состав авиакомпании «Россия»). — А обосновывают только одной фразой: «Ты помни: мы летаем. Все остальные остаются на земле». — То есть они?.. — Боятся не вернуться. И вот этот страх — он так или иначе, он проскальзывает, все-таки он проскальзывает у всех»* (Ж, 24 года) [ПМА: СПб., 2005 г.].

Подкреплением общепринятой (хотя и неформальной) нормы служит эмоционально окрашенная (непроговариваемый, но понятный коллегам «страх») память о профессиональном риске. Причем собственно об опасности — конкретных случаях или, например, неуверенности в технике — как раз не говорят: в этом примере подобные темы, собственно, и табуируются. О риске напоминают в косвенной форме: «Мы летаем. Все остальные остаются на земле», т.е. символом риска служит само место работы, небо (как оппозиция «земле»). Но за этой ссылкой стоит вся система представлений об опасности летной работы, как общеразделяемое и в равной мере значимое для всех коллег знание. Оно и служит подкреплением неформального правила / табу.

Речь идет не о том формализованном знании, которое транслируется в форме инструкций по технике безопасности. В контексте неформальной традиции знание о рисках бытует в фольклорной форме — образов, намеков, страхов, примет и проч. Эта форма определяет не только содержание (информацию об опасности), но и моменты актуализации этой информации. Обозначим такого рода знание как «мифологию риска», понимая под нею разделяемую в той или иной (профессиональной) среде систему представлений и стереотипизированных текстов о профессиональных рисках, опасностях и диктуемых ими действиях, поведении профессионалов. Тексты и представления о рисках и опасности занимают важное место в фольклорном дискурсе всех исследованных нами профессий, от таксистов и подводников до музейных работников, актеров и экономистов. Но еще больше текстов апеллируют к ним, прямо или косвенно напоминая о рисках и опираются на них как на подкрепление.

«Воинский устав написан кровью», — говорит в интервью газете «Совершенно секретно» Иосиф Ласкавый, врач, долгое время возглавлявший отделение патологической анатомии Первой градской больницы (М.). — *Но медицинские правила тоже пишутся кровью*⁴⁵. Фраза о правилах, которые «написаны кровью», — это формула подкрепления профессиональных норм через апелляцию к представлениям о рисках профессии.

Такая фраза зафиксирована у военных, спасателей, подводников, летчиков и профессиональных водителей, так говорят и медики, рабочие-станочники, электротехники и представители других профессий⁴⁶. Эту же формулу можно обнаружить и у носителей совсем не «героических», на первый взгляд, профессий, таких как экономисты и трейдеры: «*Без преувеличения можно сказать, что правила управления капиталом написаны кровью трейдеров*»⁴⁷.

За этой формулой — апелляция к общеразделяемому знанию: знанию об опасностях, несчастных случаях, угрозах, связанных с исполнением профессиональной деятельности. Подкреплением норм служит ссылка на профессиональные риски. Это может быть риск для самого работника (у электриков) либо для клиента, того, кто оказывается зависим от его профессионализма (у медиков). Такое подкрепление правил действует в профессиональной среде и может использоваться для того, чтобы приструнить клиента. Мифология рисков служит подкреплением норм и табу, в первую очередь, транслируемых на неформальном уровне, но время от вре-

мени она актуализируется и в качестве подкрепления формальных правил профессии.

В некоторых случаях ссылки на риски профессии служат как обоснование не просто выполнения правил, а как раз отказа от формальных правил в пользу неформальных. Из интервью журналиста А. Орешкина с петербургскими спасателями: «*Все переворачивается, когда на чашу весов падает песчинка — человеческая жизнь... Если бедствие на море, в этот момент вся армия, городское правительство, гражданские службы переходят в подчинение Морскому центру... В момент опасности в Морском центре отменяются многие инструкции. Люди действуют интуитивно. Это дает огромный выигрыш в скорости... “В спасании очень большую роль играют личные отношения между командирами”, — признается начальник Морского спасательного центра Леонид Белов*»⁴⁸.

Та же тема возникает и в интервью с врачами Института им. Склифосовского, знаменитого «Склифа». «*Жизнь порой преподносит такие фокусы, что все инструкции летят к черту. Действовать по правилам — значит упустить время и потерять больного, у которого был свой маленький шанс*»⁴⁹. Риск и опасность, угроза жизни здесь служат легитимации отказа от официально утвержденных инструкций, т.е. действует как переключатель для перехода на рельсы неформальной традиции (личные связи, неписаные правила, профессиональный опыт и т.п.).

Вернемся к рассказам о нарушениях, приводившихся выше, а именно к мотиву опасности этих нарушений для самого нарушителя. Какой смысл в этом демонстративном пренебрежении опасностью — как физической, так и социальной?

Если рассматривать мифологию рисков (представления о рисках профессии) как систему подкрепления норм, то пренебрежение рисками означает демонстрацию ухода из сферы их действия — ухода от социального контроля. Речь шла о текстах, выполняющих функцию самопрезентации профессионала в кругу коллег (или же близких к этому кругу людей): следовательно, это самопрезентация его как неподвластного — субъекта, а не объект социального контроля.

6. СИСТЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГИИ РИСКА

В неформальном дискурсе различных профессий сложились механизмы поддержания памяти об опасности в актуальном состоя-

нии. Такие механизмы легко обнаруживаются в «профессиональном фольклоре». Обратим внимание на те его проявления, которые направлены на предсказание будущего — результатов профессиональной деятельности, ее успехов и неудач. Самые распространенные формы — гадания, предсказания, видения и их толкования, а также короткие тексты, которые сами носители традиции называют «приметами»⁵⁰.

Гадания и предсказания. Обычаи, поддерживающие память об опасности в актуальном состоянии, наиболее заметны в традициях занятий, связанных с повседневным риском. По воспоминаниям военных, служивших в зоне боевых действий в Чеченской республике, «в каждом дивизионе находился кто-нибудь, кто, по слухам, может предсказывать время гибели или ранения» сослуживцев. К таким людям обращаются перед боевыми операциями [ПМ: К.Н. Исакова, 2002 г. М., служил в ЧР в 1994–1996 гг.].

«Прислушавшись к *голосу интуиции*», обращать внимание на знаки, предвещающие различные неприятности (чаще всего утрату товара или денег) принято и среди торгующих на вещевом рынке. «*Бывают случаи, когда, ну, скажем, мы не слушаем, — такое есть понятие “голос интуиции” или “знаки”*», — говорит 46-летняя женщина-продавец. — *Очень часто я замечала такие вещи, когда должно что-то случиться, идут какие-то знаки, вот, или что-то предупреждает. Ну, предположим, я кладу кошелек на место, и вдруг мне что-то говорит, что его бы надо вообще скотчем заклеить. И я удивляюсь, почему такая мысль?». По словам этой женщины, к таким «знакам» надо всегда прислушиваться, невнимание опасно [ПМ: А.В. Бычкова, СПб., 2003 г.]. Требование прислушиваться к «голосу интуиции» обеспечивает внимание к теме профессионального риска, опасности — поддержание ее в актуальном состоянии.*

У водителей и работников госавтоинспекции также бытуют рассказы о знаках и видениях, оповещающих заранее об опасных и трагических ситуациях. Н.И. Бравичева приводит рассказ инспектора ГАИ: он вспоминал, как однажды, задремав на посту, увидел, будто по дороге бежит девушка в разорванном платье, босая, и будто бы бежит она по снегу (хотя было лето). Зимой то же повторилось наяву: к посту ДПС по снегу выбежала девушка, пострадавшая от насильников, босая, в разорванном платье [ПМ: Н.И. Бравичева, СПб., 2002 г.].

Представления о возможности предвидеть опасность подготавливают определение мыслей об опасности как «предчувствий», а ре-

зультат — фиксация на них внимания. Само существование мифологемы «предчувствия» (предвидения, предсказания) есть обоснование возвращения внимания к мифологии рисков.

Приметы: кодирование повседневности. Еще один класс суждений, выполняющих ту же функцию актуализации мифологии рисков, — то, что среди самих носителей профессиональной традиции называется обычно «профессиональными приметами». То же определение с известной долей условности используется и в фольклористике. Остановимся на этом классе суждений подробнее. Внешне примета выглядит как формулировка нормы, причем эта норма сопровождается ссылкой на ее подкрепление.

В качестве примера разберем одну из примет, имеющих хождение среди бортпроводников в Пулково: «*Есть у нас определенные люди, с которыми летать бояться. То есть с кем-то произошел угон самолета, с кем-то разгерметизация, кто-то в грозу очень неудачно приземлился, с аварийной посадкой. И заметили, когда вот хотя бы эта пятерка соединяется, происходит что-то немыслимое. Вот. Тогда самолет когда упал, там тоже присутствовала группа таких людей*» [Ж, 24 года. — ПМА: СПб., 2005 г.].

Структура приметы сопрягает два блока информации. Первый выглядит как правило: избегать соединения в одной бригаде бортпроводников, попадавших в авиапроисшествия, избегать летать с такими бортпроводниками. Второй блок — подкрепление: поверье об опасности полетов с такими людьми — указание на неопределенную опасность: «происходит что-то немыслимое».

Схема «приметы»:

Правило ← [подкрепление = ссылка на опасность (нарратив об опасном случае)].

Квадратные скобки — обозначение того, что подкрепление может прямо не проговариваться, а только подразумеваться. Эта вторая часть приметы способна варьировать: оставаться вообще невербализованной (говорят просто: «плохая примета» или «так не говорят», «не принято») или, наоборот, разворачиваться в полноценный нарратив. В последнем случае, формулируя примету, рассказывают случай как иллюстрацию: что было, когда примету игнорировали, т.е. структура приметы может расширяться за счет присоединения профессиональной байки, легенды — нарратива из фонда мифологии рисков.

Таким образом, модель поведения подкрепляется возможной санкцией и тем самым приобретает статус нормы. Санкция виртуальная (неопределенная опасность или конкретизированная в нарративе), она конструируется с опорой на страх, общеразделяемое знание о профессиональных рисках.

Но является ли примета в действительности формулировкой нормы? Бортпроводники летают с теми, кого назначили на данный рейс. У них едва ли есть возможность отказаться, следуя примете. Суть приметы — не сформировать непосредственно поведение, а освежить ощущение риска, напомнить об опасности. Примета — дискурсивная конструкция, которая кодирует элемент профессионального опыта как напоминание-символ риска; в данном случае таким символом становится побывавший в рискованной ситуации коллега.

Плохая примета у актеров — ронять текст роли, грызть на сцене семечки, пересекать сцену и т.п. Если допустить, что так формулируются нормы, то почему нормируются столь малозначимые действия? У пожарных и летчиков плохая примета — зашивать что-нибудь, стирать или гладить одежду перед выходом на дежурство / в рейс, т.е. и здесь примета фиксирует явно периферийные для профессии действия. Я рассматриваю здесь приметы не столько как способ нормирования поведения (поскольку они в ряде случаев касаются слабо связанных с сутью профессии, почти случайных действий), а именно как средство поддержания мифологии рисков в актуальном состоянии.

С этой точки зрения, примета — это текст перформативный: процедура кодирования какого-то элемента профессиональной среды как символизирующего опасность, актуализирующего память о ней. Примета в настоящем смысле этого слова, т.е. указание на то, что было «замечено», должна рассматриваться как социальное действие: способ установления символической связи между элементом повседневности и мифологией профессиональных рисков.

Ритмы напоминаний. Существуют приметы, которые конструируют распределение напоминаний — актуализации мифологии риска — во времени.

Представления об опасности связываются и с некоторыми временными моментами. У работников космической отрасли есть примета, что ЧП на орбите случаются в основном перед выходными⁵¹. Примета напоминает, что именно перед выходными профессионал

не должен расслабляться. Уместное напоминание, если учитывать офисные обычаи «тяпницы». Врачи Скорой помощи замечают, что на неделе самое тяжелое время (много больных, тяжелых травм) — вечер и ночь пятницы. Самым тяжелым временем суток они считают время от полуночи до раннего утра: больных с криминальными травмами привозят, как правило, после часа ночи и под утро, в так называемый час Быка. С трех до четырех часов утра, по медицинской примете, «час самоубийц». Полдень, наоборот, считается в «Скорой» самым спокойным временем⁵². Работники турфирмы сообщали, что их начальник требует приходить утром без опозданий, чтобы не упустить клиента, т.к. «утром самые сильные энергетические потоки» (= больше всего перспективных клиентов) [ПМ: СПб., 2002 г.].

Приметы фиксируют и ритм профессиональной деятельности, приписывая определенную периодичность возникновению рисков и неудач. Врачи очень часто указывают на так называемый «закон парных случаев»: *«Примета: сложный случай обязательно повторится в ближайшее время — закон парных случаев»* (Ж, терапевт, 15 лет стажа). *«Существует закон парных случаев: или на дежурстве, или на приеме в один день поступает два сложных больных»* (Ж, акушер-гинеколог, 26 лет) [ПМА: МАПО, СПб., 2003 г.]. По актерской примете, неудачным бывает обычно второй спектакль (а не премьера) [ПМ: Н. Зайцева / Кондратьева, СПб., Театр им. Ленсовета, С. Письмиченко, О. Андреев. 2000 г.]. Эти приметы предусматривают актуализацию мифологии риска после тяжелого случая (у медиков) или после удачной премьеры (у актеров).

Таким образом, мы рассматриваем профессиональные «приметы» как средство актуализации мифологии риска.

Весь массив профессиональных примет можно рассматривать несколькими разными способами.

Во-первых, какие риски актуальны для той или иной профессии? Что считается самым страшным? Т.е. нужно реконструировать систему подкреплений (виртуальных санкций за нарушение).

Во-вторых, с точки зрения набора символов риска: что считается «несчастливым», «страшным»? Какие предметы, места, действия, слова или люди становятся напоминаниями об опасностях профессии?

В-третьих, наконец, какие правила (запреты) обосновываются ссылками на эти риски?

Предстоит определить соотношение между ролью приметы как суждения нормативного и перформативного, т.е. непосредственно

осуществляющего функцию наделения знаковостью того или иного элемента повседневности. В разных случаях это соотношение будет различным. В одних случаях само запретное действие незначимо, но если с ним связана примета, оно напоминает о риске (в этом его роль). В других случаях значимо само табуируемое действие, а мифология рисков — просто подкрепление табу.

Начнем с первого вопроса — о наборе угроз. Чем (какими возможными санкциями) подкрепляют профессиональные нормы? Здесь несколько вариантов.

1) Риски для жизни: профессионала (спасатели, военные; рассказы о трагических случаях на сцене у актеров), его клиентов, тех, кто находится в зависимости от его профессионализма (врачи); тех и других (летчики).

2) Риски профессиональной неудачи (у актеров — риск провала, у трейдеров — неудачного размещения активов).

3) Риски трудностей и проблем в осуществлении профессиональной деятельности (у врачей или спасателей — много вызовов во время дежурства).

Нередко указание на характер риска представлено в свернутом, неконкретизированном виде. Примечательны случаи, когда разные виды рисков символически соотносятся с образами «крови» (правила «написаны кровью») и смерти («вся жизнь пролетела перед глазами» — когда актер просто забыл слова роли), т.е. характерна репрезентация рисков (когда о них говорят обобщенно) в образах тела. «Умереть не хочется, а продать хочется», — поговорка, записанная от продавца книг: успех дела обозначается как «продать», неуспех — «умереть».

Владельцы бизнеса описывают свое дело как постоянную борьбу за выживание: «*Бизнес — это борьба за выживание*» (М, 43 года); «*Среда бизнеса и торговли — очень специфическая среда, не каждый человек выживает в ней — не потому, что он не подходит по умственным способностям, а по моральным*» (Ж, 42 года) [ПМ: О. Косатая, 1999 г.]. Их, как и мелких торговцев, *бомбят, душат, кидают, подставляют* под удар. Сфера профессиональной деятельности моделируется как агрессивная, опасная для жизни среда, что связывают прежде всего с неустойчивостью правил и отсутствием определенности: «*Бизнес в России является неустойчивым, <...> многие изменения просто невозможно предсказать*». «*Бизнес в России <...> таит в себе массу непредсказуемых моментов, каждый день может произойти нечто “из ряда вон”*» (М, 39 лет) [ПМ: О. Евлампиева, 1999 г.]. В

профессиональном контексте актуальны разные виды рисков, но некротизм может относиться к любому из них и к самому феномену риска как атрибута профессии.

Второй из поставленных выше вопросов: что служит символами-напоминаниями о рисках профессии? Представления об опасности проецируются в повседневное окружение профессионала. Приметы конструируют символическую связь между знанием об опасности и элементами повседневного окружения: в результате символами риска становятся некоторые моменты времени, места, предметы, люди (коллеги и клиенты) и даже облик или привычки самого работника. Эти конструкции будут рассматриваться подробно в следующих главах, посвященных символическим аспектам пространства, атрибутов профессии, телесности профессионала.

Кроме примет, ту же роль — актуализации представлений о рисках — выполняют и тексты, выраженные в других жанровых формах: мотивы опасности реализуются в паремиях, нарративах, песнях, тостах.

На данном этапе важно сформулировать следующее:

1. Неформальная профессиональная традиция рассматривается здесь как система социальной регуляции, альтернативная внешней по отношению к профессии системам контроля: организационного, государственного, рыночного и проч. В этом отношении в ней можно видеть неформальный институт реализации профессиональной автономии.
2. Неформальная профессиональная традиция содержит свои нормы и формы сопротивления, деконструкции норм, диктуемых извне (например, организационного порядка).
3. В качестве системы подкрепления неформальных норм и практик сопротивления здесь рассматривается комплекс представлений о рисках и опасностях профессии. Выраженные в фольклорной форме, эти представления обозначены как «мифология риска»: совокупность нарративных и других (например, песенных и паремийных) форм вербализации опыта переживания, предчувствия и преодоления опасности.
4. Традиция содержит средства поддержания мифологии рисков в актуальном состоянии посредством примет, а также практик гаданий и предсказаний в преддверии значимых профессиональных действий.
5. Так называемые «профессиональные приметы» есть жанр, базирующийся на предписании фиксировать и запоминать трагиче-

ские или рискованные моменты профессиональной деятельности и затем проецировать опыт действия в условиях риска на ситуации, аналогичные по какому-то признаку. В результате самые разнообразные элементы повседневности, значимые и случайные действия, внешний облик профессионала, некоторые моменты времени или места в пространстве профессии становятся для носителей традиции напоминаниями о рисках, средствами актуализации представлений о рисках, а тем самым и подкрепления неформальных норм.

В следующих главах рассмотрим, как профессиональная традиция осваивает различные аспекты повседневности: проанализируем символику пространства профессии, предметной среды (атрибутики, снаряжения) и тела самого профессионала.

¹ Freidson E. The changing nature of professional control // *Annual Review of Sociology*. 1984. № 10. P. 1.

² Rothblatt Sh. How “Professional” Are the Professions? A Review Article // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 37, № 1 (Jan., 1995). P. 196.

³ Ibid. P. 197.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 199.

⁶ McClelland Ch.E. The German Experience of Professionalization. Modern Learned Professions and Their Organizations from the Early Nineteenth Century to the Hitler Era. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

⁷ Matthews R.C.O. The economics of professional ethics: should the professions to be more like business? // *The Economic Journal*. 101 (July 1991). P. 737–750.

⁸ Ibid. P. 739–740; Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М, 1990.

⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

¹⁰ Matthews R.C.O. Op.cit. P. 744–745.

¹¹ Simpson R.L. Social control of occupations and work // *Annual Review of Sociology*. 1985. № 11. P. 415.

¹² Edwards R. Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the twentieth century. N.Y.: Basic, 1979.

¹³ Simpson R.L. Op.cit. P. 417–418.

¹⁴ Ibid. P. 417.

¹⁵ Ibid. P. 417. Симпсон дает ссылку на: Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. Chicago: University Chicago Press, 1964.

¹⁶ Freidson E. Professional Dominance: The Social Structure of Medical Care. N.Y.: Atherton, 1970.

¹⁷ Simpson R.L. Op.cit. P. 420.

¹⁸ Oppenheimer M. The proletarianization of the professional // *Professionalisation and Social Change*. (Keele Sociological Review. Monograph 20) / Ed. by P.J. Halmos. The University of Keele, 1973. P. 213–227.

¹⁹ Simpson R. Op.cit. P. 419.

²⁰ Ibid.

²¹ Abbot A. Professional Ethics // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 88, № 5. Pp. 855–885. P. 855.

²² Parsons T. The Professions and Social Structure (1939) // Parsons T. *Essays in Sociological Theory* (Revised Edition). N.Y.: The Free Press, 1966.

²³ Abbot A. Op.cit. P. 858.

²⁴ Ibid. P. 862.

²⁵ Ibid. P. 859.

²⁶ Ibid. P. 860.

²⁷ Ibid. P. 860–861.

²⁸ Ibid. P. 862.

²⁹ Simpson R.L. Op.cit. P.421.

³⁰ Parsons T. Remarks on Education and the Professions // *The International Journal of Ethics*. 1937. P. 365–381.

³¹ Goode W.J. Community within a community: the professions // *American Sociological Review*. 1957. № 22. P. 194–200.

³² Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge studies in social anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977; Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

³³ Brain D. Practical knowledge and occupational control: the professionalization of architecture in the United States // *Sociological Forum*. 1991. Vol. 6. № 2. P. 239–268.

³⁴ Ibid. P. 240.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 242.

³⁷ Бринккьер У., Норгольм М. Какая связь между практической деятельностью человека и сопутствующим ей дискурсом? Обсуждение статуса практической теории // *Профессии.doc*. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 11–29.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // *Социологические исследования*. 1995. № 2. С. 8–12.

⁴⁰ Романов П.В. Власть, управление и контроль в современных организациях: Антропологические исследования управления и организаций в современном обществе. Саратов, 2003; он же: Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов, 2000.

⁴¹ Nader L. Controlling processes: Tracing the dynamic components of power. Sidney Mintz lecture for 1995 [and Comments and Reply] // *Current Anthropology*. Vol. 38. № 5. December 1997. P. 711–737.

⁴² Частично результаты этого исследования нашли отражение в публикации о фольклоре железнодорожников: Ахметова М. Норма и ее нарушения в «профессиональном тексте» (рассказы об употреблении алкоголя машинистами паровозов)//Антропологический форум online. № 12. — Статья доступна на сайте журнала по адресу: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_akhmetova.pdf

⁴³ «Перенос» и «контрперенос» — понятия, восходящие к психоаналитической традиции. Практикующие психотерапевты и аналитики используют их для обозначения бессознательных реакций психотерапевта и клиента друг на друга. Разные авторы подчеркивают разные аспекты этих реакций. Один из вариантов определения: «На простом языке перенос рассматривается в связи с “бессознательным” (неосознаваемым) процессом, о котором говорится, что клиент психотерапии проецирует на терапевта как позитивные (желаемые) и негативные (нежелательные) качества, которые могут на самом деле принадлежать другим значимым людям в прошлой жизни клиента (или клиент может проецировать значимые качества или аспекты прошлых отношений), и затем они ведут себя или отвечают на воздействия так, как будто он или она являются этим человеком (или обеспечивает или может обеспечить отношения того же качества). <...> Контрперенос можно рассмотреть как процесс, противоположный переносу, при котором терапевт проецирует на клиента. Это дополнительное понятие по отношению к трансферу, относится к предположительному процессу, в котором чувства, мысли и поведение терапевта по отношению к клиенту могут, до некоторой степени, также быть под воздействием так называемого “бессознательных” (неосознаваемых) желаний, чувств, реакций, фантазий и т. д., которые происходят из раннего детского опыта терапевта, но которые теперь вклиниваются и нарушают (без осознания терапевтом) качество терапевтических отношений» (из статьи практикующего психотерапевта, работающего в русле гештальт-терапии: Зембински З. Перенос и контрперенос в гештальт-терапии // Сайт «Психологический навигатор: все о психологическом консультировании и психотерапии». <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=129>.

⁴⁴ Ахметова М. Личный архив и переписка с автором настоящей книги. 2008 г. Среди авторов, участвовавших в формировании подборки, пользователи ресурса «Живой журнал» (livejournal.com), писавшие под псевдонимами: *klimentina*, *nikitina_mama*, *n1284q*, *amethyst_grape*, *bakatina*.

⁴⁵ Светлова Е. Врачебная ошибка // Совершенно секретно. 1999. № 7.

⁴⁶ См.: Интервью генерального директора ОАО «Новосибирскэнерго» Вл.Дм. Соловьяновым. Стратегия развития ОАО «Новосибирскэнерго» // Налоги и экономика. 2002. № 1–2; Хомутов Л. Правила воздушного движения написаны кровью // публикация на сайте: www.chelpress.ru. 2001. 17 авг.

⁴⁷ Сайт «Tele Trade» D.J. International Consulting Ltd.: <http://samara.teletrade.ru>.

⁴⁸ Орешкин А. SOS умер, но дело его живет // Смена. 1999. 15 марта.

⁴⁹ Светлова Е. Указ. соч.

⁵⁰ Назарова И. Приметы в профессиональной сфере // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007. С. 295–312; Щепанская Т.Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. М., 2006. Т. 2. С. 405–427.

⁵¹ Кораблев И. «Норильский никель» внедряет высокие космические технологии // Корпоративный журнал «Норильский никель». 2003. № 2 (3). www.nornik.ru/number/14.

⁵² Бойцова М. Один день из жизни медицины катастроф // Петербургский час пик. 1999. 10 марта. № 9 (61). С. 11; Светлова Е. Указ. соч; ПМА: СПб.: МАПО, 2003.

Глава 2

ПРОСТРАНСТВО ПРОФЕССИИ

В этой главе приведем материалы, характеризующие пространство профессии как проекцию профессиональной идентичности и профессиональной традиции.

1. МЕСТО РАБОТЫ И ПРОСТРАНСТВО ПРОФЕССИИ

Пространство рассматривается здесь с точки зрения его знаковых свойств, а совокупность пространственных символов — как один из кодов, опосредующих функционирование и трансляцию традиции. Обозначим предмет изучения.

1) Маркирование пространства символами профессии. Что прочитывается как такие символы? Какие вещи, действия, изображения, надписи и прочее воспринимаются носителями традиции как символы профессии?

2) Интерпретация пространства (места профессиональной деятельности, его отдельных локусов, пространственных практик) в рамках профессиональной (неформальной, поскольку в этой книге речь идет о ней) традиции.

Исходя из предположения, что профессиональная традиция кодирует элементы пространства (придает им значения и диктует прочтение), поставим задачу по мере возможности (насколько позволяют источники) извлечь те смыслы, которые проецируются в пространство профессии как следствие функционирования профессиональной неформальной традиции. Поскольку эти смыслы обычно не проговариваются (неформальная традиция по определению невидима вне среды ее носителей), а если эксплицируются — лишь ситуативно, фрагментарно, то полной картины всех значений восстановить не удастся, тем более что нет и не может быть их какого-либо установившегося списка. Но можно установить принципы интерпретации, т.е. те принципы, по которым происходит понима-

ние / извлечение этих значений (негласные правила раскодирования в самой профессиональной среде). Они, конечно, тоже не сформулированы, но их неизмеримо меньше, чем множество возможных значений¹.

Как соотносятся «пространство профессии» и «место работы»? Между этими понятиями нужно провести аналитическое разграничение. В основе его разграничение между «организацией» — формальной структурой, контролирующей место работы (именно организация задает правила и ограничения поведения на рабочем месте), и «профессией», определяющей его профессиональную идентичность. Собственно, профессия тоже влияет на поведение, но не только через формальные требования (например, технические требования или этический кодекс), но и через неформальные и даже не всегда осознаваемые структуры, такие как *habitus*.

Когда мы говорим о «месте работы» (или рабочем месте), то имеем в виду восприятие работником места своей деятельности сквозь призму правил и ограничений, накладываемых организацией, которая это рабочее место формирует и контролирует. Понятие «место работы» можно рассматривать и с точки зрения самих институтов, устанавливающих правила поведения в учреждении. Тогда место работы становится пространственным определением области функционирования официальных, заданных институтом норм (например, должностных инструкций или штатного расписания, устава учреждения и т.п.).

Говоря же о «пространстве профессии», мы имеем в виду восприятие места работы сквозь призму представлений о профессии: место работы воспринимается как средоточие символов профессии и проекция профессиональной идентичности; место самореализации работника в качестве профессионала.

Таким образом, мы рассматриваем пространство работы как поле действия (нередко противостояния) по крайней мере двух форм социального дискурса и контроля: со стороны организации (как формальной системы контроля) и профессии (с ее в основном неформальными системами). Понятно, что это обобщенная модель. Неформальные структуры профессии имеют тенденцию формализоваться (возникают профессиональные общества, ассоциации со своими в большей или меньшей степени формализованными кодексами), т.е. и на базе профессии могут возникать организации. Но их право контроля рабочего места все равно внешнее для учреждения, оно базируется скорее на нормах морального порядка, чем на

трудовом договоре, штатном расписании и других документах, фиксирующих требования организации к работнику. Профессиональные кодексы в некоторых случаях включаются в уставы учреждений, где работают профессионалы, или оказывают влияние на эти уставы. Однако степень такого влияния различна, и оно (влияние) является результатом переговоров, противостояния, борьбы, т.е. различных форм взаимодействия между структурами социального контроля профессии и организации. Поэтому на аналитическом уровне их полезно разделять как разные структуры.

Итак, аналитическое разделение понятий «место работы» и «пространство профессии» означает постановку следующих вопросов.

- Каким образом место работы трансформируется в пространство профессии?
- Как место работы маркируется символами профессии и таким образом становится проекцией профессиональной идентичности?
- Что становится символами профессии? Какие аспекты профессии посредством этих символов проецируются в пространство работы?
- Как это соотносится с формами социального контроля на рабочем месте?

Эти вопросы будут предметом обсуждения в главах, посвященных пространству профессии. Они задают угол зрения, под которым будут рассматриваться этнографические материалы.

2. НЕКРОСИМВОЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКАХ ПОСВЯЩЕНИЯ

Смыслы, проецируемые в пространство, становятся видимыми в ритуализованных практиках посвящения в профессию, в ходе которых, по-видимому, и конструируются. В процессе вхождения новичка в профессиональную среду он осваивается в месте своей работы, открывая для себя его символические аспекты. Место работы, таким образом, преобразуется для него в символически нагруженное, значимое пространство профессии.

Практики «посвящения в профессию» растянуты во времени, начинаясь еще во время обучения и продолжаясь вплоть до того, как новичок освоится на новом месте работы. Наиболее же ритуализованная часть обычно приурочена к первому пребыванию (или пер-

вому самостоятельному действию) неофита в пространстве его профессии — в значимых для самоидентификации профессионала локусах. В этнографии и археологии посвящают *в поле* — во время первой экспедиции. Посвящение в летчики происходит после первого полета на воздушном судне, в парашютисты — после первого прыжка, в подводники — после или во время первого погружения либо первого похода; моряки совершают посвятельные обряды, пересекая в море линию экватора или проходя в районе полюса. Будущие врачи отмечают посвящение в профессию еще в вузе — после того, как сдадут зачет, связанный с препарированием трупа, после занятий в *анатомичке* (анатомической лаборатории) или морге. Актеры отмечают первый выход на сцену (первый спектакль), после которого следует *проставиться*.

Посвятельные обряды не всегда и не полностью доступны для наблюдателя. Приведем несколько эпизодов, обращая внимание на то, как в посвятельных ритуалах открывается неофитам символическая сторона пространства, где им предстоит работать.

Медики. У студентов-медиков местом, где проходит их приобщение к профессии, считается прозекторская (анатомическая лаборатория, а затем морг); первый контакт с мертвым человеческим телом воспринимается как своего рода испытание на профессиональную пригодность [ПМ: В. Мониц, А. Рябикин, 1999—2000 гг.]. В рассказах студентов и врачей это посещение интерпретируется как испытание на профпригодность. Студент 4 курса Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени И.П. Павлова вспоминает первое посещение морга во время практики: «Ну... только когда пришли всей группой туда, кто-то из старшекурсников повесили на дверь табличку: “Добро пожаловать!”» [ПМ: В. Мониц, 2000 г.]. Лозунг звучит двусмысленно: приветствие при входе — куда? При входе в морг: с точки зрения непосвященных — в пространство смерти, с точки зрения медиков — в пространство профессии, где можно будет получить профессиональное знание. Но это пространство маркировано знаками смерти. Именно через него лежит путь в профессию, который студенты описывают как многоступенчатый: «Переход на более высокую ступень врачебного звания на неформальном уровне... “по мере видения страшного”. Младшие курсы работают в анатомическом отделении, затем происходит переход в морг, связанный с дисциплиной “Судебная медицина”. После этого студенту неформально присваивается степень “младшего фельдшера”. Затем наступает период практики в больнице, где сту-

дент берет под опеку одного или нескольких пациентов, и тогда он уже «лечебник», т.е. практически настоящий врач» [ПМ: В. Монич, 2000 г.].

Посвятельные ритуалы включают практики символического приобщения, соприкосновения со смертью и ее проявлениями. При этом будущий врач должен преодолеть страх, продемонстрировать способность не только сохранять спокойствие среди мертвых тел, но и работать. А. Рябикин зафиксировал у студентов-медиков следующее поверье: «Чтоб не бояться» покойников, нужно при первом «знакомстве» с трупом взяться за большой палец его ноги [ПМ: А. Рябикин, 2000 г.]. Студенты-практиканты фотографируются рядом с мертвым телом, обозначая факт своего нахождения в этом пространстве «за гранью». В студенческой среде ходят байки о том, как практиканты «в шутку» отрезают и пришивают в другое место органы препарированного тела (а следующая группа должна сориентироваться и отыскать их в самом неожиданном месте); как перемещают гениталии трупа; тайком берут с собою частички препарата (косточки) для того, чтобы дома подготовиться к зачету. Все эти мотивы укладываются в рамки самопрезентации как профессионала — того, для кого смерть не источник страха, а объект профессионального интереса, как и человеческое (даже мертвое) тело.

Итак, в медицинских инициациях пространство профессии моделируется как пространство смерти, т.е. оно маркируется образами смерти.

Посвящением в «полевые» профессии (геологи, археологи, антропологи) считается первый опыт работы в экспедиции — «в поле». Посвятельный смысл придается и самой первой экспедиции, но к ней в некоторых профессиональных сообществах приурочены и специальные ритуализованно-театрализованные действия — «обряд посвящения» в профессию.

Обратим внимание на то, как воспринимается в этих обрядах пространство.

В моей коллекции имеется несколько свидетельств о специфической практике посещения «страшных» мест во время археологических, этнографических и фольклорных экспедиций, именно в качестве «инициации» для неофитов. Н. Карбаинов, коллега из Улан-Удэ, вспоминал археологическую экспедицию в Бурятии, где проходили практику студенты местного университета: «У нас еще была такая практика — ходить... ночью сходить на раскоп. Я честно — я сам провоцировал первокурсников, а сам боялся идти на раскоп:

как-то мне не по себе было. Кто знает: как бы святотатство вот это... тем более, бурятский обычай, я пойду — а мало ли что произойдет» [ПМА, 2004 г.].

Характерная практика — посещение захоронений, погребальных сооружений или же имитирование погребения — игровое положение в могилу. Н. Карбаинов упоминал существовавший в археологической студенческой экспедиции (снаряжавшейся от университета Улан-Удэ в 1990-е годы) обычай ложиться в могильную яму: «Девчонки некоторые бегали... вырыли раскоп там, как раз могильное пятно, скелет убрали, и одна... пара девчонок бегали, ложились в могилу. <...> Вот я не знаю, зачем... ну просто вот они» [ПМА: Н. Карбаинов, 2004 г.]. Обычай протаскивать в яму неофитов упоминает и Д.В. Громов, рассказывая об археологической экспедиции в Подмосковье [ПМА: Д.В. Громов, 2003 г.]. В его интерпретации это было элементом обряда посвящения в археологи.

Во время раскопок Рюрикова городища под Новгородом (1978 г.) мы, студентки, ходили к «Галиной могиле», где росла яблонька-дичок. К «Галиной могиле» мы водили всех вновь прибывших как к нашей экспедиционной достопримечательности [ПМА, запись 1999–2002 гг.].

В археологических экспедициях существует практика ночевки на погребальном сооружении — вскрытом кургане. Она подкреплена формальными правилами: после вскрытия неразграбленного захоронения инструкция требует оставлять на нем на ночь сторожа во избежание разграбления. Вокруг этой практики сложился археологический фольклор. В частности, из Южно-сибирской археологической экспедиции конца 1980-х годов (работавшей в Хакасии) происходят рассказы о призраках, пугавших на кургане членов экспедиции [ПМА: Д.А. Баранов. СПб., 2003 г.]. Как показывает сам факт моей записи, рассказы об этом спустя полтора десятка лет еще имели хождение не только среди археологов, но и в смежной (через общий круг знакомых — участников экспедиции) среде этнографов. В 2003 г. студенты московского РГУ подтвердили, что слышали подобные рассказы и что в их экспедициях призраки из неразграбленных захоронений назывались «бандерлоги» (так же, как и новички-экспедиционеры, которым, судя по всему, эти байки и адресовались).

А.Л. Топорков, говоря об экспедициях фольклорно-этнографической направленности, упоминает как характерные практики «походы во всякие нечистые места. В конце Каргопольской экспедиции

в последнюю ночь мы ходили в заброшенную церковь, где <...> молодые люди пришли, сказали, что какие-то косточки нашли, <...> там действительно косточки были» [ПМА: А.Л. Топорков. М., 2003 г.]. В стенной газете кафедры этнографии и антропологии СПбГУ, посвященной экспедиции, упоминается «инициация отряда разрушенной церковью». Речь идет об экспедиции конца 1990-х годов (газету я сфотографировала в помещении кафедры этнографии в 1999 г.).

Как видим, некросимволизм обнаруживается и в посвячительных практиках «полевых» профессий — «поле» тоже вписывается в инициационный сюжет через маркирование «страшными» символами.

Актеры считают профессиональным посвящением первый выход на сцену в роли. По свидетельствам актеров Театра им. Ленсовета (записи Н. Зайцевой 1999—2000 гг.), в их коллективе существует ритуал под названием «Мир входящему»: человек, впервые отыгравший спектакль, свою первую роль в театре, должен «проставиться» — собрать стол для всех, с кем играл в этом спектакле. Бывает, что первый выход происходит внепланово. Именно так произошло приобщение к театру О. Андреева: «*В нашем театре ставится очень много детских спектаклей. И однажды, когда я еще был на первом курсе, зашел в буфет чайку попить. Туда залетает режиссер в панике — не пришел артист на спектакль: “Давай, переодевайся — будешь за него”. Меня переодели в разбойника. Я, конечно, в жутком зажиме, у меня мандраж, я весь боюсь. И меня на выход. А выход был через зрительный зал на сцену. Мы идем через зрительный зал, пугаем детей. Я решил выпрыгнуть на сцену кувырком, решил продемонстрировать свои акробатические способности. Я прыгнул, сделал кувырок, так что первый выход на сцену у меня был кувырком*» [ПМ: Н. Зайцева (Кондратьева), 1999].

В описаниях первого выхода на сцену практически всегда акцентирован мотив страха — *мандраж, зажим*, это профессиональные термины для его обозначения, а самый страшный вариант из актерских баек — это «белый лист», когда актер, выйдя на сцену понимает, что он полностью забыл роль, перед глазами белый лист. Вот тогда, как говорят, «вся жизнь промелькнет перед глазами», т.е. ситуация описывается так, как описывают страх смерти. Этот страх, связанный с первым выходом на сцену, потом воспроизводится каждый раз. Актерский профессионализм заключается в том, чтобы неизбежное волнение использовать как основу для построения эмоционального рисунка роли. Но сцена остается «страшным» местом.

Неофитам рассказывают многочисленные байки, акцентирующие опасность пространства, в котором будет протекать их деятельность, причем это характерно отнюдь не только для профессий, которые принято считать рискованными. Подобные мотивы часто встречаются и в актерских байках. «*Сцена — очень опасная для артиста вещь, — говорит О. Андреев (актер театра им. Ленсовета в интервью Наталье Зайцевой (Кондратьевой). — Опасностей в театре очень много*». В качестве иллюстрации рассказывает театральную байку: «*Есть такие алюминиевые карандаши, которыми софиты направляют. И этот карандаш начал падать во время спектакля на молодого актера. Мы кричим: Леша, Леша!.. А он стоит, ничего не понимает, а карандаш медленно падает. — Что такое? Что?! — Амы: — Леша, отойди! — и этот карандаш ему ровно по голове: бум! Сотрясение мозга*».

Записывая актерские байки в театре им. Ленсовета, Н. Зайцева (Кондратьева) зафиксировала как один из самых распространенных сюжетов о различных опасных происшествиях на сцене: о том, как во время спектакля рушатся декорации, начинается пожар, актер падает в зал на головы зрителей и т.д. [ПМ: Зайцева (Кондратьева), 2000 г.]².

Другой распространенный мотив актерских историй — «смерть актера» или «известие о смерти близкого человека» во время спектакля; при этом подчеркивается, что актер, получивший трагическое известие, все-таки доигрывает спектакль, а смертельно больной артист не уходит со сцены. Оба мотива трактуются как доказательства верности профессии, проходящей испытание самой смертью и оказывающейся сильнее.

В приведенных случаях пространство профессии в посвячительных ритуалах маркируется символикой смерти / риска / опасности.

3. ПРОСТРАНСТВО РИСКА

Потом, вне обрядов посвящения, некросимволизм пространства профессии сворачивается в краткие формулы повседневной коммуникации: фразеологизмы, шутки, приметы. Где-то возле грани миров фразеологизмы локализируют пространство профессии спасателей, которые *балансируют на грани жизни и смерти*, или медиков, которые *вытаскивают людей с того света*. Характерна и формула, популярная среди людей небесных профессий: «*Летчики* (вар.:

парашютисты, десантники) не умирают — они поднимаются в небо и не возвращаются».

Этот мотив, разумеется, особенно заметен в фольклоре общепризнанно опасных профессий — военных, шахтеров, шоферов, летчиков, моряков. В ситуации коллективного застолья, частично воспроизводящей контекст посвящения, некросимволизация пространства профессии актуализируется в форме тостов. У летчиков есть тост: *«За то, чтобы число взлетов равнялось числу приземлений»*; у подводников: *«Чтобы число погружений равнялось количеству всплываний»*. Эти формулы акцентируют вероятность трагического исхода каждого пребывания в профессиональном пространстве, напоминая о его опасности.

Один из самых распространенных профессиональных тостов — тост, провозглашаемый *«За тех, кого нет с нами»*. У моряков этот тост звучит: *«За тех, кто в море!»*, у рыбаков — *«За тех, кто на промысле!»*, у этнографов, геологов и представителей других полевых профессий — *«За тех, кто в поле»*, у горняков — *«За тех, кто в горе»*. Этот тост произносят за тех, кто в момент застолья пребывает в пространстве профессии — в локусе, наиболее значимом для ее самоопределения; но тот же тост произносят и за погибших коллег. Впрочем, в некоторых профессиональных сообществах тост «за тех, кто...» вообще принято пить не чокаясь, как пьют за покойников: *«Ну, за тех, кто в поле, “в горе”, в маршруте и на работе — без “дзынь”!»* — этой фразой завершает блогер-геолог свое поздравление коллег с профессиональным праздником³.

Самый распространенный среди профессиональных тостов — *«За тех, кто в...»* — указывает на пространство как символическую проекцию профессии, символ коллективной идентичности, и понимается как отдание дани тем, кто навечно остался в этом пространстве. В один узел соединяются символика профессии как сообщества, пространства и смерти.

Примечательно соединение мотива опасности пространства профессии и идентификации с ним профессионала. То же сочетание обнаружилось в высказываниях петербургских архитекторов. *«Существуют легенды, — говорит в интервью представительница этой профессии, — что архитекторы живут на рабочем месте, <...> а после смерти многие архитекторы хотят быть похоронены неподалеку от своих сооружений»*. Ее коллега упоминает *«легенды о том, что душа архитектора после его смерти находится неподалеку от его сооружений»* [ПМ: О. Аверичева, СПб., 2002].

Любопытная параллель нашлась в ритуальных практиках работников космической отрасли. На канале НТВ прошла информация о том, что в августе 2010 г. состоится «космические похороны, <...> на орбите будет развеян прах ветерана космодрома Байконур Виталия Федорова, отдавшего работе в Роскосмосе 44 года своей жизни»⁴. Там же отмечается, что до него, в 2004 г., подобным образом был доставлен в космос (но силами американского космического агентства) прах Бориса Якушина, также работника ракетно-космической отрасли из Новосибирска.

Как и у архитекторов, желание посмертно остаться в месте, с которым была связана профессиональная деятельность, представлено здесь как выражение профессионализма, идентификация с профессией — как идентификация с пространством профессии, которое, в свою очередь предстает как пространство смерти. Некросимволизация пространства (как и в обрядах посвящения) встраивается в структуру профессиональной идентичности.

Вероятно, та же система представлений лежит и в основе обычаев, связанных с похоронами профессионалов: гудки локомотивов на похоронах работников железнодорожной отрасли или аплодисменты на похоронах актеров⁵. Человека провожают в последний путь как профессионала — тем самым маркируя и пространство его посмертного существования как пространство профессии. При Пулковской обсерватории под Санкт-Петербургом прямо на холме возле телескопов, имеется кладбище, где хоронили работников этого академического учреждения. Я посетила это кладбище в 2004 году. На некоторых надгробных памятниках присутствуют изображения телескопов и надписи: «Астроном»; или же дуга радиотелескопа. Пространство смерти маркируется знаками профессии — так же, как и пространство профессии — знаками смерти.

Некросимволизация пространства профессии находит свое продолжение в мотиве его опасности, чрезвычайно продуктивном, воплотившемся в многочисленных нарративах — байках, легендах, этиологических рассказах, обосновывающих те или иные формальные и неформальные правила либо привилегии профессиональной среды.

В статье А. Ленкевича, посвященной г. Лица, где на тот момент была расположена база Северного флота, приводится рассказ моряков-подводников о посещении подводной лодки космонавтом Юрием Гагариным. В советское время это была культовая фигура, символ прорыва советского человека в космос. Мотив посещения

места работы статусными персонажами — вообще характерная часть профессионального фольклора: в их уста вкладываются суждения, принимаемые как авторитетные. Предание гласит: «После похода на подлодке Юрий Гагарин сказал, что в космосе намного безопаснее, чем под водой»⁶. В фольклоре запечатлелось подкрепленное авторитетом высокого гостя суждение об опасности пространства профессии как очевидно значимая его характеристика. Другой пример: «Каких утрат нам стоили моря...»⁷, — так озаглавлена рецензия в журнале «Наука и жизнь» на книгу Н.А. Черкашина⁸ о повседневной жизни российских подводников.

Школьные учителя, говоря о своей профессии, отмечали в интервью, что она забирает «много энергии», что после нескольких уроков чувствуешь опустошение, «как выжатый лимон». Работающий учителем мой собеседник свидетельствует, что подобные высказывания — общее место: «Учителя говорят: все, я уже не могу. Через десять лет я коньки отброшу... Ну, доходит до того, что “Все, кирдык, я не могу”» [М, ок. 20–22 лет: ПМА, СПб., 2004 г.]. В Биографическом фонде СИ РАН хранится автобиография Н.М. Улановой, которая по завершении карьеры балерины работала художественным руководителем Новосибирского хореографического училища (одновременно проводя и репетиции в театре). «Я металась между школой и театром. А актеры заключали пари: когда помру — по дороге из театра в школу... или наоборот?» [БФ СИ РАН, № 90. Н.М. Уланова, 1914 г.р.]. Место, где протекает профессиональная деятельность, описывается как отбирающее жизненные силы, как место, где ощущается скорый конец. «Смерть» и «потеря жизненной силы (энергии)» в этих разговорах — метафоры высоких трудовых нагрузок, полной самоотдачи работника-профессионала.

Говоря о школе, можно отметить еще один мотив, связанный с ее некротрансформацией: мотив школы, стоящей на месте захоронений или же гибели людей. Правда, такие рассказы записаны от детей — учеников этих школ. Связана ли детская мифология с восприятием своего места работы профессионалами? Вопрос этот требует дополнительного изучения (насколько учителя в курсе детской мифологии?). Но некоторые мотивы детских рассказов связаны и с профессиональной деятельностью учителей:

«На месте нашей школы было кладбище, и когда ее строили, то находили много человеческих костей. Говорят, что у нас подвале есть привидения и туда нельзя ходить. И поэтому в школе всегда хочется спать».
«На месте нашей школы было кладбище, под ней кровавая река текла.

Вот под этой дорогой, где часто погибают (дети), там течет кровавая река. По ней плывет черный корабль без признаков жизни на себе, стреляет, радиация там. Течет эта река с кладбища, из школы нашей. Ну как объяснить наше резкое понижение учителей? Все оттуда уходят» [ПМА: М, 10 лет. СПб., Выборгский р-н, 2000 г.]. «*Нашу школу строили солдаты, и одного солдата (убили) и замуровали под ней. И над этим местом в классах учителя всегда раздражительные — это привидения ходят. И там всегда холодно»* [ПМА: СПб., 2001]. В детстве «*компанией ходили, рассказывали страшные истории, — вспоминает студентка СПбГУ. — Ну что, допустим, в школьном подвале, там течет река, что там кровь течет, что там убивают школьников нерадивых, туда скидывают — вот, все директор плохой. Это классе во втором-третьем»* [ПМА: Ж, ок. 20 лет. СПб., 2008].

Распространены также рассказы про места в школах (в туалете, под лестницей и т.д.), где кто-нибудь «повесился» или кого-то убили. Этим объясняют запрет ходить в некоторые помещения школы или постоянную недоступность этих мест (почему все время закрыта одна из туалетных кабинок) [ПМА: Ж, ок. 20 лет. СПб., 2008]. Трудно сказать, насколько работающие в школе учителя осведомлены о подобного рода мифологии. Однако мотив страха, трепета и даже ужаса, испытываемого перед школьным зданием, в интервью с учителями присутствует.

В среде работников «полевых» профессий (геологов, археологов, этнографов) подобные мотивы характерны для рассказов о «поле»: байки о встречах в экспедиции с диким зверем, бежавшим уголовником, воинственно настроенными местными жителями, опасными и страшными персонажами местной мифологии, а также об испытании экспедиционеров на выживаемость фантастически некачественной или убийственно крепкой местной водкой (чачей, самогонкой и т.д.).

Именно в ходе посвячительных практик место, где проходит деятельность профессионала, трансформируется (начинает трансформироваться) в пространство профессии. Некротрансформация, наделение пространства профессии значениями, связанными с рисками, опасностью, близостью смерти, — один из самых устойчивых вариантов его символического наполнения.

Приметы. Отдельные черты или свойства пространства фигурируют в профессиональных приметах, т.е. пространство включается в конструкции подкрепления профессиональных норм. Рассмотрим этот комплекс на примере актерских примет и поверий.

Большинство актерских примет связано с поведением на сцене: например, плохая примета — свистеть на сцене, громко разговаривать и ругаться матом, совершать пошлые жесты, лужгать семечки и плевать; нельзя ходить по сцене в уличной обуви — надо переобуться [Н. Зайцева (Кондратьева), Театр им. Ленсовета, СПб., 1999–2001 гг.]. Обоснования (по материалам Н. Зайцевой / Кондратьевой): «дурная примета», «это нам подсказывает какой-то внутренний голос» (А. Блок). В нескольких интервью повторялась ссылка на «сакральность» сцены: «Сцена — это сакральное место для актера. Нежелательно там плевать, справлять какие-то физиологические потребности. Желательно всю грубую реальность жизни заменить какими-то театральными условностями» (К. Хабенский). «Молодой человек, приходящий в театр, должен относиться к сцене как к храму» (А. Блок).

Обычные телесные проявления на сцене становятся «пошлыми» и табуируются — в пользу условностей сценической жизни. Тело актера передается в условный, знаковый мир спектакля. Запрет делает эти обычные телесные проявления значимыми и знаковыми: даже запрет на них есть напоминание о рисках (в основном о риске провала, но, как уже говорилось, примета построена так, что актуализирует потенциально вообще весь фонд мифологии риска).

В театральных приметах моделируется и собственно пространственное поведение: нельзя ходить (вне спектакля) через всю сцену — надо обойти ее; некоторые артисты и музыканты считают хорошей приметой выходить на сцену с определенной стороны, символически размечая пространство как «благоприятное» и «опасное». Так, в прессе упоминаются приметы, приписываемые известным артистам. Т. Гвердцители предпочитает выходить на сцену во время выступления из-за левой кулисы, а Александр Буйнов — из-за правой⁹. Нарушение этих примет (иногда личных, иногда общепринятых в театре) связывают с опасностью провала на сцене. Т.е. сама ориентация в пространстве работы (правое / левое, пересечение сцены) кодируется как повод вспомнить о рисках профессии.

Целый класс примет указывает на «несчастливое» для профессионала место. Обычно в этом качестве фигурирует чужое место. Так, от актеров Театра им. Ленсовета была записана примета, что сцена Театра «Балтийский дом» для них несчастливая. Объясняли тем, что когда-то на этом месте было кладбище [ПМ: Н. Зайцева (Кондратьева), 2000 г.]. Этот случай интересен как пример некротрансформации пространства профессии: риски профессии (опас-

ность провала спектакля) сопрягаются с некротрансформацией места (было кладбище).

Профессиональные приметы включают пространство — практики ориентации в нем, обычные классификации его локусов (право / лево, свой / чужой, бытовой / условный, профанный / сакральный) — в систему актуализации мифологии риска. Означает ли это, что с пространством профессии связан и социальный контроль? Если в нем представлена система подкрепления, следует ожидать и трансляции самих норм?

4. ПРОСТРАНСТВО КОНТРОЛЯ (НОРМИРОВАНИЯ)

Вернемся к теме символов профессии, размещенных в месте работы. Характерная их разновидность — нормативные послания: в моих фото- и видеоматериалах представлены разные их формы, от этических кодексов до отдельных правил и призывов. По форме они нередко имитируют распоряжения, характерные для организации, но апеллируют к неформальным нормам профессиональной среды; их адресаты — это коллеги и сотрудники. Они подкрепляются не столько формальными санкциями (как нормы организации), сколько общественным мнением в рамках профессиональной среды. Эти нормы и кодексы могут быть серьезными или шуточными, иронически переинтерпретируемыми дискурсивные шаблоны организации. Но смысл их размещения — экспансия профессии в пространство, формально принадлежащее организации. Посредством вывешивания своих призывов и кодексов профессиональное сообщество обозначает свою претензию на нормативный контроль в этом месте. А пересмеивая организационные нормы, профессиональное сообщество заявляет об их символической денонсации (см.: А.Г. Козинцев о смеховой аннигиляции смысла высказывания¹⁰).

Кодексы и стилизации. Образцы нормативных текстов, имеющиеся в моей коллекции, размещались в основном в рабочих кабинетах (не путать с кабинетом-приемной). В кабинете, где размещается один из научных отделов академического института (МАЭ РАН), к дверце шкафа прикреплен лист формата А4. «Лев Штернберг. Десять заповедей этнографа», — гласит заголовок отпечатанного на нем текста. Распечатка сделана сотрудником отдела с архивных материалов [Архив РАН. Ф. 282, оп. 1, д. 125, л. 4] в 2007 г.¹¹ Текст представляет собой род этического кодекса, несколько стилизованного

под библейские заповеди. Центральная тема его — служение профессии. Первая заповедь гласит: «Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она всесторонне изучает все человечество в его прошлом и настоящем». Такая формулировка предполагает различную реакцию со стороны профессионала, для которого этнография — основа идентичности, и тех, кто не принадлежит к этой профессии, т.е. первая «заповедь» обозначает границы профессиональной среды.

Интересно, что еще в конце 1970-х — начале 1980-х годов студентами кафедры этнографии и антропологии исторического ф-та СПбГУ на вечеринках провозглашался тост: «*За этнографию — науку всех наук*», почти дословно воспроизводивший первую заповедь Штернберга, хотя в студенческой среде о существовании такого кодекса тогда не было известно. Если компания была смешанной (с участием студентов-археологов), то тост претерпевал изменения. В устах этнографов он звучал так: «*За археологию — науку всех наук* (эффектная пауза...), *которая является частным случаем этнографии!*». Здесь уже фильтрующая, ориентированная на отграничение среды коллег функция формулы выступает вполне отчетливо: одобрительный гул этнографов и возмущенные выкрики археологов ясно обозначали границу.

Вернемся к «заповедям» Штернберга. Они касаются этической стороны отношений этнографа к изучаемому народу (зап. 2, 9, 10); несколько заповедей апеллируют к этике служения истине — направлены против праздности (4), профанации (3), фальсификации фактов (6), плагиата (8). Заповеди (3, 5, 7) касаются взаимоотношений в среде коллег, диктуя верность избранной специальности (7) и традиции предшественников (5). Интересна третья заповедь, противопоставляющая научные достижения положению в формальной иерархии: «*Не профанируй науки, не оскверняй этнографии карьеризмом*». Отметим этот момент: противопоставление научного (профессионального) статуса организационному (месту в должностной иерархии — карьере). Это противопоставление дает о себе знать всякий раз, когда профессиональная среда оказывает сопротивление требованиям, исходящим от организации. Основой научной этики Штернберг провозглашает этику служения: во-первых, как уже говорилось, истине; во-вторых — обществу, человечеству, изучаемым народам.

Является ли данный текст формальным кодексом профессии? В момент, когда он присутствовал в кабинете, в рамках Ассоциации

этнографов велась работа над профессиональным кодексом по образцу кодекса Американской антропологической ассоциации. Не был кодекс Штернберга, вероятно, вполне официальным документом и в период своего написания: отсылки к форме и стилю библейских заповедей указывают на несколько игровой характер текста (автор говорил не с позиции силы или высоты своего должностного положения, а как коллега с коллегами).

Сегодня «Десять заповедей» Л.Я. Штернберга скорее апелляция к его научному авторитету как одному из «отцов-основателей» профессии¹². Его портреты до сих пор занимают видное место на стенах кабинета, где располагается отдел этнографии народов Сибири МАЭ РАН.

Еще один вариант «профессионального кодекса» (или текста, стилизованного под таковой) представлен в другом локусе — «поле», если понимать под «полем» научную экспедицию. «Кодексы» актуализируются в контексте ритуалов посвящения в профессию, которые у представителей экспедиционных профессий обычно совершаются в «поле». Один из многочисленных вариантов ритуала я наблюдала во время этнографической экспедиции в 2005 г. Проводил посвящение начальник экспедиции (у этнографов СПбГУ так бывает чаще всего, но отмечены и случаи, когда эту роль выполняют просто старшие по экспедиционному стажу и возрасту участники).

В ходе ритуала посвящаемая — студентка кафедры этнографии и антропологии СПбГУ — произносила (зачитывала по тексту, предложенному ей начальником экспедиции) «клятву этнографа». Как и кодекс Штернберга, текст этот носит следы стилизации, только образом послужила воинская присяга (например, характерен оборот про «тяготы и невзгоды жизни» практиканта). В тексте фигурируют такие элементы профессиональной жизни, как готовность к отказу от благ цивилизации, работа с информантами, ведение полевого дневника и забота о поддержании теплых межличностных отношений в среде коллег (посвящаемая поклялась относиться «к коллегам с душой и пониманием»).

Конечно, это не изложение профессионального кодекса, а только напоминание о нем. Вся процедура носит шуточный, игровой характер и в то же время содержит намеки на сакрализацию (в тексте фигурирует «священный ДПЗ» — дневник полевых записей, важный атрибут профессии) [ПМА: 17.07.2005. с. Борисово-Судское Бабаевского р-на Вологодской обл., полевой отряд экспедиции кафедры этнографии и антропологии СПбГУ].

Еще одна запись обряда посвящения в «полевую» профессию размещена на сайте археологов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Церемония тоже выстроена как игра, нечто вроде капустника по заранее подготовленному сценарию. В ходе посвящения «голос бога Горпосельмога» озвучивает текст, озаглавленный, как и кодекс Штернберга, «Десять заповедей»: «Не засыпь яму ближнего своего. <...> Если погребение разбираешь, возлюби жмурика своего, как самого себя»¹³ и т.д.

Тут же приведен другой текст — «Правда раскопная», тоже стилизованный, на этот раз под известные в профессиональной среде исторические источники (древнерусские правовые тексты и более поздние документы правового и дидактического характера). Основную часть его составляют правила поведения в раскопе (запрет сдвигать с места «кол нулевой», озоровать с лопатой (порицается привычка шлепать друг друга лопатой по спине), требование внимательно относиться к зачистке, а также соблюдать гигиенические правила и субординацию).

Посвящение обычно театрализовано: в качестве символов профессии фигурируют божества, олицетворяющие сферу деятельности, «царь археологии», а также «отцы-основатели» профессии (у этнографов, например, Н.Н. Миклухо-Маклай). Впрочем, в обрядах статус тех и других сближается, как и формы их репрезентации. Так, в День этнографа, когда проходит обряд посвящения, в некоторых экспедициях водружают на видное место фигурку «святого Миклухи» из картона и репьев. Несмотря на игровую форму, это тоже отсылка к авторитету тех, кто стоял у истоков профессии. Смеховая форма здесь только средство вовлечения участников в действие, поскольку оно происходит в контексте праздника, подчеркнута неформального. Вообще многое в профессиональных традициях подчеркнута несерьезно. Я бы интерпретировала это как конструирование смеховой дистанции, обозначение границы между профессиональными нормами (опирающимися на коллективную идентичность, общие практики, разделяемые опыт и авторитеты) и нормами организации (формализованными, безусловно серьезными, поскольку они опираются на реальные санкции и формальные иерархии).

Возвращаясь к этическим кодексам, заметим, что в наиболее полной и систематически воспроизводимой форме они представлены в локусах «поля» и рабочего кабинета, т.е. в сегментах пространства профессии, наиболее закрытых от посторонних. И в «поле»,

и в кабинете актуализация этических кодексов происходит в среде коллег, адресованы эти тексты прежде всего молодому поколению; и в «поле», и в кабинете они включаются в контекст трансляции профессиональной традиции.

Распоряжения и предписания. В интерьере рабочих кабинетов встречаются тексты или изображения, указывающие, обычно в шутивно-иронической форме, на ту или иную сторону профессии — небольшие плакаты: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан»; «А ты пишешь диссертацию?» и т.п. Нередко они сопровождаются изображением, также придающим призыву несколько шуточный акцент. Такие плакаты делают сами сотрудники или распечатывают подходящие по смыслу элементы офисного фольклора из Интернета.

Кроме относящихся собственно к профессии, встречаются и правила «общественной жизни», повседневного поведения, просто приличий. Так, в Социологическом институте РАН в период моего участия в проекте (1998—1999 гг.) распечатали и разместили в кабинетах наклейки с изображением проф. Преображенского (из фильма «Собачье сердце» в исполнении Е. Евстигнеева). Текст гласил: «Окурки на пол не бросать. В сотый раз прошу». Простой призыв к аккуратности? Но он подкрепляется изображением фигуры ученого и апелляцией к практически культовому (на тот момент) среди научной интеллигенции произведению М. Булгакова. В данном случае профессия понимается шире, чем социология, — скорее как наука вообще.

Самый распространенный вариант — обращения с просьбой не забыть запереть дверь или сдать ключи от производственных помещений. Обращения такого рода носят обычно технологический характер (напоминают о порядке выполнения рутинных рабочих операций, которые, тем не менее, часто выпадают из поля внимания, не выполняются по невниманию или неумению, вызывают ошибки. «Уходя к себе домой, / Не забудь закрыть замок дверной», — гласит распечатанная на принтере и наклеенная на шкаф надпись в кабинете научных сотрудников академического музея [ПМА: МАЭ РАН. СПб., 2008 г.]. По содержанию вроде бы серьезная, но в стихотворной форме уже чувствуется какой-то подвох, апелляция к неформальному дискурсу. Зачем? Стремление пишущего избежать приказной интонации?

Особенно характерно упоминание ошибок, причиняющих неудобства другим членам коллектива, создающих помехи в их работе.

В фольклорном центре Санкт-Петербургской консерватории множество надписей, напоминающих о недопустимости пользоваться мобильными телефонами в помещениях, где ведется звукозапись. Формулировки разные: «Товарищ! Оставь мобильный телефон при входе» (надпись толстым черным маркером на листе, внизу которого вырезка из какого-то печатного издания: «студия звукозаписи»). Тут же приклеена распечатка — мелким шрифтом: «Нет уверенности в завтрашнем дне: каким оно будет — завтрашнее дно?» (такую фразу я многократно встречала на различных форумах и в блогах в Интернете). Здесь серьезный характер самого призыва несколько нейтрализуется простенькой шуткой из коллекции, вероятно, сетевого юмора.

В чем функция этой нейтрализации? Что хотят отменить? Повидимому, шутка призвана снять излишнюю императивность и строгость высказывания, чтобы оно воспринималось не как приказ вышестоящего, но как обращение равного, вызванное необходимостью (смеховая отмена иерархичности). Это обращение висит на двери снаружи кабинета. Внутри его, на шкафу у входа, на половинке тетрадного листка шариковой ручкой довольно небрежно написано: «Штраф за помеху, исходящую с мобильного телефона, составляет 100 \$ за испорченный репортаж, 200 \$ за испорченную песню × на количество работавших в момент помехи магнитофонов» [ПМА: СПб., 2008 г.].

Здесь уже, наоборот, утрированно подчеркивают императивность: и угрозы штрафа, и огромный восклицательный знак во весь листок. Но все это воспринимается как игра: штрафа, конечно, никакого не будет. Здесь сама императивность как перевертыш, очевидная несуразица. Формулировка с упоминанием огромного по местным масштабам «штрафа» придает, конечно, объявлению смеховой характер, но смысла его — напоминания о необходимости избегать помех — не аннулирует. Аннулируется приказной тон, которого в таком обращении было бы трудно избежать. Коллеги, напоминая друг другу о важных для совместной деятельности правилах, стремятся, повидимому, избежать того, чтобы на базе этих правил складывалась иерархия. Вообще же именно смеховой характер (хотя бы в форме намека) весьма характерен для текстов, апеллирующих к неформальной традиции: в применении к нормативным текстам смеховой отенок — практически маркер неформальности.

В этих примерах не видно прямого противостояния профессиональных норм организационным — по содержанию надписи как раз

воспроизводят нормы, диктуемые или разделяемые организацией. В чем здесь вклад профессиональной традиции?

Во-первых, она **детализирует** правила, диктуемые организационным контекстом: делает видимыми мелкие (но значимые для коллег) требования, которые не прописаны в официальных инструкциях. Или из множества прописанных, но игнорируемых как незначимые (о многих положениях формальных инструкций работники вообще не знают) традиция **отбирает** те, которые реально признаются важными в профессиональной среде (пример с помехами в кабинете, где ведется звукозапись). Во-вторых, традиция обеспечивает организационным нормам дополнительное **подкрепление**, придавая им статус обычая. В-третьих, маркирование организационной нормы как профессиональной означает включение ее в структуру профессиональной идентичности. Организационное предписание воспринимается как внешнее указание; по-другому оно воспринимается, если в среде коллег расценивается как профессиональная необходимость. Тогда норма включается в структуру профессиональной идентичности, т.е. велика вероятность ее **интернализации**. Но это в случае, если не ощущается явного противостояния между профессиональной и организационной нормами.

Это примеры первого варианта соотношения неформальной традиции и официальных предписаний: неформальная традиция как источник норм, дополняющих формальные (за счет их детализации и конкретизации), и как дополнительное подкрепление формальных норм.

Среди развешенных в кабинетах обращений встречаются и адресованные внешним инстанциям. В кабинете, где работают ученые-физики (ФТИ РАН) имеется небольшой транспарант с цитатой из Ф. Жолио-Кюри: «Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, неизбежно превращается в колонию» (ПМА, 2006). Этот транспарант одна из обитательниц кабинета несла во время демонстрации, куда она ходила в колонне своего института. В данном случае есть все признаки нормативного высказывания (требование развивать науку); в качестве подкрепления — ссылка на авторитет (прежде всего — в профессии, но также весомый и в общественном сознании за пределами науки). Но адресат явно за рамками среды коллег — государство, власть. Несмотря на свою закрытость («башня из слоновой кости»), рабочий кабинет профессионала открыт для внешних инстанций власти — в данном случае плакат только проявляет актуальность этого направления социального контроля.

Любопытный и достаточно характерный текст в середине 1990-х годов можно было видеть в одном из учреждений РАН (СПб). Это был шуточный «распорядок дня», висел он на двери служебного туалета, на наружной, обращенной в коридор, ее стороне. Отпечатан «распорядок» на листе формата А4, еще на механической (судя по неровно пропечатавшимся буквам и очевидному истощению пигмента на красящей ленте) пишущей машинке. По форме текст обыгрывает форму официального распоряжения: справа сверху обозначена «виза руководства»:

«УТВЕРЖДАЮ Я ГЛАВНЫЙ». Далее заголовок: *«Распорядок рабочего дня NN»* (написано шуточно перевранное, но легко узнаваемое название учреждения). «Распорядок» состоит из 16 пунктов и доведен только до обеда. Основное время отводится пунктам «Перекур» (8.07 — 10.07), «Завтрак» (11.00 — 12.00), «Прибытие с завтрака к рабочему месту» 12.00 — 12.55) и обед (13.00 — 14.00), в то время как пункт «Работа», появляясь три раза, занимает только 1 минуту, 47 минут и вообще ноль минут, т.е. в сумме не дотягивая даже до часа. Такого рода тексты, достаточно характерные, выражают установку подспудного сопротивления организационному контролю: один из моментов, когда традиция, объединяющая работников, противостоит организации.

Похожие тексты отмечены в фольклоре программистов, образчики которого в изобилии воспроизводятся в Интернете. Они уже приобрели статус фольклорных, и восстановить их источник теперь представляет отдельную трудновыполнимую задачу. Приведу отрывок из «Распорядка дня программиста» (форум московской телекоммуникационной сети «QWERTY»): *«09:20 Опоздали на работу, включили компьютер, пошли покурить. 09:30 Попытались согнать с компа играющих (строчка воспроизведена 7 раз). <...>. 10:40 Согнали играющих, от переутомления пошли курить. 10:50 Наорали на играющих, сели работать. 11:00 Вспомнили, в чем заключается работа. 11:01 Проголодались, пошли в буфет. 11:32 Вернулись из буфета, дали по морде играющим, сели работать. 11:38 Пришла главбухша, попросила рассказать про бухгалтерскую программу. 12:30 Объяснили главбухше, пошли курить»* (QWERTY 2004; Linux.org 2003)¹⁴.

Приведенный текст, наряду с рядом других (например, «Бусидо программиста»), во второй половине 1980-х годов имели хождение в среде советских программистов, системотехников, а затем и в более широком кругу инженерно-технических работников советских НИИ.

Субъектом противостояния служит сообщество работников, среда, объединенная неформальными связями. Если это среда профессиональная, то легитимации практик сопротивления организационному порядку апеллируют к профессии. В уже упоминавшемся «Бусидо программиста» есть такой пункт: *«10. Обязательные действия настоящего программиста: распечатывать дампы, читать документацию, дышать, есть и спать. Высший приоритет у сна».* И его обоснование: *«Можно быть программистом и не писать программы. Нельзя долго оставаться программистом, не читая документацию. Распечатка дампов необязательна ровно настолько, насколько не обязательно открывать капот собственной автомашины (просмотр дампов на экране — полумера). Невозможно программировать не выспавшись. Если вы не программист, но начальник программистов и заставляете их приходить на работу к определенному сроку, то вы теряете программистов и приобретаете набивальщиков невразумительных текстов»* (QWERTY 2004; Linux.org 2003).

Довольно характерный пример того, как профессиональная среда оказывает сопротивление организационному контролю (здесь речь идет о контроле условий труда, но может быть затронут и контроль качества профессиональных услуг). Обоснование: менеджеры организации, не будучи профессионалами, не могут компетентно оценить ни качество профессиональной деятельности, ни необходимые для нее условия. Фольклор подчеркивает их некомпетентность: *«Не сотвори себе кумира из начальника. Знай — ты и сам дурак»*, — гласит первая из «Семи заповедей программиста» (QWERTY 2004; Linux.org 2003). От работников органов внутренних дел записана примета: *«Утром встречаешь по дороге начальника — жди трупа, что-нибудь страшное»* [ПМ: Н.Бравичева. СПб., 2002 г.]. Такого рода приметы поддерживают классификационную схему, в которой «начальство» (организационная иерархия управления) попадает в тот же класс, что и «неудача» (тяжелый, страшный случай, с которым предстоит разбираться профессионалу), т.е. конструирует оппозицию «организация — профессия». В описанных случаях претензии профессионалов на монопольный контроль результатов и условий своего труда обосновываются именно сложностью их задач и наличием знания, почти эзотерического по своей недоступности пониманию непосвященных.

Такое обоснование оказывается под угрозой, если управленческие позиции в организационной иерархии заняты тоже представителями профессионального сообщества. Фольклор реагирует на это

отрицательно, отбиваясь фразеологически: «*Нету хуже сволочей, / чем начальство из врачей*», — написала врач акушер-гинеколог, проходившая переподготовку в МАПО, когда я попросила присутствующих в аудитории медиков привести пример медицинского фольклора (ПМА: СПб., 2003 г.).

В приведенных примерах символы профессии — это вывешенные на видном месте профессиональные кодексы (как официально принятые, так и шуточные), объявления, призывы, т.е. нормативные высказывания и тексты. Их размещение превращает место работы не просто в пространство профессии (маркированное ее символами), но в пространство, нормирующее повседневную деятельность, а вместе с тем и профессиональное сознание работающих здесь коллег.

Я далека от мысли, что функция вышеприведенных текстов — действительно прямая регламентация поведения работников. «Кодексы» и «распорядки» носят обычно игровой характер, они скорее стилизованны под законы, инструкции и распоряжения, чем являются ими. Я бы интерпретировала их роль следующим образом. Во-первых, маркирование места работы знаками профессии, т.е. символическое освоение его профессиональным сообществом. Во-вторых, придание пространству значения нормативного: нахождение в нем диктует определенные нормы поведения, которые отнюдь не исчерпываются перечисленными в самих текстах. Но тексты указывают на то, что это нормы профессионального сообщества. Таким образом, профессиональная среда, маркируя место работы знаками профессии, формирует и проекции нормативной системы (профессиональных норм и кодексов), альтернативной организационной системе социального контроля.

5. РАСШИРЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОФЕССИЯ И ДОРОГА

Кабинет № 164 факультета филологии и искусств СПбГУ обозначен табличкой: «Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина». В просторном помещении много столов, лежащие на них бумаги прижаты тяжелыми камнями: от сквозняков, как пояснила одна из сотрудниц, заметив, что камни привезены из экспедиций (СПб., 2007 г.). В кабинете Центра русского фольклора Санкт-Петербургской консерватории на системном блоке стоит

баночка с водой. На баночке наклейка: «Пермский снег»: тоже отсылка к экспедиции (что за жидкость внутри, впрочем, мне неизвестно — надпись указывает только на ее символический смысл) (СПб., 2008 г.).

В месте постоянной работы, как мы видим, символически представлены те отдаленные места, которые значимы для самоопределения профессионалов. В случае «полевых» профессий знаки этой открытости — привезенные из экспедиций сувениры, фотографии местных жителей и участников экспедиций, просто тамошних ландшафтов. Встречаются и фотографии обладателя рабочего места на фоне транспортных средств: рядом с грузовиком, самолетом, оленьей упряжкой и т.п.

Знаки дистанцированных практик присутствуют и на рабочем месте у носителей неполевых профессий: так, инженеры-физики одного из прикладных НИИ, специализирующихся в области материаловедения, выезжают на производство, где производят опытные образцы разработанных ими материалов. Некоторые образцы привозят с собою, и они лежат на столах в кабинете уже в роли сувениров (СПб., 2000 г.).

Еще один класс «привезенных» и расширяющих пространство профессии вещей — это вещи, подаренные во время выездных мероприятий или же приезжими коллегами. Эти сувениры — напоминания о выездных практиках (конференции, совещания, награждения и т.п.). Упомянувшиеся выше тосты «За тех, кто (в поле, в море, на промысле и т.п.)» также символически размыкают место работы, акцентируя «профессиональное» пространство как отдаленное (от места, где базируется организация). Пространство профессии шире, чем помещение, непосредственно занимаемое организацией: оно распространяется на места, находящиеся в сфере контроля профессионалов.

Символы выездных практик в этих случаях исполняют и роль символов профессии, то есть получается, что стационарное рабочее место маркируется символами динамических профессиональных практик (поездок) и посредством этого включается в символическое пространство профессии. Путь, дорога становится, таким образом, символом профессии и профессионализма и как бы проецируется на локус организации, сам по себе статический. Любопытный пример обнаруживается в воспоминаниях врача В.А. Галкина («Врач в пути»), в той части, где он пишет о времени своего обучения медицинской профессии. Учился он в Первом Московском медицинском институте-

те в 1944–1949 гг.: «Путь к званию врача шел через химические лаборатории в подвале анатомического корпуса на Моховой, аудиторию физического корпуса МГУ, секционный зал, где студенты препарировали трупы, через кафедры (следует перечисление кафедр. — Т.Ш.). И, конечно, путь этот шел через знаменитую “аллею жизни”. Кто не помнит этой прямой, тенистой аллеи, протянувшейся между институтскими клиниками на “Пироговке” — от здания кафедры акушерства, где новорожденные издадут свой первый крик, до помещения кафедры патанатомии!»¹⁵.

Пример этот интересен тем, что в нем сочетается целый ряд интерпретаций символики пути. Во-первых, здесь статическое местоположение (место работы / учебы) интерпретируется как «путь» — «аллея жизни», т.е. место работы / учебы становится пространством, символизирующим профессию, именно когда воспринимается как «путь».

Во-вторых, проход по территории между кафедрами интерпретируется как «путь к званию врача», т.е. символическая проекция процесса обретения профессии:

территория = «аллея» (путь (символ обретения профессии)).

Это второе значение распространено в неформальной метафоре разных профессий как общее место. Пример из текста Капустника этнографов (ЛЧ ИЭ АН СССР, нач. 1980-х годов): «И каждый знал: в науку путь / Лежит через колхоз».

В терминах «пути» обозначают обретение нового знания не только на индивидуальном уровне (профессиональная социализация, обучение и практическое освоение профессии), но и на уровне профессии в целом, т.е. получение нового научного (профессионального) знания — «путь в неизведанное», «прокладывание новых путей»: «В этнографии чащобах, / где медведь не проберется, / доктор наш лыжню оставил, / путь пробил, не ведав страха! / Здесь теперь прошла дорога, / Новую стезю открыл он / Для растущей молодежи» (из поздравительного стихотворения, написанного коллегами к юбилею член-корр. РАН, проф. К.В. Чистова (СПб., МАЭ РАН, 1999 г.)).

Символика «пути» проецируется и на повседневную профессиональную деятельность: «Пока бежит упряжка с нартами, / Пока стоит наш институт, / Этнограф с точными планкартами / Всегда отыщет свой маршрут!» (Капустник ЛЧ ИЭ АН СССР, начало 1980-х годов).

Повседневность и обыденность организационной стороны работы, подчеркиваемая канцелярским терминам «планкарта», перекрывается и романтизируется: это уже не кабинетная обыденщина, а «маршрут» — термин, открывающий ассоциации институтской работы с романтикой экспедиций («упряжка с нартами»). Организационный контекст работы перекрывается профессиональным через символику профессии как «маршрута».

«Дорожная» метафорика встречается в дискурсе не только «полевых» профессий. Еще один характерный пример — занятия в сфере торговли. В профессиональном аргументе торговых работников продажа товара обозначается в терминах «хода»: *ходкий товар, ходкое место*. Выбор подходящего места считается важным условием успеха в различных профессиях сферы услуг — везде, где необходимы усилия, чтобы привлечь клиентов.

Торговцы с уличных рынков стараются определить и занять *ходовые* места, в которых товар *расходится* быстрее, чем у других. По одной из примет, чтобы товар быстрее разошелся, нужно перекладывать его с места на место, тем самым будто придавая ему качество *ходкого товара*. «Продавайся, ничего не оставайся!» — приговаривают работники рынка, обмахивая товар купюрой, полученной от первого покупателя: считается, что так товар быстрее уйдет. На соль наговаривают магические слова: «*Пешие, езжие, идите сюда, здесь вам место, еда и вода. Мне денег, вам — товар. Аминь*»¹⁶, — т.е. ситуация притока клиентов моделируется в заговоре через дорожные образы. Здесь в терминах дороги («ход») фактически обозначают профессиональную удачу.

Возможно, ассоциация профессии с дорогой — одна из форм реализации оппозиции «профессия vs дом» (дорога так же, как и место работы, противопоставляется «дому», домашней сфере). Но можно предположить здесь и понимание профессии как формы пространственных практик доминирования.

Действительно, рабочие поездки — командировки, экспедиции и т.п. — включены в контекст отношений власти. Сюжет деловой поездки включает встречу с представителями местной администрации или руководства предприятия — институционально закрепленную необходимостью отметить прибытие и убытие в командировочном удостоверении. Отметку можно поставить либо в учреждении, непосредственно связанном с целью командировки, либо в любом органе местной власти — везде, где имеется круглая печать. Официальные ритуалы дополняются неформальными. Так, широко рас-

пространен обычай отмечать сразу и приезд, и отъезд, зачастую при этом даты не проставляются (секретарь учреждения только ставит печать, оставляя на усмотрение самого командированного заполненные дат приезда и отъезда и других данных). Этот ритуал, вероятно, связан с демонстрацией доверия приехавшему.

Выезд в командировку с целью проведения инспекции или в экспедицию может включать в себя формы осуществления социального контроля через сбор информации о положении дел на местах, информационное обеспечение и подготовку управленческих решений, обучение местного персонала, различные лекции и т.д. Подробное исследование выездных практик не входит в задачу настоящей работы, я предполагаю заняться этой темой отдельно.

Подведем итог.

Пространство профессии как символическая конструкция формируется за счет маркирования места работы символами профессии. В результате место работы становится символической проекцией профессиональной идентичности.

Это пространство конструируется как нормирующее повседневное поведение. За счет размещения здесь посланий нормативного жанра (или указаний на них) профессиональное сообщество обозначает свои претензии на осуществление социального контроля, определение правил жизни, причем не только собственно в месте постоянной работы, но и в местах выездных работ за его пределами.

Некротификация пространства профессии (размещение здесь символов опасности и смерти) означает, что здесь работает актуализирована мифология риска, которую мы рассматриваем как основу подкреплений для неформального нормативного комплекса.

¹ Этот подход я использовала в исследовании другой неформальной традиции, см.: Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. 1986–1989 гг. СПб, 1993.

² Собранные материалы были частично использованы автором в публикации: Кондратьева Н. Петербургский театральный фольклор // Антропология профессий. Саратов, 2005. С. 188–200.

³ misha-kamushkin.livejournal.com, запись от 4 апреля 2010 г.

⁴ В России готовят первые космические похороны — на орбиту отправят прах ветерана Роскосмоса // <http://NEWSru.com> // Новости России. 2010. 13 июля.

⁵ См. об этом, в частности, материалы, опубликованные в блоге М. Ахметовой: <http://malinxi.livejournal.com/354425.html>

⁶ Ленкевич А. «Если Лица не столица, то Париж не за граница» // Ежедневная электронная газета «Курьер online». 2000. 21 дек. № 51.

⁷ Короткова З. «Каких утрат нам стоили моря...» // Наука и жизнь. 2001. № 11. С. 9 (рецензия на книгу: Черкашин Н.А. Повседневная жизнь российских подводников: в отсеках холодной войны. М., 2000).

⁸ Черкашин Н.А. Повседневная жизнь российских подводников: в отсеках холодной войны. М., 2000.

⁹ Рослова Л. Александр Буйнов выходит на сцену, как боксер на ринг // Советский спорт. 2003. 27 марта; Громов В. Регина Дубовицкая, забыв дома амулет, попала в больницу на полгода, а Сергей Пенкин, проезжая под мостом, хлопает в ладоши // Факты. Сайт: www.Factyikommentarii_13-Декабрь-2002_Культура.htm.

¹⁰ Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб., 2007. С. 45, 158–160. «Юмористическое метаотношение временно обращает мысли, слова и оценки в ничто» (с. 45). «Вопреки мнению лингвистов о том, что юмор референтивен и работает на уровне означаемого, а не означающего, <...> главная функция юмора — уничтожение референции и вытеснение означаемого означающим» (с. 46).

¹¹ Архив РАН. Ф. 282, оп. 1, д. 125, л. 4. Текст скопирован и предоставлен Ю.Ю. Шевченко в 2007 г. Ю.Ю. Шевченко размножил текст «Заповедей», принес и раздал копии сотрудникам своего отдела в МАЭ РАН, одну копию повесил в помещении научного отдела.

¹² Л.Я. Штернберг в 1901 г. стал старшим этнографом Музея антропологии и этнографии АН, в 1910-е годы организовал Инструктивные курсы по этнографии (после 1917 г. — аспирантуру), участвовал во многих экспедициях, пополнении фондов Музея.

¹³ СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2004: сайт// <http://www.alabin.ru/alabina/projects/gromozeka/archeomyth/>

¹⁴ Linux.org — Форум «Linux.org»: <http://www.linux.org.ru/view-message.jsp?msgid=284870>;

дата размещения цитируемого текста — 2003 г.;

QWERTY — Форум телекоммуникационной сети QWERTY (ОАО «Центральный телеграф»): <http://forum.qwerty.ru/index.php?showtopic=92>. Дата публикации цитируемого текста: 19 ноября 2004 г.

Появление этого текста предположительно относится к периоду середины 1980-х — начала 1990-х годов. Мне присылал его в распечатке работавший системным администратором приятель в середине 1990-х годов. До сих пор воспроизводится на многочисленных интернет-форумах и порталах, посвященных компьютерному юмору.

¹⁵ Галкин В.А. Врач в пути. М., 1984. С. 74–75.

¹⁶ Целая подборка заговоров на удачу в торговле воспроизведена на сайте Олега Винокурова: <http://oleg-vinokurov.narod.ru/20.htm>

Глава 3 ТЕЛО И ДЕЛО

Один из аспектов конструирования профессиональной идентичности — символическая идентификация с профессией на телесном уровне.

В ритуалах посвящения в профессию конструируется особая связь между профессионалом и пространством, где протекает его деятельность. Вариант реализации этой связи — через «вписывание» тела профессионала в пространство профессии: тело при этом как будто претерпевает изменения, приобретая новые, специфические для данной профессии, качества.

Эта тема по-разному реализуется в фольклоре разных профессий. Н. Кондратьева обнаруживает в интервью театральных актеров сквозной мотив — «преданности театру». Под этим понимается не только как этическая добродетель, но и физически (мистически) неразрывная связь, привязанность к самому пространству театра, в котором когда-то играл. В театральном фольклоре Кондратьева отмечает характерный мотив: с людьми, которые уходили из театра, происходили необъяснимые трагические истории. Н. Кондратьева записала рассказ В. Егоренковой (работающей в Театре им. Ленсовета) о том, что когда-то ушедшие из своего театра актеры *«возвращались как будто попрощаться... даже из других городов приезжали... приходят сюда, отыгрывают спектакль и уходят из жизни»*¹.

Актер того же театра А. Новиков говорит об особой привычке к своему зданию, о его значимости для успеха спектакля и удовольствия самих актеров от процесса игры: *«Театральное здание — это очень важное дело, потому что привычка к собственной площадке — колоссальное дело. Я ужасно люблю наш зал, нашу сцену. В гастролях всегда есть проблема определенного пространства. Другого пространства»*. Многие актеры говорили о том, что на чужой площадке им бывает трудно играть [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.], тем самым как будто связывая со зданием родного театра часть своего профессионализма, проецируя профессионализм в пространство театра. В этом же ряду приводившиеся выше легенды об архитекто-

рах, сохраняющих посмертную связь с объектами, построенными по их проектам; и обычай помещать в пространстве профессии фотографии умерших коллег или памятники им.

Представление о неразрывной связи профессионала с пространством профессии выливается в приписывание пространству свойства оказывать влияние на работающих в нем людей: «принимать» их или «не принимать», «помогать» или «препятствовать» выполнению ими профессиональных задач. Речь идет о метафорическом, а в некоторых случаях и мифологическом представлении пространства профессии как активного, способного воспринимать и формировать человеческое поведение. Приписываемая «активность» пространства выражается в лексике и фразеологии: *«Небо манит», «зов поля»*. Шоферы-дальнобойщики учат молодых коллег: *«Запомни: трасса накормит, напоит и спать положит»*², по поводу легкомысленного отношения к своей работе и безопасности говорят: *«Дорога такого не прощает»*.

В актерских байках отложилось представление, что сцена «не прощает» плохой игры или нарушения театральных табу, наказывая за это провалом спектакля, а то и обрушением декораций или конфузом актера (падением в зал и т.п.) [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.].

Представление о влиянии пространства профессии на работающего в нем человека находит свое продолжение в мотивах трансформации, которую претерпевает, попадая туда, его тело. С этим связан ряд дискурсивных конструкций: физического преобразования (мотив наделения атрибутами профессии), а также трансформации на физиологическом или психическом уровне (мотивы профессии как «болезни» и «печати» профессии).

Каковы же новые свойства этого преобразованного тела?

Практически в любой профессиональной среде существует представление об отличиях (телесных и психических) людей их профессии от тех, кто к ней не принадлежит. Дискурсивные выражения этих представлений — «печать (клеймо)» профессии; профессия как «болезнь (или диагноз)».

1. ПРОФЕССИЯ КАК «БОЛЕЗНЬ»

В фольклорном дискурсе профессионалов распространенная авторитарная характеристика базируется на метафоре профессия как «болезнь»

или «диагноз» (вариация на тему профессиональной деформации). Прагматику такого рода метафор я бы увидела в конструировании «особого тела (иногда психического склада)» профессионала, его отличия от нормы, утвердившейся вне профессиональной среды; с социологической точки зрения, обоснование «исключительности» его статуса (или, по меньшей мере, отличия его от статуса непосвященных).

Репрезентация профессиональной идентичности в метафорах «болезни» стабильно воспроизводится, например, в актерской фольклорной традиции. В интервью, проведенных Н. Кондратьевой с несколькими актерами Театра им. Ленсовета, есть такие высказывания: «*Я заболел театром*» (А. Зибров); «*Артист — это профессия людей, у которых нервные клетки оголены практически; нет кожи*» (А. Блок). Однако эта «болезнь» у профессионала управляема, подчинена его воле и профессии: по выражению М. Пореченкова, «*момент пикового волнения должен совпадать с третьим звонком*».

Перед нами описание в терминах «болезни» особых, на грани душевного здоровья, состояний, необходимых в профессиональной деятельности. Профессиональная традиция не подавляет, а напротив, культивирует эти состояния, требуя, однако, овладения ими, их управляемости. В этом случае нервозность превращается в источник особой «энергетики» актера на сцене, источника его профессионального мастерства. «*Антипод театрального человека — это здоровый человек, — говорил в интервью М. Пореченков, — актер должен быть без кожи; нервные окончания у актера должны быть наружу... антиподом может быть человек военный. У него нервы внутри*» [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.].

Однако и представители военной профессии не чужды того же стереотипа — определения профессиональной идентичности в терминах «болезни»: утверждение, что «*военный — это диагноз*» отмечено и в интервью офицера ВС РФ; в качестве «симптомов» офицер говорит про особый взгляд («из-под козырька фуражки») и профессиональный язык, выправку и другие армейские привычки [ПМ: И.А. Емельянова, 2004 г.]. В устах архитектора звучит та же формула: «*Архитектура — это диагноз: если заболел, на всю жизнь*» [ПМ: О. Аверичева, 2002 г. № 1]. Один из мотивов архитектурских баек — о впадении в безумие тех, кто чрезмерно увлекся профессией: «*Легенды о бессонных ночах. Говорят, что одна девушка не спала три ночи, а на четвертый день стала вырезать на подрамнике окошки с дверцами, которые открывались; и таких случаев немало... некоторые начинают пи-*

сать теории о пространстве на непонятном языке» [ПМ: О. Аверичева, 2002 г. № 2]. В последнем высказывании характерно указание на плодотворность профессиональной «болезни»: если это и болезненное состояние, то оно плодотворно для профессии, оборачиваясь озарениями и открытиями. Важно не перейти грань между этой плодотворной формой «священного безумия» и состоянием, когда оно становится неуправляемым, порождая вместо озарения бред. Эту грань и обыгрывают архитекторы в профессиональных анекдотах.

К. Сергеева, проводя исследование в среде судей арбитражного суда, задавала вопрос о профессиональных качествах, приобретаемых человеком их среды; один из судей определяет эти качества как «*профессиональную паранойю. Т.е. если ты что-то покупаешь, если к тебе приходит сантехник, если ты там занимаешься обменом квартиры, т.е. все что угодно. Ты же на работе не видишь, как люди работают хорошо. Ты же видишь, как они работают плохо и как они друга друга подставляют. Вот. Поэтому надо искать подвох, внимательно читать все договоры, которые приходится подписывать*» [ПМ: К.В. Сергеева, 2004 г.]. Речь здесь идет о переносе нормальных моделей профессионального поведения — «профессионального взгляда» — в обычную жизнь: тогда они представляются «паранойей»; это определение возникает при взгляде на профессиональные нормы извне, с точки зрения «обычного человека» (непрофессионала).

В учительских рассказах о своей профессии как «болезнь» описывается постоянная погруженность в школьные проблемы: «*Мне кажется, это испытывает каждый учитель, — говорит преподаватель английского языка, женщина лет 60-ти. — Вот если поговорить с очень старыми педагогами, старушками, там, 70-ти лет, то они только этим и живут. У нас все это в голове... домой идешь и думаешь о школе, засыпаешь — о школе. Идешь даже себя ругаешь, ведь и семья, и всё... а всё вокруг этого. Можно сказать, болезнь такая*» [ПМ: О.А. Макарова, 2004 г.].

Мотив профессии как «болезни» каким-то образом уживается в учительском фольклорном дискурсе с процитированным выше представлением о том, что учитель «*должен быть психически здоровый человек, ведь дети очень восприимчивы ко всему происходящему*». Заметим, что в терминах «болезни» описывается собственная привязанность к профессии, а требование «здоровья» относится к ситуации взаимодействия с учениками (как объектом, на который направлена профессиональная деятельность), т.е. к самому процессу работы.

Вообще метафора «болезни» чаще всего описывает именно высокую степень самоидентификации с профессией, когда она как будто встраивается в тело человека, в его физиологию, трансформируя ее так же, как болезнь. Болезнь = трансформация тела (или душевного состояния) здесь используется как метафора личностной трансформации, происходящей как результат высокой степени идентификации с профессией и интериоризации профессиональных норм.

Еще пример — из песенника специалистов по фразеологии, который в виде распечатки раздавали участникам XI Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы в Варне (2007 г.), а потом и на последующих конференциях по фразеологии (я получила эту самодельную книжку во время конференции в Санкт-Петербурге).

*Ни бить баклуши, ни считать ворон,
Я ничего теперь не успеваю:
Не пью, не ем, пропал покой и сон:
Я целый день фраземы изучаю.
<...>
Пусть говорят: не все, конечно, дома
У тех, кто изучает идиомы³.*

Метафора «болезни» (в том числе высокого «безумия») подразумевает оценку поведения профессионалов с точки зрения непосвященных — осознание того, что профессиональные нормы, с точки зрения обыденного сознания непрофессионалов, могут противоречить здравому смыслу и выглядеть как отклонение. Еще пример из песенника фразеологов:

*Новые трансформы,
Новые фраземы...
Попирая нормы,
Одурели все мы.
Одурели все мы,
Словно от проказы⁴.*

Иными словами, эта метафора моделирует внешнюю точку зрения на профессию, т.е. является пограничной метафорой — одним из символических средств, конструирующих «границу» профессиональной среды:

*У нас тут теплая компания
И шеф веселый Водoley (налей! Налей!)
Мы все больны фразеоманией
И тем опасны для людей⁵.*

Мотив профессии как «болезни» дополняется представлениями о «печати», которую профессия накладывает на человека. Эти представления приписывают профессионалу не только отличия, но и особые способности, которые он получает благодаря этим отличиям.

2. ПРОФЕССИЯ КАК СТИГМА

Один из сквозных мотивов в интервью носителей практически всех профессий — утверждение, что профессия накладывает особую «печать» или «клеймо» на своих носителей. Профессия в этом случае воспринимается как стигма, запечатленная на теле профессионала. Проанализируем пояснения, которые раскрывают понятие «клейма / печати». Детализируя его, представители разных профессий говорят о телесных качествах, таких как особый голос, профессиональный взгляд, чутье, а также особая «сила», «энергия» и прочие магические способности. Эти представления интересны для нас тем, что с их помощью телесность профессионала (физические, физиологические, перцептивные свойства) включается в символическую конструкцию «профессионализма».

Профессия запечатлевает себя в теле профессионала, которое становится полем выражения профессиональной идентичности. Мотив «особой телесности» можно рассматривать и как выражение принципа элитизма — исключительного и привилегированного положения профессионала, важной характеристики его социального статуса.

Представление о штампе, клейме или печати профессии особенно часто фиксировалось нами среди учителей. «Я сделала вывод о профессии преподавателя по реакции окружающих, что учитель — это “печать на лбу”, — говорит преподаватель, около семнадцати лет проработавшая в школе. — Заметила странное отношение окружающих... когда они узнают, что я учитель. Некоторое время они не знают, как им себя вести в моем присутствии, они смотрят на меня, как на диковинного зверя» [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1998 г.].

«Я, может быть, этого и не чувствую, — признается ее коллега, преподаватель истории города. — Но люди через некоторое время общения со мной спрашивали: “Вы учитель?” — это как клеймо на лбу» [ПМ: М.Л. Тагеева, 1999 г.].

Некоторые учителя упоминают «отпечаток» своей профессии и в семейной жизни: «Моя мама всю жизнь работала учителем, и это наложило отпечаток на нашу семейную жизнь. Мама держала нас в ежовых рукавицах». «Дома меня останавливают родственники, говорят, что я еще не переключилась от общения с детьми» [Там же].

В большинстве интервью так или иначе фиксируется мотив выделенности позиции учителя. Отметим и предпринимаемые некоторыми представителями учительского цеха попытки избавиться от «клейма» своей профессии: «Все время говорю себе: пройди мимо и молчи»; «Стараюсь не иметь отпечатка преподавателя в одежде, но это не всегда получается... Всегда боялась штампа “учителя”» [ПМ: М.Л. Тагеева, М.В. Пшенной-Северина. 1998 г.]. Впрочем, столь же характерен и мотив безуспешности этих попыток, так как формирование особой позиции учителя приписывается не ему самому, а системе или окружающим людям, которые «узнают» представителя этой профессии по ряду признаков, среди которых, например, особый «преподавательский» голос. Все это похоже на символическую объективацию профессионализма («он заметен извне»).

Чутье и взгляд. Среди качеств, отличающих профессионала, фигурируют перцептивные способности: в неформальном дискурсе они определяются как особое «чутье» или «взгляд».

Например, таксист-профессионал, помимо водительского удостоверения и медицинских справок, должен иметь особое чутье, которое позволяет отличить нормального пассажира от воров, бандитов или кидал (тех, кто норовит проехать, не заплатив). «Если кто-то думает, что для того чтобы стать таксистом, достаточно лишь научиться водить машину, то глубоко заблуждается» [ПМА: СПб., 2005 г.]. Чутье означает получение информации о клиенте по каким-то каналам, недоступным для непрофессионала — дополнительный источник (или дополнительное обоснование исключительности) профессионального знания. Этнографу необходимо чутье, благодаря которому он находит в незнакомой деревне так называемого золотого информанта — самого компетентного и общительного жителя. Археологи каким-то шестым чувством опознают древние захоронения, непо потревоженные грабителями (а потому особо ценные для науки). Актер должен чувствовать зрительный зал — его дыха-

ние, его всплески (А. Блок), экономист — в своей сфере чувствовать напряженные точки, шофер или капитан корабля — чувствовать биение сердца машины, моряк — слышать дыхание моря, даже мастер в киоске, где готовят шаверму, по утверждению одного из них, должен чувствовать мясо, чтобы правильно его нарезать [ПМ: Л. Науменко, 1999 г.].

Профессиональное чутье или чувство — метафора особого знания об объекте, полученного непонятным и недоступным для непосвященного путем благодаря (предполагается) особым способностям профессионала. Вместе с тем это знание необходимо, чтобы взаимодействовать с объектом, чтобы отличить подходящий объект от нежелательного.

Но наиболее распространенная вариация на тему специальных способностей, отличающих профессионала, — указания на его особый профессиональный взгляд. В среде медиков в XX в. бытовали рассказы о знаменитых врачах (Пирогове и др.), обладавших особым видением, которое позволяло порой по незначительным признакам поставить правильный диагноз. Взгляд врача опознает человека как «больного», создавая тем самым объект своей деятельности. В современном медицинском фольклоре прослеживается аналогичный мотив: «Здоровых людей не бывает — есть недообследованные», — утверждает медицинская пословица⁶. Познание (обследование) людей есть способ обнаружения у них признаков пациента (симптомов, отклонений). Уже студенты-медики замечают, что у них формируется профессиональный взгляд: они любого «человека рассматривают сквозь призму профессии», оценивают «по антропологическим признакам», рассказывая о ком-то в компании сокурсников, прежде всего характеризуют особенности строения его тела и состояния здоровья. Разговаривая с человеком, иногда «представляют его лежащим на операционном столе», т.е. в положении пациента.

Ведя независимо друг от друга полевые исследования среди студентов-медиков [ПМУ, СПб.] студенты-социологи А. Рябикин и В. Монич обратили внимание на то, что будущие медики «пристально рассматривают» их, комментируя строение лицевых костей, форму носа. Тогда же В. Монич писала в курсовой работе о своем первом опыте полевого исследования в этой среде: «Когда я первый раз пришла в группу, меня обступили со всех сторон и не дав сказать ни слова, начали бурно обсуждать особенности строения моей руки». Как сказано в ее полевых записях, будущие врачи «стали рассматривать запястье, спорить, какое оно в окружности и какое у меня сложение:

астеническое или нет. Возникли по этому поводу споры» [ПМ: В. Мо-нич, А. Рябкин, 2000 г.]. Взгляд профессионала — это взгляд познающий, опирающийся на знание, проецирующий его в окружающий мир и благодаря этому формирующий потенциальный объект своего воздействия.

М. Фуко, выросший в семье врача, посвящает анализу роли взгляда врача несколько страниц в «Рождении клиники»: это «взгляд, который знает и который решает; взгляд, который управляет». С появлением клиники как институциональной формы «это более не просто взгляд любого наблюдателя, но врача, институционально поддерживаемого и узаконенного, врача, имеющего право решения и вмешательства». В конце концов М. Фуко приходит к заключению о конструирующей роли взгляда по отношению к объекту, на который направлена профессиональная деятельность: открывается «полная и глубокая связь болезни с взглядом, которому она предстоит и который ее в то же время устанавливает»⁷.

Мотив профессионального взгляда «сквозь призму» своей профессии — один из сквозных для неформального дискурса разных профессий. Выработка такого «взгляда» (результат которого — особое «видение» объекта, точнее — умение видеть объект практически в любом элементе повседневности) — важный элемент самоидентификации профессионала. И.А. Емельянова приводит высказывание офицера Российских ВС, пояснявшего, как глубоко он проникся привычками армейской жизни: «Я <...> смотрел на многие вещи гражданской жизни если не через сетку прицела, то из-под козырька фуражки»⁸. У программистов есть выражение, что они смотрят на мир «через экран монитора», подводники — сквозь перископ. Архитекторы, говоря о своей профессии, подчеркивают особенный взгляд на общество: «Архитектор осознает общество и видит, что нужно исправить» [ПМ: О. Аверичева, 2002 г. № 2].

Особое видение упоминают и учителя: «Я вижу многое и понимаю то, что не понимают другие» [ПМ: М.В. Пшенай-Северина. № 1]. «Говорят, что в компании учителя сразу видят, узнают сразу. Уже по привычке так вот все замечать, то есть если что-то не так, особенно если в компании дети» (учитель математики, ж., ок. 30 лет стажа) [ПМ: О.А. Макарова, 2004 г.].

Такие вещи, как видение, чутье и т.п., обсуждаются в профессиональной среде, считаются значимыми, хотя и неопределимыми. По сути же, во всех этих случаях речь идет об особом рода связи, т.е. обозначении коммуникации между профессионалом и объектом его

деятельности. Эти понятия содержат элемент неопределенности и актуализируются чаще всего именно в ситуациях неопределенности, когда мало информации, чтобы принять решение. По-видимому, они и обозначают те не каждому доступные каналы коммуникации, по которым «настоящий профессионал» способен извлечь дополнительную информацию об объекте или эффективно на него воздействовать.

Голос также фигурирует в качестве отличительного признака профессии: командный голос военных или особый учительский голос. Учитель французского языка, говоря об отличительных признаках своей профессии, акцентировала особую манеру говорить: «Это довольно часто проявляется в тоне разговора, в голосе, иногда в магазине люди обращают внимание. Один раз меня даже спросили в лицо: “Вы что, преподаватель, что у Вас такой голос?”» [ПМА: М.Л. Тагеева, 1999 г.]. На вещевом рынке я стала однажды свидетельницей такой сценки. Одна из покупательниц громко обсуждает вещь; рядом молодая женщина оборачивается и недовольно произносит в ее адрес: «Женщина, ну что Вы так орете? Вы, наверное, учительницей работаете?». Первая сразу же замолчала, ничего не ответила, а рядом кто-то засмеялся. В данном случае я не обсуждаю правильность высказанной догадки, но примечательно, что голос функционирует как маркер учительской профессии даже за ее пределами.

Уже упоминавшаяся школьная учительница французского языка дает следующее пояснение, позволяющее понять смысл этого символа профессии: «Педагогический голос: сразу слушаются, взрослых начинаешь сразу же учить, какая-то безапелляционность». «Я никогда не кричу. Но могу сказать с такой интонацией, что все поймут», — уточняет ее коллега, учитель истории города [М.Л. Тагеева, 1999 г.].

Примечательно, что, характеризуя «голос», учителя акцентируют не его физические параметры, а воздействие на окружающих: голос как инструмент управления. В других случаях, уточняя, что понимают под «отпечатком» профессии, учителя прямо указывают на стремление и привычку управлять: «Проходя мимо человека, жуящего семечки, я не могу не сделать замечание»; «Замечаю за собой, что встречаю туда, куда не надо. Желание поучать». Отмечают «потребность вмешиваться во все», «объяснять, что-то доказывать, копаться вглубь и вишерь», «большое желание давать советы, готовность оказать поддержку словом», «удовольствие от того, чтобы кому-то что-то объяснить»; «большое желание изменять, воспитывать, пре-

образовывать» [ПМ: М.Л. Тагеева, М.В. Пшенной-Северина, 1998–1999 гг.].

Похожие высказывания записывала К.В. Сергеева от арбитражных судей, при этом они уподобляли свою профессию учительской: «Любая работа дает отпечаток. Учитель, например, всегда остается учителем и во всех ситуациях пытается научить», — говорила судья, проработавшая в арбитражном суде около девяти лет. «Это ужасно, — подтверждает ее мысль коллега (12 лет стажа в АС). — С учителями тяжело общаться. И с некоторыми судьями тоже так тяжело. Ну есть такие люди, которые всех учат жить. Вот это у судей тоже проявляется. Это профессия накладывает отпечаток» [ПМ: К.В. Сергеева, СПб., 2004, № 1, 2].

Можно заметить, что стигма профессии, как и «профессиональный взгляд» или знание, в этих рассказах фигурирует как средство помещения собеседников в позицию «ученика», т.е. превращения их в объект, а тем самым — символического «создания» объекта. По существу, представление о «печати», накладываемой на человека его профессией, в приведенных высказываниях служит обоснованием или оправданием воспроизводства стереотипных для данной профессии форм поведения по отношению не только собственно к ученикам, но и к другим людям (семье, прохожим на улице) и тем самым навязывания им позиции объекта воздействия (т.е. распространения власти профессионала, которая легитимизирована по отношению к объекту, и на прочие социальные ситуации).

«Энергия», «сила», «драйв», «легкая рука». Среди свойств, приписываемых профессионалу, есть группа, связанная скорее с повседневно-магическими представлениями: представления о легкой руке, энергии профессионала, исходящем от него драйве и т.п. Все эти свойства, как и «чутье», признают неопределимыми, однако чрезвычайно важными для осуществления профессиональной деятельности.

Представление о легкой руке отмечено в среде уличных торговцев, парикмахеров, а также акушеров и хирургов. У хирурга, обладающего этим свойством, больные быстрее выздоравливают после операции, у них реже воспаляются раны и возникают другие осложнения. Акушерке легкая рука необходима, чтобы легче проходили роды. У торговцев, обладающих легкой рукой, по поверьям, товар не залеживается на прилавке, а быстро расходуется, т.е. приобретает коммуникативные качества, определяемые в терминах, производных от корня *ход-*: *ходовой*, *ходкий* товар. Коммуникативные

свойства приобретает и торговое место — оно становится *ходким*, т.е. через него проходит много людей [ПМ: И. Ивлева, СПб., 1998–2000 гг.]. «Легкая рука» — это одно из обозначений стигмы профессионала — качества, принципиально неопределимого, однако все же просматривается его связь со способностью управлять движением объекта.

У рок-музыкантов очень важен *драйв*, или *завод* (умение *заводить* публику), — качество, которые, как считается, определяет успех концерта и группы в целом едва ли не в большей степени, чем техника исполнения: «Это очень важно, иметь такую вещь. Просто считается, что группа может играть, допуская технические какие-то сбои, но драйв у нее есть, — объясняет один из рок-музыкантов». «Что ты считаешь более приемлемым, — уточняет собиратель, — что группа играет технически очень хорошо, но без драйва, или делает какие-то ошибки, но очень хорошо играет, но драйв есть?». «Думаю, второе».

В среде рок-исполнителей говорят, что предпочтение технике отдают те, кто играет для денег, это «музыка для кабаков», в то время как драйв отличает «настоящего музыканта». Драйв — то, что выходит за рамки техники. Само слово происходит от англ. *drive* — «вести»; в качестве его синонима используется русская калька — *завод*; то и другое обозначает коммуникативную стратегию управления настроениями и реакцией публики. Именно об этой стратегии говорят, когда пытаются объяснить, что значит драйв: «Ну, какая-то энергетика исходит», нужно добиться, «чтобы пёрло» [ПМ: И. Алексеев, А. Зайченко, 1999 г.]. Иногда драйв соотносится с понятием *подача*, тоже противопоставляемым технике исполнения. Слова, характеризующие смысл слова драйв: *исходит*, *прёт*, *подача* — указывают на центробежное направление коммуникации: от музыканта к публике

Близко к этому по прагматике, но значительно шире по смыслу понятие *энергии*, бытование которого в качестве важной характеристики профессионала отмечено, например, в учительской и актерской среде. В актерской среде она проявляется как умение *владеть залом*, *держатъ зал*. Актеры Театра им. Ленсовета описывают это качество следующим образом. Зрительный зал предстает в их рассказах как «положительная, отрицательная масса, которую нужно подключить к действию. Либо лаской, либо кнутом, но нужно заставить сопереживать» (К. Хабенский). Актер должен быть «способен настроить зал» (А. Блок), но «не пойти на поводу у зрителей... Театр

не должен опускаться до того, чтобы улаживать похоти зрителя» (А. Зибров).

Все эти формулировки указывают на вполне выраженную стратегию управления. Описываемая в терминах «энергии», которую актер «посылает в зал» или которой «обменивается с залом», эта стратегия представляется как технический процесс, однако источником этой «энергии», определяющим успех или неудачу актера, выступает его собственное физическое и душевное состояние, т.е. профессиональная техника как бы «укоренена» в теле.

В дискурсе учителей ту же роль играет *владение классом* или некая *сила*, которая считается показателем профессионализма преподавателя. «Еще мне кажется, что в учителе должна быть сила, и дети это безошибочно чувствуют, эту внутреннюю силу, — говорит учительница русского языка и литературы с двадцатилетним стажем работы. — Был у меня один случай. Класс, у которого я была классной руководительницей, в соседней комнате “учил” математику, т.е. у той учительницы дисциплины не было абсолютно. Урок мне вести было просто невозможно. И я вышла в коридор и встала перед дверью класса математики. Там был просто сумасшедший дом. И когда главный заводила увидел меня, он просто замер и осел. Вот это, как мне кажется, и есть эта сила, что передо мной кривляться и выделываться нельзя, а перед той учительницей можно. Я думаю, без этой силы будет очень сложно» [ПМ: М.Л. Тагеева, 1999 г.].

В учительской среде отмечена мифологема *энергии*, посредством которой учитель осуществляет коммуникацию с классом. Отвечая на мой вопрос об «энергии», молодой учитель стал говорить об умении подчинить или «построить» класс: «Это да, ходят такие поверья. Но только о некоторых, буквально, о двух-трех учителях в школе. Есть два-три учителя, которые обладают такими, опять же, по поверьям, способностями, которые... один из них учитель математики, ну, учительница математики, которая уже несколько лет не встает со стула, она инвалид, вот, о ней говорят, как бы, так: что в прошлом она была лучшей учительницей геометрии, математики в школе, но сейчас, к сожалению... но она может успокоить кого угодно. Вторая учительница — классный руководитель седьмого «Б», у которого я вел, которую я попросил успокоить своих детей, и она сказала: “Все. Ребята, тихо”. Они успокоились. А потом я в курилке об этом рассказал, сказали: “Да, она-то уж может успокоить, действительно. К ней обращайся, потому что она-то уж — любой класс может успокоить”. Ну и третий момент — это, собственно, наша... “начальница курилки”. Про нее ходят

такие истории, что, ну, как бы... Наталья — она же у нас такая женщина, что — дай ей седьмой — она и седьмой построит, дай ей восьмой — она и восьмой построит. И девятый построит... педагогическое мастерство и опять же умение — умение общаться с детьми. Она не настолько вульгарна с детьми, не столько надавить на детей, сколько их подвинуть к действию какому-то» [ПМА: 2005 г.].

Профессиональная деятельность в фольклорных историях связана с отдачей или потерей «энергии», под которой, по-видимому, в этом случае понимается здоровье и выносливость: «Поначалу я приходила домой как выжатый лимон», говорит учительница, проработавшая 17 лет в начальной школе. По ее словам, имеет значение качество этой «энергии», непосредственно связанное с психическим здоровьем: учитель «должен быть психически здоровый человек, ведь дети очень восприимчивы ко всему происходящему. А человек, у которого много внутренних проблем, срывается на детей, переносит свою негативную энергию и таким образом он получает сложный класс» [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1999 г.].

Представители разных профессий, предполагающих контакты с большим количеством людей (продавцы, судьи, врачи, стюардессы), упоминают о «негативной энергии», с которой сталкиваются на рабочем месте, и необходимости от нее защищаться. Такая защита иногда приобретает характер магического обряда (см. далее описания охранительной магии в среде продавцов и арбитражных судей).

Представления об «энергии», «драйве», «силе» как характеристики профессионала относятся к ситуациям, когда он взаимодействует с людьми как объектом, т.е. речь идет о стратегиях управления, включенных в его профессиональную деятельность. Если характеризовать качества, рассматриваемые в фольклорном дискурсе как отличительные черты профессионала, можно заметить, что они связаны либо со стратегией управления, либо с получением информации от объекта (и даже превращающей его в объект, как, например, особый «взгляд» или «видение» врача).

Иными словами, в фольклоре формируются дополнительные (действующие наряду с формальными) легитимации двух важнейших составляющих профессии: монопольного знания об объекте и вытекающего отсюда исключительного права воздействия на него. Любопытно, что на неформальном уровне легитимация включает элементы иррационального (такие понятия, как энергия, драйв или чутье, признаются принципиально неопределимыми), а также оказывается связана с телесностью профессионала: «энергия» или осо-

бый «взгляд» воспринимаются как особые функции-способности его организма.

Итак, «отпечаток профессии» несет не только тело (его видимый облик или состояние здоровья, например), а и перцептивные способности человека (способность к избирательному видению, чутье и т.п.), коммуникативные качества (голос и манера говорить), а также способность оказывать влияние на других людей. Поэтому точнее будет сказать, что речь в профессиональном фольклоре идет о том, как профессия запечатлевает себя не только в видимом облике тела, но и в (функционирующем) организме ее носителя, меняя его свойства и способности.

Подводя итог, следует обратить внимание на ряд элементов символической конструкции, в которую вписываются интерпретации телесности и атрибуты в неформальном профессиональном дискурсе.

И мифологема «клейма» профессии, и представление об особых качествах профессионала (энергии, чутье и т.п.), и метафора профессии как «болезни» выражают одно и то же представление о теле профессионала как особом, обладающим важными отличиями от тела «обычных» людей. Все это обосновывает исключительность положения профессионала уже из-за телесных свойств и способностей, объясняющих его особую предрасположенность к своей работе, а тем самым и преимущественное право на нее.

Принцип исключительности, относящийся к телесности профессионала, можно рассматривать как символическое выражение аналогичного принципа, относящегося к его социальному статусу. Важный элемент этого статуса — элитизм, представление об исключительном праве на осуществление социальных функций, обеспечивающем привилегированное положение в обществе. Элитизм и исключительность не что иное, как выражение структурного принципа автономии профессий, основанной на специализированном знании и процедурах лицензирования (формального подтверждения знания), обеспечивающих контроль над численностью членов профессии. Именно этот структурный принцип, как можно предположить, находит свое выражение в представлениях о стигматизации и трансформации тела профессионала. Таким образом, через символику «профессиональной трансформации» тела человек идентифицируется со своей профессией.

В неформальном дискурсе профессий символическое значение получает тело профессионала — его внешний облик, приписывае-

мые и предписываемые перцептивные и физиологические особенности, целый ряд коммуникативных качеств. Телесность (как система представлений о теле) конструируется таким образом, что служит дополнительным средством легитимации исключительного права (как основанного на способности, предрасположенности) заниматься своей деятельностью. Неформальный дискурс демонстрирует политику натурализации статуса профессионала — его укоренения в теле, в свойствах организма носителя профессии.

3. ТЕЛО В ПРОСТРАНСТВЕ РИСКА

Тело профессионала включается в мифологию риска. В профессиональных приметах отдельные аспекты телесности табуируются, становятся напоминаниями о рисках — в общем, прочитываются с точки зрения этой мифологии.

Так, одна из распространенных «плохих» примет — производить какие-либо процедуры с собственным телом (гигиенические или эстетические) перед началом ответственного дела: у актеров плохая примета мыть голову перед важным спектаклем или концертом (но редко кто это соблюдает), у медиков и пожарных — перед дежурством стричь и красить ногти и даже класть на стол нож (может быть трудный случай с кесаревым сечением), таможенники полагают, что нельзя бриться (даже братья за лезвие бритвы), пока не возбуждено уголовное дело (в случае обнаружения криминала). Пожарные замечают, что опасные выезды случаются, когда надеваешь на дежурство новую или только что выстиранную форму⁹, стюардессы не надевают в полет новые туфли, не пришивают пуговицы и вообще стараются не брать с собою иголки с нитками (в полете нельзя ничего пришивать — «Самолет никогда не вернется вовремя») [ПМА: СПб., 2005 г.].

Такого рода приметы привлекают внимание к собственному телу и связывают (обыденные для прочих людей) манипуляции с телом с рисками профессии. В этом же ряду можно интерпретировать и запрет на интимные отношения перед дежурством или ответственной работой. Такие запреты отмечены, например, у пожарных и профессиональных спортсменов. Еще в ряде профессий есть более мягкие обычаи избегания (плохой приметой считается присутствие женщин в пространстве работы — в электровозе, пожарной

машине, космическом корабле)¹⁰. Впрочем, известен и обратный вариант (на уровне личной приметы): некоторые спортсмены сообщали, что практикуют секс перед состязанием, как своего рода ритуал эмоциональной и физической настройки.

4. АТТРИБУТЫ ПРОФЕССИИ: «ДОСТРОЙКА» ТЕЛА

Рассматривая символические репрезентации профессии, нельзя пройти мимо ее атрибутики: от техники, инструментария, рабочей одежды и снаряжения до обстановки рабочего места. Эти вещи всегда или в отдельных ситуациях могут использоваться как вещественные символы профессии и проекции идентичности — знаки принадлежности к сообществу, обладания профессиональным знанием и авторитетом. Такую роль способны выполнять вещи, представляющие как объект профессиональной деятельности, так и ее техническое оснащение (инструментарий).

Атрибуты профессии: инструменты, экипировка — символически «достраивают» тело, сообщая ему новые свойства и способности. Инструменты, снаряжение, униформа выражают идентичность профессионала как знаки принадлежности к профессии. «Белый халат», «зеленые фуражки» — такой атрибут обозначает в целом образ профессионала. Тело преобразуется в пространстве профессии: входя на отделение, врач надевает белый халат; стюардесса появляется на рабочем месте в форме, волосы ее согласно инструкции спрятаны под форменную шапочку, на лице ее немного косметики — макияж, прическа, длина форменной юбки и другие детали ее внешности регламентированы. При этом появление в форменной одежде в городе инструкцией запрещено.

Профессиональные атрибуты (мундир, спецовка, белый халат) — связующее звено между телом профессионала и пространством профессии. Символика вещественных атрибутов профессии играет важную роль в конструировании профессиональной идентичности.

Получение атрибута (или права им пользоваться) — важный элемент ритуалов **посвящения в профессию**: зримый символ преобразования, происходящего с посвящаемым. В фольклоре студентов медицинских вузов такую роль играет белый халат. В некоторых медицинских вузах посвящение в студенты включает «клятву первокурсника» и получение белой шапочки. В. Монич цитирует выска-

зывания студентов-медиков о том, что белый халат — знак принадлежности к медицинскому сообществу, знак особого предназначения и авторитета, потому что *«в их руках порою жизнь людей»*. Белый халат — символ знания, которое в глазах будущих медиков дает им преимущество по сравнению со студентами гуманитарных и технических направлений: *«Они учатся пять лет — и мы те же пять лет, но в наших руках знание... (гуманитарии) тоже учатся пять лет, но ничего не смогут сделать, если у них на руках будет умирать человек»* [ПМ: В. Монич, СПб., 2000 г.].

Получение атрибута дает доступ в пространство профессии, закрытое для непосвященных. Так, В. Монич долгое время не могла добиться, чтобы ей разрешили присутствовать во время ночного дежурства ее информантов — студентов-старшекурсников. Через некоторое время студенты подарили ей белый халат — *«и после этого сразу же пригласили на ночное дежурство»* [ПМ: В. Монич, СПб., 2000 г.]. Для посетителей больничных учреждений белый халат (обычно полученный на время в больнице или взятый у знакомых) играет роль временного пропуска, условия доступа в палаты к находящимся на излечении близким. Обладание своим собственным халатом — «пропуск» постоянный, и не только в «свою» палату. Описывая «процедуру дарения белого халата», В. Монич отмечает, что она происходила в торжественной обстановке: *«При этом меня просили беречь его и никогда не забывать, что я теперь тоже немножко врач»*¹¹.

Уже на старших курсах медицинского вуза многие студенты стараются приобрести свой собственный инструмент — хирургический, неврологический и т.д. Здесь имеет значение не только знание критериев и правильный выбор инструмента, но и знание мест, где нужный инструмент можно купить или заказать. Такая информация обычно передается внутри сообщества. У моей мамы, невропатолога, было несколько неврологических молоточков, сделанных специально для нее на заказ. С мастерами подробно обговаривались качества, которыми должен был обладать этот инструмент для исследования коленного рефлекса: от плотности резины до веса и формы ручки. В ручке одного из молоточков была полость, в которой помещался дополнительный инструмент (на одном конце заостренный, на другом округлой формы).

Интересно, что временное принятие в свою среду также может обозначаться выдачей медицинского инструмента (конечно, не самого лучшего). В. Монич пишет, что на определенном этапе иссле-

дования, когда к ее присутствию привыкли, ей подарили старый скальпель. Когда я читала лекцию в медицинском учреждении (это были курсы повышения квалификации акушеров-гинекологов), мне в подарок дали замысловатой формы шприц.

Обладание собственным набором инструментов важно и для других специалистов. Для работников правоохранительных органов подобное значение имеет получение права носить табельное оружие. Приведу отрывок из заметки в газете «Смена»: *«Милиционер — как ребенок, рождается через девять месяцев, — сказал на встрече с журналистами заместитель начальника Учебного центра Северо-Западного УВД на транспорте Валерий Белоусов. — Слова о девяти-месячном сроке рождения милиционера имеют смысл. Именно столько времени нужно, чтобы стать полноправным сотрудником органов. Около восьми месяцев он проводит в стенах центра, а затем направляется в действующее милицмейское подразделение, где стажирется еще месяц. Только после этого он становится настоящим милиционером и ему выдается табельное оружие»*¹². Получение оружия, как и других средств осуществления профессиональной деятельности, выступает здесь как предметное выражение и признание профессиональной идентичности.

Служившие в горячих точках военные дарят друг другу на память подарки, обычно имеющие отношение к оружию: например, прогоревший трассер или браслет из гильз от патронов [ПМ: К. Исакова. 2002 г.]. Близок к армейским и существующий у охотников обычай сохранять первую отстрелянную гильзу. После первого выстрела совершается ритуал: охотник пьет из гильзы водку и затем хранит гильзу как амулет [ПМА: Д.В. Громов, М., 2003 г.].

Атрибутика профессии фигурирует и в обрядах посвящения летчиков, подводников, представителей других профессий. Везде обыгрывается идентификация посвящаемого с символами профессии (в данном случае — предметными), однако не только через приобретение их, но и через другие способы «знакомства». Во многих «мужских» по своей символике профессиях, особенно военных, такую роль играет битье. Так, на подводных лодках ВМФ РФ машинисты-турбинисты, проходя посвящение в подводники, должны поцеловать кувалду, которая свободно подвешена и раскачивается от движения судна. *«Если не достанется по зубам, то измажешься точно»*, — передают свои впечатления прошедшие этот ритуал¹³. У военных летчиков посвящением считается первый самостоятельный полет. После приземления пилота подхватывают на руки

и трижды ударяют «пятой точкой» о шасси самолета¹⁴. Археологов во время обряда посвящения легонько хлопают по заду лопатой. Парашютистов в честь первого и затем каждого «юбилейного» (50, 100 и т.п.) прыжка протаскивают по земле, заставляя целовать «ноль» (кружок, обозначающий место приземления), ударяют по заду ладонью или запаской (запасным парашютом), скалолазов при первом восхождении — вибромом (тяжелым туристским ботинком)¹⁵.

Обрядовые действия этого типа подчеркивают тесное соприкосновение атрибута профессии с телом, соприкосновение это должно быть чувствительно для посвящаемого. Этот момент вписывается в концепцию обретения атрибута (или получения права им манипулировать) как символического преобразования тела: оно становится другим, приобретает новые — соответствующие профессии — свойства.

Получение атрибута профессии, как и обыгрывание «идентификации» с ним как символом профессии (битье, поцелуй и т.д.) в посвященных ритуалах должны обозначать приобщение к кругу профессионалов как «воображаемому сообществу». Такое сообщество осознается через общий символ — соответственно, принадлежность к нему выражается через приобщение к общему символу.

5. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В дальнейшем, в повседневности, атрибутика продолжает восприниматься как предметное выражение профессиональной идентичности. В повседневном общении воспроизводится схема символической идентификации профессионала с его рабочим инструментарием. Профессиональные водители, летчики, капитаны судов и операторы разного рода технических устройств говорят, что *чувствуют* свою машину и даже *сливаются* с нею; то же отношение к инструменту характерно для музыкантов и системных администраторов.

В разговоре с сотрудниками Физико-технического института им. Иоффе я затронула тему отношения к оборудованию — установкам, на которых они проводят экспериментальные исследования. *«Каждый, конечно, имеет (свое отношение. — Т.Щ.), — отвечает сотрудница (60 лет). — У нас у каждого своя установка просто. А это у кого очень большие технологически — они обобщенно, какие-то... техника... а так — очень даже личное, и вообще это как бы даже и...*

думают: это такого-то установка, эта такого-то». То есть уже известно по имени? — спрашиваю я. «Конечно. И с самого начала так было». — «И более того: никого не подпущу!» — добавляет другая (сотрудница технологической группы, 40 лет) [ПМА. СПб., 2005 г.].

Во многих профессиях существует запрет на пользование чужим инструментом, а иногда даже на прикосновение к нему без ведома хозяина. Запрет этот может иметь как рациональное, так и магическое обоснование: в среде музыкантов, например, бытует примета, что, побывав в чужих руках, инструмент может утратить свои рабочие качества. Разрешение сыграть на своем инструменте означает высшую степень доверия. У архитекторов отмечено негативное отношение к работе кого-либо другого у своего подрамника или за своим рабочим столом. Подобные обычаи также можно интерпретировать как проявление тенденции к символической идентификации профессионала со своим инструментарием, который становится как будто частью образа «я», уже не просто орудием деятельности, но персональным атрибутом.

По состоянию музыкального инструмента коллеги судят о его хозяине; говорят, что инструмент накладывает отпечаток на характер музыканта, точнее, его характер описывается через свойства музыкального инструмента. Примером могут послужить следующие рассуждения молодого виолончелиста о характере музыкантов: *«Считается, что пианисты — самые интеллектуальные. У них самый огромный репертуар. Они самые развитые, разносторонне развитые... скрипка — это лидер, вторая скрипка как второй голос, виолончель создает низкие ноты, это основание квартета, и альт, вроде бы ничего не делает, но зато чувствует и слышит лучше всех»*. Похожие представления отмечены и у рок-музыкантов. Существуют анекдоты об некоторых инструментах и исполнителях — альтистах, басистах (исполнителей на бас-гитаре) [ПМ: Н. Выродова, Е. Задорожная, 2002 г.].

Вообще шутки в адрес профессионалов нередко обыгрывают качества (недостатки) их инструментов: у архитекторов имеются шутки «про подрамник», а подшучивая над бас-гитаристом, проезжают по поводу «нарисованных» на его бас-гитаре струн (дескать, они ему не нужны, он все равно не играет).

Идентификация с атрибутом профессии может быть выражена лексически. Так, операторы пейджинговой связи (ныне уже практически исчезнувшая профессия) пользовались в общении между собой лексикой, образованной от слова «пейджер», чтобы обозначить

важные для работы понятия. Оператор пейджинговой связи (обычно девушка) в этом арго называется *пейджерастка*, отправить сообщение на пейджер — *пейджернуть*, повторить сообщение — *спейджернуть*, наделать ошибок при передаче — *напейджерить* и т.д. При этом собственно пейджер у них назывался *пыжик* [ПМ: Н. Ершова, 2002 г.].

Символика атрибутов профессии как репрезентации идентичности владельца прочитывается и в некоторых приметах. Так, у летчиков и бортопроводников, актеров и врачей отмечены представления о «счастливых» вещах — это всегда старые, испытанные вещи, иногда даже пришедшие в «истрепанное» состояние; это вещи, с которыми их владелец успел сродниться как с частью себя или своего образа. У спасателей, медиков, летчиков, парашютистов и железнодорожников отмечена и более жесткая форма этого представления — примета о том, что на смену / дежурство / в поездку / полет нельзя надевать новые вещи¹⁶.

Приметы о падении или поломке атрибута профессии также могут быть интерпретированы в этом ключе: как нарушение идентификации человека с его профессией (атрибут перестает быть «частью его тела», оно утрачивает символические свойства трансформированного «тела профессионала»). Так, плохая примета у театральных актеров, если падает текст роли. Тогда на нее нужно присесть, т.е. восстановить ее символическое «соединение» с телом; у артистов-кукольников плохая примета, если сломается кукла, у пловцов — если порвется резиновая шапочка¹⁷. У врачей существует примета: если уронил инструмент в операционной, будет несколько экстренных операций во время твоего дежурства (записана от женщины 26 лет, акушера-гинеколога) [ПМА. СПб., МАПО, 2003 г.].

К значению нарушения идентификации присоединяется здесь и мотив разрушения символической границы, маркером которой является профессиональный атрибут, а следовательно и защиты.

6. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА (ГРАНИЦА)

В неформальном дискурсе различных профессий атрибут интерпретируется как защита от разного рода рисков, с которыми сталкивается профессионал. Причем эти риски могут быть и физического плана, и символического (страх перед экзаменом).

А. Рябкин приводит историю, которую ему рассказали, объясняя значение медицинской одежды (халата, шапочки и маски): *«Препарировала я как-то труп без маски, — рассказывает студентка 2 курса, имея в виду учебную практику в анатомической лаборатории. — Делаю я свое дело, все идет нормально. Вдруг смотрю — в мой глаз летит какой-то кусочек. Я закрыла глаза и чувствую, на моей реснице что-то висит. Я стираю кусочек жира. Препарирую дальше. Вижу — опять что-то летит мне в лицо и попадает мне на верхнюю губу. Оказался опять кусочек жира. С тех пор без маски я труп не препарировую»* [ПМ: А. Рябкин. СПб., 2000 г.]. Последняя фраза выражает прагматику рассказа — обоснование правила, предписывающего носить медицинскую униформу. Примечательно, что рассказчица обращается как к моделирующей к ситуации препарирования человеческого тела. Она имеет для медиков значение своеобразного посвящения в профессию и, как всякий посвятельный обряд, прочитывается как модель, объясняющая целый ряд профессиональных норм.

Однако студенты-медики носят белые халаты не только во время практических занятий, но и на обычных лекциях. Заметив это, В. Монич спросила у них, насколько это обязательно. Как оказалось, это обязательное требование только для студентов младших курсов, а старшекурсники «сами не хотят отказываться» от этой привилегии: право носить белый халат они воспринимают с гордостью за свою профессию. Кроме того, некоторые видят в этом и «магическую защиту». На вопрос о том, отчего, был получен ответ: *«Спросит ли тебя преподаватель или нет»* [ПМ: В. Монич. СПб., 2000 г.].

Значение атрибутики как «защиты» воспроизводится в нарративах самых разных профессий. *«Раньше мы очень много занимались халтурой, — вспоминает о годах своей молодости бывшая балерина (55 лет), — тут потанцуем на утреннике, там на концерте, то в Доме офицеров, то в Александринке. Мы с подружкой сами были маленькие, щупленькие, выглядели в 18 лет на 13, и у нас была огромная черная “Волга”, мы в ней по всему городу носились с этой халтурой. Работы много, времени мало, так мы прямо в пачке, касках, гриме ездили по городу. Один раз нас остановили за превышение скорости. Мы открываем окно, даем права, милиционер видит девочек в коронах, гриме, блесках и пачечках, уж не знаю, что он подумал, но он ни слова не говоря, пропустил нас дальше, даже не взяв штраф»* [ПМ: Е. Соколова, 2003 г.].

В рассказах таксистов автомашины опытных водителей специально обустроены так, чтобы обеспечить защиту от нападения «отморозков»: рассказывают о спрятанных в машине монтировках, бейсбольных битах и даже электрошокере под креслами, о металлических листах, решетках и пуленепробиваемых стеклах, превращающих автомобиль в «танк». По словам таксистов, «шашечки» сами по себе некоторым образом отпугивают «отморозков», которые чаще нападают на частных извозчиков.

Значение атрибута как «защиты» проявляется и в поверьях о «счастливых» и «несчастливых» атрибутах. Счастливыми дорожат, а от несчастливых предпочитают избавиться. Так, студенты-медики рассказывали, что покупают новую форму (халат) после неудачно сданной сессии: *«Старая помнит, как ты чуть не завалил экзамен»* [ПМ: В. Монич. СПб., 2000–2001 гг.]. Парашютная система, с которой погиб человек, больше не используется. Таксисты присматриваются к машине, и если на ней несколько раз попадают хотя бы в мелкие аварийные ситуации, меняют ее: *«Ну, мне кажется, — объясняет мне представитель этой профессии, — это бывает даже не в сфере такси, а у любого, кто покупает машину, — первая, вторая, третья авария, такие не большие, а... ну, есть такое выражение: “Значит, не твоя”. И люди как бы ремонтируют и продают»* [ПМА: СПб., 2005 г.].

«Несчастливый» инструментарий интерпретируется как результат неудавшейся идентификации со своим владельцем: он «не твой», т.е. идентификация «профессионал — инструмент» моделируется как элемент профессионализма и тем самым условие успешного осуществления деятельности. Еще один мотив таксистских нарративов — уход из профессии водителя, которому так и не удалось подобрать «свою» машину.

Семантика атрибутики как «защиты» (реальной или символической) своего владельца связана с прагматикой ее как средства маркирования границы профессионального сообщества. Атрибутика — право и умение ею пользоваться — отличает профессионала, одновременно обозначая границу, отделяющую его от мира непосвященных и среди прочего — от исходящих от него опасностей. Таким образом, «защитная» символика профессиональных атрибутов — еще одна грань их роли как символа профессии и идентичности ее носителей.

7. ОПРЕДЕМЧЕННОЕ ЗНАНИЕ

С идентифицирующей функцией атрибутики связан еще один семантический пласт — интерпретации, подчеркивающие ее «сложность» и недоступность непосвященным. В этом варианте атрибуты профессии выступают как опредмеченное знание, а владеющий ими тем самым выступает и как «обладающий знанием».

Сложность профессионального инструментария и оборудования — обычный мотив в профессиональном фольклоре. Реализуется он разными путями (через разные мотивы). Один из них — «опора на авторитет». моряки-подводники на Северном флоте передают байку о посещении подводной лодки Юрием Гагариным: *«Первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин, побывав в Гаджиево на борту подводной лодки, признался: “Ваши корабли посложнее космических”»*¹⁸.

Ту же тему «сложности» развивает и мотив «секретов», особых качеств инструментария, которые могут распознать только настоящие профессионалы; с этим связаны и мотивы уникальности, собственноручного изготовления, усовершенствования, специального заказа или придирчивого выбора инструментов и снаряжения. Чтобы все это осуществить, необходимы специальные знания, которыми может обладать только профессионал. Это знание доступно лишь человеку с особым профессиональным складом ума — физическим, инженерным и т.п., без которого освоить технику невозможно. Символом такого знания и является уникальное оборудование.

Знание необходимо и для того, чтобы грамотно использовать профессиональную атрибутику. В фольклоре профессий распространены истории о неумелых новичках. *«Один раз я танцевал «Жизель», — рассказывает артист балета Мариинского театра (20 лет), — а моей партнершей была новенькая, она первый раз танцевала в Мариинке, да и вообще у нее была премьера этой партии. Она волновалась, просто ужасно, а там есть такое место, где нужно в арабеске (одна нога на полу, другая поднята назад) стоять около минуты. Она решила для верности как следует наканифолить туфли. Идет сцена на кладбище, она встает из могилы, проходит пару шагов, встает в арабеск и стоит как вкопанная. Уже прошло больше минуты, она должна уже подойти ко мне, чтобы начать адажио, а она вообще не двигается. Я понимаю, что она просто слишком наканифолилась, и теперь прочно прилипла к полу. Мне пришлось подходить к ней и помогать ей “отлипнуть”»* [ПМ: Е. Соколова, СПб., 2003 г.].

Новичок в этих рассказах оказывается на грани провала или подвергает опасности свою и чужую жизнь из-за неумения обращаться со своим снаряжением — незнания его «секретов»; как результат — ему требуется помощь более опытного коллеги (обоснованием чего, вероятно, и служат такого рода рассказы). Неумение новичка в них подается как обоснование зависимости его от старших, необходимости опеки на первых этапах его вхождения в профессию.

С профессиональной атрибутикой связаны и поверья — еще один род знания, уже внерационального, выраженного в форме примет или запретов. Один из самых распространенных — запрет ругать технику или снаряжение или же подшучивать по их поводу. Считается, что такие действия могут приманить неудачу — недоброе слово, сказанное сгоряча или в шутку, может реализоваться. Еще одна из балетных историй, рассказанная балериной (23 года) Мариинского театра: *«Как-то на гастролях в Японии я сидела за кулисами с партнером, нам уже выходить на сцену, а у него настроение ужасное, все уже устали от бесконечных гастролей. Он мне говорит: “Ну развесели меня как-нибудь”. Ну, я говорю: “Ну хочешь, развяжу завязку на пуанте и выйду так на сцену. Все будут только и следить за ней”. Все, конечно, было сказано в шутку, но когда я вышла на сцену, у меня действительно оторвалась лента от пуанта, а впереди еще целая вариация. Там сплошные прыжки, а у меня еле-еле держится туфель. Все японцы действительно уже на меня и не смотрели, только гадали, потеряю ли я касок или нет? Когда я закончила и зашла за кулисы, мой партнер меня чуть не убил, он подумал, что я действительно развязала тесемку, чтобы его повеселить»* [ПМ: Е. Соколова, СПб., 2003 г.].

Подобного рода рассказы предполагают, что между вещью и тем, кто ею пользуется, существует какая-то (необъяснимая и не требующая объяснения) связь — еще одно проявление идентификации. У работников гражданской авиации существует запрет ругать техническое состояние воздушного корабля. Бортпроводница (24 года) рассказывала мне, что непосвященные люди нередко позволяют себе высказывания вроде *«Ой, долетим ли мы на этом корыте»*, и пояснила, что в профессиональной среде *«такие вещи запрещено говорить. Все, что связано с техникой, как бы у нас есть очень старые самолеты (но вот их списали — сто тридцать четвертые неизвестно какого он года)... Мы никогда не говорим, что вот, мол, старый самолет, мы всегда, вот, ну, среди стюардесс, говорим: вот, хорошая машинка, там, с ней начинаешь ласково разговаривать. Ну, ласково — по сокращениям, вот: Ил, Илюша»* [ПМА: СПб., 2005 г.]. Это одна из

самых распространенных в авиационной среде примет: ругать самолет, говорить о возможной аварии нельзя.

Еще одно распространенное поверье связано с падением на пол инструмента или другого атрибута профессии (см. выше). Существует и множество других примет, диктующих своеобразные правила (не всегда объяснимые рационально) обращения с инструментарием. Например, на инструментарий переносят приметы, связанные с дорогой (нельзя подметать землю или пол гаража перед пожарной машиной, как перед уходящим из дому, чтобы не замести дорогу), или запреты на некоторые «домашние» занятия (например, зашивать форму во время дежурства). Эти поверья и нормативные суждения образуют своеобразное «эзотерическое» (не столько скрытое от непрофессионалов, сколько отличающее от них) знание: владение им — еще одно условие успешной интеграции в профессиональное сообщество, особенно в его неформальные структуры.

8. АНИМИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ

В разных профессиональных средах встречается феномен «обращения» к рабочей технике и атрибутике как одушевленному существу — такой вид виртуальной коммуникации. С нею общаются как с виртуальным «партнером» по коммуникации. Во время беседы с сотрудниками Физико-технического института я поинтересовалась личным отношением к технике. *«Ну, есть отношения. Более чем технические. Есть»*, — подтвердила одна из присутствовавших (женщина, ок. 60 лет, физик). *«Более того, вот у нас, например... мы разговариваем как с одушевленным, вообще... одушевленным, — отвечает другая (40 лет). — А если утром скажешь ей что-нибудь нехорошее, то она точно сломается... Есть люди, которым нельзя заниматься технологией категорически. Так они у нас уже не работают»* [ПМА. СПб., 2005 г.].

О том же примерно говорит и водитель такси, описывая отношение к машине, на которой работает: *«Многие садятся в машину и сначала погладят... заводят, как, скажешь: “Ну, зайнька, поехали!” Водитель «должен уважать, любить и ухаживать, и, знаете, даже так бывает, такое ощущение, когда ты намочишь машину, там протрешь, и такое ощущение — она идет иначе: легче движение, ну все это. Это да, есть. Но это у любого водителя. Она тебе и отвечает тем же»* (М, ок. 35 лет) [ПМА. СПб., 2005 г.]. Характерны ласковые обращения

таксистов к своим автомобилям: водители называют их *зайнька, ласточка, лохматка* и т.п.¹⁹ *«Ты музейная сейчас стала — ну не знаю, тварь не тварь, животное — но ты для меня живое существо»*, — обращается А.З. Пятков, летчик, ветеран войны, участник знаменитых налетов на Берлин в 1941 г., к своей боевой машине Ил–4, увидев ее спустя много лет в музейном собрании²⁰.

Продолжением «анимизации» (символического наделения душой, одушевления) профессиональных атрибутов является и приписывание им других характеристик личности, таких как имя или пол (последнее мы обсудим в главе, где пойдет речь о конструкциях гендера в неформальном дискурсе профессий).

Номинация (наделение именем) — важное проявление стратегии приписывания инструменту черт живого существа. Петрозаводские студенты-медики называли Васей учебный манекен, глаза которого, как они объясняли, при правильном проведении процедур (искусственного дыхания) загорались зеленым цветом. Заметим, что в качестве повода для наделения манекена личным именем рассказчик приводит иллюзию коммуникации, т.е. персонификация связана с конструированием виртуальной коммуникации между профессионалом и одним из средств его профессиональной деятельности. В первой главе цитировалось высказывание М. Пореченкова об особом — «уважительном», «как к людям» — отношении актеров к театральным манекенам [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева). СПб., 2000 г.].

Бывает, что коллеги, имитируя «общение» со своим рабочим инструментом, устраивают целые представления — в порядке шутки или разыгрывая друг друга. Среди операторов пейджинговой связи, как они вспоминают, *«одно время на пейджер друг другу было популярно скидывать сообщения типа: “Не вилай бедрами, меня укачивает. Твой пейджер” или “Вытащи меня из кармана, задыхаюсь ведь. Твой пейджер”»* [ПМ: Н. Ершова. СПб., 2002 г.].

Наделение рабочего инструмента признаками одушевленного, а нередко и личного существа означает конструирование его образа как виртуального партнера по коммуникации, точнее — создание определенной схемы коммуникации, символом которой он и становится. Инструмент в этом случае только образ, на который проецируется идентичность самого профессионала. Атрибуты профессии интерпретируются как опредмеченное знание (как техническое, так и дополнительное, внерациональное) и опредмеченная, нашедшая свое вещественное выражение коммуникация, набор коммуника-

тивных правил, воплощенный символически в форме материально-го атрибута профессии. Ритуальная идентификация с этим атрибутом тем самым обнаруживает элементы символической конструкции идентичности профессионала, такие как специальное, зачастую скрытое, знание приемов работы и набор коммуникативных норм.

Любопытный вариант интерпретации подобных опредмеченных коммуникаций предлагает Брюно Латур²¹, говоря об «антропоморфизации» предметов, особенно технических устройств, организация которых определяет заложенную в них программу действий и программирует действия пользующихся ими людей. Он подробно разбирает ситуацию с техническим устройством для плавного закрывания двери — «доводчиком»: когда он сломался, администрация вывесила объявление: «Доводчик бастует», как бы приписывая ему тем самым антропоморфные свойства. Латур вписывает эту ситуацию в ряд аналогичных примеров коммуникаций с приборами, сколь странных, столь и обыденных: «Я постоянно говорю с моим компьютером, который дерзит мне; я уверен, что вы клянете свою старую машину; мы постоянно наделяем таинственными способностями гремлинов, живущих внутри всех мыслимых домашних приборов, не говоря уже о трещинах в бетонном покрытии вокруг атомных электростанций»²².

Он отказывается вслед за гипотетическими «социологами» признавать это явление только метафорой или «“проекцией” человеческого поведения на холодный технический нечеловеческий объект, который по своей природе не способен испытывать никаких чувств»²³. Латур формулирует рациональное, материалистическое обоснование антропоморфности механизма: «Доводчик и в самом деле антропоморфен, причем сразу в трех смыслах: во-первых, он сделан людьми, является конструкцией; во-вторых, он замещает действия людей и является тем делегатом, который постоянно занимает позицию человека; в-третьих, он формирует человеческое действие»²⁴.

Латур переопределяет понятие антропоморфности, возвращаясь к буквальному прочтению греческих слов и понимая под антропоморфным «либо то, что имеет человеческую форму, либо то, что придает форму людям»²⁵. Во вторую категорию попадают и многочисленные технические устройства, диктующие человеку скорость и ритм перемещения, позы, движения, усилия. В итоге Латур отказывается от разделения на человеческое и нечеловеческое, от идеи, что общество состоит из человеческих отношений, а техника — из нечеловеческих. Вместо этого он говорит о действии как функции, которая мо-

жет осуществляться как человеческими, так и нечеловеческими «персонажами-заместителями», актерами. «Вы отделяете людей от не-человеков, — пишет он. — Я не придерживаюсь этого предубеждения (хоть этого) и вижу только актеров — людей, не-человеков, квалифицированных, малоквалифицированных — которые обмениваются своими свойствами»²⁶. Таким образом, у него общество предстает как система таких опредмеченных взаимодействий-обменов, в которых могут участвовать как люди, так и вещи (технические устройства), которым делегированы те или иные трудовые операции.

Как с этой позиции можно рассматривать «общение» с машиной или прибором? Прямо перенося интенцию участников коммуникации (как общение их с партнером по трудовому процессу)? Или интерпретировать это как автокоммуникацию? Какой тогда ее смысл?

Первый вариант интерпретации: работник-профессионал, обращаясь «к прибору», программирует, проговаривает предстоящий план трудовых операций. Однако в таких обращениях, как правило, нет развернутого плана, только эмоциональные побуждающие сигналы.

Второй вариант — самонастройка, попытка эмоционально подготовиться к действию, спроецированная на предмет.

Третий — это ритуальное разыгрывание способов обращения с партнерами-людьми: «репетиция» взаимодействия с ними в конфликтной, затруднительной ситуации (чаще всего именно в них машина антропоморфизируется) или просто перед началом работы.

9. ЭКСПАНСИЯ ТЕЛА

Вернемся теперь к практикам посвящения в профессию. В посвяжительных ритуалах обнаруживается еще один аспект телесности — демонстрация силы, а еще более точно — власти, телесного присутствия в предметной среде. В качестве примера приведу ритуалы, связанные с окончанием учебы в вузах — тоже один из эпизодов профессионального посвящения.

Н. Бравичева описывает обычай выпускников одного из вузов системы МВД следующим образом. В ночь выпуска «свежеиспеченные» профессионалы выламывают куски чугунных оград, тяжелые металлические вывески и все это приносят в общежитие. Курсанты, которые займут их места, должны будут все это вынести и пристроить на место [ПМ: Н. Бравичева. СПб., 2002 г.].

Похожий обычай описывает пользователь Живого журнала *amasumaga* у выпускников Военно-медицинской академии. Отмечу, что в качестве объекта приложения силы здесь фигурируют атрибуты профессии. В журнале *amasumaga* размещен репортаж с фотографиями, на которых новоиспеченные «*врачи морских вооруженных сил таскают якоря, врачи военно-воздушных сил катают космическую капсулу*» (вероятно, спускаемый аппарат или его макет, стоящий в виде памятника во дворе учебного заведения. — Т.Ш.) [*amasumaga*. *livejournal.com*, пост от 29 июня 2010 г.]. Автор пишет также об обычае перекрашивать символы родов войск». На фотографии видно, как «космическую капсулу» — металлический шар — молодые военврачи красят из баллончика в цвета флага ВВС и рисуют на нем эмблему ВВС — раскинутые крылья. Обязанность вернуть и поставить все на место, перекрасив и очистив объект до первоначального вида, как и в первом случае, ложится на первокурсников.

В этих обычаях примечательно стремление продемонстрировать свою физическую силу — обозначить телесное присутствие в пространстве профессии (момент самоидентификации с пространством, его символического присвоения). Отмечу также и намеренное создание рискованной ситуации: все это прodelывается в порядке молодечества, так, чтобы об этом не узнало руководство вуза (которое, вероятно, закрывает на это глаза).

Итак, мы фиксируем следующую фольклорную конструкцию: попадая в пространство профессии, тело человека претерпевает трансформацию и затем само уже преобразует своим присутствием пространство профессии.

Тело профессионала интерпретируется как преображенное профессией — через метафоры «болезни» или «отпечатка» профессии. Ему приписываются отличительные черты, определяемые профессией.

Трансформация тела в пространстве профессии ритуально обыгрывается в ритуалах посвященного типа, но также и в рутинных практиках повседневности (переодевание, мытье рук, смена прически как обязательное требование и условие профессиональной пригодности).

Коммуникативные качества, соответствующие особенностям профессиональной коммуникации, также дискурсивно привязаны, символически укоренены в теле (обозначаются как «видение», «чутье», «голос», «энергия» и прочие свойства, предполагающие био-

логическое объяснение). Здесь симптомы натурализации профессиональной пригодности — одна из стратегий обоснования особой предрасположенности человека к его профессии («природного предназначения»).

Профессиональная атрибутика символически обыгрывается как продолжение тела. Это зримое воплощение и достройка необходимых в профессиональной деятельности качеств. Атрибутика может означать особые свойства (умения, знания), этические обязательства («белые одежды» как метафора моральной чистоты²⁷), «защиту» от рисков, которым человек подвергается в пространстве профессии, и, следовательно, условия его деятельности в этом пространстве.

В то же время атрибутика — это и продолжение символических свойств пространства профессии: анимизация этого пространства, его персонификация достигаются за счет помещенных в его значимые локусы атрибутов профессии, наделяемых теми же свойствами («оживающие» манекены, исследовательские установки, с которыми надо «общаться»). Таким образом, вещественная атрибутика профессии в символическом плане — один из кодов (предметный) профессиональной идентичности. Она занимает место между пространственным и телесным кодами.

¹ Кондратьева Н. Петербургский театральный фольклор: на примере театра им. Ленсовета // Антропология профессий: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 193. В России готовят первые космические похороны — на орбиту отправят прах ветерана Роскосмоса // NEWS.ru, публикация 13 июля 2010 г., 12–34.

² Ажгирей Марина (беседа с водителем-дальнобойщиком) // Автобизнес — Weekly. 1998. № 5 (101). 5 февр. Размещена на сайте «Дальний бой»: <http://heavytruck.narod.ru>.

³ Фразеомотивы Варны: Фразеологии поют на МАПРЯЛе. XI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы «Мир русского слова и русское слово в мире» (21–25 сентября 2007 г. Варна (Болгария). Грайфсвальд (Германия), 2007. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Шутки команды КВН медицинского лицея им. И.П. Павлова // Настоящая газета Лицея № 623 им. И.П. Павлова. СПб., 2002. Ноябрь–декабрь. С. 4. Эту шутку я слышала и от женщины врача с 15-летним стажем, когда проходила обследование в поликлинике РАН (2003 г.).

⁷ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 140–141.

⁸ Емельянова И.А. Образ современного офицера в представлениях людей военной среды: Доклад на семинаре «Антропология профессий», 2004 г.

⁹ Хащицевич Т. За сухие рукава, или спасенный кот, осиное гнездо и легкая небритость // *Вечерний Минск*. 2001. 25 июля. сайт: <http://newssvm.com>; Телепередача Вести—СПб. 2003. 13 марта.

¹⁰ Назарова И. Приметы в профессиональной сфере // *Профессии.doc*. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007. С. 298.

¹¹ Мониц В. Профессиональная медицинская субкультура (на примере студентов медицинского университета): Курсовая работа. Научный руководитель Т.Б. Щепанская. СПб., 2001.

¹² Черевко И. Милиционеры согласились называться ментами // *Смена*. 1998. 4 дек.

¹³ Ленкевич А. «Если Лица не столица, то Париж не Заграница» // Ежедневная электронная газета «Курьер Online». Опубликовано на сайте: <http://kyurier.km.ru/view/a1F8FB76528364D96ACCB370CDDDB79841.htm>.

¹⁴ Андреева Н. Легко ли быть лейтенантом в России? // *Саратовские вести*. 2000. № 38. 30 сент; Малаховский Л. Посвящение в асы по-русски // *Россия*. 2001. 27 авг. Текст статьи можно найти в Интернете по адресу: <http://www.rgz.ru>.

¹⁵ Ливанова Н.Е. Фольклор парашютистов // *Современный городской фольклор*. М., 2003. С. 25; Ферапонтов И.Е. Туристский быт и фольклор: Опыт системного анализа // *Виртуальные мастерские в общественных науках*. Фольклор и постфольклор: www.mpsf.org.

¹⁶ Назарова И. Указ. соч. С. 300–301.

¹⁷ Там же. С. 302–303.

¹⁸ Короткова З. «Каких утрат нам стоили моря» // *Маленькие рецензии*. [Рецензия на книгу] Н.А. Черкашин. Повседневная жизнь российских подводников: В отсеках холодной войны. М., 2000.

¹⁹ Белова О. Психологи с железными нервами работают в такси // *Смена*. 1999. 27 авг.; Карпенко Ю. «Я частный таксист — не путать с чайником» // *Смена*. 1999. 23 сент.; Хмельник Т. Тяжела и неказиста жизнь обычного таксиста // *Смена*. 2000. 17 янв.

²⁰ Цитируется по передаче РТР, посвященной летчикам-ветеранам Великой Отечественной войны, от 22 июня 2002 г., рук. проекта А. Виноградова.

²¹ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // *Социология вещей*: Сб.ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 199–222.

²² Там же. С. 209.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ «Белые одежды» — опубликованный в 1987 г. роман В.Д. Дудинцева, где затрагиваются проблемы научной этики. В основе книги — документальные материалы о научных дискуссиях и политическом давлении на науку — событиях 1940–1950-х годов.

Глава 4 ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА: ПРОЕКЦИЯ ТЕЛА

Анализируя маркирование места знаками профессии, можно заметить несколько тенденций, общих для разных профессиональных традиций: персонификацию, а в некоторых случаях даже анимизацию пространства (т.е. символическое наделение его качествами личности и одушевленности); его превращение в нормативное и нормирующее; маркирование символами власти. По сути, это означает дальнейшую проекцию в пространство профессии образов профессиональной идентичности.

В предыдущей главе мы рассматривали мотивы трансформации тела в пространстве профессии. Теперь остановимся на практиках, посредством которых тело профессионала (его изображения, образы) включаются в пространство профессии и преобразуют его — собственно формируя как проекцию профессиональной идентичности.

Пространство профессии маркировано антропоморфными образами, т.е. актуализируется телесный код, тело профессионала (как обобщенное и идеализированное) распространяется в пространство профессии.

1. ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Один из вариантов символического маркирования места работы — помещение там портретных изображений значимых представителей профессии. Это могут быть:

- «отцы-основатели» профессии, организации, подразделения, научного направления, т.е. люди, с чьим именем связана в представлении коллег институционализация профессии;
- сам обладатель рабочего места, изображенный с узнаваемыми атрибутами профессии или рядом с известными в профессиональной среде и авторитетными коллегами либо с клиентами

в процессе работы (в чистом виде проекция профессиональной идентичности);

— коллективные фотографии коллег (на конференции, празднике, в совместной поездке, экспедиции и т.д.).

Кроме того, что эти изображения указывают на определенные институты, имеющие отношение к профессии, от формальных организаций до неформальных сетей, они придают пространству персонализированные черты.

Персонализации, впрочем, могут приобретать и довольно неожиданные, не всегда антропоморфные и даже одушевленные, формы, о чем будет сказано ниже.

Наиболее часто среди символов профессии на рабочем месте встречаются, по моим наблюдениям, портреты ее выдающихся представителей: «отцов-основателей» или просто тех, кто сыграл значимую роль в ее истории. В роли «отцов-основателей» на портретах, как правило, уже ушедшие из жизни коллеги:

- основатели учреждения;
- прежние руководители учреждения или его подразделения;
- основоположники научного направления, отрасли промышленности, изобретатели, основатели музейных коллекций и т.п.;
- «учителя» (научные руководители и просто наставники, почитаемые в этом качестве кем-то из сотрудников);
- трагически погибшие коллеги, не достигшие высоких званий и статусов (видимо, имеет значение сама трагичность их ухода).

Помещенные в кабинетах и лабораториях, на кафедрах и в учебных аудиториях, они воспринимаются как проекция профессиональной идентичности и персонализация норм, формального и неформального кодексов профессиональной среды.

Несколько примеров. В научных (закрытых для посетителей) кабинетах МАЭ РАН (по фотографиям 2006–2007 гг.) были представлены портреты русского путешественника В.В. Юнкера¹, академика Д.А. Ольдерогге², В.М. Мисюгина³, а также Н.М. Гиренко⁴ (кабинет отдела Африки). В отделе этнографии народов Сибири — портреты Л.Я Штернберга, В.Г. Богораза⁵, Р.Ф. Итса⁶, а также Л.П. Потапова и А.А. Попова. Кроме признанных «отцов-основателей» учреждения и профессии, в кабинетах встречаются и портреты ученых, которые, не занимая при жизни заметных должностей, остаются в памяти нынешнего поколения сотрудников как учителя либо просто дорогие им люди, добрые коллеги и умные собеседники. Так, в отделе Зарубежной Азии на столе у окна, достаточно неприметно,

располагается небольшой портрет М.К. Кудрявцева, отдел не возглавлявшего, но оставшегося в памяти нынешнего поколения сотрудников как доброжелательный человек, а для некоторых и любимый учитель.

В кабинете отдела этнографии русских Российского этнографического музея имеются фотографические портреты Р.Ф. Итса и А.В. Гадлю, видимо, как учителей — оба долгие годы работали в качестве преподавателей кафедры этнографии и были научными руководителями нынешних сотрудников отдела. Портреты Р.Ф. Итса можно встретить в институтах и университетах других городов — там, где работают выпускники основанной им кафедры этнографии Ленинградского университета.

Еще примеры из моей коллекции фотоснимков рабочих мест. В Социологическом институте РАН (СПб) помещается портрет В.Б. Голофаства⁷ в кабинете сектора, который он при жизни возглавлял; в кабинете научных сотрудников НИИ материаловедческого профиля — портрет покойного завлаба; портрет А. Эйнштейна за стеклом книжного шкафа в кабинете ученых-физиков Физико-технического института им. Иоффе [ПМА, 2006: ФТИ РАН, СПб.].

Размещение портретов великих предшественников — один из способов вписывания символов профессии в пространство работы, элемент конструирования воображаемого сообщества профессионалов, объединяющего не только здравствующих, но и ушедших коллег (т.е. простирающегося за пределы конкретного учреждения как в пространстве, так и во времени). «Почитай великих предшественников и учителей в науке и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим» (пятая из «заповедей» Штернберга).

Портреты предшественников — одна из самых распространенных форм репрезентации профессиональной этики в пространстве работы, причем здесь апелляция не только к нормам поведения «в науке и общественной жизни», но и к моральному и профессиональному авторитету как подкреплению этих норм. Имена великих предшественников стоят под нормативными изречениями, размещенными в пространстве кабинета. В качестве примеров — «заповеди этнографа», составленные Л.Я. Штернбергом⁸, в одном из кабинетов МАЭ РАН или изречение Ф. Жолио-Кюри в Физико-техническом институте.

Замечу, что наряду с портретами предшественников встречаются и групповые или жанровые изображения (коллеги во время встреч или в процессе выполнения профессиональной деятельности), где

можно увидеть не только ушедших коллег, но и современников. Групповые фотографии (обычно сделанные во время конференций, собирающих коллег из разных мест и учреждений) показывают значимые социальные сети. Жанровые сцены изображают практики, важные для профессиональной самоидентификации: этнографы и фольклористы запечатлены обычно в экспедиции, врачи — у постели больного в белых халатах и с атрибутами профессии, летчики — рядом со своей машиной или в кабине.

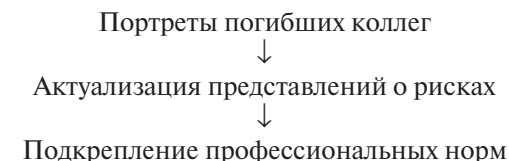
Эти изображения также прочитываются сквозь призму профессиональных норм — теми, кто эти нормы разделяет (т.е. в основном носителями профессии, «посвященными»). В качестве иллюстрации приведу рассказ ветеринара М.Н. Еремеева из его автобиографии. В 1931 г., будучи на курсах усовершенствования ветврачей биофабрик в Харькове, он вместе с коллегами посетил кафедру патанатомии. *«И вот что бросилось нам в глаза, — пишет М.Н. Еремеев в своих воспоминаниях. — На стене в кабинете профессора был повешен большой стенд с фотографическими карточками ветврачей и ветфельдшеров, трагически погибших от сапа. Под каждой фотографией было краткое описание обстоятельств гибели лица, изображенного на ней, при исполнении служебных обязанностей: клинический осмотр лошадей, патологоанатомические вскрытия трупов, работа с культурами при лабораторных исследованиях. Стенд поражал своей трагичностью».*

Обратим внимание на то, как это воспринималось посетителями-коллектами: *«И невольно возникали мысли, осуждающие царское правительство за запрет проводить поголовную малленизацию лошадей из-за боязни, что слишком много было бы выявлено положительно реагирующих на маллеин и, следовательно, подлежащих уничтожению, а это причинило бы казне большой расход. Только при Советской власти начали проводить плановые мероприятия по борьбе с сапом, используя широко метод выявления скрыто больных лошадей путем малленизации. Это и обеспечило в основном успех в деле ликвидации сапа, веками существовавшего в России»* [БФ СИ РАН, 87. М.Н. Еремеев. г. Киров, 1985 г.].

Опустим политические отсылки (текст написан в советское время, а профессиональное становление автора проходило в 1930-е годы). Отметим, что глядя на изображения погибших в результате заражения сапом коллег, автор воспринимает увиденное как подтверждение правильности норм профессиональной деятельности (для того времени новых — проведении сплошной пробы лошадей

на опасную болезнь). Выявление скрытой формы сапа должно, по его мнению, привести к искоренению заболевания, а вместе с тем и обезопасить работающих с лошадьми ветеринаров. В данном случае портреты погибших во время работы ветеринаров воспринимаются как напоминания о рисках профессии, а эти риски — как подкрепление профессиональных норм (на тот период относительно новых и на неформальном уровне не общепринятых).

Схема считывания подобных изображений такова:

2. ИДОЛЫ ПОЛЯ

Встречаются и другие персонификации места, они же и символы профессии, маркирующие место работы. Так, в кабинетах представителей «полевых» профессий (чье знание добывается и реализуется в экспедициях) можно видеть разного рода атрибуты таких поездок: экспедиционные фотографии, иногда оформленные в альбомы или стенные газеты; привезенные из экспедиции предметы. В одном из кабинетов филологического факультета СПбГУ на столах лежат камни: ими прижимают бумаги, чтобы не сдувало сквозняком (я уже упоминала об этом). По объяснениям сотрудников, камни привезены из экспедиции.

Такого рода атрибутика символически расширяет пространство профессии, включая туда не только собственно место работы (контролируемое и предоставляемое организацией), но и отдаленные локусы, доступные только профессионалам. Труднодоступность этих мест — один из маркеров профессионализма обладателя кабинета. Их отдаленность означает расширение сферы контроля и компетенции профессионала далеко за рамки его рабочего места.

Идолы поля — один из вариантов экспедиционной «памяти»: это фигуры, изготовленные в экспедиции, но по завершении ее в ряде случаев перемещаемые в кабинет кого-либо из участников (или домой). В моей коллекции есть воспоминания об изготовлении таких фигур социологами, этнографами и археологами.

Какую роль эти фигуры играют в своем первоначальном локусе — в поле? В известных мне случаях идолов изготавливали неолиты — молодые археологи или представители других профессий (например, художник, ездивший вместе с экспедицией). В.В. Виноградов рассказывал мне о двух идолах, последовательно в течение ряда лет (1990-е годы) сменявших друг друга в отряде, проводившем археологическую и этнографическую разведку в Псковско-Новгородском регионе. Первый — вырезанный из коряги истукан Иван Купалыч. Коряга была найдена в день Ивана Купалы, на берегу местного озера, которое считалось среди местных жителей и страшным (много гибло людей), и святым. Вырезанная из нее антропоморфная фигура стояла в почетном углу палатки. Иногда Купалыча брали с собою в походы — вылазки с базы. По возвращении из экспедиции идола поместили в доме у одного из участников (где, в домашнем кабинете, он и пребывал на момент рассказа).

Позже в той же экспедиции был вырезан другой идол — Мстислав Тьмутараканский, давший имя всему отряду, который в шутку стал называться МББО (Маленький Безбашенный отрядик) имени Мстислава Тьмутараканского, что подчеркивало особую отдаленность осваиваемого им поля (дальность и труднопроходимость маршрутов по лесам и болотам, из-за которой и получена репутацию «безбашенного»). Мстислав Тьмутараканский стал со временем олицетворением общности участников отряда МББО. Однажды, отправившись в довольно трудный и дальний (около 25–30 км через болота) переход, участники взяли с собой, кроме рюкзаков, общий груз — рюкзак с палаткой, который несли по очереди. Этот груз прозвали «Мстислав», и с тех пор «Мстиславом» называли любой общий груз в походах, т.е. это был как будто «лишний член» отряда — олицетворение его как общности. Через некоторое время деревянный идол был заменен алюминиевым блюдом, которое получило то же имя «Мстислав» и использовалось для общих торжественных трапез. Примечательно, что его, как и Ивана Купалыча, нашли в месте, имеющем признаки сакрального (в заброшенной церкви во время ночевки на пути к святому источнику).

В поле, где они были изготовлены, идолы служили овеществленным воплощением экспедиционного коллектива как общности. Символика их — связь с дорогой, маршрутом археологической разведки, причастность сакральным объектам (святое / страшное озеро, заброшенная церковь) — позволяет рассматривать эти идолы как проекции коллективной идентичности исследователей-полевиков.

Мне известно несколько случаев, когда по возвращении из экспедиции идолы помещаются в кабинет кого-нибудь из участников экспедиции (дома или в учреждении). В одном из кабинетов Социологического института РАН (СПб.) в 2004–2005 гг. можно было видеть идола по прозвищу Домовенок, Статуй или Талик (от Талисман). Антропоморфный деревянный чурбан с длинным сучком-«носом», выжженными глазками, с ветками-«ручками» и в кепке, он стоял в дальнем от двери углу, у окна; перед ним — большое комнатное растение. О.Б. Божков, работающий в этом помещении, рассказал мне следующую историю. Сделан Талик был в социологической экспедиции 2002г. в Тверской обл. «*Нашли бревно с “носом”, сжечь его было жалко. Мы просто заготавливали дрова для лагеря*». Кепочка напоминает о взаимоотношениях с местными жителями: компания мужиков имела обыкновение выпивать неподалеку от лагеря, и один из них забыл свою кепку. Постирав, социологи украсили ею «голову» Талика. Когда хозяин увидел, то решил ее не забирать: «*Ну ладно. Пусть. Она ему идет*». По возвращении идол стоял у О.Б. Божкова дома, затем его возили в следующую экспедицию, и наконец он обрел место в кабинете Социологического института. Причем, как говорят сотрудники, нынешнее место он «выбрал» себе сам: на предыдущем месте, куда его поставили вначале (у старого компьютера), он был крайне неустойчив, все время опрокидывался [ПМА: 2004 г.]. Символ экспедиции как значимой профессиональной практики, Талик становится напоминанием о полевом братстве, когда в кабинет приходит кто-нибудь из участников той поездки. Все они бурно радуются, видя знакомую кепочку. Вместо идолов поля в той же роли встречаются и экспедиционные фотографии.

В кабинете фольклорного отдела Российского института истории искусств на шкафу стоит березовый чурбан, на который надеты очки и светлая летняя шляпа. Зовут его «Пропп»: отсылка не только к образу одной из значимых фигур в фольклористике, но и к трилогии М. Успенского в жанре фэнтези (2005) о богатыре Жихаре, где фигурировали статуи Проппа, стоявшие у дорог. Путники просили их об удаче, а чтобы умиловить Проппа, ему полагалось рассказывать «устареллы» и петь «вольны»⁹. Идол — подарок к юбилею сектора; сделал его художник-оформитель, ездивший с фольклористами этого сектора в экспедицию. Так что и этот идол, хотя и не изготовлен в поле, служит напоминанием о полевом братстве.

В любом случае подобные фигуры в пространстве кабинета персонафицируют ту профессиональную общность, к которой принад-

лежат работающие здесь люди. Причем характерно, что эта воображаемая общность (члены экспедиции; общность исследователей-«полевиков» вообще) явно выходит за рамки кабинета. Идолы поля апеллируют скорее к профессии в целом — через овеществление значимой для профессиональной самоидентификации практики.

3. ПАМЯТНИКИ И ДРУГИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ

В том же ряду образов, персонафицирующих пространство профессии, можно рассматривать и другие антропоморфные изображения. На территории Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге расположено несколько памятников знаменитым врачам — основателям профессии. Эти памятники включаются в ритуальные практики студентов: так, учащиеся упоминают об обычае перед экзаменом начищать до блеска пуговицы на мундире и трубку на скульптурном изображении Боткина; ботинки скульптуры Пирогова, стоящей в здании кафедры анатомии. Накануне или после выпуска бывшие студенты натирали медную грудь статуи Гиги — музы медицины. Несколько лет назад статую перенесли за решетку [ПМА: сообщение Л.П. Ипатовой, 2003 г.].

Символическими значениями могут наделяться самые разные элементы атрибутики и инструментария, которые при условии их антропоморфности легко становятся персонафикацией места (театрального закулисья, мастерской, учебной лаборатории). Так, актер М. Пореченков сообщал об особом отношении к театральным манекенам: «К манекенам надо относиться как к людям... уважительно относиться, нельзя толкать их, пинать и т.д.» [ПМ: Н Кондратьева (Зайцева), 2000 г.]. Продолжение «уважительного» отношения к манекенам, их антропоморфизации — обычай давать им человеческие имена. Так, манекену, использовавшемуся при подготовке полета Ю.А. Гагарина, в отряде космонавтов дали имя Иван Иванович¹⁰. Студенты-медики дают имена учебным манекенам, а в анатомической лаборатории и трупам, с которыми работают как с препаратами. Так, студенты Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова вспоминали: «Наша группа с одним работала, привязалась... У него на руке татуировка была “Коля”. Так мы так и называли — Коля. Девушки даже говорили: “Пойдем навестим Колю”. Если у препарированного трупа есть особые

приметы (татуировки и др.), то он запоминается и становится талисманом группы» [ПМ: В. Монич 2000 г.]. В данном случае персонафикации места, где студенты осваивают профессию, одновременно является и проекцией их общности.

Итак, пространство профессии конструируется как персонафицированное, символика профессии проявляется в нем через антропоморфные образы.

4. КОШКИ НА РАБОТЕ

В некоторых случаях персонафикацией места становится кошка, живущая в помещении, где проходит профессиональная деятельность. Кошка на работе — элемент повседневного окружения, причем, с точки зрения собственно работы, необязательный элемент. Нас интересуют те случаи, когда на это животное проецируются значения, связанные с профессией.

В Российском институте истории искусств живет крупный сибирский кот по кличке Мурза; некоторые зовут его Мурза Валентинович, в честь графа Валентина Платоновича Зубова, основателя института, известного историка и искусствоведа¹¹. Отчество «Валентиныч» как бы возводит его в статус «наследника» отца-основателя института. Кота в шутку называют также «замдиректора» или «ночной директор», приводя в доказательство его «хозяйское» поведение в здании института: «*Мурза Валентинович — это замдиректора, ночной директор... он обходит все помещения, в присутственный день по всем секторам идет, заходит... Специально деньги собирают ему, зарплату он контролирует сотрудников. А как же. В пакетик — в фонд Мурзы*» [ПМА, 2005. Устное сообщение В.В. Виноградова и В.А. Лапина]. Кот становится персонафикацией здания — места работы (Зубовского дворца), а сборы «в фонд Мурзы» — своеобразным ритуалом, подтверждающим общность его обитателей. Любопытно, как в этих ритуалах проецируется существующее у сотрудников особое отношение к основателю института.

Белый с серо-черными пятнами кот был замечен мною и в Центре русского фольклора в Москве: также обходит по-хозяйски помещения и становится объектом, на который проецируется отношение сотрудников к своему учреждению. Любопытный штрих: когда я в числе участников Первого конгресса фольклористов России в начале февраля 2006 г. посетила Центр, в вестибюле висела еще прошлогодняя стенная газета, подготовленная сотрудниками

к 23-му февраля. Поздравляли мужчин — работников Центра: каждый был представлен фотографией, где он был изображен на рабочем месте. Фотографии вырезаны в форме сердечек. Поздравительный текст гласил: «Уважаемые мужчины Центра русского фольклора! Поздравляем вас с Днем Защитника Отечества и науки!». На одной из фотографий изображен развалившийся на тканой дорожке кот, таким образом символически включенный в число коллег — работников учреждения. Здесь он явно присутствует как проекция коллективной идентичности.

Сотрудница одного из издательств в Санкт-Петербурге пишет в своем блоге о котах, обитающих в учреждении. Озаглавлено сообщение: «Котопост рабочий или Коты, не чуждые книгоиздания». Одного из котиков зовут Рыжий, Вася или Книжный барс (mle-anais 2008¹²). «Книжный барс», «коты, не чуждые книгоиздания» — эти выражения также маркируют издательских котиков как символические проекции профессиональной идентичности.

Пользователь сервиса on-line дневников «livejournal.com (Живой журнал)» shutofsky описывает еще один характерный случай: «Ох, какой шикарный черный котик жил в свое время в ЦРД (Центральном родильном доме, очевидно. — Т.Ш.) в Туле. Днем виртуозно прятался от врачей, особенно от зав. родильным отделением. Вечером выходил на собственный обход палат. Вид у него при этом был как у по меньшей мере профессора. Помимо прямых обязанностей (старое, очень старое малоэтажное здание — так что в крысах недостатка не было) и функций местного диагноста. Если он у какой женщины устраивался под кроватью на ночь или иным образом проявлял повышенное внимание, гарантированно в течение суток уходила рожать. Поэтому одни старались кота к себе не подпускать раньше времени, другие наоборот — заманивали его кусочками колбасы. Но кот на это не велся и ни разу не ошибся»¹³.

В данном случае коту приписываются неприязненные отношения с официальным руководством медучреждения и в то же время мистическое владение профессиональным знанием диагноста. В местной мифологии на животное проецируется противоборство двух инстанций власти: профессионализма и организации.

В других случаях кошек, наоборот, представляют как любимцев руководства учреждения. Так, в газете «Вечерняя Москва» был опубликован очерк о кошках, обитающих в Российском государственном архиве древних актов, которые были представлены как «усатые

охранники» архива, т.е. им и здесь приписывается функция работников. Далее следует рассказ о «главном коте» по кличке Заяц, который сделал «головкружительную карьеру, попав... в кабинет заместителя директора». Он «возлежит на ее (замдиректора архива. — Т.Ш.) рабочем столе», ему (а до него другой «главной кошке» — Мусе) дозволено входить в читальный зал, он раз в два-три месяца совершает обход хранилищ. Рассказчицы — работники архива — несколько раз используют слово «работа», описывая поведение местного любимца: «Днем работал в читальном зале — сидел под лампой»; «Заяц отправлялся вместе со мной на обход хранилищ. Не суетился, не убежал — шел рядом, как собачка. Понимал, наверное, что на работе»¹⁴.

Особенно много публикаций посвящено котам Эрмитажа — крупнейшего музейного учреждения, расположенного в Санкт-Петербурге. Говоря о численности котиков в этом учреждении, его работники называют цифру от 50 до 100, подчеркивая важную роль животных — «службу» по защите коллекций от крыс. В публикациях, интервью работников отмечается покровительство, оказываемое котам дирекцией музея. Впрочем, некоторые работники признаются, что директор знает не обо всех котах (т.е. их проживание в учреждении легитимировано не только покровительством руководства, но и неформальной опекой со стороны работников).

Статус эрмитажных котиков в некотором смысле формально закреплён: им определено специальное местожительство в подвальных помещениях, где для них предусмотрены ходы; во дворе, где ездят машины, расставлены самодельные «дорожные знаки», предупреждающие о наличии котиков. В конце марта ежегодно проводится День мартовского кота, который устраивают Эрмитаж совместно с Всемирным клубом петербуржцев. В марте 2007 г. на базе Молодежного образовательного центра музея прошла презентация книги Мэри Энн Аллин и Марии Халтунен «Анна и кошки, или приключение в Эрмитаже», иллюстрированная художниками А. Белкиным и М. Соколинской. Проводилась выставка работ учащихся художественной студии при Эрмитаже — «Эрмитаж. Кошки» и «Коты. Эрмитаж».

Кошки существуют на добровольные взносы сотрудников (дважды в месяц). Несколько лет назад, по сообщениям прессы, был создан «Фонд друзей котиков Эрмитажа» (его формальный статус в публикациях не уточняется). Забота о жизнеобеспечении (кормлении, лечении) кошачьего населения — одна из сфер деятельности клуба «Друзья Эрмитажа»: в 2008 г. прошли публикации о том, что этот клуб разрабатывает программу «Коты Эрмитажа», у которой будет

специальный счет для пожертвований. Пока пожертвования принимаются на неформальном уровне — в виде кошачьего корма или принадлежностей кошачьего быта¹⁵.

Легитимность котов обосновывается:

- прагматически (они выполняют важную функцию защиты от грызунов);
- микрополитически (покровительством со стороны руководства или отстаиванием их права жить в учреждении со стороны рядовых работников);
- исторически (рассказывают о том, что в Эрмитаж котом повелел завезти еще Петр Великий, а потом и императрица Елизавета Петровна).

Но реально возможность их безбедного существования зависит в наибольшей степени от отношения сотрудников, сложившегося в учреждении общественного мнения (и как раз это основание легитимности подчеркивается редко, в основном не вербально, а через практики пожертвований в «фонд» животного). Одним из видов структур, стабилизирующих общественное мнение, являются неформальные структуры профессионального сообщества, отсюда и частые проекции на животное символов профессии (приписывание ему «профессиональных знаний», наименование в честь значимых представителей профессии, ее «отцов-основателей» и т.д.).

Обобщая, можно заметить: учрежденческие коты, точнее, конечно, их образы, превращаются в персонафикации пространства профессии посредством нескольких характерных практик:

- наделение именем, указывающим на связь с профессиональной средой (причем, это символическое имя отнюдь не всегда то же, по которому к животному обращаются: Мурзу Валентиновича подзывают по имени Мурзик, а Книжного барса зовут просто Васькой);
- приписывание (шутливое проецирование на животное) особых «профессиональных» умений и знаний;
- «обход» учреждения или наиболее значимых мест в учреждении;
- подчеркивание «особой связи» кота с теми или иными местами как знака особого статуса этого места: например, привычки лежать на рабочем столе (особенно руководства). Впрочем, идентификация животного с местом имеет ограничения: так, попытка пометить территорию обычным для котом способом может закончиться их показательным изгнанием;
- коллективные практики кормления, сбора денег на еду, вплоть до организации специального фонда (такой фонд действует

в Эрмитаже); таким образом, вокруг животного выстраиваются координированные коллективные действия членов профессионального сообщества — своего рода ритуал подтверждения общности;

- символическая связь между образом животного и инстанциями власти.

Эта связь может быть представлена в двух вариантах.

Первый — символическая идентификация. Кот представлен в фольклоре как связанный так или иначе со значимым высокостатусным персонажем: его «наследник», протеже или любимец.

Второй вариант соотнесения образов учрежденческого кота и руководства — антагонизм: рассказывают о том, как руководитель выгоняет кота, а тот виртуозно прячется; кот гадит на важные бумаги руководителя и т.д. Но при этом на животное проецируется представление об альтернативной власти — неофициальной, но значимой власти, исходящей от профессионального сообщества и обусловленной профессионализмом. Так, рассказывая об изгнании котом, работники подчеркивают, что обойтись без них оказалось невозможным (крысы заполонили хранилища и повредили ценные книги, рукописи или экспонаты). В результате коты были возвращены, правда, при этом на их перемещения и поведение были наложены некоторые ограничения (т.е. достигнут компромисс между необходимостью их присутствия и ограничениями, накладываемыми формальной организацией)¹⁶.

Вообще эти «кошачьи истории» (в которых прослеживаются стереотипные мотивы) в шутливой форме воспроизводят сюжеты взаимодействия формальных и неформальных структур работы. Точно так же, как наличие кошки: профессиональной необходимостью, авторитетом традиции или волей высокостатусного представителя профессии — легитимируются отступления от жестких правил распорядка дня, формального плана или штатного расписания, которые дозволяются профессионалам. В разговорах об учрежденческих котках нередко просматриваются сюжеты неявной борьбы между общественным мнением (в том числе базирующимся на структурах профессионального сообщества) и формальными организационными структурами. Эта борьба обычно замалчивается, необязательно вообще осознается, во всяком случае, редко выносится на уровень публичного обсуждения.

Шуточная форма разговоров об учрежденческих кошках позволяет дистанцироваться от замалчиваемого процесса, как бы аннули-

ровать его. Между тем состояние потенциально напряженных отношений находит свое символическое выражение, позволяя вовлеченным в процесс ориентироваться и обозначать свою позицию: одни сотрудники привечают у себя в кабинетах любимца дирекции, другие — гонят и вывешивают объявление: «Кота в библиотеку ни под каким видом не пускать!».

Итак, мы рассмотрели случаи, когда символы профессии в пространстве работы имеют персонафицированную форму: это могут быть

- изображения значимых представителей профессии (фотографии памятники);
- изображения — элементы неформальных профессиональных ритуалов («идолы»);
- домашние животные (в моих материалах встречались только кошки).

Отметим, что все они апеллируют к авторитету персон, чей авторитет в среде профессионалов считается общепризнанным. Даже на грубые фигуры «идолов» или образы учрежденческих кошек также нередко проецируют образы отцов-основателей (пример с «Мурзой Валентинычем»), а иногда и действующих руководителей учреждения.

Символика этих образов так или иначе связана с инстанциями контроля: этического (профессиональный авторитет выдающихся предшественников) или организационного (руководители и основатели учреждений). Действительно, и портреты отцов-основателей, и памятники им указывают не просто на профессию, но на высокий статус персонафицирующего ее лица. Пространство профессии олицетворяют не просто профессионалы, а высокостатусные фигуры, чей авторитет подкрепляется либо высоким прижизненным положением (руководящая должность, множество последователей и учеников), либо героической гибелью (наряду с отцами-основателями мы видели в кабинетах и портреты погибших коллег).

Отмечается и еще одна форма персонафикации пространства профессии — его анимизация, наделение качествами одушевленного существа. Этот вариант мы подробнее рассмотрим ниже.

5. АНИМИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

«Активность» пространства. С персонафикацией пространства профессии связана и еще одна тенденция — к его мифологизации

как активного, способного воспринимать и формировать человеческое поведение.

Приписываемая «активность» пространства выражается в лексике и фразеологии: «небо манит», «зов поля». Шоферы-дальнобойщики учат молодых коллег: «Запомни: трасса накормит, напоит и спать положит»¹⁷, по поводу легкомысленного отношения к своей работе и безопасности говорят: «Дорога такого не прощает». В актерских байках отложилось представление (или метафора?), что сцена не прощает плохой игры или нарушений театральных табу. Так, Н. Зайцева (Кондратьева) приводит рассказ актера Театра им. Ленсовета О. Андреева о том, как их труппе пришлось играть спектакль на прославленной сцене БДТ (Большого драматического театра). В финале «с жутким треском обвалилась» декорация. «Сцена в БДТ не выдержала такого позора, как наш спектакль», — заключает рассказчик [ПМ: Зайцева 2000].

Анимизация. Проекцией представления об «активности» (а фактически контролирующей роли) пространства профессии служат разговоры об «ауре», «атмосфере», «энергии» места, а также обитающих в нем духах и привидениях: речь идет об анимизации, а в последних двух случаях — и персонафикации пространства. Причем в неформальном дискурсе профессий все это представлено как факторы, определяющие успех или неудачу профессиональной деятельности: «плохая аура» места способна привести к провалу концерта, а «духи сцены» не дадут сыграть спектакль, если он или режиссер им не по нраву. Отсюда поверья о «трагедийных» спектаклях, участниках которых переживают всяческие несчастья, и режиссерах с «отрицательным обаянием», которых духи сцены не принимают [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева) 2000 г.].

Откуда берутся «духи» места, олицетворяющие его управляющее воздействие? Архитекторы говорят, что душа автора воплощается в его проекте; архитекторы хотят быть похоронены неподалеку от своих сооружений. Записаны также легенды о том, что душа архитектора после его смерти находится где-то неподалеку от его сооружения [ПМ: О. Аверичева, 2002 г.]. Сложно сказать, где в этих разговорах грань между поверьем (анимизацией места) и метафорой. В обоих случаях, однако, активность, приписываемая пространству (т.е. его контролирующая, управляющая функция), связана с проекцией на него образа архитектора, успешно реализовавшего свой замысел. Врач В.А. Галкин вспоминает о работе в Центральной научно-исследовательской лаборатории Первого Московского меди-

цинского института в 1955 г.: «Она была организована известным патофизиологом, учеником И.П. Павлова С.И. Чечулиным и носила имя своего создателя... Казалось, что здесь царил дух Ивана Петровича Павлова — истинно научная обстановка — беззаветное служение идее научной истины, когда не считаются со временем, делятся мыслями, при проведении эксперимента — максимальная взаимопомощь»¹⁸. «Дух» И.П. Павлова здесь, конечно, метафора, хотя суть от этого не меняется: она выражает представление об активности пространства, его влиянии на тех, кто там работает. С именем основоположника ассоциируется профессиональный кодекс (этика служения истине, взаимопомощь и т.п.).

«Дух», «аура», «энергия» места — все это прочитывается как обозначения функции пространства профессии как сферы социального контроля — на базе профессионального нормативного кодекса, который проецируется через образы светил профессии.

В фольклоре студентов-медиков есть рассказы о привидениях, обитающих в анатомической лаборатории или в морге. С ними студенты сталкиваются во время занятий, связанных с препарированием трупов. Трупы, имеющие какие-нибудь отличительные черты, персонафицируются, иногда получают даже личное имя. Например, студенты СПбГМУ рассказывали, что препарировали труп, на руке которого видна была татуировка: «Коля». Его так и называли по имени: «Пойдем, навестим Колю». Говорили, что в некоторых случаях привидение остается со «своей» группой и после окончания практики. Если группа успешно сдала зачет, считается, что привидение покровительствует ей, становится ее ангелом-хранителем (помогает на экзаменах) [ПМ: В Мониц, 2000 г.]. Иногда привидения вредят и приносят неприятности, например, может толкнуть под руку во время проведения учебного вскрытия. Поэтому рассказы о духах, привидениях и прочих виртуальных сущностях — один из способов легитимации профессиональных неудач. Например, происками привидений, обитающих в морге, можно объяснить неудачу на зачете по анатомии или судебной медицине [Там же].

У археологов существует поверье о привидениях или духах, которые пугают людей и вообще чудятся на неразграбленных в древности могилах. В экспедициях РГГУ их называют «бандерлоги». Д.А. Баранов передавал рассказ знакомого археолога об одном случае «явления» такого духа. Копали в Южной Сибири; небольшой отряд (совсем молодых ребят, школьников и студентов) отделился от экспедиции и отправился в археологическую разведку. Разбили

лагерь в долине, где были неразграбленные курганы. Вскрыли курган. Существует правило ночевать на кургане во время раскопок (чтобы предотвратить разграбление его местными жителями). Дежуривший на кургане парень увидел, как с горы спускается женщина в белом платье. Подошла ближе — и он ощутил ужас: «Ощущение чужести, что ли... и мне стало жутко, просто — непередаваемый ужас». С кургана он ушел; случай обсуждался, вспоминали страшные археологические рассказы. «Ну и после этого атмосфера в экспедиции, отношения стали не то что портиться, но... конечно, уже никто не ночевал там, на этом кургане» [ПМА: 1998; речь идет о событиях конца 1980-х годов].

Это довольно характерный пример, когда явление «духа» приводится как обоснование / объяснение нарушения профессиональной нормы (здесь — правила, предписывающего ночевать на кургане). В одной из моих статей¹⁹ приводились и другие примеры подобной прагматической установки.

Таким образом, «духи мест» (как поверье или метафора) являются одной из форм, в которых отражается представление о пространстве профессии как активном, оказывающем влияние на поведение людей, т.е. пространстве как субъекте управления. Причем «духи места» могут воплощать как социальный контроль (профессиональный кодекс и его подкрепление авторитетом выдающихся представителей профессии), так и стратегию сопротивления (нарушение формальных норм или неудачу в их выполнении).

¹ В.В. Юнкер остался в памяти коллег как человек, положивший начало коллекциям отдела Африки МАЭ. Хотя первые поступления были зарегистрированы еще в 1819 г., «действительным началом формирования фондов отдела, как пишут авторы издания «Кунсткамера. 290 лет», можно считать 1879 г., когда была получена в дар богатая (1950 предметов) коллекция, собранная русским путешественником В.В. Юнкером в Центральной Африке». — см.: Чистов Ю.К., Резван Е.А., Купина Ю.А., Михайлова Е.А., Павлинская Л.Р. и др. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: история, коллекции, исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С.125.

² Д.А. Ольдерогге (1903–1987), заведующий отделом этнографии Африки в МАЭ в 1935–1987 гг.

³ Инициатор размещения этого портрета — сотрудник отдела В.Р. Арсеньев — считал Мисюгина одним из основателей Ленинградской школы африканистики. — См. о нем в кн.: В.М. Мисюгин. Три брата. СПб, 2009.

⁴ Н.М. Гиренко трагически погиб в 2004 г.; его гибель в глазах коллег связана с его профессиональной деятельностью.

⁵ В.Г. Богораз (1865–1936), крупный этнограф, член-корреспондент Академии наук.

⁶ Р.Ф. Итс (1928–1990), профессор, доктор исторических наук, организовал в 1968 г. кафедру этнографии и антропологии на историческом ф-те ЛГУ (ныне СПбГУ); в 1982–1990 гг. руководил Ленинградской частью Института этнографии АН СССР.

⁷ В.Б. Голофаст (1941–2004), известный социолог, кандидат философских наук, завсектором Социологического института РАН (СПб).

⁸ Архив РАН. Ф. 282, оп. 1, д. 125, л. 4. Текст скопирован и предоставлен Ю.Ю. Шевченко в 2007 г.

⁹ Успенский М.Г. *Время Оно: Фантастический роман*. М., 2005. С. 168.

¹⁰ Варламин Г. Звездный отряд из подворотни // *Вечерний Ставрополь*. 22.07, 26.07, 29.07.2006 г. См.: <http://www.astronaut.ru/bookcase/article.htm>

¹¹ В.П. Зубов (1884–1969), граф, историк, искусствовед, доктор философии, основатель Российского института истории искусств (1912). Институт размещался в принадлежавшем графу Зубову дворце (построенном архитектором Г.А. Боссе в 1843–1847 гг.).

¹² mle-anais.livejournal.com/27991.html — сообщение от 30.04.2008 г.

¹³ Комментарий пользователя shutofsky в Живом журнале пользователя morita от 18.07.2008 г.: <http://morita.livejournal.com/173965.html>

¹⁴ Щербакова О. Древние рукописи охраняют десятки котов и кошек. Усатые охранники Российского государственного архива древних актов — это коты и кошки // *Вечерняя Москва*. 2007. 5 дек. № 227 (24761). Статью можно прочитать на сайте: <http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=45185>

¹⁵ В Эрмитаже отмечают День мартовского кота // Цит. по публикации 27 марта 2007 г. на сайте информационного агентства Интерфакс за подписью dz (<http://www.interfax.ru/culture/news.asp?id=6301>). Это сообщение с небольшими изменениями было помещено на сайтах Regions.ru, Балтийского информационного агентства (28 марта 2007 г.) и др.; Шкуренок Н. Кошки-мышки в Эрмитаже // *Огонек*. 2007. № 13. Цит. по публикации на сайте издания: <http://www.ogoniok.com/4989/34/>; В Питере чествуют музейных котов // *Московский комсомолец*. 2007. 3 марта, цит. о: <http://www.mk.ru/blogs/МК/2007/03/30/srochno/236101/>

¹⁶ Шкуренок Н. Указ. соч.; Щербакова О. Указ. соч.

¹⁷ Ажгирей Марина (беседа с водителем-дальнобойщиком) // *Автобизнес — Weekly*. 1998. 5 февр. № 5 (101). В сети размещена на сайте «Дальний бой»: <http://heavytruck.narod.ru>.

¹⁸ Галкин В.А. *Врач в пути*. М., 1984. С. 60–61.

¹⁹ Щепанская Т.Б. Мифологические персонажи в неформальном дискурсе «поля» // *Антропологический форум*. 2006. № 4.

Глава 5

ИНФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

Далее обратим внимание еще на ряд принципов семиотического освоения пространства профессии, связанных с его информализацией — выведением (осуществляемых в нем практик) за рамки формальных правил. Нас интересуют ситуации, когда место работы маркируется не знаками, имеющими отношение к профессии, а, наоборот, знаками, указывающими на биологические потребности человеческого организма или же связанными с темами дома, домашней жизни, семьи, родственных или любовных отношений. Может ли этот тип символизации пространства прочитываться в контексте профессиональной идентичности? Или же это все симптомы ее деконструкции?

1. «ОДОМАШНИВАНИЕ» ПРОСТРАНСТВА РАБОТЫ

Если некротификация пространства профессии — один из способов конструирования символической границы, обозначения его чужести=закрытости для непосвященных, то профессионал должен преодолеть отчуждение, а значит, и деконструировать некротификацию. Для профессионалов оно, хотя и по-прежнему связано с риском, должно стать обычным, как постоянный контекст их жизненного мира. Доступ и относительная свобода действий профессионала мотивированы наличием специальных знаний и навыков, позволяющих справляться с опасностью и действовать в условиях риска. Профессионал находится здесь на других основаниях, нежели непосвященный: он на рабочем месте «как у себя дома».

В связи с этим рассмотрим еще один пласт символического наполнения пространства профессии — символику «дома». Отчасти к этому пласту могут быть отнесены уже упоминавшиеся учрежденческие кошки как атрибут домашнего уюта. Еще более характерна традиция обустроить «домашний» уголок на рабочем месте. В шоферских кабинах и врачебных кабинетах, на рабочих столах менеджеров и в судовых кубриках можно увидеть такие напоминания

о доме, как: фотографии близких; их подарки; игрушки; детские поделки. Возможно, в этом же ряду надо рассматривать и принесенные из дома комнатные растения.

Петербургский таксист говорил мне об особом отношении водителя к машине: ее украшают, придавая особый, отличимый от прочих вид, по которому можно сразу же узнать ее хозяина: «*Да, а многие как бы делают чуть ли не дом из этой машины... Ну, “дом” — я так охарактеризовал то, что порой садишься и везде все есть, можно, пока едешь, и рассматривать все... рисуночки, фигурки <...> Фотографии домашних. Наклейки*» (М, ок. 35 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.]. Другой водитель (городского маршрутного такси) повесил в своей «Газели» игрушку: «*Игрушки? Ну, как бы дарят, вот. С ними веселее*», — объясняет он интервьюеру. Та спрашивает его о талисманах. «*Талисманы... Ну, иконка стоит, вот, жена дала. Мне-то что, я не верю, а ей спокойней. Ну, вообще у нас многие иконки ставят, так спокойней, что ли*» (М., 37 лет) [ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004 г.].

Н. Сорокина, описывая в своей статье¹ пространство «маршрутки», также обращает внимание на выставляемые напоказ в салоне «знаки теплоты домашнего очага, уюта», среди которых называет иконы, обереги (например, чертополох от сглаза), молитвы, четки; подарки жены, подруги, детей. Автор предлагает несколько объяснений «одомашниванию» рабочего места: символическое «присвоение» пространства, придание ему дополнительной функции удовольствия, проекция гендера (обозначение своего гендерного статуса), символическая защита в полном рисков пространстве своей повседневной деятельности².

Еще пример. Е.В. Соловьяненко посвятила свою дипломную работу исследованию театральной антрепризы — формы организации театральной деятельности, когда нет стационарной сцены и театральный коллектив работает в гастрольных поездках. Она обратила внимание, как актеры стараются «обжить» пространство на новом месте. В каждом театре им выделяют гримерку, нередко одну на несколько человек. Там есть столики с ящичками, стулья, зеркала, лампы, диван, раковина, вешалка для одежды. На то время, пока они пользуются гримеркой, актеры выставляют на столики личные вещи: фотографии детей, семьи, подарки от поклонников, сувениры, талисманы, личный грим, вазочки или бутылки для цветов. Наблюдая антрепризу изнутри, автор приводит характерный пример: одна известная по сериалам актриса каждый раз, готовясь к спектаклю,

расставляет на своем столике в гримерке фотографии маленькой дочки и иконки. «*Перед началом спектакля она складывает фотографии и иконки в сумочку, крестится и только после этого выходит на сцену. В данном случае ее личные вещи выступают еще и в качестве талисманов. По ее словам, без них она не сможет играть*» [ПМ: Е.В. Соловьяненко, 2005 г.].

Некоторые символы дома попадают даже на сцену. Так, Тамара Гвердцители в своих интервью рассказывала, что в поездки берет с собою подаренную еще в детстве родителями куклу — как талисман; певица любит, чтобы мама перед концертом подержала ее за руку — это к успеху³.

Маркирование пространства работы домашними символами сопровождается и практическим его освоением. Профессионал (по контрасту с непосвященными) способен прямо на рабочем месте (иногда довольно необустроенном) есть или спать. Осуществление обычных жизненных функций отличает его от неопитов или профанов. Именно так в фольклоре конструируется противопоставление профессионалов непосвященным. Профессионал — тот, для кого в пространстве профессии возможна «обычная жизнь» (выражающаяся в способности есть — пить — спать, т.е. в отправлении организма). Самый известный пример — рассказы побывавших впервые в морге о том, как патологоанатом обедает в том же помещении, где происходят вскрытия, прямо в виду мертвых человеческих тел: ситуация, вошедшая в анекдоты, популярные у студентов-медиков. Медики принимают пищу на отделении, параллельно с реанимацией больных и решением прочих профессиональных вопросов. На страничке юмора студентов ММА им. Сеченова⁴ приведены выписки забавных фраз и ситуаций во время занятий (по жанру близкие к профессиональному анекдоту).

Пример. Эндокринология, врачи обсуждают способ обследования больного для установления сложного диагноза. «*В обходе... напишем, что показано МРТ для исключения краниофарингеомы. Но они нас, скорее всего, отправят на КТ. — А КТ эти опухоли видит? — Не знаю... — Да бросьте вы ерундой заниматься! Скажите, как огурцы резать: вдоль или кружочками?». И тут же приводится аналогичная ситуация из области кардиологии: «*Реанимация, время ужина, поступает больной с приступом мерцательной аритмии. Параллельно решаются два вопроса: “чем купировать?” и “где консервный нож”*»⁵.*

Смеховой эффект здесь, собственно, основан на контрасте между восприятием ситуации непосвященным и профессионалами,

которым нахождение в непосредственной близости от смерти (мертвое тело в морге или критическое состояние больного в реанимации) не мешает продолжать обычную жизнь с ее бытовыми потребностями. Фольклор как будто реабилитирует повседневные жизненные отправления профессионала: *«Доктор сыт — больному легче»*⁶.

Пожарный, чья работа также связана с опасностью и риском, в профессиональном фольклоре — «спит»: *«У нас есть любимый профессиональный тост, — сообщает работник пожарной охраны в интервью прессе. — Когда пожарные спят, люди смеются. А когда работают, то некоторые плачут. Так пусть люди смеются. И еще: когда пожарные спят, страна богатеет»*⁷.

Корреспондент газеты «Петербургский час пик» О. Галкина, побывав в угольной шахте, пишет: *«Меня поразило, как люди могут потреблять пищу в таких условиях. На мое замечание, мол, как же можно есть такими грязными руками, шахтеры завозмущались, дескать, это не грязь, а чистый уголь»*⁸. И здесь тот же контраст между восприятием пространства профессионалами (как «своего», вполне подходящего для «домашних» обычных практик) и людьми со стороны, которым оно представляется непригодным для жизни.

Осуществление обычных жизненных отправлений в пространстве работы — форма освоения и присвоения пространства, придания ему символических качеств «дома», где положено спать или принимать пищу. Характерно, что (в том числе и в приведенных здесь примерах) символы «дома» в пространстве профессии служат оберегом от разного рода опасностей и рисков, противостоят смерти. «Домашний» код разрушает некротизм пространства профессии, привнося, между прочим, и нормы домашних отношений, проецируя их на отношения в профессиональной среде: *«И тогда вода нам как земля, / И тогда нам экипаж — семья»*, как поется в известной советской песне о военных моряках⁹. Это может означать (выскажем гипотезу), что обычаи и стереотипы семейных отношений, во всяком случае на символическом уровне, легитимируются в пространстве профессии наряду с формально-организационными или профессиональными нормами. Отметим это, имея в виду вернуться к сочетанию разных нормативных комплексов в части книги, посвященной социальному контролю. «Домашние» символы маркируют пространство профессии как пригодное для неформальных коммуникаций и практик, но только для профессионала.

Впрочем, жизненные отправления в пространстве профессии могут быть локализованы в отдельных его сегментах. Это может

быть жильем, выделяемое работнику на территории, где он работает; на месте работы — курительные и туалетные комнаты, офисные кухни или театральные буфеты; непосредственно в рабочем цеху или кабинете — чайный столик или даже уголок с атрибутами чаепития на рабочем столе.

На протяжении XX в. существовала практика предоставлять профессионалам **жилье** в непосредственной близости, а то и на территории места работы: в этом ряду квартиры учителей в здании сельской школы; комнатки молодых исследователей в лабораторных корпусах научного института. Выпускница медицинского вуза в начале 1970-х годов попала по распределению в Ленинградскую область, город Волхов: *«Прописку мне не давали, а давали только временную регистрацию. Однажды я даже в больнице ночевала»* (Ж, 55 лет) [ПМ: Е. Коричкина, СПб., 2004 г.]. *«Российские медики будут жить теперь в поликлиниках»*, — так озаглавлена недавняя заметка в журнале «Квадрат». Речь идет о том, что в новом медицинском учреждении, построенном в Новосибирске, кроме лечебных кабинетов есть три трехкомнатные квартиры для персонала¹⁰.

Непосредственно в месте работы (в здании) под неформальные практики отводятся **курилки, коридоры, подвалы, туалетные комнаты**, в некоторых организациях — **душевая или баня**, в современных офисах еще и **кухня**. Эти помещения официально предназначаются для осуществления потребностей человеческого тела: курения, отправления естественных нужд, гигиенических процедур (если производство предполагает контакт с загрязняющими веществами). На практике эти места становятся еще и пространством неформальной коммуникации: в них легитимны внерабочие практики (отправления тела), и тем самым они как бы выводятся из сферы контроля со стороны администрации. Соответственно сюда перемещаются и неподконтрольные коммуникации.

2. КУРИТЕЛЬНЫЕ И ТУАЛЕТНЫЕ КОМНАТЫ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ГРУППИРОВКИ

В наиболее полном виде стереотипы неформальной коммуникации обнаруживают себя в специально предназначенных под вне-рабочие нужды (как правило, связанные с физиологическими потребностями) помещениях, отделенных от рабочей зоны. Курилки, офисные кухни, туалетные комнаты — сюда приходят еще и пообщаться, как в область, свободную от формализованного контроля.

Курилка — место для курения — один из вариантов специально отведенного места для неформальной коммуникации. Варианты ее локализации:

- специальное помещение (курильная комната, холл туалетной комнаты и т.п.);
- угол, часть нерабочего пространства: коридора, офисной столовой, лестничной площадки, подвала;
- курят прямо в кабинете.

Любопытно рассмотреть курение на работе с точки зрения социального контроля.

Курение на работе — практика, существующая на основе неформальных соглашений. С одной стороны, оно рассматривается как естественное право, физиологическая необходимость, как еда или отдых, легитимность его базируется на «физиологических потребностях» организма работника. Есть случаи, когда профессиональная деятельность подстраивается под эту потребность. Е.В. Соловьяненко приводит случай из практики петербургской антрепризы: в одном из ее спектаклей ведущий актер почти все время находился на сцене. Режиссер построил мизансцену так, чтобы актер мог выйти в кулисы, произнести текст оттуда и выкурить полсигареты [ПМ: Е.В. Соловьяненко, СПб., 2007 г.].

Существует и стереотип — объяснять курение (его необходимость) профессиональной необходимостью. Так, проводя исследование в 2000–2002 гг. в ведущем медицинском вузе Санкт-Петербурга, А. Рябикин заметил, что многие студенты, в том числе девушки, курят. «*Это же вредно?*» — удивился он. — «*Да, да, мы это знаем, мы сами препарировали трупы и видели легкие прокуренные, но...*». Считается, что курение помогает снять огромное нервное напряжение, связанное с профессиональной деятельностью. Студенты говорят, что табачный аромат помогает заглушить запах мертвого тела и формалина [ПМ: А. Рябикин, В. Мониц, СПб., 2000–2002 гг.].

Между тем потребность курить не настолько обязательна, как, допустим, прием пищи, и может стать предметом запрета со стороны организации. Таблички «курение на факультете запрещено» — обычный атрибут мест общего пользования в СПбГУ. Этот запрет обычно обходится через отведение специальных мест для курения: они, как правило, находятся в зоне, недоступной посторонним. И все равно даже в условиях полного запрета есть сотрудники, позволяющие себе курить в «своих» кабинетах, т.е. в пределах сферы их контроля. Здесь они могут позволить курить и другим. Вокруг

этого возникают конфликты — например, когда в кабинет, где накурено, входит некурящий (и тоже работающий здесь) сотрудник или начальник, обладатель более высокого формального статуса. В любом случае конфликты вокруг курения как необязательного права — это конфликты по поводу контроля пространства. Кто обладает правом задавать правила?

Именно на фоне запрета курения и контроля пространства возникает проблема специальных «мест» для курения — локусов, где эта практика разрешена на основе личного авторитета, права силы или договоренностей. Места такие маркированы — пепельницей на рабочем столе, пачкой сигарет, зажигалкой, приспособленными под пепельницу банками из-под кофе или консервов, табличкою «Место для курения». Эти внешние знаки одновременно отмечают и локусы, на которые распространяются неформальные нормы общения. Тот, кто контролирует право курения, одновременно осуществляет здесь и контроль коммуникации.

Приведу пример. Курилка в школе. В небольшом помещении, переоборудованном из мужского туалета, стоит стол, покрытый клеенкой, есть несколько стульев. Возле одного из них — трость. Это, как здесь говорят, «трон», место, зарезервированное для «королевы», «хозяйки» — так называют учительницу, которая была инициатором переоборудования и чей авторитет в пределах курилки непререкаем. Когда кто-нибудь в ее отсутствие садится на этот «трон», говорят: «*Слушайте, щас Н. придет. Щас всех выгонит, так что давай, поскорее оттуда уходите*». В школе две курилки. Эту, в нижнем этаже, называют между собою «каморкой». Вокруг нее сложилось сообщество, преимущественно из молодого поколения преподавателей. «*Я год курю в этой курилке*, — говорит мне учитель, студент филологического факультета СПбГУ. — *Здесь собираются в перерывах между уроками, во время “окон”, здесь проводят праздничные застолья. Застолья организуют на началах складчины, заранее распределяя, кто сколько принесет продуктов и выпивки*». Авторитет «королевы» принимается всеми, за нею признают право на некоторую строгость: «*Н.-то у нас злая. Но справедливая*». А потом говорят: «*Да какая она злая! Классная у нас Н.*», — заключает мой собеседник (М, ок. 20 лет.) [ПМА: СПб., 2004 г.].

Ее голос — решающий в организации праздников, она следит за поддержанием порядка в каморке: может сделать молодому учителю выговор, когда он не вынес мусорное ведро: «*Я был “молодым”. Когда я пришел (работать в школу. — Т.Щ.), меня подбадривали, навер-*

ное, месяца через четыре работы только, вот, мне сказали: “А, слушай, давай будем убирать каморку”. Я говорю: “Давайте. Я за, только за”. Ну и мне сказали: “Там мусор стоит, тра-та-та-та”. Я его вынес. Один раз, все. Больше ко мне претензий никаких не было” (М, ок. 20 лет) [ПМА: СПб., 2004 г.].

Что это? Обряд посвящения вновь пришедшего? Поручение вынести мусор — знак принятия в сообщество постоянных посетителей курилки: новый учитель приглашается к участию в повседневных практиках и разделению коллективной ответственности за чистоту. Но разовый характер поручения выдает его как скорее знак: «королевна» обозначает, кто здесь хозяйка, а молодой — принятие ее авторитета и согласие выполнять поручения. Авторитет «хозяйки» распространяется и на школьные дела: она играет роль справедливого судьи, берется рассудить стороны в конфликтных ситуациях, если в них вовлечены завсегдатаи «ее» каморки. Сюда к ней приходят просить совета и другие учителя, если у них есть проблемы в отношениях с завсегдатаями.

Эта курилка — вариант неформального пространства, где складывается альтернативная официальной иерархия. Лежащий в ее основе авторитет носит локальный характер, он явно связан с конкретным местом — «каморкой». Те, кто собираются в этой каморке, принимают и эту неформальную иерархию. Выпадая из сферы официального контроля (как пространство нерабочее, рекреативное), сообщество «каморки» тут же формирует свою, альтернативную, систему социального контроля. Любопытно, как эта неформальная иерархия актуализирует скрытые механизмы поддержания авторитета и статусных игр, в том числе и мифологические. «*Есть учителя, которых побаиваются*, — замечает мой собеседник, описывая отношения в той же каморке, — *сами учителя: “Не тронь ее, она глаза может”*» (М, ок. 20 лет) [ПМА, СПб., 2004 г.].

Обвинения в колдовстве, сглазе, «энергетическом вампиризме» (то полушутливо, то с опасением) бывают формой публичного проявления скрыто конфликтных отношений, просто страха, попыткой противостоять влиянию неформального авторитета. И в то же время это признание авторитета. Любопытно, как в информализованном пространстве реализуется альтернативный общепринятой школьной рациональности дискурс описания иерархических отношений — в терминах «колдовства», «сглаза» («энергии», «силы» и т.п.).

Вокруг нерабочих мест, примером которых являются курилки (буфеты, кухни, рекреации), складываются свои коммуникативные

сети, а также практики сегрегации, разграничивающие эти сети. «У нас есть деление на курящих и некурящих, — отмечал в интервью архитектор. — Те люди, которые не курят, остаются не в теме. И я — так как не курю тоже. <...> У курящих появляются свои темы, свои шуточки. Когда они возвращаются в кабинет, смеются между собой, то некурящие автоматически становятся другой группой. Некурящим не нравится запах дыма от курящих, по себе сужу (смеется). Все это становится поводом для неформального деления на группировки. Однако эти группировки не враждуют между собой, они условны» [ПМ: Т.О. Кондратьева. СПб., 2007 г.].

В Физико-техническом институте, по словам сотрудников старшего поколения (50–60 лет), курилок не было вообще: просто выходили на лестницу покурить и поговорить. Лет десять назад появилась курилка, куда ходят молодые женщины, там же проводятся неформальные обсуждения институтских проблем [ПМА: СПб., 2005 г.]. Доступ (точнее, приглашение) в курилку — одновременно и допуск к обсуждениям профессиональных и организационных проблем, а участие в обсуждениях — это и возможность влияния на условия и содержание работы (обсуждаются темы коллективных исследований, кандидатуры в Ученый совет или в заведующие секторами и т.п.). В каждой курилке — свой кружок, своя система авторитетов и сфер влияния.

Местом неформальных коммуникаций может служить и **туалетная комната**, в некоторых случаях функционально совмещенная с курилкой.

В материалах, собранных Д.Лапатухиной, есть интервью женщины, работавшей на тот момент в качестве специалиста одной из постоянных комиссий Законодательного собрания Санкт-Петербурга: «Я еще знаю, почему так трудно N. (называет фамилию женщины-депутата ЗС. — Т.Ш.), может быть, по такой очень смешной причине. Вы в наши туалеты не заходили?.. Довольно большое помещение. Мужчины концентрируются в своих — женщины в своих» [ПМ: Д. Лапатухина, 2002 г.]. Холл туалетной комнаты становится, по ее словам, местом неформальных обсуждений профессиональных вопросов и решений, которые затем выносятся на голосование. Женщины в ЗС СПб были на тот момент представлены единицами, зачастую они ощущали себя исключенными, потому что важные решения обсуждаются в кулуарах и к моменту публичного обсуждения фактически уже предрешены неформальными договоренностями. Рассказчица считает, что будь туалетные комнаты компактнее: «Все,

там негде бы было тусоваться, может быть, меньше бы эта проблема была. Они что-то еще обсуждают там! Даже Н. Изолирована абсолютно. Зато я ее хоть могу отловить. Того же Д., председателя комитета (называет другой комитет ЗС. — Т.Ш.), отловить в туалете оказалось значительно сложнее» [ПМ: Д. Лапатухина, 2002 г.].

Основываясь на собственном опыте, сотрудница органа законодательной власти — видит связь между обычаем неформальных обсуждений в туалетных комнатах и гендерной сегрегацией в повседневной жизни и профессиональной деятельности. Правда, тут же она замечает: «Кстати, если сделать маленькие туалетки, то начнется сегрегация по принципу «курит — не курит», потому что некурящему стоять в курящей компании невозможно» [ПМ: Д. Лапатухина, 2002 г.].

Как в пространстве неформальных коммуникаций представлены символы профессии? Включаются ли эти курительные и туалетные комнаты и другие подобные места в символическое «пространство профессии»? В общежитии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (бывшей «Корабелки») в холле мужского туалета висит портрет одного из видных представителей профессии, долгое время преподававшего, затем возглавлявшего Кораблестроительное отделение Политехнического института. Подпись под портретом: «Фан-дер-Флит Александр Петрович (1870—1941), первый профессор по теории корабля Политехнического института» [ПМА: СПб., 2008 г.]. Казалось бы, никак не связанное с учебой место вполне очевидно включается в пространственно профессии. Однако включение это кажется пародийным именно из-за совмещения места, предназначенного для «низменных» телесных отправлений, и изображения, представляющего фигуру «отца-основателя» вуза и самой профессии кораблестроителя, занимающего высокое место как в формальной, так и в неформальной иерархии. Что это? Стремление снизить пафосность официального образа или возвысить статус «своего», т.е. контролируемого только своим (мужским) сообществом места, закрытого как для непосвященных, так и для официальных вузовских лиц (предполагаются, что в случае посещения общежития руководством его вряд ли поведут в такое «недостойное внимания» место). Я склоняюсь к мысли, что здесь все-таки стремление (пусть и несколько глумливо и вызывающе выраженное) включить «свое» место общения и место «своего» контроля в пространство профессии. Один из аспектов конструирования идентичности будущего профессионала.

На двери туалета в одном из научных институтов РАН (СПб) несколько лет висел неровно отпечатанный на пишущей машинке «Распорядок рабочего дня NN (учреждения РАН)», выше уже упоминавшийся. Пародируя по форме официальные «распорядки», этот текст утрирует неформальные обычаи и практики: перекуры, завтрак, разговоры с товарищами, которые в этом «распорядке» занимают большую часть времени. Текст этот — смеховой вызов формальной системе организационного контроля. Неформальное пространство маркируется через указание на неофициальные нормы.

И еще один довольно распространенный обычай, связанный с туалетными комнатами, — надписи на стенах. Если в уличных общественных туалетах они носят зачастую непристойный характер, то в учреждениях нередко обретают профессиональный колорит. В одном из социологических исследовательских центров Санкт-Петербурга стены туалета представляют собою «выставку»: там размещается целая коллекция материалов — газетных вырезок, артефактов на «туалетную» тему. Профессионально (хоть и в шутку) подобранный архив, визуальное исследование [ПМА: СПб, 2008 г.].

Упомянем еще «туалетную поэму» — обычай, о котором вспоминали в интервью участники Антарктической экспедиции 1985 года. По материалам М.Н. Алексашина, этот обычай существовал среди жителей одного из домов станции «Молодежная». Вначале кто-то написал четверостишие на стене туалета. Последующие посетители добавляли свои фрагменты, текст развивался в форме «вопрос — ответ». Мне неизвестно содержание этой «поэмы», но сама практика — вариант неформальной коммуникации, она похожа на ритуал подтверждения неформальной общности. Люди принимают «условия игры», стихотворную игру как форму общения. Участвуя в обмене стихотворными шутками, они тем самым подтверждают негласный «договор» и свое участие в основанной на нем общей практике [ПМ: М.Н. Алексашин, 2003—2004 гг.].

Итак, места неформальной коммуникации также включаются в пространство профессии — за счет маркирования символами профессии, которые, впрочем, обычно носят шуточный характер. Даже вполне серьезный портрет основоположника, помещенный в такие места, приобретает оттенок несколько иронический: за счет этого снимается дистанция, аннулируется обычная иерархия — в неформальном пространстве все участники коммуникации исходно равны (до тех пор пока здесь не сложится своя, неформальная, иерархия, как в упоминавшейся выше школьной курилке). Когда сотрудники

академического института говорят об особой атмосфере своего учреждения, они отмечают, в частности, как ценность свободный стиль общения в неформальной обстановке: *«И вот что еще было очень ценное, — говорит сотрудница Физико-технического института, проработавшая там почти 40 лет. — У нас абсолютно не было дистанции между шефом и даже аспирантом, все обсуждения — не как-то так, а за столом, склонившись, или на стульях в коридоре, там, часами — и вот в этом было огромное значение, что у нас могли расти молодые. Вот чего, по-моему, сейчас, не знаю, меньше стало»* [ПМА: ФТИ, 2006 г.].

Неиерархичность общения (отсутствие дистанции) как необходимое для становления профессионала условие соотносится с посиделками в коридоре — месте неформального общения. *«Тот же П. или Д. (называет имена видных ученых. — Т.Ш.) сидели там вообще часами, где-то в коридоре на диванчиках каких-то там, и с ними люди росли. Причем в очень сложных науках — теоретическая физика очень сложная, и если нет такой школы вот повседневного общения, чтоб ты схватывал прямо все со своего шефа, вместе обсуждали, никакой дистанции практически в науке, по-моему, не было»* (Ж, ок. 60 лет) [ПМА: СПб., 2006 г.].

В такого рода рассуждениях (как и в пародировании распорядка дня, руководящих распоряжений и проч.) видно, как профессиональный стиль в коммуникации противопоставляется организационному. Организация — это формализованная иерархия, четкий распорядок дня, жесткие, зафиксированные в официальных документах требования. Профессия — это неформальное общение без формальной дистанции, ускользающее из жестких рамок места и времени. В этом противопоставлении — борьба профессии за свою автономию: утверждение приоритета профессиональной необходимости (базирующейся на знании, которым обладают профессионалы, а не администраторы) перед организационными требованиями в том, что касается структурирования повседневной деятельности и ее оценки.

Отметим, что в пространстве профессии такое символическое сопротивление связано с местами неформальной коммуникации. Это места, где организация отступает, ограничивая свой контроль над поведением сотрудников. Чем мотивируется свертывание организационного контроля? Потребностями тела: чаще всего это кухня, курительная или туалетная комната (или просто уголок соответствующего назначения), необходимость которых обосновывается не целями организации, а биологическими потребностями работ-

ников, которые организация вынуждена признать. То есть само наличие этих мест — знак отступления организации, присутствия другой — не организационной — логики.

Но в неподконтрольных организации «пустотах» проявляется и другая логика общения — «домашняя». Действительно, здесь общение менее официально, а моральные оценки зачастую обосновываются отсылками к семейным, родственным, отношениям и обычаям.

Тут же, в «пустотах» организации, утверждаются и другие инстанции социального контроля, в частности профессиональная среда с ее этикой. А поскольку она базируется в основном на неформальных структурах, то и контроль преимущественно неформальный. Символическое сопротивление профессиональной среды (ее повседневная борьба за автономию) базируется на признании биологически обусловленного права, это сопротивление камуфлируется под сопротивление тела («пожарный спит — служба идет», «доктор сыт — больному легче», в этом же ряду стереотипы: «программист пьет много пива», «ученые курят и постоянно пьют кофе»). Считается, что таким образом индивид поддерживает организм в максимально приспособленном для выполнения профессиональных задач состоянии.

Когда мы говорим о «домашних» локусах в пространстве профессии, нужно учитывать, что они не всегда четко определены и отделены от места работы. Вообще говоря, любое место работы может быть преобразовано в «домашнее» — приспособлено к неформальной коммуникации. Так происходит, например, в ситуации праздничного застолья или других особых событий. Тогда пространство преобразуется: рабочие столы освобождаются от обычных атрибутов повседневной трудовой деятельности, сдвигаются (или выносятся); помещение маркируется знаками события (праздничными гирляндами по случаю Нового года, траурными портретами в случае поминальной трапезы, цветами и грамотами, если отмечают награду). Тут же меняются и правила поведения: оно становится неформальным (в тех рамках, в которых это допускает конкретный организационный и профессиональный контекст, разумеется). Отметим этот процесс как «информализацию» — одно из значимых свойств пространства профессии.

3. ЗАСТОЛЬЕ: ПРАКТИКА ИНФОРМАЛИЗАЦИИ

Самый заметный вариант пространства неформальных коммуникаций — места приема **пищи и чаепитий**: это может быть офисная

кухня с хорошим оборудованием, буфетная комната, уголок со столом и чайником в коридоре или кабинете. Чайная чашка и другие атрибуты приема пищи на индивидуальном рабочем месте также маркируют его неформальные функции и обозначают право заниматься не только непосредственно работой.

Коммуникативная функция этих мест может быть подчеркнута расположенными рядом с ними изображениями, сувенирами (подарки гостей, атрибуты коллективных празднеств, памятных событий) или даже надписями вроде той, что я видела в одном из кабинетов этнографического музея: «*Стой, милой, посиди, /Ноженки устали, / Мы с тобой поговорим, /Больно соскучали*» [ПМА: СПб., РЭМ, 2006 г.]. Стишок, приглашая зашедшего общаться, прямо указывает на коммуникативные функции маркируемого этой запиской места. Нередко тут же можно видеть сувениры и изображения, указывающие на профессиональную деятельность работников. В том же этнографическом музее это афишки выставок и фотографии этнографических предметов, сделанные в экспедициях. В Физико-техническом институте это образцы созданных его сотрудниками материалов (металлические пластины и трубки) и дипломы, отмечающие их профессиональные достижения.

Наиболее характерный случай такой информализации — застолье на рабочем месте — рассмотрим далее: коллективное застолье, особенно по торжественному поводу (ритуализированное) на время превращает все пространство профессии в место неформальной коммуникации.

«*Плох тот предмет, из которого нельзя выпить*» [ПМА: СПб., 2005]. Эту фразу произнес научный сотрудник одного из исследовательских институтов, когда речь зашла о профессионалах и застолье. Первая его ассоциация с застольем — изменение смысла предметов в пространстве профессии. Я взяла эту фразу в качестве эпиграфа к очерку, в котором рассматриваю застолье как ритуализованную коллективную практику, символически трансформирующую это пространство (т.е., в конечном счете, нормы поведения в нем). Действительно, во время застолья меняются роли и жанры общения. Именно здесь можно услышать профессиональные байки, афоризмы, песни, проговариваются неформальные репутации. Застолье создает контекст для актуализации того, что наиболее очевидно вписывается в понятие «профессиональной традиции».

Итак, мы рассматриваем коллективное застолье в профессиональной среде как одну из наиболее ярких форм внешнего проявле-

ния профессиональных традиций. Наша задача — проанализировать этнографию застолья с точки зрения репрезентации символов профессии, проявлений и формирования профессиональной идентичности, этики, репутаций и шкалы их оценки в среде коллег, а также и самой этой неформальной среды.

Мы рассматриваем застолье как коллективную практику и форму проявления неформальных отношений, ритуал их репрезентации, концентрированное проявление фольклорной традиции (в сценарий застолья включаются тексты, имеющие статус профессионального фольклора: тосты, самодеятельные песни, эпиграммы, шутки, розыгрыши, байки, паремии). Само застолье может быть прочитано как текст. Оно построено сюжетно, в соответствии с неформальным, но общеизвестным и принятым сценарием. Основные этапы развертывания этого сценария маркированы тостами, право произносить которые также негласно распределено между присутствующими в зависимости от их официального и неформального статуса.

Все это позволяет рассматривать коллективное застолье как ритуализованную практику. Разумеется, степень ритуализации (соблюдение сценария и полноты его развертывания) зависит от множества факторов, в том числе от характера ситуации, послужившей поводом.

4. СИТУАЦИИ, ОТМЕЧАЕМЫЕ ЗАСТОЛЬЕМ

Коллективные застолья коллег и сотрудников по работе можно подразделить на будничные и праздничные (определим шире — застолья по особым случаям, прерывающим повседневность). В первую группу мы включаем повседневные чаепития, как правило, безалкогольные. Степень регламентации в этом случае минимальна, хотя и здесь складываются правила, но им редко придается символическое значение. Они вытесняются в область автоматизмов повседневности. Практика коллективных чаепитий существует отнюдь не везде. Так, от сотрудников Физико-технического института им. Иоффе мне приходилось слышать, что у них «нет института чаепития». Объясняют это тем, что в коллективе мало женщин. Вообще мои собеседники (женщины-физики) оценивают чаепитие на работе именно как женскую практику, которая ассоциируется у них даже с «радостью материнства», однако противопоставляется интересам работы. «*Ко мне заглядывает здесь по пятьдесят человек*

в день», — сетует владелица кабинета. Ее коллега поясняет: «*Пони-маешь, а с другой стороны, если N (называет ее имя. — Т.Ш.) бы стала это делать, тут стал бы сплошной стол, и работать уже некогда*». «*Да, мешают работать*», — подтверждает хозяйка, заметив, что она чаще пьет кофе в одиночку, не отрываясь от работы [ПМА: 2005 г.]. Чаепития на рабочем месте в этом случае ассоциируются скорее с бытом и домом, семейными, а не профессиональными моделями взаимодействия.

С точки зрения репрезентации профессиональных традиций, первостепенный интерес представляют застолья по особым случаям — когда, как говорят, *надо собраться* и отметить. Такие случаи, как правило, отмечены присутствием на столе алкоголя и приобретают статус профессионального праздника.

Профессиональные праздники. Дни профессиональных праздников для одних профессий установлены централизованно и отмечены в календарях, для других известны в среде коллег и отмечаются как неофициальные. Официальные даты устанавливались в советский период указами Президиума Верховного совета СССР. Часть их была утверждена в середине 1960-х годов, а затем в 1980-х, когда были опубликованы Указ Президиума ВС СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-Х «О праздничных и памятных днях» и Указ от 1 ноября 1988 г. № 9724-ХІ «О внесении изменений в законодательство СССР о праздничных и памятных днях»¹¹.

В биографическом фонде (хранится в архиве Социологического института РАН в Санкт-Петербурге) есть воспоминания Г.К. Смирновой, непосредственно участвовавшей в организации профессиональных праздников сразу после их официального введения «сверху». В 1965 г. она была утверждена в качестве заведующей отделом пропаганды и агитации Каменского РК КПСС. «*На мою долю в те годы пришлось большая массово-политическая работа, т.к. после XXII съезда КПСС был взят курс на воспитание нового человека. В то время были утверждены все профессиональные праздники, и мне приходилось их организовывать. Было хлопотно, но интересно*». С точки зрения партийного работника, профессиональные праздники представляются формой культмассовой работы, каналом проведения *линии партии* в профессиональной среде. Важно отметить момент партийного участия в их организации: «*За время моей работы в РК КПСС в проведении торжественных вечеров, собраний никогда не вторгалась, старалась их разнообразить, сама порой разрабатывала сценарии вечеров*».

Подобные мероприятия устраивались и в своей собственной среде: Г.К. Смирнова упоминает Дни лектора и пропагандиста, в организации которых она также принимала участие. «*До меня Дни пропагандистов проходили однообразно: доклад об итогах, награждение лучших — и все. Я стала разнообразить проведение этих Дней. Пропагандисты были довольны, я рада. На эти “Дни” стали приезжать из села за 20–30 км и, уезжая, благодарили. Разве это не счастье, когда сделанное тобой приносит радость людям*»¹².

Официальная часть праздников обычно состояла из торжественных собраний и вечеров. Для последних готовился сценарий, включавший награждение победителей социалистического соревнования, конкурсов «Лучший по профессии», посвящение в профессию молодых коллег, концерты приглашенных артистов или художественной самодеятельности. Нередко на собраниях по случаю профессиональных праздников присутствовали коллеги из разных организаций и предприятий (или их представители), что создавало базу для формирования профессиональной общности, выходящей за пределы своей организации и, вероятно, общих черт профессиональной культуры.

Наряду с официальным во многих профессиях сложилось и неформальное празднование своего Дня, центральной частью которого служило коллективное застолье. Соотношение официального и неофициального компонентов различно. В некоторых профессиях их День так и не был утвержден, соответственно весь ритуал празднования в целом имел статус неофициального. Таковы Дни этнографа (17 июля), археолога (15 августа или во вторую субботу августа) и т.п. Даже участие администрации выглядит в этих случаях скорее как переход ее на неформальный стиль общения с коллегами.

Установление таких неофициальных праздников получает дополнительную легитимацию (обычно посредством этиологических мифов или преданий, возводящих их происхождение к временам конституирования профессии или к действиям авторитетных предшественников, которым в этом случае приписывается роль «отцов-основателей» или «культурных героев»). Так, введение празднования Дня этнографа 17 июля в профессиональной среде приписывается Р.Ф. Итсу, основателю и многолетнему руководителю кафедры этнографии и антропологии на историческом факультете ЛГУ, а затем директору Ленинградской части Института этнографии РАН.

Днем профессионального праздника был избран день рождения выдающегося русского путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая,

в честь которого был назван Институт этнографии и антропологии РАН. Согласно легенде, Р.Ф. Итс в этот день разослал поздравительные телеграммы коллегам в разные города, в том числе и тем, кто находился в экспедициях. Немаловажным обстоятельством в выборе даты было и то, что в середине июля большинство этнографов находится в поле. Полевой сезон, как правило, приходится на лето, а студенческие экспедиции выезжают после окончания сессии, т.е. в начале июля. 17 июля обычно близко к середине экспедиции — ее «экватору», который по традиции и до этого было принято отмечать.

Неофициальный статус имеет и День археолога, который устная традиция связывает с именами ленинградских исследователей — по разным версиям, В.И. Равдоникаса, Г.Ф. Корзухиной, Т.С. Пассек. На одном из форумов, где обсуждалась тема празднования Дня археолога, были высказаны следующие варианты предания о его происхождении.

День археолога впервые стали отмечать в экспедиции В.И. Равдоникаса (раскопки Оленеостровского могильника на строительстве Беломорканала в 1930-е годы.

Начало положила Г.Ф. Корзухина, сотрудница Института истории материальной культуры, разославшая по экспедициям телеграфные поздравления. Эта версия не противоречит, впрочем, первой, объясняя не столько происхождение, сколько широкое распространение праздника именно в 1950-х годах

15 августа первоначально отмечался в экспедиции Т.С. Пассек как ее день рождения. Затем традиция разошлась по другим экспедициям¹³. Д.Г. Савинов, на момент интервью (2003) заведующий кафедрой археологии СПбГУ, склонялся к той версии, что инициативу празднования проявили «два крупнейших археолога: вот Равдоникас... и Бернштам, которые вместе вот работали в Средней Азии» [ПМ: 2003 г.].

Характерно, что при всех разночтениях традиция связывает введение профессионального праздника с именами известных археологов, чьи работы дали начало целым направлениям в развитии дисциплины.

Если официальные праздники вводятся указами Президента РФ (в советский период — Президиума Верховного совета СССР), то неофициальные легитимируются ссылками на авторитет известных

и авторитетных представителей самой профессии. Есть и промежуточный вариант, когда профессиональный праздник учреждает руководство организационных структур, в рамках которых осуществляется профессиональная деятельность. Так, День инженера-механика (30 октября) отмечается по приказу Главкома Военно-Морского флота РФ с 1996 г.¹⁴

Выбор даты празднования связан либо с уже существовавшей традицией, либо с памятной датой в истории профессии. Как правило, официальные даты апеллируют к историческим событиям, связанным с институционализацией профессии — образованием учреждений, распоряжениями властей. Так, День российской науки по Указу Президента РФ от 07.06.1999 г. отмечается 8 февраля. Именно 8 февраля 1724 г. (28.01 ст.ст.) Указом правительствующего Сената в России была учреждена Академия наук. Символика профессиональных праздников апеллирует в этих случаях к санкции государственной власти, причем характерно, что с ее сменой меняются и даты. Так, в советский период День науки отмечали в третье воскресенье апреля (дата написания в 1918 г. В.И. Лениным статьи «Набросок плана научно-технических работ»). В 1991 г. был перенесен и День печати — с 5 мая (в советское время отмечали дату выхода первого номера газеты «Правда») на 13 января (в 1703 г. вышел первый номер газеты «Ведомости» по указу Петра I)¹⁵.

В других случаях праздники (особенно неофициальные) поддерживают уже существовавшую в профессиональной среде традицию, придавая ей только новый смысл. Праздники «полевых» профессий связаны с цикличностью экспедиционных сезонов. Этнографы, археологи и геологи стараются отметить свои праздники в экспедиции. Традиция отмечать начало, завершение и «экватор» полевого сезона существовала независимо от официально учрежденных и даже принятых по обычаю профессиональных праздников. Известны случаи, когда в экспедициях отмечали любые (достаточно случайные) даты, приходившиеся на время «рамочных» ритуалов. Так, в этнографических и археологических отрядах, выезжавших в летнее время, отмечали такие даты, как День рыбака (10 июля или второе воскресенье июля), День взятия Бастилии (14 июля). День Военно-Морского флота РФ в последнее воскресенье июля.

Обычай синхронизировать ритмы праздников с циклами профессиональной деятельности характерен и для преподавателей, праздники которых связаны с началом и завершением учебного года. В конце мая во многих школах устраивают неофициальные по-

сиделки учительского коллектива. Театральные коллективы отмечают начало и конец театрального сезона.

Кроме общих праздников профессии, застольями отмечают и памятные даты в жизни своего учреждения (обычно дату основания), экспедиции, лаборатории или отдела. Кроме того, во многих коллективах поддерживается празднование общегражданских (Новый год, 8 Марта) и религиозных (Рождество, Пасха) праздников.

Застолье является важным элементом празднования, и сам факт его проведения является маркирующим. Застолье *отмечает* важные события, т.е. не только имеет, но и придает знаковый смысл событию, к которому приурочено. Застольем отмечают и особые случаи, связанные с изменением сообщества (пополнение новыми членами или проводы старых, повышение степени институционализации) или статуса его отдельных членов. В обоих случаях это ситуации выхода за рамки повседневности.

Окказиональными застольями отмечают ситуации, не привязанные к календарю, но имеющие значение в жизни профессионального сообщества. Прежде всего, это завершение цикла профессиональной деятельности: удачное завершение сделки у риэлтеров, *подача* проекта у архитекторов, сдача проекта у программистов и *сисадминов* (системных администраторов) [ПМ: О. Аверичева (2002); М.В. Чунаева (2003); Е.Л. Остапова (2004)¹⁶].

Есть и еще один класс ситуаций, отмеченных застольем: нарушения, опасные и трагические ситуации, связанные с профессиональной деятельностью. Так, археологи упоминали о застольях, которыми отмечали даты гибели или смерти экспедиционных друзей. Парашютисты должны по обычаю *проставиться* после нештатного срабатывания парашютной системы — выпить с товарищами за свою *вторую жизнь*. Сисадмины могут собраться и выпить пива, если сеть не работает, а причины неясны.

Застольем отмечают и события, значимые в **индивидуальной** карьере — *проставляются* (по поводу спасения в нештатной ситуации, получения награды, выхода книги) или *обмывают* (награду, переезд, получение воинского звания и повышение по службе). Первый выезд в «поле» у археологов, геологов и этнографов, первый полет у летчиков или погружение у моряков-подводников, первый спектакль (сыгранную роль) у актеров отмечают как «посвящение» в профессию. Во многих коллективах распространена традиция коллективно отмечать дни рождения сотрудников, особенно юбилей,

а также изменение статуса (награждение, переход в другое подразделение, переезд или перевод к новому месту службы, повышение в должности, присвоение воинских или присуждение ученых званий и степеней), наконец, уход из коллектива или выход на пенсию.

Подводя итог, представим набросок классификации событий, которые чаще всего упоминаются как повод к коллективному застолью в профессиональной среде.

1. Праздники (регулярные, календарные)

- 1.1. общегражданские: чаще всего на рабочем месте отмечают Новый год, 23 февраля и 8 марта (придаваемые им смыслы в период постсоветской трансформации менялись);
- 1.2. религиозные: Пасха, Рождество, Иван Купала;
- 1.3. местные праздники в местах выездных работ: например, археологи, проводившие раскопки в Туве, отмечали «тувинский Новый год» (вероятно, по буддийскому календарю);
- 1.4. праздники отдельных социальных групп;
- 1.5. другие знаменательные даты: например, археологи упоминали среди отмечаемых ими праздников день рождения поэта Н. Гумилева, археологи и этнографы — День взятия Бастилии.
- 1.6. Профессиональные праздники: официально утвержденные и неофициальные дни профессии, дни рождения ее отцов-основателей, знаменитых представителей профессии (день рождения Н.Н. Миклухо-Маклая у этнографов стал их профессиональным праздником); начало, конец, иногда середина значимых периодов профессиональной деятельности (например, экспедиций в «полевых» профессиях или учебного года в преподавательских коллективах);
- 1.7. корпоративные: «день рождения фирмы»;
- 1.8. личные памятные даты: дни рождения членов коллектива, дни трагической гибели коллег.

2. Особые события (окказиональные застолья)

- 2.1. Коллективные (события в жизни коллектива):
  - 2.1.1. получение значимых результатов в профессиональной деятельности: первой находки в полевом сезоне (археологи и антропологи), премьеры спектакля (актеры, театральные коллективы), подачи проекта (архитекторы), завершения сделки (риэлтеры);

- 2.1.2. встречи по официальным и неофициальным поводам: конференции, симпозиумы, семинары; выезды на отдых (пикники, экскурсии) или работу вне стен учреждения (экспедиции, командировки).
- 2.2. Индивидуальные события:
  - 2.2.1. посвящение в профессию (одного работника или группы неопитов); первый опыт самостоятельной профессиональной деятельности (первый полет у летчиков, прыжок у парашютистов, сыгранная роль у актеров, сделка у риэлтеров);
  - 2.2.2. изменение профессионального статуса: защита диплома или диссертации, получение ученого или очередного воинского звания, перевод к новому месту службы (офицеры), переход в другую смену (системные администраторы, операторы пейджинговой связи), выход на пенсию и т.д.
- 2.3. Коллективные или индивидуальные:
  - 2.3.1. получение новой техники, оборудования, кабинета, других значимых для выполнения профессиональной деятельности ресурсов;
  - 2.3.2. отказы и поломки оборудования, снаряжения (у программистов и парашютистов);
  - 2.3.3. удачный выход из кризисной, опасной ситуации: например, спасение при отказе парашютной системы (парашютисты), возвращение из опасного похода (подводники).

Этот список открыт. Изучение новых профессий наверняка позволит его дополнить. Можно заметить, что разделение на праздники и особые случаи условно: например, посвящение неопитов нередко приурочено к ежегодно отмечаемому профессиональному празднику, т.е. окказиональное застолье сливается с календарным. Общая черта застолий в профессиональной среде — это их приуроченность к значимым для среды и конкретного ее представителя событиям. Тем самым и застолье принимает на себя отсвет их значимости, становясь символическим выражением важных для среды событий.

Смысл застолья — *отметить* такие ситуации, останавливая на них внимание, делая предметом коллективного обсуждения, вырабатывая стандарты для их описания, т.е. фиксируя значимый опыт

и предопределяя формы его трансляции в повседневном общении. Внимание профессионального сообщества фиксируется на ситуациях, требующих оценки — соотнесения с нормой: таких, как первый опыт самостоятельной деятельности и ситуации профессиональных рисков; изменения в структуре сообщества (появление новых членов, уход из сообщества или конкретной группы, изменение статуса и просто возраста). В этих ситуациях застолье играет роль своеобразного ритуала, во время которого актуализируются новое состояние сообщества (тосты по поводу события) и его базовые ценности (тосты за профессию и людей, воплощающих эти ценности), новые или изменившиеся элементы его структуры соотносятся с ее идеальной моделью. Сообщество заново предъявляет себя, соотнося произошедшие изменения с ценностями, утвердившимися в качестве общих символов.

5. СИМВОЛЫ ПРОФЕССИИ — МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Далее мы рассмотрим отдельные элементы (атрибуты) профессионального застолья. Наше внимание будет сконцентрировано на тех элементах, которые получают интерпретацию, т.е. воспринимаются в их символической функции, и тех, которые отличают практику коллективных застолий в профессиональной среде от не связанных с профессией.

Атрибуты застолья: алкогольные напитки, блюда, посуда — приобретают символическое значение и интерпретируются в терминах профессии. Наиболее развита **символика напитков**. Сквозной мотив в дискурсе разных профессий — определение спиртного как атрибута профессиональной деятельности. В частности, спиртное нередко соотносится с ее инструментарием.

Символический смысл пищи и напитков особенно явно проступает в посвященных обрядах и близких им по значению практиках. Посвящение обычно связано с **освоением пространства** профессиональной деятельности. Знаком освоения становится застолье, своеобразный ритуал «телесного слияния» с пространством работы. Еда или выпивка в этом пространстве сами по себе для непосвященных бывают удивительны (выше приводился пример, когда журналистка не могла понять, как шахтеры едят в шахте, где все покрыто угольной пылью); застолье, по сути, знак того, что профессионал

здесь «как дома». При посвящении в профессию встречается дополнительный знак идентификации с местом работы: потребление специфических для него или символически связанных с местом работы кушаний или напитков как приобщение к месту, вбирание его частично в себя, буквально в свое тело.

Бывает, что в ритуальной ситуации в качестве напитка употребляют нечто в обычных условиях несъедобное. Пример — обычай посвящения у моряков-подводников. Свой первый выход в «автономку» (автономное плавание на подводной лодке) они отмечают тем, что выпивают забортную воду (по разным описаниям, пьют от глотка до полулитра морской воды)¹⁷.

Приобщение к местной пище (а посредством этого и к месту, в котором предстоит работать), характерно для рабочих поездок (командировок, экспедиций). Приведу несколько примеров из автобиографий петербуржцев, хранящихся в Биографическом фонде Социологического института РАН (СПб). В 1940 г. 18-летний студент из Ленинграда едет в Астраханский заповедник. Это была его первая самостоятельная поездка. Спустя 53 года он описывает свои впечатления, и самое первое, с чего начинается, — местная пища: «*В Астрахани я прежде всего зашел в столовую. Единственное блюдо — “дичь с гарниром”. Что это за “дичь” — я узнал впоследствии... Охота в заповеднике запрещена, но бакланы губят много рыбы, идущей на нерест, и, чтобы ограничить их численность, специальные рабочие забирались в гнезда и, скрутив голову бакланьятам, бросали их в корзины, которые отправляли в Астрахань. Это и была та “дичь”, которую я ел в астраханской столовой*» (М, 1922 г.р.) [БФ СИ РАН, 1993 г.].

В конце 1970-х годов студент из Ленинграда едет в геофизическую экспедицию в Карелию: «*Места красивые и впечатляющие. Грибы были везде, по ним буквально ходили ногами, а брусники было просто море. Ее можно было есть постоянно, и она нисколько не надоедала. Было много впечатлений*». Интересно, что в своих воспоминаниях о тех местах и самой экспедиции автор ограничивается только «пищевыми» (М, 1956 г.р.) [БФ СИ РАН, 1993 г.].

Пища в структуре рассказов о рабочих поездках играет роль одного из средств приобщения к месту временной работы (как, впрочем, и в рассказах о переездах, переводах — когда речь идет о месте постоянного жительства). Эти несколько примеров — иллюстрация того, как символическая идентификация с пространством профессиональной деятельности выстраивается через в буквальном смысле поглощение — приобщение / познание его специфики через пищу

или напитки. Причем в этой ситуации напитком или пищей может стать и то, что обычно ими не является (морская вода). Главное здесь — их символическая связь с местом работы.

Самый заметный атрибут коллективного застолья в среде коллег — алкоголь, и с ним связано едва ли не наибольшее (если сравнивать с другими употребляемыми внутрь веществами) число мотивов в профессиональном фольклоре.

В среде медиков непревзойденным символом профессии служит медицинский спирт. Студенты-медики, отмечая «экватор» (середины обучения) или просто окончание сессии, усиливают символику алкоголя как атрибута профессии, чуть-чуть подкрашивая медицинский спирт зеленкой — этот напиток известен у них под названием «*медицинский коктейль*». Студенты Первого медицинского университета (СПб) говорят о том, что «медицинский коктейль» пили сдавшие первую сессию, отмечая свое право называться медиками. Напиток имел в этом случае посвященное значение, служил атрибутом обряда перехода: «*Глотнешь этого дела — ты настоящий врач, и никакие враги (преподы там или капризные пациенты) тебе не страшны*» [ПМ: В.Н. Мониц, СПб., 2000 г.].

Спирт, впрочем, наделяется значением символа профессии отнюдь не только у медиков. Общим мотивом при описании коллективных застолий является указание на употребление спирта, предназначенного для осуществления профессиональной деятельности. Так, сотрудник вычислительного центра, вспоминая о коллективных застольях на работе в 1980-х годах, отмечает, что они с коллегами пили «*спирт для протирки плат в машине*» (М., 1964 г.р.) [БФ СИ РАН, 1993]; Б.Е. Черток в своих мемуарах пишет, что работники авиакосмической отрасли употребляли спирт, который выписывали на «*промыску контактов штепсельных разъемов*» и «*протирку обтекателя*» (в зависимости от рода работ того или иного подразделения)¹⁸. Э.И. Буйновский, вспоминая летные испытания авиакосмической техники, пишет, что каждая фирма-участник имела «*святое право*» на получение спирта-ректификата, предназначенного на технические нужды. Отдельные подразделения выписывали «*спирт на промыску оси радиоантенны*» и даже «*оптической оси калориметра*». «*Не важно, что такое калориметр, — замечает автор, — но его оптическая ось — это то же самое, что северный полюс или меридиан — все знают, что они есть, но никто их не видел и физически не ощущал. Но спирт на промыску этой мифической оси регулярно и добросовестно выписывали*»¹⁹.

Этот мотив вошел в анекдоты. Из объяснительной электрика. «Получил 250 грамм спирта для протирки контактов. В процессе работы надышался паров спирта, потерял самоконтроль и выпил все остальное»²⁰. Участники антропологических экспедиций выписывали спирт «на дезинфекцию одонтических поверхностей» (если в ходе работы снимали слепки зубных рядов) или «на промывку костяка» (если занимались раскопками захоронений). По свидетельству участников экспедиций 1980-х годов, должностной инструкцией полагалось промывать, а обычаем — и «обмывать» *первый череп* (т.е. выпивкой отметить первую находку), потом второй, а затем особо значимые, важные находки.

Алкоголь, таким образом, ставился в ряд «материалов и оборудования», необходимых для осуществления профессиональной деятельности, т.е. он рассматривается как часть инструментария. «Казенный» спирт и был частью «материалов», используемых в профессиональной деятельности, элементом производственного процесса, а его использование как выпивки превращало его в средство консолидации сообщества и, собственно, в знак этого сообщества (как согласованной общей воли и практики). Употребление такого спирта прочитывается как символическая идентификация с профессией — через ее «инструментарий».

Символика алкогольных напитков как атрибутов (своеобразного «инструментария») профессии поддерживается и метафорикой, которая используется импровизационно, но оказывается вполне понятной в среде коллег. Так, участники Каргопольской этнографической экспедиции 1986 г. (период горбачевской антиалкогольной кампании) вспоминают, как один из них составлял телеграмму с просьбой выслать спиртное к Дню этнографа. В телеграмме была сформулирована просьба прислать «шесть черно-белых пленок и три цветных», что было адекватно прочитано адресатом: «Черно-белые — это водка, а три цветных — это три цветные, вино» [ПМА: СПб., 2003 г.]. От петербургских ученых, занимающихся физикой полупроводников, приходилось слышать тост «За все редкие земли, начинающая с цезия». «И так далее до конца. Сколько рюмок можно выпить!», — восклицал мой собеседник, комментируя этот тост и тем самым указывая, среди прочего, на организующие функции тоста. «А сколько всего там (элементов)?» — уточняю я. «Четырнадцать, по-моему... никогда до конца, по-моему, не доходило», — отвечает мой собеседник. По его пояснению, этот тост посвящен редкоземельным элементам, которые играют важную роль в экспериментальной практи-

ке исследований свойств полупроводниковых материалов: «Ну это просто один из активаторов, очень важный. Активатор — то, что добавляют в малых количествах и что существенно меняет свойства материала» [ПМА: СПб., 2005 г.].

Соотнесение алкоголя с инструментарием профессии придает коллективной выпивке определенную легитимность, поскольку само застолье на символическом уровне превращается в предусмотренную профессиональными обязанностями деятельность с использованием «специальных средств» для «дезинфекции одонтических поверхностей» и т.д. Надо ли говорить, что такая символическая легитимация позволяла добывать и вполне материальные ресурсы: спирт, как свидетельствуют представители разных профессий, реально выписывали на все перечисленные производственные цели, зная заранее и о перспективах его использования в социально-организационной функции.

Офицеры надводных кораблей Северного флота упоминают как фирменный напиток «ворошиловку». Название его — игра слов. Оно указывает на символику профессии (Ворошилов — герой Гражданской войны, занимавший командные посты в Красной Армии в 1930–1940-е годы, когда, вероятно, и возникла метафора) и одновременно на источник спирта (*ворованное шило*, т.е. спирт)²¹. Любопытно, что подобный способ легитимации использовался не только в рамках профессиональной среды, но и как обоснование, позволявшее получить спиртное в обход правил и запретов.

Характерный эпизод описывает в автобиографии бывший ветеринар М.Н. Еремеев. В начале Великой Отечественной войны он был прикомандирован к воинской части на Алтае. Описываемый случай произошел, когда с группой офицеров он совершал поход по Бийско-Чуйскому тракту. «Когда мы двигались по направлению к Онгудая, навстречу нам попались подводы с ящиками водки. Везли ее для потребкооперации на отоваривание продуктов от сдатчиков-алтайцев. Полковник, командированный из Москвы и ехавший с нами из Новосибирска, загорелся желанием купить ящик водки, разумеется, за деньги, без отоваривания ее продуктами, которых у нас не было. Заехали в контору потребкооперации, где объяснили, что водка нам нужна для «исследовательских» целей» [БФ СИ РАН., д. 62, л. 311].

При переходе из статуса «средства профессиональной деятельности» в статус «выпивки» (т.е. из производственной в социальную сферу) обычай иногда предусматривает трансформацию исходного продукта, как правило, его эстетизацию (придание вкусовых оттен-

ков, цвета). Студенты медицинских вузов, как я уже упоминала, выпивают в качестве ритуального напитка «медицинский спирт» (слегка подкрашенный бриллиантовой зеленью). Получая спирт «для протирки плат», работники вычислительного центра совершали целый ряд социально-организованных действий по превращению его в напиток; стереотипизированность этих действий придавала всему процессу сходство с ритуалом. *«Кто-то из лаборантов шел в магазин за лимонным сиропом. Растворимый кофе растворялся в сиропе, а затем все это смешивалось со спиртом. И вся гоп-компания ехала на другую площадку объединения в “местную командировку” к любимым дамам, где эта смесь выпивалась»* (М., 1964 г.р.) [БФ СИ РАН, 1993 г.].

В рассказах о «фирменных» напитках подчеркивается, что их изготовление требует особого знания, отличающего настоящего профессионала от непосвященных, т.е. обладание этим знанием трактуется как один из маркеров, обозначающих границу профессионального сообщества и важных для идентификации профессионала. Характерный пример — рассказ петербургского геолога о командировке группы коллег в Исландию. Рассказ имеет отточенную, почти эпическую форму, что говорит о том, что либо он многократно воспроизводился, либо что его содержание максимально соответствует требованиям жанра (байки). *«Были как-то в Исландии русские геологи, — рассказывает один из представителей этого профессионального сообщества, подчеркивая экзотические особенности страны. — Там вино дороже килограмма мяса в десять раз, а спирт медицинский в аптеке дешевле мяса в два раза. Вот праздновали отвальную — и стол с едой, а у русских денег мало (да еще домой хочется привезти сувениры). Исландцы даже не думали и не думают, что спирт медицинский можно употреблять не в прямом его назначении, т.е. пить. И сделали русские кучу разных настоек, “несмеяновка”, в частности, есть “клюковка” (на клюкве). И был там чай крепкий-крепкий с лимоном. Он больше всего понравился исландцам. Когда спросили они: “Что это?”, — “Русский коньяк”, — ответили наши. До того крепкий был чай и шутики русские»* [ПМ: С.Ю. Федосеев, СПб., 2000 г.].

Смысловое ядро этой байки — контраст между обладающими «тайным знанием» русскими геологами и их «непосвященными» зарубежными коллегами; в роли символа «знания» (и одновременно границы сообщества) — фирменный рецепт самодельного напитка.

Значимые фигуры. Фирменные напитки соотносятся также с определенными (высокими) статусами в профессиональном со-

обществе и с конкретными фигурами, имеющими высокий статус (чаще всего фигурами «отцов-основателей»). У подводников Северного флота, например, известен напиток *«капитанский кофе»* (девять десятых кофе и одна десятая спирта), согревающий офицеров во время дежурств на верхней вахте²²; к авторитету отцов профессии апеллирует и уже упоминавшиеся *«ворошиловка»* моряков-надводников или *«несмеяновка»*²³ химиков и геологов. В некоторых случаях «отцам-основателям» (основателю или первому руководителю учреждения, подразделения, экспедиции, одному из столпов профессии) приписывается изобретение рецепта фирменного напитка.

Объекты профессиональной деятельности. В фольклоре профессий известны примеры соотнесения напитков и с объектами профессиональной деятельности. Бросается в глаза экстремальный характер таких напитков и ситуаций их употребления. В среде антропологов, исследующих материал в захоронениях, ходят слухи про N, который не брезговал выпить из стаканчика, оставленного в захоронении. Показательно, что N фигурирует как участник экспедиций, но как непрофессиональный антрополог, не член профессионального сообщества.

С одной стороны, такие рассказы включают момент символической идентификации через выпивку с профессией: выпивая спирт, непосредственно соприкасавшийся с объектом профессиональной деятельности, герой таких рассказов как бы физически соединяется с самим объектом (поглощение как «познание»?). Кроме того, в этом сюжете, хотя и гиперболизировано, акцентирована важная для профессионала-антрополога черта — отсутствие брезгливости. С другой стороны, этот случай в антропологических байках описывается отнюдь не как типичный, наоборот, как экстремальный, исключительный, и приписывается человеку, занимающему маргинальные позиции по отношению к профессиональной среде, т.е. случай этот подается не как норма, а как ее граница — крайний, а потому уже неприемлемый случай проявления в общем-то обычных для профессиональной среды тенденций (отсутствия брезгливости, близкого соприкосновения с объектом исследования).

Другой пример из того же ряда, тоже из фольклора антропологов, — байка, касающаяся антропологических коллекций Кунсткамеры. В составе коллекций есть препараты человеческих эмбрионов, отдельных частей тела, внутренних органов, помещенных для сохранности в стеклянные сосуды со спиртосодержащей жидкостью. С определенной периодичностью эта жидкость заменяется

новой. В Кунсткамере ходят рассказы *«о революционных матросах. Якобы они после революции стояли здесь, в здании Музея, дня три. Ну и выпили спирт из-под экспонатов, после чего те поморщились. А матросы — не поморщились»*. Другой вариант возлагает ответственность за ухудшение качества экспонатов на студентов-медиков, которых «в прежние годы» будто бы приглашали поменять спирт [ПМА: СПб., 1988 г.]. Следует отметить, что и здесь экстремальные алкогольные практики приписываются не членам профессионального сообщества (того, где ходит такая байка), а чужакам, нарушившим его границу.

Характерно, что указание на связь спиртных напитков с объектом профессиональной деятельности служит в данном случае не столько легитимацией потребления спиртного, сколько обоснованием табу. В прямом, физическом смысле (запрет на употребление подобных напитков) и в символическом, относящемся к сфере социальных отношений (табу на излишне выраженную идентификацию профессионала с объектом, сокращение дистанции, которая играет важную роль в обосновании символической власти профессионала — краеугольного камня его статуса). В этом же ряду принятый у этнографов строгий запрет пить с местными жителями во время экспедиции: даже выпивка ради установления более доверительных отношений и получения ценного материала расценивается как этически неприемлемая — «спаивание информантов» — и безусловно осуждается в сообществе.

Однако на вербальном уровне (в тостах) символическая идентификация с объектом профессиональной деятельности не является табу. Наоборот, это сквозная тема. Астрономы Пулковской обсерватории произносят тост *«За Солнце, которое нас кормит и греет»* [ПМ: Е. Казанина, СПб., 2002 г.]. Физики пояснили, что в тостах обычно акцентируют предметную область, соответствующую теме события — повода к застолью. Так, они вспоминали, что на конференции по сегнетоэлектрикам был предложен тост *«За сегнетоэлектрики»* [ПМА, ФТИ, 2006 г.] Подобного рода тосты озвучивают установку на консолидацию собравшихся вокруг одного из символов профессии: *«Выьем за архитектуру, которая нас всех объединяет»*. Допустима вербальная, символическая, но не физически реальная идентификация профессионала с объектом, на который направлена его деятельность.

Итак, спиртные напитки как главный атрибут застолья символически соотносятся с профессией: ее объектами, но чаще всего — с ее

инструментарием. Подобное же символическое значение приписывается и другим атрибутам застолья, например, **посуде**. В этом качестве могут использоваться мензурки, колбы и прочие атрибуты профессиональной деятельности. И неважно, насколько часто такое (может быть, вынужденное) использование, но оно значимо, и фольклор акцентирует эти случаи. Обычай выпивать и мерить выпитое «мензурками» вошел в поговорку. От инженеров-физиков я услышала шутивное: *«Плох тот предмет, из которого нельзя выпить»* [ПМА: СПб., 2005 г.]. Здесь важно именно то, что обычные предметы — инструментарий и оборудование рабочего места — в ситуации застолья получают новое значение. Атрибуты профессии становятся атрибутами застолья как коллективной, объединяющей практики.

Символическое значение может быть приписано и праздничной **пище**: она также соотносится с работой. Приведу пример из газетной публикации, посвященной деятельности городских чиновников в Санкт-Петербурге. События относятся ко времени, когда подходил к концу второй губернаторский срок В. Яковлева. В городе, а особенно в кулуарах Законодательного собрания, как пишет автор заметки, циркулировали слухи, *«что в последнюю минуту будет “вброшен” вопрос об изменении городского устава — с целью уже сейчас открыть Владимиру Яковлеву “зеленый свет” для третьего губернаторского срока»*. На момент публикации эти слухи не подтвердились, однако ряд депутатов не исключали такой попытки на следующем заседании. Обсуждали прошедший накануне день рождения вице-губернатора Анны Марковой, ведавшей, к слову, правовыми вопросами. К столу были поданы три торта, на которых было написано: «Устав», «Закон» и «Программа». *«При этом, — пишет автор, Борис Вишневский, — с наибольшим энтузиазмом резали именно “уставный” торт, что было расценено как прелюдия к будущему “вырезанию” из устава куска, где говорится о третьем сроке»*²⁴. В этом эпизоде нас заинтересовал способ прочтения атрибутов праздничного застолья чиновниками, законодателями и журналистами. В выстраивании политических предположений оказывается задействованным кулинарный код.

Благодаря символическому переосмыслению атрибутики застолья получается, что коллеги, собравшиеся выпить и закусить, объединяются вокруг символов профессии, идентификация с которыми разыгрывается на физическом уровне: напитки и кушанья поглощаются, профессия буквально становится «частью организма»

(мотив, повторяющийся в интервью и фольклоре профессионалов). Тосты, посвященные профессии, как и символика отдельных атрибутов застолья, ставят его в ряд символов профессиональной общности.

6. ЗАСТОЛЬЕ И СООБЩЕСТВО

Если рассматривать в целом сценарий застолья, то можно заметить, что оно моделирует значимые социальные отношения. Разумеется, степень проявления этой моделирующей функции зависит от степени ритуализации конкретного застолья. Подобные мероприятия в профессиональной среде могут быть ритуализованными в разной степени, и соответственно варьирует семиотический статус их элементов. Ритуализация означает повышение их семиотического статуса. Но в той мере, в какой застолье ритуализовано в каждом конкретном случае, можно говорить и о его моделирующей функции по отношению к сообществу.

Репрезентация структуры отношений в профессиональном сообществе — характерный аспект коллективных застолий. Разумеется, это репрезентация шуточная, и нередко двойственная: формальные отношения в символическом тексте застолья причудливо переплетаются, а то и конкурируют с неформальными. Однако сам принцип восприятия застолья как модели, образца для структуры, глубоко укоренился и постоянно воспроизводится в фольклоре профессий. Б.Е. Черток, вспоминая обсуждения будущей программы пилотируемых полетов и, в частности, числа космонавтов в корабле, упоминает следующий неформальный аргумент в пользу числа «три»: «*“Алкаши — и те пьют только на троих. В космосе отступить от этого народного порядка недопустимо” — такие шутки ходили при спорах о будущей программе пилотируемых полетов*»²⁵.

На сайте физического факультета Ярославского государственного университета в разделе профессионального фольклора программистов помещен следующий текст: «*Директору пивзавода “Волжанин” Солодову Хмелю Пивовичу от группы спившихся программистов. Заявление. Просим подключить нас к заводу по выделенному каналу со скоростью 0,5 л/с (очевидно, литров в секунду. — Т.Щ.)*»²⁶ Если проанализировать правило порождения подобных текстов, то один из базовых принципов — соотнесение питейного мероприятия с профессиональным сообществом.

Сценарий застолья включает целый ряд моментов, в которых структуры отношений, в том числе и обычно скрытые (неформальные), находят свое явное выражение. Приведем несколько случаев их экспликации. Начинается она уже во время подготовки.

Э.И. Буйновский чрезвычайно ярко описывает сценарий подготовки коллективного застолья в среде инженеров, проводивших предполетные испытания авиакосмической техники. Получение спирта на технические нужды предусмотрено было примерно раз в два месяца, что рассматривалось как «*святое право, но это право надо обосновать*». Собирались, как вспоминает автор, «*всем колхозом, т.е. коллективом представителей одной фирмы-разработчика техники. Тут-то и возникали формулы относительно “промывки оптической оси калориметра” или “промывки трубопроводов”*». «Системщикам», к которым принадлежал автор заметок, спирт был положен для промывки контактов кабельных разъемов (по 0,016 г на каждую пайку). Чтобы обосновать необходимость выделения нужного количества спирта, приходилось «всем колхозом» трудиться не один вечер. Подписывали заявку у старшего представителя фирмы, затем шли к лицу, ответственному за распределение спирта. Тот «*внимательно изучает заявку, в уме перепроверяет наши расчеты, сопоставляет их со своими возможностями и в результате задает технически грамотный вопрос: А сколько вас? Ответ... Нас пятеро. Завтра прилетают еще двое. Руководитель испытаний опять сосредоточенно думает*» и, урезав количество продукта примерно вдвое, ставит подпись. «*Далее схема отработана — с емкостью на склад, кладовщику бутылка, кому-то по дороге отдать долг, кому-то дать в долг*», после чего спирт попадал к человеку из своей фирмы, который выполнял функции его хранителя²⁷. Часть шла на заявленные технические цели (если, конечно, они не были мифическими, вроде промывки воображаемой оси), другая — на поддержание единства коллектива.

В этом описании интересно то, как вокруг распределения спирта (именно той его части, которая, как всем участникам переговоров было очевидно, предназначалась не для протирки техники) формировалась целая система распределения ролей и отработанная схема обменных отношений.

Приведем другой случай. Рассказывает молодой учитель английского языка, к тому времени всего несколько месяцев работавший в школе. Праздники отмечались в курилке — небольшом помещении, где часть учителей (в этой школе есть еще другая курилка) со-

биралась покурить и поговорить и в будние дни. *«Новый год мы отмечали. День учителя. Дни рожденья. Дни рождения отмечаются регулярно. А последний был день рождения учителя химии N, которая там, если Вы помните... (усмехаются). (N в этой курилке — негласный лидер, ее называют иногда Королевна, Хозяйка. — Т.Щ.). Мне сразу сказали: “Андрей, приходи тогда-то”. Когда я пришел в курилку, второго или первого, вот, мне сказали, Андрей, приходи тогда-то, мы будем праздновать... в два-три часа. “После шестого урока мы будем все собираться, приходи...” Я вам хочу сказать, что именно сразу, когда мне говорили “приходи”, от меня не требовали никакого вклада. Но я чувствовал, что это, так сказать, некоторый обмен, я чувствовал. Что нужно... Естественно, я сделал свой вклад в это мероприятие». — А что нужно: бутылку купить? — «Да. Или же просто пойти — купить, я не знаю там, вилочек. Одноразовых ножей. Либо же шампанское. Либо же вино. В день зарплаты я всегда покупал вино. И вот, что интересно... Я бы хотел заострить внимание на следующем моменте. Что все вот окружающие в этой курилке понимали, что я работаю на полставки, у меня зарплата довольно-таки маленькая, по сравнению... на самом деле меньше вклад был. Но я пытался сделать вклад если не равносильный, то больше. Вот. И это...» — То есть какие-то другие законы: не с зарплатой связан вклад, а... — «Со статусом наверное, о! Когда я пытался или же равный вклад сделать, либо же превысить, то есть... когда мне сказали: “Андрюха, сколько ты заплатил?” Я говорю: “Вы знаете, примерно вот столько”. — “Ой, давай мы тебе отдадим!” Я сказал: “Не надо, о чем вы говорите. У меня деньги есть”, — вот, статус мой немножко повышался, вот. И это чувствовалось на самом деле, в последующем общении это чувствовалось».*

Характерна связь величины вклада с неформальным статусом в среде коллег. В данном случае речь идет о включении в застольный коллектив нового человека, видимо поэтому размер его вклада не был заранее определен. Между собою же постоянные участники договариваются заранее, определяют «казначая» (в описываемой школе каждый раз разного, но сбор денег и их использование шли под само собою разумеющимся контролем «Хозяйки») [ПМА: 2005 г.]

В другой школе [ПМ: А. Воронина, 2004 г.] стол по случаю дня рождения устраивает сам виновник торжества; обычно объединяются парами те, у кого даты рождения близки. В другие праздники собирают стол вскладчину, но о сборе денег не упоминают, акцентируя вклад в натуральной форме: *«А когда мы вместе собираемся, то кто что готовит». — Вы даже не договариваетесь? — «Да. Мы даже не до-*

говариваемся. Кто чего принесет — и общий стол». — А с посудой у вас как? — «И посуду несем, каждый свою» (Ж., 66 лет, учитель математики). В этом коллективе роли, по всей вероятности, были известны участникам заранее, распределение вкладов оформилось в традицию, так что договариваться в каждом случае уже не требовалось.

У риэлтеров корпоративные вечеринки проводятся за счет фирмы (отмечают, например, день рождения фирмы). Вечеринки по поводу удачного завершения сделки финансируются самим ее исполнителем за счет полученного дохода [ПМ: Е.Л. Остапова, 2004 г.].

Далее неформальные отношения проявляются в организации самого застолья. Состав его участников соответствует невидимому в обычной обстановке делению коллектива на отдельные группировки. В описанной выше школе они формировались вокруг двух *курилок* (курильных комнат); на «географический» принцип накладывалось разделение по возрасту: мой собеседник (молодой учитель) проводил свободное время в курилке, где собирались преподаватели старшего возраста. Группируются вокруг помещений, где можно устраивать застолья и просто чаепития — кроме курилок, имеющихся не во всякой школе, в этой функции упоминаются лаборантские комнаты (например, при кабинетах биологии или химии). В интервью представители этой профессии не раз отмечали, что учителя, в классных помещениях у которых есть лаборантская, пользуются особой популярностью как ведающие организацией застолья (если, разумеется, они сами этим застольем не противодействуют).

Среди принципов, по которым создаются группировки в среде школьных учителей, чаще всего упоминают обычно собираться «по методобъединениям»: математики отмечают праздники с математиками, словесники со словесниками [ПМА: 2003 г. Ж, 30 лет, Ж, около 40 лет]. Неформальная структура в этом случае воспроизводит официальную, впрочем, только отчасти. Например, в материалах А. Ворониной описывается постоянный «кружок» математиков. Они устраивали празднования обычно в своей среде. Однако выясняется, что вместе с ними *«все время была NN, литератор, РР, литератор, и еще физик с нами была»* [ПМ: А. Воронина, 2004]. В конечном счете, за столом собираются все-таки *«с кем комфортно»*, но в то же время с коллегами по метод. объединению *«больше общих тем»*, и они составляют постоянное ядро таких групп.

Застолья — момент, когда такие неформальные кружки становятся видимыми, даже если празднуют не по отдельности, а всем коллективом. В школе, о которой говорила моя собеседница

(Ж, 40 лет) [ПМА: 2004 г. Ж, 40 лет], администрация устроила общий стол. Представители каждого «кружка» расселись за этим столом рядом друг с другом.

Отдельный вопрос — как во время неофициальных мероприятий соотносятся формальная и неформальная структуры. Центральный в связи с этой темой вопрос — о присутствии и роли формального руководства. С одной стороны, присутствие руководителя важно как знак официальной санкции на проведение мероприятия. Обычно застолье политиков по поводу выборов или ученых после конференции открывает тот, кто руководил официальным мероприятием. Он произносит первый тост («за событие»). В этом отношении официальная иерархия как будто переносится в неформальную обстановку застолья. С другой стороны, собрание с алкоголем предполагает высокую степень открытости, неофициальный характер разговоров, и присутствие администрации может стеснять присутствующих.

Приведу отрывок из интервью А. Ворониной с учительницей математики (66 лет):

— Я помню, на Ваш день рождения директор приходила. Она же чужая в вашей компании.

— Ну как чужая, она свой человек.

— Но Вы же ее обычно не приглашаете.

— Ну, тогда юбилей был, ее как от администрации.

— В ее присутствии Вы ведете себя так же?

— Нет, более стесненно себя чувствуем. Мы обычно говорим о школе, о той же администрации, при ней же мы не можем этого сказать. А когда мы отдельно, мы можем и нашу администрацию вспомнить, какая она, кто как относится. А тут уже ограничены этим. Уже не можем говорить свободно [ПМ: А. Воронина, 2004 г.].

Ситуация довольно типичная. Представители администрации, приглашенные на подобные мероприятия, нередко уходят раньше прочих, после первых официальных тостов. Характерно также их несколько изолированное положение. В одной из школ школе представители руководства — директор, завхоз и профсоюзная деятельница — рассаживались отдельно, сесть рядом с ними простому учителю казалось неуместным: «Причем, когда вот на общем столе рассаживались, тоже да вот? — как выяснилось: я увидела просто, что рядом/ Стул пустой, и, не отдавая себе отчета, села... оказалось, что тут... на другом сидел... стул директора... и я тут уже... тоже люди свои должны быть рядом, завучи. Завхоз. Библиотекарь у нас был — она совмещала и профсоюзную деятельность» (Ж, 40 лет) [ПМА: 2004 г.].

Любопытно отметить, что резервирование места как способ обозначить более высокий статус может быть использован и в случае неформальной иерархии. Так, у «Хозяйки» курилки в описанном выше случае был свой стул — его называли *трон*: «Ну, Хозяйка — на ее трон никто не может сесть без какого-то упрека, примерно, значит, так: “Кто-о на мой трон сел? Идите отсюда. Занимайте свои места, зачем на мой трон садиться?!” И как бы это чувствуешь, что на это место нельзя садиться — иногда, только когда ее нет» (М., 20–22 года) [ПМА: 2004 г.].

В целом порядок рассаживания за праздничным столом отражает структуру отношений в сообществе — как неформальную (разделение на группировки, авторитет), так и формальную (руководство во главе стола или в любом месте, но как отдельный кружок).

Любопытны случаи, когда застолье приобретает театрализованный характер; его участники разыгрывают определенные роли, в своей совокупности составляющие модель некоторой социальной структуры. Пример такого застолья в кругу профессиональных чиновников можно обнаружить в воспоминаниях В. Костикова. Речь идет о периоде 1992–1994 гг., когда автор работал пресс-секретарем Президента России. «Когда мы собирались за праздничным столом в узком кругу людей, которые безусловно доверяли друг другу, — пишет В. Костиков, имея в виду в основном круг помощников президента, — мы позволяли себе устроить забавные мистификации... Мы придумывали для себя “мифические” имена. Кто-то из нас становился начальником охраны президента Коржаковым, кто-то тогдашним комендантом Кремля Барсуковым, кто-то — Борисом Николаевичем, еще кто-то Старовойтовым (начальником ФАПСИ — Федерального агентства правительственной связи и информации), Баранниковым или Ериным, возглавлявшими в те времена соответственно Федеральную службу безопасности и Министерство внутренних дел. От их имени произносились забавные тосты, давались шуточные оценки, выносились политические решения»²⁸. Застолье разыгрывается как карнавальная модель структуры управления, точнее, работники аппарата Президента моделировали в своей среде структуру руководства силовых ведомств.

Один из характерных сценариев застолья коллег — сценарий «заговора». В пензенской газете «Молодой Ленинец» была опубликована статья А. Анисимова о том, как студенты историко-филологического факультета местного пединститута «даже самые банальные пьянки в своем кругу <...> стали называть не иначе как партийными конференциями или съездами. Друг другу они дали вторые имена —

товарищ Троцкий, товарищ Ворошилов и т.д. <...> Партийцы, находясь в курилке, обменивались между собой впечатлениями в ироничной, чисто ленинской манере. “А вы, батенька, почему отсутствовали вчера на нашей партконференции?” — спрашивал, например, один. “Мы там заслушали три доклада (читай — выпили три бутылки водки), а после этого продолжали прения по интересующему всех вопросу” (это означало, что потом еще пили пиво). “Да вы знаете, — отвечал собеседник, — я до сих пор нахожусь под большим впечатлением от минувшего съезда и еще не очень хорошо усвоил его положения” (следует понимать: парень еще не совсем отошел от недавней выпивки и потому на сей раз решил воздержаться). Игра зашла так далеко, что “политической партией” заинтересовались чекисты»²⁹.

Этот случай не был уникальным. Я вспоминаю свою студенческую молодость в Ленинградском университете в конце 1970-х. На историческом факультете практиковалось нечто подобное. Мои сокурсники разыгрывали заговорщиков, собираясь по случаю сданной сессии или наступления весны: «Да вы, батенька, философ!» — говорили они друг другу «с совершенно ленинскими интонациями», называли друг друга «старые партийцы», «товарищи», нарочито стилизуя речь под фильмы тогдашней «ленинианы». Прощаясь, говорили приглушенно: «Расходимся по одному, документы сжечь». Называли друг друга выдуманскими именами: «Павел Петрович, — говорил мой сокурсник Ю., обращаясь, кажется, к В. — Встречаемся в типографии. Пароль остается прежний». Трудно сказать, случайно ли, что в обоих случаях они зафиксированы в среде будущих историков.

Во всех приведенных примерах «застольного моделирования» социальных структур характерна шутивная стилизация под профессиональный дискурс: в первом случае (чиновники) — под бюрократический, во втором — исторический. Впрочем, в студенческих спектаклях «о революционном подполье» источником может быть и «история КПСС» — идеологический предмет, читавшийся не только на исторических факультетах, являвшийся обязательной (хотя и редко любимой) частью любого вузовского образования. Поэтому можно представить и вероятность обнаружения подобных сюжетов не только в среде профессионалов-историков.

Интересен и собственно сюжет «заговора», заключавший в свернутом виде целый ряд коммуникативных стратегий. Замечу, что не всегда речь идет о театрализованном разыгрывании «заговора», как в описанных выше случаях. Однако любое питейное мероприятие в среде коллег воспроизводит некоторые черты заговора как ком-

муникативной структуры. Во-первых, «заговор» (как и любое застолье) связан с «особым доверием», а соответственно предполагает определенный отбор тех, с кем «можно выпить» или «сидеть за одним столом» и отторжение тех, с кем нельзя. Отсюда сложение своеобразных питейных братств: люди, которые постоянно собираются, образуют компании или сообщества, связанные особым доверием. Во-вторых, мифологема «заговора» предполагает резкое разделение дискурсов — застольного (неформального) и официального. Ожидается, что выпивка *развязывает язык*, здесь можно позволить себе высказать больше, чем в публичной обстановке. Ожидается, что во время застолья люди более искренни, и участники оказываются связанными взаимной зависимостью: каждый вправе рассчитывать, что сказанное за столом не будет вынесено вовне.

Характерный мотив неформальной части застолий — критика «начальства», участие в которой, с одной стороны, ценится как проявление искренности и доверия, а с другой — может послужить своеобразной гарантией заговора молчания (т.е. поддержания дискурсивного барьера). Именно с этим связаны нежелательность и зачастую ранний уход представителей официальной иерархии с профессиональных вечеринок. Если же начальник остается, он должен быть готов выслушать о себе нелицеприятные суждения и затем удержаться от оргвыводов в адрес говорившего; в противном случае он рискует оказаться в изоляции и уже не получать информации о времени и месте коллективных посиделок.

В целом же можно предположить, что застолье в профессиональной среде способно моделировать как формальную (этому посвящена в большей мере вступительная, торжественная и наиболее ритуализованная часть), так и неформальную (здесь ритуал разбавляется элементами игры и карнавала) структуры профессионального сообщества. Нельзя сказать, что это характерно для каждого застолья, однако, если рассматривать его как текст (знаковую структуру), то содержащиеся в нем элементы, выразительные средства, набор мотивов и сценарии позволяют с успехом осуществлять моделирующую функцию. Среди этих средств не последнее место занимают вербальные. Отдельные элементы социальной структуры (репутации — роли и статусы — участников), значимые отношения, иерархия наглядно отображаются в застольных эпиграммах и тостах, байках и песнях. Но тосты играют в этом ряду особую роль, поскольку именно их последовательность определяет структуру застолья как развивающегося текста (его сценарий).

Тосты. В тостах, имеющих статус «профессиональных», очерчиваются границы сообщества — круга «своих». В них находят свое выражение и символы общности — лежащие в ее основе ценности и мифологические схемы.

Один из обязательных и самых значимых тостов, входящих в сценарий застолья в профессиональном коллективе — тост «За тех, кто...». Обычно его провозглашают первым либо третьим: «третий тост» завершает ритуально обязательную, торжественную часть застолья. Это может быть тост «За тех, кто работает в профтех!» (пьют работники профтехобразования), за свое учреждение: «За Военмех!» или «За Физтех!». Чашу поднимают не просто за всех собравшихся, а в целом за сообщество коллег, которые могли бы сидеть за общим столом. «Третий» тост поднимают за «тех, кого нет с нами» — имеется в виду, их нет рядом, но они незримо присутствуют. Представители «полевых» профессий — геологи, этнографы, археологи — пьют «за тех, кто в поле», моряки — «за тех, кто в море», рыбаки — «за тех, кто на промысле».

В ряде профессий, связанных с риском, третий (или первый) тост пьют молча, не чокаясь, посвящая его памяти тех, кто не дожил до этого дня. Так, в газетной публикации промелькнуло сообщение: в День печати в Петербургском Доме журналистов первый тост был поднят «*За тех, кого уже нет с нами, за память всех, кто отдал жизнь профессии*»³⁰. Смысл этого тоста — обозначение незримо присутствия за праздничным столом не только тех, кто здесь собрался, но и тех, кто выполняет профессиональные задачи далеко отсюда, и тех, кто ушел из этого мира.

Застолье на символическом уровне реконструирует профессиональное сообщество как целое. В тот же ряд вписывается и практикуемый в некоторых сообществах «нулевой тост»: «*Пока все не собралось*» (записано у военных моряков-подводников)³¹, предполагающий, что настоящее застолье начнется когда соберутся «все», будет достигнута целостность.

В круг незримо присутствующих за праздничным столом включаются отцы-основатели и вообще авторитетные представители профессии: в их честь (или память) также поднимаются тосты. В этнографических экспедициях кафедры этнографии и антропологии СПбГУ, по воспоминаниям участников, распространен обычай первый тост произносить «За Миклуху», а после смерти Р.Ф. Итса — и «За Рудольфа Фердинандовича»³². Такой чести удостоиваются люди, сыгравшие значительную роль не только в профессии, но

и в формировании профессиональной идентичности. На их жизнь, порой окруженную легендами, ориентируются как на образец, им приписываются функции культурного героя, предводителя, имеющие отношение скорее к профессиональной мифологии.

Рука тверда! Перо отточено!

Равнеень держит ряд страниц!

На неизведанные вотчины

Ведет нас в бой фельдмаршал Итс!

[ПМА: СПб., ИЭ АН СССР, конец 1980-х годов, машинописный текст капустника к юбилею института].

В качестве харизматических представителей профессии в тостах встречаются и виртуальные: так, таможенники в России и на Украине пьют «За Пашу Верещагина»³³. Этот экранный персонаж, как и образы реально живших отцов-основателей, в тостах фигурирует в роли идеального представителя профессии, образца и основы формирования профессиональной идентичности.

Тосты, подобные вышеперечисленным, обозначают стратегию «добраивания» застольного собрания до границ воображаемого сообщества коллег. Характерно стремление к достижению максимальной полноты если не присутствия, то символической представленности. Выпивая «за тех, кто» физически отсутствует, но значим для профессии и должен быть включен в круг коллег, реальные участники застолья как бы принимают на себя обязанность присутствовать вместо них, представляя, таким образом, все профессиональное сообщество как целое.

На практике эта стратегия выражена в обычае приглашать к столу всех коллег, оказавшихся в помещении или поблизости, в том числе случайно. Н. Ершова приводит материалы включенного наблюдения в коллективе операторов пейджинговой связи в одной из Санкт-Петербургских фирм. Операторы — почти исключительно молодые женщины. У них существует обыкновение праздновать на работе дни рождения. Подруги собираются своим кружком, однако, как пишет Ершова, принято обязательно угощать всех находящихся в это время на работе. Консолидирующая функция этих мероприятий не заканчивается и после завершения застолья: «*Дни рождения потом любят вспоминать все вместе, проговаривать наиболее удачные шутки, обсуждать изыски меню, надеются, что все смогут прийти на день рождения в том же составе, но уже на следующий год*» [ПМ: Н. Ершова, 2002 г.].

Конец первой (торжественной и стереотипно организованной) части застолья отмечает либо уже упоминавшийся ритуальный «третий тост» (реально он может быть и другим по счету), либо тост «за любовь». В качестве третьего тоста он отмечен в материалах К.Э. Шумова о традициях пожарной охраны³⁴, в качестве основного и центрального — у школьных учителей. Тост «за любовь» или подобные обозначает переход от общих символов профессии (учреждения, коллектива) к тостам, выражающим личные отношения к конкретным участникам застолья. После этого застолье течет уже более свободно, провозглашаются тосты, адресованные кому-нибудь из собравшихся.

Первая часть застолья сценарно организована вокруг идеи профессионального сообщества как целого, вторая ориентирована на отдельных участников. «Предлагаю выпить за меня: Вам все равно, а мне приятно!» Этот шуточный тост (прислан мне историком, мужчиной 40 лет) обозначает переключение внимания от общих тем к более индивидуальным тостам, формулируемым в виде посвящений, эпиграмм, пожеланий, воспоминаний. Таким образом, тостуемый символически присоединяется к воображаемому сообществу коллег (более широкому, как уже было сказано, чем застольное), а содержание тоста отражает его репутацию, т.е. неформальный статус, в котором он включается в это сообщество.

7. ЗАСТОЛЬЕ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ

Если вернуться к функции участия в застолье коллег как одной из рамок формирования коллективной идентичности, то следует обратить внимание на восприятие алкоголя как средства психосоматической регуляции. Употребление алкогольных напитков предполагает направленное и намеренное изменение психофизиологического состояния³⁵; коллективный же характер застолья предполагает установку на синхронизацию состояний участников или, по меньшей мере, соотнесение их между собою.

Регулирование и согласование психофизиологического состояния участников — одна из функций ритуала. С этой точки зрения, использование во время застолья алкоголя, кофе (веществ, рассматриваемых в культуре как воздействующие на психику и физиологию) можно истолковать как реализацию такого рода ритуальной установки. Сценарий застолья включает приемы, нацеленные на

выравнивание уровня опьянения — ср.: обычай предлагать пришедшему позже других *итрафную*, а тому, кто уже не владеет собою, *больше не наливать*. Присутствует и соревновательный момент. Умение много пить, не теряя контроль над собою и ситуацией, рассматривается как один из аспектов профессиональной (в данном случае) идентичности и предмет гордости: «Линкор пропьем, но флот не опозорим».

В точном соответствии с замечанием, высказанным Г. Штейном, культура конструирует процесс алкогольного изменения состояния: существуют представления о начальном состоянии (от которого требуется уйти посредством выпивки) и конечном, которого предполагается достичь³⁶. Подобные трансформирующие функции приписываются алкоголю и в фольклоре профессий.

В фольклоре физиков и программистов, врачей и архитекторов алкоголь рассматривается как действенное средство от стресса. «*Говорят, все хирурги пьют. И начинают уже со старших курсов*, — отмечала В. Монич во время своих полевых наблюдений среди медиков. — *Объяснения: очень тяжелая работа, точность рук — говорят, чем больше хирург пьет, тем лучше оперирует*» [ПМ: В. Монич, 2000 г.].

Похожую мотивировку отметила и Н. Кондратьева в среде актеров: говорят, что невозможно не пить, когда проживаешь столько человеческих судеб, пропускаешь через себя; этим объясняют то, что многие актеры спиваются [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.]. Продавцы из уличных торговых точек объясняют обыкновение выпить в конце рабочего дня тем, что через них проходит очень большой поток людей, среди которых «*встречаются всякие*», в том числе и не очень вежливые. Тот же мотив звучит и в воспоминаниях «неслетавшего космонавта» Э.И. Буйновского: «*Конечно, после таких нервных потрясений русскому мужику нужна обязательная психологическая разрядка*»³⁷.

Участник археологических экспедиций, этнограф и археолог, говоря об обычае обмывать наиболее значимые находки, выстраивает такое объяснение: «*Распитие — по случаю первой находки или выдающейся находки. Пошло это, как я думаю, из Сибири — там пьют больше. Ну там иначе и нельзя, не пить, в Сибири. Ну, водители в Саянах (местные) — они трезвыми не ездят через Саяны: страшно. Традиция там*» [ПМА: СПб., 1998 г.]. Выпивка как-то связывается в этой схеме с опасностью сибирских дорог, а также и местными обычаями.

«Нервный» характер работы, риски и страхи, необходимость «разрядки» приводятся в данных примерах как объяснения пьян-

ства в профессиональной среде. С точки зрения внешнего наблюдателя («этической») такое объяснение выглядит как выстраивание связи между выпивкой (коллективным ритуалом) и профессией (как основой идентичности).

Таким образом, алкоголь в контексте профессиональных традиций получает значение (наряду со значением символа профессиональной общности) как средство психической (само)регуляции.

Это значение актуализируется в применении к нештатной ситуации, решению которых будто бы способствует алкоголь в умеренных количествах (именно тем, что снимает стресс). Тем самым в мифологии профессий сопрягаются значения выпивки как средства психологической саморегуляции и достижения профессионального успеха. Пример таких рассуждений приводит М.В. Чунаева по своим наблюдениям в среде IT-специалистов (программистов и системных администраторов). «Если на работе, то пиво пьется при решении какой-то нештатной ситуации, потому что я говорил, что есть такое свойство: оно немножко растормаживает, пиво. Если не злоупотреблять, быстрее начинает соображалка работать, то есть оно при решении каких-то нештатных ситуаций зачастую весьма помогает. Во-первых, оно снимает стрессовое состояние, что что-то сломалось и нужно что-то чинить, и это несколько успокаивает, приводит в норму отношение к самой ситуации. И за счет большей раслабленности ты можешь более оперативно решать проблемы» [ПМ: М.В. Чунаева, 2004 г.].

Значение распития алкоголя именно как средства достижения успеха (в том числе и в нештатной ситуации, наперекор «объективным трудностям») акцентируют тосты, которые я записала от физиков: «Чтоб прибор работал!» (по поводу поломки, починки или покупки нового прибора), «За успех безнадёжного дела», «Наш воз да скачет!» и т.п. [ПМА: СПб., 2005 г.].

К значению алкоголя как лекарства от стресса примыкает его использование как оздоровительного средства. У моряков-подводников «средством спасения» от простуды во время дежурств в холодное время на верхней вахте считается «капитанский кофе» (девять частей кофе и одна десятая спирта)³⁸. В фольклорных экспедициях РГГУ имеет хождение «легенда, экспедиционная, долгоиграющая, с самой первой экспедиции. Если у человека какая-то проблема со здоровьем, начало простуды, ему готовится так называемый коктейль «***ин». В честь некоего студента ***ина, абсолютно уже легендарной личности, участника первой экспедиции, которого, кроме NN (ру-

ководителя экспедиции. — Т.Ш.), никто и в глаза-то не видел. С которым якобы случилась такая беда. Дальше идет такой устойчивый нарратив, то что называется. Он заболел, начал заболевать, и тогда ему заботливый руководитель экспедиции NN сделал специальный коктейль. Состав коктейля держится в секрете, его только он и знает, но при этом принцип такой: водка, чай, молоко и все, что под руку попадет, то есть там перец, мед, травы, какая-нибудь черемуха, листочки, в общем... Естественно, все это подогреть. Чай горячий... Вот. И, значит, по легенде, как это происходило: студенту Ф***ину, который лежал в спальнике, демонстрировал признаки негодования, поднесли это, заставили залпом выпить, после чего, значит, он долго дергался в корчах там... Потом, значит, постепенно его дерганья стали затихать, потом блаженная улыбка... потом, значит, наутро он просыпается совершенно здоровый, и вот... если что, то сразу такая угроза: заболеваешь — сделаем «Ф***ина»... Ну вкус такой, что вот глотаешь противотанковые ежи. Особенно эти листочки еще в горле застревают, ну, это ужасно, конечно» [ПМА: 2003 г.]. Все это похоже на испытание, пройдя которое человек восстает в обновленном, здоровом и сильном, теле.

К практическому использованию алкоголя в качестве оздоровительного средства примыкает его метафорическое значение в фольклоре как условие сохранения жизни в опасных ситуациях:

*Мой товарищ акинак, акинак,
Меч да лук с колчаном.
Пропадешь ты как дурак, как дурак,
Коль не будешь пьяным.
Пьяных боги берегут, берегут —
Истина святая.
Видно, боги с нами пьют, с нами пьют,
Только мы не знаем*

[Археологическая песня³⁹]

В ритуальной практике различных профессий алкогольным застольем отмечаются случаи спасения в рискованных ситуациях. Парашютист, спасшийся в ситуации отказа парашютной системы, удачно приземлившийся в аварийной ситуации пилот должны *проставиться*, отмечая свою «вторую жизнь». Точно так же *проставляются* и отмечая первый удачный опыт профессиональной деятельности: первый самостоятельный вылет у летчиков, первый спектакль

(и сыгранную роль) у актеров. В этом случае застолье вписывается в сценарий инициации, посвящения в профессию. Впрочем, «прохождение через смерть» — элемент мифологической схемы инициации, и в этом смысле «посвящение» и «спасение» гомологичны (т.е. актуализируют одну схему).

В рамках сценария посвящения в профессию реализуется еще одно значение алкоголя — как средства испытания качеств неопита. Испытание алкоголем характерно для ритуализованных практик принятия неопита в профессиональное сообщество (или в более высокую страту внутри этого сообщества). С.Ю. Федосеенко отмечает подобные практики, например, у геологов. По воспоминаниям одного из ее собеседников, в экспедиции подбирался «довольно разношерстный» состав. Начальник их отряда устраивал испытание: по приезде в поле отмечали начало экспедиции, а «наутро этот начальник проходил по палаткам и заглядывал в спальник. Если человек уснул в сапогах, отправлял обратно, выгонял с работы» [ПМ: С.Ю. Федосеенко, 1999–2000 гг.]. Своеобразный тест на самоконтроль. В материалах С.Ю. Федосеенко упоминается также розыгрыш: вместо воды участнику экспедиции наливали стакан спирта и смотрели, потеряет ли он контроль над собою. Обычно так подшучивали над новенькими, молодыми геологами, но иногда и над вполне взрослыми людьми [Там же].

Участники этнографических экспедиций описывают в терминах «испытания» трудности работы в винодельческих регионах. В.И. Козлов пишет в своих мемуарах об экспедициях в Закавказье, вспоминая проблемы, связанные с «традиционным абхазским гостеприимством с обязательным угощением виноградным самогонном — «чачей» — и сухим виноградным вином из “Изабеллы”, измеряемым декалитрами»⁴⁰. Успешно прошедший испытание доказывает тем самым свою жизнеспособность, означающую и профессиональную пригодность.

Подводя итог, можно заметить, что в жизни профессионального сообщества коллективное застолье играет роль ритуала, посредством которого достигается символическая идентификация профессиональной среды, ее границ и репрезентация ее внутренней (особенно неформальной) структуры. Символами профессиональной общности становятся практически все заметные элементы застолья: алкогольные напитки (среди которых встречаются «фирменные»), распределение ролей при их изготовлении и распивании, порядок рассаживания, содержание тостов, наконец, сами поводы, по которым принято

собираться. Все эти элементы застолья интерпретируются участниками в соотнесении с профессией и тем самым становятся вынесенными вовне символами коллективной идентичности. Отсюда понятна и роль застолья в контексте посвящения в профессию — как средства испытания неопитов и приобщения их к профессиональной среде (особенно ее неформальным структурам).

¹ Сорокина Н. «Мы летаем для вас!»: жизненный мир водителя маршрутки // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 313–337.

² Там же. С. 317.

³ Хазанова Т. Тамара Гвердцители: «Не быть мне бизнес-леди» // Красота. Здоровье. Женский журнал. Октябрь 2007. <http://kiz.ru/Print.aspx?id=17901>; Николаева Л. Виват, королева! // Оракул. <http://www.oracle-today.ru/print/89>; Барциц О. Интервью с Тамарой Гвердцители // Аргументы и факты. 2003. 19 сент.

⁴ Неофициальный сайт студентов ММА (Московской медицинской академии) им. И.М. Сеченова: http://appendektomia.narod.ru/umor/S_kurs.htm

⁵ Там же.

⁶ См., например: Россомехина А. «Доктор сыт — больному легче» // Челябинский рабочий. 1998. 30 июля. <http://www.chrab.chel.su/archive/30-07-98/4/RD41.DOC.html>

⁷ Королькова И. Сон как признак мощи государства // Курьер недели: информационно-рекламный еженедельник. 2003. 3 февр. <http://www.kourrier.izmail.com.ua>

⁸ Галкина О. Шахтеры не курят, любят варенье и читают Библию // Петербургский час пик. 1999. 10 февр. № 5 (57).

⁹ Музыка: В. Плешак. Слова: Ю.Погорельский (1970) // Сайт «Советская музыка». <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=ekipazh>

¹⁰ Российские медики будут жить теперь в поликлинике // Квадрум. 2009. 6 февр. http://kvadroom.ru/journal/news_26831.html

¹¹ Сведения о профессиональных праздниках — их датах и истории — можно получить в материалах интернет-портала «Календарь праздников». www.calend.ru/holidays/prof.

¹² Смирнова Г.К., 1932 г.р. Автобиография [БФ СИ РАН. № 81. Л. 4–5].

¹³ Форум на сайте dushanbe.ru. Точный адрес ссылки: <http://forum.dushanbe.ru/cgi-bin/ib312/ikonboard.cgi?s=c809dbd185657a1ae965d659e1a804a5;act=ST;f=7;t=3159>.

См. сообщения автора, подписавшегося псевдонимом: kornev_andrey (сообщения от 15 и 19 августа 2003 г.).

¹⁴ «Календарь праздников»: www.calend.ru/holidays/prof.

¹⁵ Там же: www.calend.ru/holidays/1-13/d/4; www.calend.ru/holidays/2-8/d/12.

¹⁶ Полевые материалы о риэлтерах нашли отражение в курсовой работе: Остапова Е.Л. Особенности корпоративной культуры организации на примере риэлтерской фирмы (Санкт-Петербург): Курсовая работа. СПб., 2004 (рукопись).

¹⁷ См., например: Михайлов А. И в глубине морской встречая новый день // Пограничник Северо-Востока. Еженедельная газета Северо-Восточного пограничного управления береговой охраны ФСБ РФ. 2006. № 7 (3821). В доступе (по состоянию на сентябрь 2010 г.) <http://www.svrpu.ru/psv/3821/0090.shtml>.

¹⁸ Черток Б.Е. Ракеты и люди. Кн. 4. Лунная гонка. М., 1999. Гл. 14, 16. — опубликовано на сайте: <http://www.astronaut.ru>

¹⁹ Буйновский Э.И. Приобщение к космосу (записки неслетавшего космонавта) // www.buinovsky.boom.ru; www.mai.ru/colleges/war/ballist/books/Buinovsky-cosmos.doc. С. 60–61.

²⁰ Юмор. Анекдоты. <http://pcdoc.ru/modules.php?name=xNewsfile=article&sid=360>. Помещено 05/06/2005 г.

²¹ Ленкевич А. «Если Лица не столица, то Париж не заграница» — любимая поговорка подводников Заполярья, в гостях у которых побывал наш корреспондент // Курепин.Ру. Форум портала www.21.ru: <http://press.21.ru>.

²² Там же.

²³ «Если Вы хотите приготовить настоящую (насколько это возможно!*) «несмеяновку», то нужен именно КАЗЕННЫЙ СПИРТ. Лучше перегнанный, ессесно! 1 кг клюквы истолочь деревянной толкушкой в кашу (раздавить ВСЕ ягоды!!!) в эмалированной кастрюле, влить 1 л спирта (лучше перегнанного!) и 1 л воды (не из-под крана!), сахар по вкусу и смотря на соотношение полов на банкете: 50–100 г — мужской напиток, 300 г — женский, 150–200 г — «бисексуальный». Довести все это до кипения при постоянном помешивании, не кипятить. Накрыть крышкой и настаивать не менее ночи в прохладном месте (лучше 1–2 сут.). Профильтровать через марлю, можно еще отжать! Перелить в бутылки. С наступающим Новым Годом!!! *Если сотрудники ИОХа внесут поправки, буду лично признателен (происхождение «несмеяновки» — ИОХ им. Н.Д. Зелинского)!». Такую инструкцию по приготовлению «несмеяновки» опубликовали на одном из Интернет-форумов знатоки. См.: форум на сайте компании «Синтол» (Синтез олигонуклеотидов) - <http://www.molbiol.ru/forums/lofiversion/index.php/t5360.html>; Ак. А.Н. Несмеянов (1899–1980) — известный химик, «создавший новейшую элементоорганическую химию как самостоятельную научную дисциплину, связывающую органическую и неорганическую химию». При его активном участии в 1954 г. был создан Институт элементоорганических соединений. А.Н. Несмеянов руководил им в течение 26 лет. <http://www.ineos.ac.ru>. ИОХ им. Зелинского — Институт органической химии РАН.

²⁴ Вишневский Б. Время пошло // Новая газета (СПб). 2002. 19–22 сент.

²⁵ Черток Б.Е. Ракеты и люди: горячие дни холодной войны. Кн.3. Изд-е второе. М.: «Машиностроение», 1999. гл.6. — опубликовано на сайте: <http://www.astronaut.ru>

²⁶ Смех-пересмех. 02.08.2009. — сайт: СП: независимый региональный еженедельник. Издается в Бельцах. — опубликовано на сайте: http://www.gazeta-sp.info/rubrics/index.php?ELEMENT_ID=6373.

²⁷ Буйновский Э.И. Указ. соч. С. 60–61.

²⁸ Костиков В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 11.

²⁹ Анисимов А. Заговор в пединституте раскрыли чекисты в 70-х годах // Молодой Ленинец. 2000. 10 окт. № 41 (6982). Эта статья опубликована на сайте: <http://www.nashdom.penza.com.ru/N41/10.10.2000>.

³⁰ Две эпохи в Доме журналиста. 06.05.2003 г. // Сайт Санкт-Петербургского творческого Союза журналистов. Рубрика «Новости СЖ»: www.journalists.spb.ru.

³¹ Ленкевич А. Указ. соч.

³² Козлов Р. День этнографа // Санкт-Петербургский университет. О ритуалах Дня этнографа в Санкт-Петербурге см. также: <http://historia-site.narod.ru/exped/ethnoday.htm>.

³³ Верещагин — таможенник, персонажа художественного к/ф «Белое солнце пустыни»; исполнитель этой роли — артист Павел Луспекаев.

³⁴ Шумов К.Э. Традиции пожарной охраны // Сайт «Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика», в рамках проекта «Виртуальные мастерские в общественных науках»: www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm.

³⁵ См. об этом, в частности, в статье, посвященной фольклорному восприятию алкоголя и алкоголизма в американской культуре: Stein H.F. Alcoholism as Metaphor in American Culture: Ritual Desecration as Social Integration // Ethos. 1985. № 13 (3). P. 213–214.

³⁶ Там же. P. 212–213.

³⁷ Буйновский Э.И. Указ. соч. С. 60.

³⁸ Ленкевич А. Указ. соч.

³⁹ Там, за Танаис-рекой (Скифы). Археологическая песня. О ее истории см.: Башарин А., Вениг М. Песни археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. Учебное пособие для студентов 2–3 курса специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры». Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. Сост. С.В. Белецкий. СПб., 2000.

⁴⁰ Козлов В.И. Руководство и спонсорство в экспедиционной жизни // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001. С. 27.

Глава 6

ТРАДИЦИЯ И СТАТУС ПРОФЕССИОНАЛА

До сих пор мы рассматривали способы символической репрезентации профессии и профессионализма. Далее перейдем к предмету этой репрезентации: какие аспекты профессионализма (профессиональной идентичности, отношений и статуса профессионала) находят отражение (или конструируются?) в рамках неформального дискурса?

Эта глава посвящена репрезентациям в неформальном дискурсе профессий статуса профессионала, проявляющихся в отношениях:

- **профессионал — объект**, понимая под «объектом» те элементы социальной реальности, на которые направлена профессиональная деятельность; нас в первую очередь будут интересовать ситуации, когда в качестве объекта выступает человек или группа людей, т.е. когда «объектность» конструируется как особая социальная позиция;
- **профессионал — клиент** (или заказчик, потребитель профессиональных услуг). В ряде профессий позиции клиента и объекта профессиональной деятельности совпадают (полностью или частично), например в медицине или образовании. Особый вариант — когда в роли заказчика профессиональных услуг выступают органы административной или государственной власти (такая ситуация знакома научным работникам);
- **отношения между профессионалами**, в среде коллег: здесь нас будет интересовать роль неформальной традиции в регулировании отношений внутри профессионального сообщества.

Каким образом эти отношения конструируются в нарративах, шутках, приметах и т.п. проявлениях неформальной традиции? Есть ли здесь черты, общие для разных профессий? Если да, то на каком уровне проявляется эта общность: речевых формул и текстов, тем, принципов конструирования статуса или отдельных его элементов? Мы возвращаемся к проблеме моделирования профессиональной неформальной традиции как особого социального феномена.

1. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА

Начнем с анализа тех аспектов неформальной традиции, которые касаются отношения профессионала к объекту его деятельности. Этот тип отношений играет важную (если не центральную) роль среди прочих отношений, конструирующих статус профессионала. Представления и формы поведения, связанные с объектом, — одна из самых продуктивных тем в профессиональном фольклоре, т.е. на эти отношения, по-видимому, распространяются неформальные механизмы социальной регуляции. Профессионализм означает контроль над объектом деятельности, причем контроль, базирующийся на знании (теоретическом, экспертном), отличающем профессионала.

Именно этот контроль составляет суть общественной миссии, приписываемой и предписываемой профессии, базу, на которой строится особый социальный статус профессионала. В неформальном дискурсе конструирование объекта (приписывание качества объектности тому или иному сегменту общественной жизни, природы и т.п.) имеет своей оборотной стороной конструирование статуса профессионала как субъекта, осуществляющего над ним действия. Качество объектности означает при / предписываемое профессионалу право осуществлять деятельность по отношению к носителю этого качества.

Контроль по отношению к объекту, в свою очередь, является обоснованием прав контроля по отношению к тем, кто стоит «на стороне» объекта, чьи интересы представлены в объекте и через объект: клиентам, заказчикам, потребителям профессиональных услуг.

Таким образом, рассматривая символическое конструирование объекта профессиональной деятельности в неформальном дискурсе профессионалов, мы будем иметь в виду два предположения:

- подкрепление права социального контроля по отношению к объекту и тем самым конструирование статуса профессионала как инстанции социального контроля, носителя властной функции;
- подкрепление прав социального контроля профессионала по отношению к клиентам / заказчикам / потребителям его услуг, т.е. конструирование отношений «профессионал — потребитель» как отношений власти.

Рассматривая темы неформального дискурса, связанные с объектом профессиональной деятельности, обратим внимание на обширный пласт, связанный с конструированием объекта: сюжеты,

где объект рассматривается как производный от знания профессионала, конструируемый этим знанием.

В формульных высказываниях, шутках, тостах и нарративах транслируется представление, что знание профессионала позволяет ему не только воздействовать на объект, но и создавать его, т.е. превращать в объект самые разные элементы реальности, видеть в них объект, требующий воздействия. Известный медицинский афоризм: *«Здоровых людей не бывает — есть недообследованные»* — как раз указывает на представление об объекте как производном от медицинского познания — обследования, которое превращает человека в «больного» и тем самым — пациента (объект медицинского вмешательства).

В этом же ряду и афоризмы, имеющие хождение в других профессиях. *«Археологических памятников нет там, где их не ищут»*, — прозвучало во время неформальной части закрытия конференции «Полевые исследования» 2006 г. в СПбГУ. *«Кто не ищет, тот не найдет»*, — поддержал выступавшего этнограф. В подтверждение рассказал, как недавно он спрашивал коллегу, неожиданно сменившего регион своих экспедиционных работ: *«А что ты в Белоруссию поехал?»* И тот назвал вполне случайный повод, казалось бы, не имевший отношения к теме и направлению его исследований. Тем не менее, приехав на место, коллега нашел материал по своей теме [ПМА: СПб., 2006 г.]. Умение видеть объект своей деятельности в любом месте и в любой ситуации воспринимается как признак профессионализма.

Это умение базируется на профессиональном знании (признаков объекта, а фактически оснований, по которым можно осуществлять профессиональное вмешательство, способов его легитимации).

При этом неформальный дискурс расширяет понятие «знания»: кроме теоретического знания, полученного во время обучения, сюда включается и другое — неписаное, отличающее «настоящего» профессионала. Оно приобретает в процессе практики и определяется опытом плюс предрасположенностью к профессии (талантом, призванием). Тема конструирования объекта реализуется через несколько сквозных для разных профессий мотивов.

Знание, запечатленное в теле: профессиональный взгляд (видение, чутье, голос и т.д.). В третьей главе мы приводили концепцию М. Фуко о конструирующей роли медицинского взгляда (медицинский взгляд, видение превращает наблюдаемые свойства в «симп-

том» — сигнал необходимости медицинского вмешательства)¹ и обнаружили фольклорное представление о присущем опытным профессионалам особом «видении», позволяющем даже без глубокого обследования разглядеть симптомы заболевания (т.е. определить человека как больного, пациента).

Студенты Московской медицинской академии им. Сеченова разместили на неофициальной страничке вуза фразы, произнесенные, как утверждают авторы подборки, преподавателями: *«Она была настолько жизнерадостна и коммуникабельна, что мы сразу заподозрили у нее гипотиреоз»*. *«Иду я по Пироговке... А навстречу — дикая акромегалия»*².

Учительский голос и какая-то неуловимая «печать» профессии заставляет окружающих теряться и замолкать, слушать поучения педагога — как будто превращая их в «учеников». Профессиональный фольклор моделирует еще ряд ситуаций, когда само присутствие профессионала «создает» объект, т.е. превращает в объект то, на что направлено его внимание, открывает и обосновывает перспективу профессионального вмешательства.

Врачебная ошибка. Тема врачебной ошибки — одна из самых обсуждаемых в среде медиков. Казалось бы, она разрушает представление о профессионале как носителе знания. Однако и на базе таких рассказов может быть реализовано представление о конструировании объекта — через представление о силе слова профессионала. *«А вот был такой случай, — рассказывает двадцатилетняя девушка одну из больничных историй. — В больницу скорой помощи привозят девушку с окровавленной головой. Ночью врачи (уже изрядно использовавшие спирт не только в целях дезинфекции) ставят диагноз: сотрясение мозга, трещина в основании черепа. Пациентку начинают готовить к операции, для чего моют голову и бреют наголо. Выясняется, что никакого перелома нет, просто порвана кожа. Ранку обрабатывают (все тем же везде пригодным спиртом), голову повязывают косынкой. Утром больная приходит в себя, подходит к зеркалу. Нормальная реакция: обморок, падение, удар о спинку кровати. Сотрясение мозга, перелом основания черепа»* [ПМ: Н.Ю. Гохтлейтнер, СПб., 2004 г.].

Аналогичный рассказ — свидетельство пациентки из полевых материалов, любезно предоставленное мне И. Назаровой (Европейский университет в СПб.), занимавшейся тогда изучением примет, в том числе профессиональных. Женщина (30 лет) рассказывает, как она поступила в стационар на операцию: *«Когда уже мои данные занесли в компьютер, медсестра в графе “цель прибытия” вместо*

«операция» записала «роды», я этого не видела, но она тут же обратила на это мое внимание и сказала: значит, рожать к нам придется» [ПМ: И. Назарова, 2005 г.].

В первом примере ошибка медиков при постановке диагноза в конечном счете оборачивается их правотой: диагноз «приобретается». Во втором примере медсестра апеллирует к представлению, что ошибочный диагноз должен подтвердиться, т.е. уже как к примете, устоявшемуся в медицинской среде «разделяемому знанию». Рассказы, подобные первому, приводятся обычно как подтверждение таких примет. Смысл их (с точки зрения конструирования объекта) — утверждение приоритета знания медиков даже над очевидностью; то, что со стороны кажется ошибкой, оборачивается в конечном счете провидением ситуации, которая случится в будущем; в конечном счете необходимость медицинского вмешательства, предписанного вначале ошибочно, подтверждается. Здесь конструируется статус врачебного знания как власти, непререкаемой даже в тех случаях, когда со стороны видится ошибочным (т.е. и ситуация врачебной ошибки не разрушает эту власть).

Представление об особой конструирующей роли врачебных высказываний находит отражение и в профессиональных табу. Например, врачи избегают говорить о возможности неблагоприятного исхода лечения (особенно оперативного вмешательства), а работники воздушного транспорта — о неблагоприятном исходе полета. Табуируются даже некоторые слова, которые случайно могут быть истолкованы в смысле такого исхода: «Я никогда не говорю вслух, что накладываю последний шов», — свидетельствует женщина-хирург (40 лет) [ПМ: Н.Ю. Гохлейтнер. СПб., 2004 г.].

Сверхзнание: видения, духи и т.п. В некоторых рассказах просматривается представление об особом «сверхзнании» профессионала — знании, не имеющем теоретического обоснования, способности получать информацию по каналам, выходящим за рамки рационально познаваемых. Это рассказы о видениях или случаях-предвестниках дальнейших событий, важных с точки зрения профессиональной деятельности. В качестве примера приведу рассказ работника инспекции дорожного движения. Когда он только начинал службу, дежурил на посту ГАИ возле шоссе: «Там напротив кукурузное поле раньше было, сейчас там дома построили... Лето было... Время такое, около двенадцати, сумерки, ни темно, ни светло. А это было в начале июля, еще белые ночи были. Я двое суток на этом посту сидел, не помню сейчас уже почему, но сидел. Глаза слипаются, голова гудит, в общем, полный

мрак. Вдруг вижу, бежит девушка с распущенными волосами, в белом платье разорванном и лицо в крови все. Сон как рукой сняло. Спрашиваю у напарника: «Девушку видишь? Вон там!» А та бежит, руками машет и вроде как по снегу бежит босиком, белое все вокруг. Напарник у виска рукой крутит... Ну вот вроде бы и все, но зимой на дежурстве, под утро, правда, уже: все как видел, так и случилось. Девушка попросила (проезжавших в машине. — Т.Ш.) довести до (название населенного пункта), и ее изнасиловали, избили, она босиком по снегу в рваном платье бежала от них... Пришлось еще и их задерживать, подонков пьяных... Вот так бывает» [ПМ: Н.И. Бравичева, СПб., 2002 г.].

По сути, и здесь случайное видение или сон прикорнувшего на дежурстве офицера интерпретируется как явленное ему особое знание — знание о происшествии, которым ему только предстояло заниматься в будущем. Происшествие с девушкой на дороге (реальное) интерпретируется в этом рассказе как заранее провиденное работником правоохранительных органов, т.е. утверждается, что объект его вмешательства заранее конструируется в его представлении. Только начинающий милиционер еще не может его сразу опознать, понимая смысл своего видения лишь спустя полгода, когда событие уже произошло в реальности. Реализация видения стала поводом приписать ему статус «знания» профессионала, знания-власти конструировать объект, знания-права на профессиональное вмешательство. Этот статус стабилизируется, когда на основании таких рассказов (опыта их выслушивания в среде коллег) начинающий работник будет воспринимать свои видения не как сны, а как приметы (т.е. относиться к ним как к проявлению практического знания, опыта и интуиции). Сквозь призму примет сны, видения, предчувствия прочитываются как основание для конструирования объекта («жди наплыва больных», аварий, происшествий и т.п.).

Профессиональные привычки вне работы. Конструирование объекта, судя по профессиональному фольклору, продолжается и вне работы: это неотъемлемое свойство профессионала, оно не прекращается за стенами лаборатории, класса, сцены или кабинета. Один из сквозных мотивов — специфическая реакция профессионала на бытовые ситуации. Он и в них, с посторонними людьми или родственниками, продолжает реагировать как профессионал. Это выражается в использовании

- профессиональных моделей поведения;
- профессиональных слов — определений ситуации в терминах профессионального дискурса;

— претензий на профессиональную власть (в ситуациях, прямо не связанных со сферой его ответственности).

Мотив переноса профессиональных привычек в повседневную жизнь вне работы встречается в интервью представителей разных профессий. Наиболее, пожалуй, устойчиво — у школьных учителей, которые сами акцентируют свою привычку «всех учить» (некоторые стараются от нее избавиться, утверждая, что безуспешно). В нашей коллекции две байки, по стройности сюжета и формы почти анекдоты, но подавали их как рассказы о реальных случаях. *«Поскольку учителя замучены жизнью, — начинает рассказ школьный учитель (мужчина, 47 лет), — то вот такой был случай в транспорте с одной учительницей: после работы, входя в переполненный трамвай, она вдруг сказала: “Так, здравствуйте, садитесь”»* [ПМ: Е. Гапченко, СПб., 2003 г.]. Похожий случай описывает учительница из другой школы (49 лет): *«Идет уставшая учительница с тяжелыми сумками домой. Вдруг выскакивает откуда-то хулиган и требует отдать часы. На что та ему отвечает: “Часы не отдам, возьми лучшее классное руководство”»* [ПМ: М. Морева, 2001 г.]. Здесь «часы» понимаются не в обыденном смысле, а как термин — база расчета нагрузки учителя, и суть эпизода — переинтерпретация обыденного опыта в тарминах профессионального дискурса.

Эти учительские байки еще не анекдоты, но и не рассказы о конкретных случаях (ни имена, ни место и время событий не конкретизируются): нарратив, застывший на полпути от информационного сообщения о событии к обобщенной форме анекдота. Рассказ претендует не столько на достоверность, сколько на «жизненность» ситуации. Центральная тема — профессиональное поведение как постоянное, непрерывное свойство.

Какую роль играют указания на «усталость» и «измученность» учителя? Вероятно, они должны обозначать автоматизм профессионального поведения (человек ведет себя так не специально, а по умолчанию, забывшись, утратив контроль над собою, а потому забыв «отключить» профессиональные привычки, выйти из образа). Профессиональные привычки (поведение, фразы, реакции) представлены как глубоко вписанные в структуру личности, так что контроль требуется не столько для того, чтобы их поддерживать, сколько для того, чтобы вовремя отключать.

Эти сюжеты можно интерпретировать и с точки зрения конструирования объекта: даже вне стен своего учреждения учитель видит в окружающих учеников и своим поведением как бы диктует им такую позицию.

Подобные мотивы (проецирования профессиональных норм во внешний по отношению к профессии мир, навязывание качеств ее объекта окружающим) зафиксированы и в интервью с представителями других профессий. Н.А. Ахнаева задает вопрос экономистам: *«Можете ли Вы сказать, что Ваша профессия повлияла на Ваш характер?»* *«Да, — отвечает женщина 55 лет. — Стала более аккуратной, люблю порядок, чтобы все лежало на своем месте. Это и в семью перенесла. Теперь, когда к сыну приезжаю, вижу беспорядок, пытаюсь все на место положить».* *«Да, наверное, теперь в голове одни расчеты, цифры. Привыкла к каждой бумаге относиться более рационально: так и в магазине и дома, если какую бумажку выбрасываю, сперва все внимательно просмотрю... к деньгам стала относиться более рационально»* [ПМ: Н.А. Ахнаева, СПб., 1999 г.].

Арбитражные судьи в качестве благоприобретенного качества, изменившего их отношение к миру, называли привычку внимательно изучать правовые основы простых бытовых взаимодействий и даже «профессиональную паранойю» — подозрительность в отношении тех, с кем приходится взаимодействовать, от сантехника до продавца: *«Если ты что-то покупаешь, если к тебе приходит сантехник, если ты там занимаешься обменом квартиры, т.е. все что угодно, — говорит женщина-судья (около 40 лет) о своем «вьедливо-юридическом» отношении к миру. — Ты же на работе не видишь, как люди работают хорошо. Ты же видишь, как они работают плохо и как они друг друга подставляют. Вот поэтому надо искать подвох, внимательно читать все договоры, которые приходится подписывать, т.е. прийти в жилконтору и прочитать... по которым они обслуживают народ, чтобы потом выкатать их в эти правила»* [ПМ: К.С. Сергеева, СПб., 2004 г.].

Если рассматривать этот текст как элемент самопрезентации (учитывая тему интервью, нацеленного на то, чтобы побудить человека представить свою профессию и себя как профессионала через описание повседневных практик), то здесь акцент на том, что и в собственной жизни судья все время видит или ищет, ожидает увидеть объект для «судебного вмешательства».

Распространенный мотив в рассказах о «профессионалах на отдыхе» — «застольные разговоры», которые, если это застолье в профессиональной среде, тоже все о работе: *«Наша излюбленная тема — это наши ученики, — свидетельствует учительница средней школы (стаж 17 лет). — Собираясь вместе на день рождения или просто так, мы делаем уговор, что о школе ни слова. Но это не помогает, и минут через пятнадцать мы поглощены рассказами о школе: делимся своими*

радостями, проблемами, ищем совет, как поступить с тем или иным учеником» [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, СПб., 1999 г.].

Этот мотив — один из самых распространенных и устойчивых и реализуется не только в бытовых рассказах разных профессий, но и в анекдотах о них. Близки к анекдоту рассказы судей о том, что им «даже во сне» снятся юридические проблемы, и, например, записанный К.В. Сергеевой рассказ о том, как арбитражные судьи ехали на какое-то совещание в другой город. Едут они в поезде и договариваются не упоминать о работе. Предлагают поговорить, например, о платьях (женская тема!). Минутная пауза, и одна из собеседниц вспоминает, что недавно у них в суде слушали дело о платьях... [ПМ: К.С. Сергеева, СПб., 2004 г.].

В том же ряду и привычка (или основанный на ней род юмора) — переопределять события или образы повседневной жизни в терминах профессионального языка: «Ну и стрепильная³ нога!» — восклицает архитектор, провожая взглядом красивую девушку. Или: «Какая широкая база!» [ПМ: О. Аверичева, СПб., 2002 г.].

2. СТАТУС ПРОФЕССИОНАЛА КАК ПРОИЗВОДНЫЙ ОТ ОБЪЕКТА

Рассмотрим подробнее упоминавшиеся выше рассказы об учениках, пациентах и вообще тех, кому в разговорах профессионалов приписывают качества потенциального объекта приложения знаний и навыков. Обратим внимание, что в качестве сквозного персонажа в байках учителей фигурирует чаще двоечник и хулиган, чем благополучный ученик; разговоры врачей вращаются вокруг необычных и тяжелых или нелепых случаях. В этих разговорах конструируется образ «идеального объекта» — персонажа (или случая, предмета), в максимальной степени обладающего свойством объектности, т.е. по своему несовершенству настоятельно и очевидно требующего профессионального вмешательства.

Байки об «идеальном объекте», по существу, являются обоснованием необходимости профессионального вмешательства, т.е. их можно рассматривать как элемент конструирования ячейки для профессионала. Поясним вначале примерах интервью школьных учителей.

В учительской среде популярны байки о неисправимых хулиганах и двоечниках, упоминается такой феномен, как *тупой класс*,

т.е. моделируется объект, неспособный к «правильной» коммуникации (восприятию информации). Одна из учительниц, отвечая на вопрос М. Моревой об учительском юморе, привела анекдот из серии «Про Вовочку» (на популярность которой указывали и другие участники исследования): «*Вовочка разговаривал с учительницей на “ты”*. Она велела ему дома 20 раз прописать фразу: *К взрослому нужно обращаться на “вы”*. Он написал 40 раз, принес учительнице тетрадь. Когда она спросила, зачем он так много написал, Вовочка ответил: *“Чтоб тебе приятно было!”*» [ПМ: М. Морева, СПб., 1999 г.].

Текст обыгрывает ситуацию нарушенной коммуникации как важное качество объекта, с которым имеет дело учитель. Действительно, чем более выражено это качество, тем выше необходимость вмешательства со стороны учителя, который видит свою задачу в том, чтобы «изменять, воспитывать, преобразовывать», т.е. тем в большей степени ученик или классный коллектив пригоден на роль объекта воздействия. «*В среде учителей*, — рассказывает учительница французского языка школы-гимназии г. Пушкина, — *частенько звучат фамилии учеников, например, фамилия М.: этот ученик в каждом классе сидел под два года*» [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1999 г.].

Фигура отличника гораздо в меньшей степени соответствует модели «идеального объекта», поскольку необходимость воздействия здесь ограничена. Характерна история об отличнице, рассказанная учительницей начальных классов (стаж 17 лет): «*Свои уроки я всегда пыталась импровизировать, использовала красочный иллюстративный материал: Мальвина, Буратино, совы и множество других сказочных персонажей всегда оживляли наши уроки. Каждую неделю подводили итоги и раздавали призы. Помню такой случай: в моем классе была очень заносчивая девочка, она считала себя на порядок выше остальных. Она никогда не поднимала руки, но всегда правильно и очень хорошо отвечала на мои вопросы, но делала это в несколько снисходительной манере, давая другим понять, что она лучше. И я решила не давать ей приз в конце недели, потому что хотела, чтобы она перестала думать таким образом. Иначе жизнь впоследствии изменит ее более жестоким способом*» [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1999 г.].

В учительских рассказах атрибут образа отличника — заносчивость, высокомерие, т.е. признаки ухода из-под власти учителя. Отличник, пока находится в стенах школы, воплощает хотя и формально заслуживающий поощрения, но в качестве объекта управ-

ления неполноценный вариант ученика, а потому редко описывается с симпатией (исключение — отличник-выпускник как зримый символ заслуг учителя — «завершенный продукт» и свидетельство его профессионализма). Идеальный объект, требующий приложения усилий профессионала — это двоечник. Отсюда и популярность анекдотов «Про Вовочку» — двоечника и грубияна, ставшего моделью «идеального объекта» педагогического воздействия. «Идеального», разумеется, не в оценочном смысле, а в том, что он требует максимально возможной степени педагогического воздействия, тем самым обозначая социальное пространство и для статуса самого педагога.

Таким образом, символическое конструирование объекта профессионального воздействия есть одновременно и конструирование социальной ячейки для профессионала, который должен это воздействие осуществлять. Поэтому рассказы «о двоечниках» могут дополняться сюжетами о том, как удалось с таким классом или учеником справиться, т.е. рассказы «о двоечниках» вписываются в сюжет самопрезентации учителя как профессионала.

Подобные мотивы в описании «идеального объекта» зафиксированы и в бытовых нарративах медицинских работников. Среди врачей ходят рассказы о пациентах, притягивающих к себе разнообразными болезнями и несчастьями, как ловушка. Один из такого рода сюжетов мне довелось услышать совсем недавно от бывшего врача, мужчины примерно 30–35 лет: *«На моей памяти был один дальний знакомый. У него это с детства началось: он пойдет в магазин — упадет, ногу сломает. Не успеет вылечиться — опять что-нибудь случится. Ему говорили: “Ты так и погибнешь как-нибудь” И действительно, так оно и вышло. Пошел в магазин за вином (а тогда, при Горбачеве, очереди в винный магазин были), пошел очередь занимать, стал дорогу переходить, а скользко, он упал и въехал по льду прямо в витрину магазина. Стекло разбилось, сверху упала оставшаяся часть и отрубила ему голову. Такая страшная смерть. Как на гильотине»* [ПМА: СПб., 2002 г.].

Похожий сюжет рассказывают и как анекдот, но (по моим наблюдениям) уже не в профессиональной среде. Подобные тексты конструируют образ «идеального пациента», постоянно нуждающегося во вмешательстве со стороны медицины. Его основная черта — роковая неспособность вступить в коммуникацию с окружающим миром без тяжелых травм.

Отметим, что в рассказах об «идеальном объекте» как врачей, так и учителей несовершенства «идеального объекта» в основном сво-

дятся к нарушениям его способности к «правильной» коммуникации. Именно эти несовершенства служат обоснованием его позиции как объекта и необходимости вмешательства профессионала. Означает ли это, что его вмешательство в неформальном дискурсе представлено как коммуникативное, т.е. что смысл деятельности профессионала — налаживание эффективной коммуникации с объектом? Причем по правилам института, в рамках которого этот профессионал работает, т.е. речь идет об адаптации объекта к требованиям института как основной задаче профессионала.

Продолжая анализировать типовые темы, воспроизводимые в нарративах разных профессий, можно обратить внимание на тексты, описывающие отношения «профессионал — объект деятельности» как коммуникативные стратегии: символическую идентификацию с объектом (как базу коммуникации) или, наоборот, дистанцирование (конструирование коммуникативного барьера). Как эти коммуникативные стратегии соотносятся друг с другом, в каких ситуациях актуализируются? Какую роль играют в конструировании идентичности и статуса профессионала? Эти вопросы будем иметь в виду, просматривая тексты из нашей коллекции.

3. ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Медицинская поговорка гласит: *«Свой свояка видит издалека»*; поясняя ее, медики (работающие и будущие), а также ветеринары указывают главный признак: *«От нас постоянно пахнет формалином: работа с трупами, органами, другим материалом»* [ПМ: В. Монич, 2000]. Признак, характеризующий объект их деятельности («идеальный» объект), становится идентифицирующим признаком и самих представителей профессионального сообщества.

В некоторых профессиональных традициях отмечены ритуалы, символизирующие идентификацию с объектом. Те же студенты-медики СПб ГМУ рассказывали, что, впервые приходя в морг на занятия, они совершали следующий ритуал: *«При первом знакомстве с трупом человека необходимо коснуться его большого пальца ноги. Этот ритуал помогает избежать ночных кошмаров с покойниками»* [ПМ: В. Монич, 2000 г.]. Обратим внимание, что профессиональная деятельность (препарирование трупов) описывается в терминах коммуникации — «общение», «знакомство». Ритуальное прикосновение к трупу (преодоление подразумеваемого психологического

барьера) должно способствовать установлению коммуникации, т.е., по сути, преобразует восприятие действия из технического в коммуникативное.

Отметим аналогию описанного ритуала с известным в среде девочек-подростков магическим способом выведывания тайн во сне: нужно взять спящего за большой палец ноги и задавать ему интересующие вопросы, на которые, по поверью, он обязательно ответит. В обоих случаях ритуал имеет один и тот же смысл: установление (воображаемой) связи с пассивным партнером, т.е. асимметричного канала коммуникации.

У студентов-медиков есть примета о «синдроме третьего курса» (в некоторых вузах — первого или второго): его появление и успешное преодоление свидетельствует о переходе в число «настоящих врачей». Суть этого синдрома состоит в том, что будущий медик в определенный момент обнаруживает у себя симптомы опасных болезней, с которыми он знакомится во время обучения. Таким образом, будущий врач переживает опыт пребывания в роли больного. Обнаружив у себя симптомы неизлечимого недуга, он несколько дней переживает свое «открытие», пока не убедится (сам или с помощью профессора) в ошибочности своего диагноза. После этого считается, что он уже настоящий медик.

В актерской профессии объект профессиональной деятельности — это роль, которую профессионал создает на сцене и которая опосредует его отношения с залом (коллективным «клиентом»), а весь актерский коллектив создает спектакль. Соответственно в актерских приметах существует тенденция к символической идентификации с ролью, спектаклем и театром в целом. По словам артиста театра им. Ленсовета О. Андреева, *«каждый человек — это театр. Чтобы возникла индивидуальность, личность актерская, он должен чувствовать в себе театр. К этому надо стремиться»* [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000–2001 гг.].

Актеры иногда получают среди коллег прозвища по удавшейся роли или запомнившейся ситуации (например, оговорке во время спектакля). В театре им. Ленсовета актеры, игравшие Опоссума и Енота, в одном из спектаклей допустили оговорку, в шутку их так и стали называть: Еноссум и Опот. Одна из самых распространенных актерских примет — посидеть на упавшем тексте роли, чтобы не случилось провала во время спектакля. У балетных артистов то же положено проделать с упавшим либретто [Там же]. Таким образом, примета предписывает телесное соприкосновение с атрибутом

спектакля — собственно, объектом, над которым работает актер, — ролью.

Существуют театральные приметы, связанные с определенными пьесами. Они получают недобрую славу как *трагедийные спектакли*, игра в которых приносит несчастье: участники или их родные заболевают, попадают в аварии, терпят убытки, умирают. Среди актеров театра им. Ленсовета такую славу получили спектакли «Макбет», «Вий», «Мастер и Маргарита». В коллективе рассказывают истории о том, как занятые в них актеры, режиссеры и их помощники тяжело заболели, получали травмы, теряли родственников и т.п. [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), СПб., 2000 г.]. Смысл этой приметы в идентификации профессионалов с миром спектакля, трагический сюжет которого как бы переносится в их реальную жизнь.

В нарративах представителей учительской профессии отражается опыт самоидентификации с учениками, хотя он не фиксируется (судя по нашим материалам) в виде примет, а проявляется в форме стереотипных реплик, обращений, шуток, имеющих хождение между учителями. По свидетельству бывшей учительницы биологии, в их школе учителя, общаясь между собой, в шутку использовали те же выражения, которые приняты по отношению к детям: *«Оценка ситуации происходит теми же примерно словами, что и среди учеников. Вот если похвалить — “Ну, молодец! Ты сегодня выучила!”, там, “У тебя все хорошо получилось”. Ну, “родителей, будем вызывать твоих родителей. Тебе сегодня два!” По фамилии обратится к тебе, т.е. присутствует алгоритм как бы общения с учеником и (в) общении между собой, но понимая, что ты иронизируешь. Главное: ЭЧто ж, сегодня не выучила урок, вызову родителей»* (Ж, ок. 40 лет) [ПМА: СПб., 2004 г.].

В другой питерской школе опыт идентификации с учениками включался в контекст посвящения в профессию. *«Для молодых учителей у нас обычно делают боевое крещение. В шутку, конечно, но значение это имеет. Например, экзамен устроить по билетам. А в билетах вопросы-шутки: “Как остановить бегущего по коридору ученика?” или “Как драку прекратить” и т.д.»* В той же школе каждый год устраивают «День дублера», когда старшеклассники ведут уроки и копируют манеру поведения учителя (Ж, 40 лет) [ПМ: Н.В. Проценко, СПб., 2004 г.].

В интервью учителя говорят о том, что стараются, *«прежде чем поставить оценку, прежде чем что-то сказать, вспомнить свои проблемы, свои радости, поставить себя на их (учеников. — Т.Ш.) место»*

(Ж, молодой учитель французского языка) [ПМ: М. Тагеева, СПб., 1999 г.]. Среди качеств, необходимых учителю, называют «*умение вообразить себя на месте ученика, быть ребенком (детское восприятие) или не забывать, какие проблемы у него были в детстве*» (Ж, 25 лет) [ПМ: М. Морева, СПб., 2003 г.]. Учителя упоминают «барьер учительского стола», для преодоления которого прибегают к шутливым выражениям из детского репертуара: «*На своих уроках часто использую такие шутки, как окончен бал, завяли помидоры, а когда ученик что-то не понял или неправильно сказал, то говорю: получи фашист гранату... или когда самостоятельная работа, то — вперед на баррикады. Как детям, так и мне нравятся такие контрасты. Это позволяет снять психологическое напряжение или страх перед уроком*» (Ж, 43 года) [ПМ: М.В. Пшенной-Северина, 1998 г.].

Для врачей и учителей клиент, как правило, одновременно и объект, на который направлена их профессиональная деятельность. Их идентификация с клиентами одновременно есть идентификация с объектом, переживание или воспроизведение в своем опыте состояний объекта. У архитекторов фигура клиента и объект не совпадают и символическая идентификация касается объекта, т.е. возводимого по проекту архитектора строения. Так, архитекторы говорят о том, что их жизнь переходит в возведенные ими строения и что многие бы желали быть похоронены вблизи «своих» зданий. Отмечено и поверье о том, что после смерти архитектора его душа остается вблизи построенного по его проекту сооружения [ПМ: О. Аверичева, СПб., 2002 г.].

В сфере торговли существует примета, что «любовь к товару» способствует его быстрой продаже. При этом под «любовью» понимают как символическое соединение с ним (померить, прикоснуться, обмахнуть деньгами и т.д.), так и способность продавца взглянуть на товар глазами покупателя (здесь уже скорее самоидентификация продавца с ролью клиента). Эта примета была записана, в частности, среди торговцев Троицкого рынка: «*Если мне в моем и не только в моем отделе что-нибудь понравится, положу глаз... это обязательно покупается. Это многие женщины заметили... говорят: "С., иди померь что-нибудь!" Вот если надумаю себе что-нибудь прикупить, это очень быстро продается, чуть ли не в тот же день*» (Ж, 46 лет) [ПМ: А.В. Бычкова, СПб., 2003 г.]. Продавец в этом случае на время сама входит в роль покупателя, т.е. примета диктует некоторую степень идентификации продавца с клиентом как условие успеха торговли.

В профессиях сферы услуг стремление привлечь клиентов выражается в ряде примет, фиксирующих правила выбора места для работы, а также совершения магических ритуалов, обеспечивающих приток клиентов. По существу, объединительная стратегия сама становится подкреплением и стимулом к соблюдению ряда технических и коммуникативных правил.

В качестве **магического средства привлечения** покупателей в торговле используются денежные купюры (как атрибут потенциального клиента — потребителя услуг). После первой за день удачной продажи обмахивают все вещи полученными купюрами, приговаривая: «*Продавайся, ничего не оставайся*» [ПМ: И. Ивлева, 1998 г.; А.В. Бычкова, 2003 г.]. Хорошая примета — держать в кошельке хотя бы немного своих денег, *на развод*, поскольку считается, что «деньги к деньгам» (опять-таки символическая идентификация: когда продавец держит при себе деньги, которые символизируют потенциального клиента). Таксисты в надежде привлечь платежеспособных клиентов кладут деньги под сиденье [ПМА: СПб., 2005 г.]. Символическим средством выражения установки на привлечение клиентов в данном случае служат деньги как медиатор, опосредующий отношения с клиентом в процессе профессиональной деятельности.

По сведениям, собранным А.В. Бычковой, продавцы на Троицком рынке для привлечения покупателей зажигают церковную свечку: «*Вот в эту субботу заметила интересную закономерность... зажигаю — народ косяком, и никто не уходит, ждут, ждут примерочную, покупают. Свечка догорает — даже не заходят*» [ПМ: А.В. Бычкова, 2003 г.]. Ритуализованное действие, доказавшее, по мнению рассказчицы, свою успешность, фиксируется в форме приметы: зажжешь свечу — пойдут покупатели.

В профессиональных байках фигурирует еще один способ символической идентификации — стремление **унести с собою частичку объекта**, связанную с ним вещь, значок, держать их дома или на рабочем месте; у некоторых это выливается в сбор коллекций (образцов, имеющих отношение к объекту деятельности).

В среде студентов-медиков ходят слухи, что существует негласная традиция брать с собою из лаборатории мелкие части от препарата (как правило, в фольклоре фигурируют косточки). «Истории, связанные с **выносом частей тела или скелета из анатомички**, например, на сдачу зачета», стали, как утверждает проводившая этнографическое исследование в медицинском вузе В. Монич, частью медицинского юмора. Она цитирует следующий студенческий рас-

сказ: «С собой в метро один молодой человек взял кусочек черепа, ехал, анализировал, вертел, с конспектом сравнивал... И девушка спрашивает (тоже студентка-медик): “А это у тебя что (называет кость)?” “Нет, — отвечает он, повертев пальцем у виска, — это череп”». Заметим, что сюжет обыгрывает идентификацию медицинского препарата и головы студента (жест, которым он сопровождает свое пояснение, имеет в данной ситуации смысл каламбура). Кости в руках будущих медиков фигурируют в их фольклоре как один из знаков, по которым они узнают друг друга.

В домах геологов можно обнаружить минералогические коллекции или отдельные образцы, привезенные из экспедиций. У археологов я видела и получала от них в качестве сувениров бусинки и пряслица, обломки керамики или костей из раскопа (массовый рядовой материал); у этнографов — деревенские солонки и прялки, привезенные из «поля» и не принятые музеем (из-за их состояния или рядового характера). Из моей первой археологической экспедиции я привезла найденный в раскопе (и выброшенный руководителем экспедиции) череп коня. Некоторое время он хранился у меня дома, играя примерно ту же роль, что и идолы поля в рабочих кабинетах «полевиков» — от археологов до социологов.

Символы идентификации бытуют в профессиональных традициях в двух вариантах. Первый вариант — мистический, т.е. символическая идентификация с объектом включается в контекст магических обрядов или переживается как мистический опыт. Это характерно для обрядов посвящения, периода освоения традиции. Другой вариант — смеховой, т.е. идентификация с объектом не столько предписывается, сколько пересмеивается, эти ситуации изображаются как смешные. Именно такой вариант характерен для уже сложившихся профессионалов. В их среде этот опыт воспроизводится в смеховой оболочке, однако при необходимости он может быть использован в целях более эффективной коммуникации с объектом (например, манипуляции его состоянием) или с клиентом, который в объекте заинтересован.

Символическая идентификация с объектом (или клиентом как партнером по коммуникации, представляющим объект, а иногда таковым являющимся) означает стремление к коммуникации, она и может быть прочитана как символическое моделирование коммуникативного канала, выстраиваемого между профессионалом и объектом его деятельности. А вместе с тем и моделирование профессиональной деятельности как коммуникации.

Между тем в фольклоре профессий присутствует и противоположная стратегия — дистанцирование от объекта и табу на присвоение объектной позиции.

4. ДИСТАНЦИРОВАНИЕ ОТ ОБЪЕКТА (ТАБУ НА ИДЕНТИФИКАЦИЮ)

Конструирование сферы деятельности начинается с символического разделения ее субъекта и объекта. Конструирование статуса профессионала предполагает обозначение дистанции, разделяющей его и объект деятельности. Это разделение поддерживается и профессиональными традициями. Так, у медиков считается плохой приметой показывать на себе локализацию боли или места травм у больного, говорят: «На себе не показывай!». Боль, болезнь, травмы — объект приложения профессиональных знаний: здесь табу на совмещение качеств объекта с образом самого врача. Подобные табу и приметы существуют в разных профессиях.

Какие же позиции на самом деле разделяет символическая дистанция: профессионала — и объект или профессионала — и клиента, представляющего объект в межличностных отношениях? В некоторых профессиях позиции объекта и клиента практически совпадают: так, в практике врача болезнь (объект) представлена в теле больного человека, пациента: он заинтересованный в услугах врача клиент, и одновременно его тело, нередко и психика — объект профессионального воздействия (лечения). В то же время клиентом и заказчиком профессиональных услуг медиков могут быть и другие: например, государство, корпорация, страховая компания, т.е. позиция клиента представлена разными субъектами. Тем не менее в повседневном опыте врача, в процессе собственно лечения именно пациент и как объект, и клиент.

Ученики в системе образования — похожий, но другой случай. Здесь в роли клиента выступает не только сам ученик, но и семья, и государство, и профессиональное сообщество (если учесть, что обучение в перспективе — условие пополнения профессионального сообщества, база его воспроизводства). В случае архитектуры позиции объекта (архитектурные ансамбли и сооружения) вполне ясно разведены с позицией клиента (заказчика проекта). Однако в структуре отношений заказчик или клиент все равно «представляет» объект, в том смысле, что клиент — это тот, для кого, в чьих интересах профессионал манипулирует с объектом своей деятельности.

Рассматривая ту часть неформальной традиции, которая касается отношений «профессионал — клиент», обнаруживаем, что образы объекта и клиента (например, в поверьях, шутках и проч.) имеют тенденцию совмещаться. Качества объекта проецируются на клиента (заказчика, потребителя услуг). В этом случае табу на идентификацию с объектом распространяется и на клиента. Целый ряд поверий обосновывает нежелательность ситуации, когда профессионал оказывается в положении объекта или клиента (как «представляющего» объект).

Таким образом, можно предположить, что:

- табуируется не собственно идентификация с объектом, а объектная позиция для профессионала;
- эта объектная позиция проецируется (вероятно, в разной степени) на клиента, потребителя профессиональных услуг.

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих конструирование символической дистанции между профессионалом и клиентами (через табу на занятие профессионалом объектной позиции).

У медиков общеизвестной считается примета, что особенно трудно лечить больного-врача и вообще медика: врач «неправилен» в роли больного; эти позиции не должны совмещаться. В соответствии с этой приметой у хирургов дольше обычного срстаются переломы, а педиатры заражаются от своих пациентов детскими болезнями, которыми обычно взрослые люди уже не болеют⁴. Плохой приметой у врачей считается также лечить тех, кто просто как-нибудь (символически, классификационно) связан с медиками. Сложно лечить (особенно оперировать) родственников или знакомых, а также знакомых и родственников врачей, поскольку, по поверью, болезни у них протекают тяжелее, чем у других, а в процессе лечения часто возникают осложнения⁵. «У детей медиков и у самих медиков все не как у людей, с медицинской точки зрения (роды с осложнениями)», — написала мне в ответ на вопрос о медицинских приметах сотрудница Кабинета планирования семьи [ПМА: СПб., 2002 г.]. «Я сама врач гинеколог-акушер, — говорит в интервью ее коллега, — но так всегда получалось, что дочка моя рожала первый раз в поезде, а второй раз у дверей дома», — ссылаясь в качестве подтверждения приметы на случай из своего опыта [ПМ: Н.Ю. Гохлейтнер, СПб., 2004 г.].

От врача, работающей гинекологом в системе родовспоможения, мне пришлось слышать и такое: «Поработаешь здесь два года — и выпадение матки» [ПМА: СПб., 1998 г.], т.е. женщина, выступаю-

щая в роли врача-гинеколога, в соответствии с этим представлением, постепенно утрачивает способность рожать = выступать в роли пациента. (Ср.: в роли повитухи у русских традиционно выступали женщины, уже по возрасту утратившие способность рожать). Такого рода поверья фактически подкрепляют табу на идентификацию «врач=пациент»: врач (или близкий, как-то связанный с ним человек) рассматривается как «плохой», «непригодный» пациент, профессионал — как неподходящий объект (клиент).

Символическая идентификация с объектом деятельности означает покушение на статус профессионала и нередко используется в качестве инвективы. Подобные мотивы встречаются, например, в студенческом фольклоре, в частности в традиционной пикировке между учащимися лечебного и стоматологического факультетов. «*Лучше трупом быть учебным, чем учиться на лечебном*», — поддразнивают коллег будущие стоматологи. На что имеется ответ: «*Лучше трупом быть в халате, чем учиться на стомате*» [ПМ: В. Монич, 2001 г.]. Надо заметить, что студенты вначале отрабатывают профессиональные навыки в анатомическом отделении, т.е. имеют дело в качестве объекта мертвое тело, а не живого больного. Символическая идентификация с объектом служит в их фольклоре способом символического снижения профессионального статуса коллег с соперничающего факультета.

Идентификация с учениками не приветствуется и в учительской среде. Проблемной считается ситуация, когда дети учителей обучаются в той же школе (а еще хуже — в классе), где преподают их родители. Учителя замечают, что у таких детей чаще других возникают проблемы (Ж, ок. 30 лет) [ПМА: СПб., 2003 г.]. В учительской среде чрезвычайно важно понятие *дистанции*, которую должен поддерживать учитель между собой и учениками. Некоторые преподаватели упоминают всегда осязаемый ими *барьер учительского стола*, существующий даже помимо их собственного желания.

Характерно настороженное отношение к преподаванию в своей школе: «*Я училась сама в этой же школе, — вспоминает, например, учительница математики из Санкт-Петербурга. — Когда я пришла узнать, куда меня распределили, то очень расстроилась, <...> потому что мне казалось: все те учителя, которые меня учили, <...> будут видеть во мне только ученицу. Прошло очень мало времени, всего пять лет, и я пришла в коллектив, который меня учил. Мне казалось, что ничего хорошего из этого не выйдет, и на первых порах это действительно было так. Я должна была доказать свой другой статус*». Лю-

бопытно, что достижение этой цели, т.е. окончательное признание в среде профессионалов, эта женщина связывает с обретением статуса матери: «Проработав два года, я ушла в декрет и пришла уже совершенно в другом статусе» [ПМ: М.Л. Тагеева, 1999 г].

Отметим связь профессионального статуса с репродуктивным как одно из средств поддержания символической дистанции между профессионалом и объектом его деятельности. Любопытны в этой связи и часто употребляемые метафоры, представляющие процесс профессиональной деятельности как «роды» или «зачатие» детей: «Советская ядерная бомба рождалась в муках и в тайне. Так же в муках, но открыто рождаются законы в Петербургском законодательном собрании. Один из деток — пункт в законе о бюджете»⁶. Из этого же ряда и выражение «отец ядерной бомбы» (или архитектурного проекта, методики лечения, закона и т.п.), также представляющее субъект-объектные отношения как отношения родителей и детей. Статус профессионала конструируется по аналогии с родительским. Отсюда находят объяснение идиомы: учительница — *вторая мама*, излечение от болезни — *второе рождение* и т.п., указывающие на конструирование статуса профессионала (учителя, врача) по образцу родительского. Возможно, эта метафорика — часть системы конструирования патернализма по отношению к клиенту (мы уже говорили об ассоциации, а порой и совмещении образов клиента и объекта профессиональной деятельности).

У продавцов на уличном рынке имеется примета: не делать никаких покупок утром, пока не сделана первая продажа, и в понедельник («иначе неделя будет пролетной»), т.е. продавец не должен быть в роли покупателя в начале рабочей недели и рабочего дня (Ж, 46 лет) [ПМ: А.В. Бычкова, СПб., 2003 г.]. Приметы подобного типа поддерживают табу на идентификацию профессионала с клиентом.

В среде бортпроводников воздушных судов существует примета о «тринадцатом пассажире», наличие которого на борту самолета приносит несчастье. Таким пассажиром считается *бунтер*, который начинает скандалить, требуя к себе особенного внимания. Его стараются поскорее изолировать, чтобы высвободить внимание стюардесс и не допустить его влияния на других пассажиров. Другие, как говорит стюардесса, «приходят к нам, начинают изливаться душой». Чтобы нейтрализовать такого пассажира, «лучше, конечно, ему налить что покрепче из бизнес-класса, да, и дать ему плед, подушку, чтоб он ни себя не нервировал, ни других пассажиров» (Ж, 24 года) [ПМА: СПб., 2005 г.]. В этом случае профессионализм состоит

в том, чтобы добиться известной дистанции, эмоциональные отношения между пассажиром и бортпроводником рассматриваются как источник опасности.

Разновидностью примет, устанавливающих дистанцию между профессионалом и потребителями его услуг, следует считать приметы о «первом клиенте». Имеет значение его пол: хорошая примета, если первый (за день, неделю, после открытия нового заведения) клиент — мужчина. Продавцам он сулит хорошие продажи, официантам — высокие чаевые, таксистам — выгодные рейсы, а хирургам — операции без осложнений [ПМ: И. Ивлева, СПб., 1998; О. Козина, В.Монич, СПб., 2000 г.; ПМА: СПб., 2004 г.]⁷. Если первым клиентом оказывается женщина, то, по примете, день будет неудачным. Хирурги считают особенно опасными пациентами блондинок. В данном случае примета ориентирует на поддержание дистанции по отношению к клиентам-женщинам.

Выраженные в виде примет, такие требования обычно не мотивируются. Но в ряде профессиональных традиций аналогичные правила транслируются в форме рассказов о случаях, где они представлены в контексте конкретной ситуации.

Конструирование и поддержание дистанции есть, собственно, поддержание свойства объектности применительно к тем людям, ситуациям и предметам, на которые направлена профессиональная активность. Тем самым, как оборотная сторона, обозначается активная роль, отводимая профессионалу. Дистанция, разделение субъекта / объекта и поддержание асимметрии между ними — основа, исходная посылка профессиональной коммуникации.

В актерских байках, шутках и приметах обыгрывается ситуация нарушения коммуникации с залом: *провал* спектакля и способы, зачастую магические, его предотвращения; *мандраж* (страх перед выходом на сцену), *зажим* (скованность во время исполнения роли), *белый лист* (забывание текста роли на сцене). Музыканты, как и артисты, обсуждают ситуации, когда зал *расползается*, т.е. внимание зрителей отвлекается от сцены и начинаются разговоры, т.е. опять-таки акцентируют нарушенную коммуникацию как свойство зала (для них объекта, на который направлено воздействие, и одновременно «клиента» — собирательного коллективного потребителя их искусства).

У частных диспетчеров по грузовым перевозкам существует поговорка: «Ходок (рейсов. — Т.Ш.) без проблем не бывает». В дальних рейсах большегрузных автомобилей случаются грабежи, порча гру-

за, поломки, штрафы. Все это активно обсуждается в среде диспетчеров [ПМ: Л. Воронкова, СПб., 2001–2002 г.]. Дальнбойщики для диспетчеров — клиенты; разрешение возникших в дороге проблем (по состоянию на момент интервью) ложилось на диспетчеров. И в диспетчерской среде основной атрибут водителей — «проблемы», которые предстоит решать диспетчерам именно как коммуникативные.

Риэлторы начинают рассказ, как правило, с проблемы (нарушение нормальной коммуникации), возникшей у хозяев квартиры (сын женился и хочет разменять квартиру; престарелая мать болеет, дочь хочет съехаться с ней и т.п.). Собственно сделка с квартирой и профессиональная деятельность риэлтора описывается в этих рассказах как «решение проблемы», возникшей в семье клиента. Эта (коммуникативная) проблема определяет и качество недвижимости, важное для профессионала: как она будет продаваться (насколько обоснованы ожидания клиентов, достигнуто ли согласие между членами семьи), быстро ли «уйдет» [ПМА: А. Мелентьева, 2002 г.].

Итак, препятствие, неспособность к коммуникации — свойство, приписываемое объекту, на который направлена деятельность профессионала; тем самым деятельность эта моделируется как коммуникация. Свойство объекта (декоммуникация, коммуникативная некомпетентность) в некоторой степени переносится на клиента — партнера по коммуникации. Теперь уже коммуникация «профессионал — клиент» моделируется по аналогии с профессиональной деятельностью (субъект-объектной), и если субъектная, активная роль по умолчанию отводится профессионалу, то клиенту остается пассивная, в идеале — объектная.

5. ПРОФЕССИОНАЛ — КЛИЕНТ: АСИММЕТРИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Некоторые традиции, проявляющиеся на неформальном уровне в различных профессиях, понятны именно с точки зрения поддержания асимметрии в отношениях «профессионал — клиент»: традиция навязывает клиенту объектную роль.

Декоммуникация, неумение строить общение, непонимание — качество, приписываемое клиенту. Ныне практически исчезнувшая работа оператора пейджинговой связи успела за несколько лет су-

ществования породить свой фольклор. Байки и шутки операторов пейджинговой связи вращались вокруг темы *накладок, проколов*, т.е. неправильной передачи сообщения, за что операторов штрафовали, а при частом повторении ошибок могли уволить.

Одна из участниц нашего проекта, Н. Ершова, вспоминает, что, когда она работала в пейджинговой компании, среди ее коллег *«на протяжении примерно месяцев трех обсуждался следующий случай. В компанию позвонила немолодая женщина. Прослушав приветствие оператора, она <...> спросила: “Алло, с кем я говорю?” Еще раз оператор ей представилась, и опять последовал вопрос: “Кто со мной говорит? Я не понимаю, какие уроды балуются по телефону”. После того как оператор в третий раз попыталась ей объяснить, что она позвонила в пейджинговую компанию и должна назвать номер абонента, чтобы отправить ему сообщение, женщина опять спросила: “А с кем я говорю?” В это время смеялись все»* [ПМ: Н. Ершова, СПб., 2002 г.]. Эта же ситуация — телефонного диалога с клиентом — обыгрывается и в смеховом фольклоре IT-специалистов (системных администраторов).

Роль пациента в медицинском фольклоре конструируется как пассивная, идеальный пациент минимально отклоняется от роли объекта. Проявления субъектности оцениваются как неуместные. Фраза из коллекции О. Удовиченко на неофициальной страничке студентов ММА им. Сеченова: «Реаниматор в 67 ГКБ (Городской клинической больнице. — Т.Щ.): Наркоз — таинственное средство, с помощью которого врач избавляется от советов больного во время операции»⁸, т.е. приводит пациента в состояние, близкое к «идеальному объекту» (всегда пассивному).

Вообще больной в рамках дискурсивной конструкции «пациент» тем точнее отвечает своему статусу, чем более выражена у него пассивность — качество, означающее его положение как объекта медицинского вмешательства. Студенты начинают освоение врачебных манипуляций в анатомической лаборатории, препарируя трупы: объект, полностью лишенный качеств субъекта коммуникации. В клиники к настоящим больным студентов поведут позже, когда они уже освоят первые навыки проведения медицинского вмешательства, попрактиковавшись на трупах и манекенах. Больной в меньшей степени поддается власти медика, он менее познаваем для медика, т.е. не вполне объект. В неформальном общении формулировки более резкие: «Патологоанатом — лучший диагност», т.е. говорят о том, что прижизненный диагноз неидеален: точный диа-

гноз возможен лишь после смерти, когда на столе патологоанатома действительно идеальный объект.

Субъектные проявления со стороны больного (попытки проконтролировать, понять проводимые над ним медицинские процедуры) — предмет осмеяния (в данном случае — отрицания их смысла) в фольклоре медиков. А на практике эта позиция находит нередко продолжение в том, что попытки активности, коммуникативной инициативы со стороны клиента пресекаются.

В интервью женщин, описывавших роды в российских родильных домах, упоминаются такие моменты, как требование медперсонала молчать во время потуг, даже в тех случаях, когда родильница чувствовала от крика облегчение. Другие вспоминают, что медперсонал игнорировал их призывы и обращения: *«Потом мне стало худо уже, схватки начались уже такие интенсивные. Я позвала медсестру и говорю: “Мне плохо. Посидите со мной рядом, просто поговорите о чем-нибудь”. А она мне говорит: “Что с Вами разговаривать?” — отвернулась и пошла»* [ПМА: СПб., 1996]⁹.

Попытки вступить в коммуникацию угрожают разрушением статуса женщины как пациентки, точнее — ее роли «объекта». Отсюда и происходят характерные для целого ряда сфер деятельности случаи пресечения активности со стороны клиентов — своеобразного авторитаризма профессионалов. Конструирование и поддержание пассивной позиции объекта — это формирование отношений власти.

Похожим образом в театральных байках описываются отношения актеров со зрителями во время спектакля. Характерный пример приводит Е.В. Соловьяненко в дипломной работе, основанной на полевых наблюдениях Петербургской антрепризы «Арт-Питер»: *«Подвыпивший зритель, сидевший в первом ряду, в полный голос комментировал все происходящее на сцене, пытался вступить в диалог с актерами, давал советы. Вывести из зала его не представлялось возможным, и играть дальше также было очень трудно. Но вдруг вместо голоса этого зрителя начал раздаваться храп. Актеры вполголоса, чтобы его не разбудить, быстро (на двадцать минут быстрее) доиграли спектакль»* [ПМ: Е.В. Соловьяненко, СПб., 2005–2007 гг.]. Зрительская активность разрушительна для спектакля, и актерский коллектив проявляет смекалку и высокую степень координации, чтобы свести к минимуму ее последствия.

Тема зрительского вмешательства в ход представления реализуется в сюжете о сотовых телефонах, звонки которых время от време-

ни раздаются, несмотря на предупреждения, во время публичных мероприятий, в том числе и спектаклей. Еще пример из коллекции Е.В. Соловьяненко: *«Идет спектакль “Гамлет”. Актер произносит текст: “Быть или не быть”. В абсолютной тишине зрительного зала раздается звонок. Зритель снимает трубку: “Да?!”*». Подобные вторжения меняют смысл реплик, зритель вторгается в ход спектакля, тем самым разделяя с его участниками субъектную позицию. Актеры утрачивают контроль над ситуацией¹⁰.

Существует и мотив, придающий сюжету о «возгласах и звуках из зала» дальнейшее развитие: актеры проявляют находчивость, импровизируют, включая эти незапланированные помехи в ход спектакля, обыгрывая их как удачный штрих или режиссерский прием (виртуозность заключается в том, чтобы зритель «ничего не заметил»). Та же схема, к слову, и в основе знаменитых актерских розыгрышей (там тоже во время спектакля возникают непредусмотренные реплики, только их нарочно произносят сами актеры, партнеры по спектаклю, а не зритель из зала, но выход и там заключается в удачной импровизации). Таким образом, «голос из зала» — нарушение распределения ролей в субъект-объектной коммуникации. Нормализация состоит в том, что профессионалы (актеры) возвращают себе коммуникативную инициативу, восстанавливая пассивную позицию зала, и за счет этого восстанавливают контроль над ситуацией.

Подобные сюжеты и обычаи я бы интерпретировала в контексте отношений «профессионал — клиент»: как конструирование коммуникативной асимметрии, на которой базируется власть профессионала.

Нам важно заметить, что отношение профессионала к объекту изображается как коммуникация (общение). В результате профессиональная деятельность в неформальном дискурсе конструируется по образцу коммуникативной. Подчеркну, что это относится к неформальному дискурсу профессиональной среды, к моделированию самосознания профессионала и его статуса, а не к передаче технических навыков. Субъект-объектные отношения переносятся на отношение профессионала к клиентам или потребителям его услуг, что предопределяет тенденцию к их оформлению как патерналистских¹¹.

Маркер и обоснование асимметрии — знание. Принципиальным является асимметричное распределение знания между сторонами, благодаря чему профессионал (обладатель знания) получает право

осуществлять воздействие, т.е. власть по отношению не только к объекту, но и к партнеру по коммуникации.

По контрасту с пассивным объектом, профессионалу приписывается коммуникативная компетентность — обладание знанием об объекте. Знание — прерогатива и знак статуса профессионала; претензии другой стороны на обладание знанием в профессиональном фольклоре представлены как нелепые и высмеиваются. На сайте Медицинской академии им. Сеченова в разделе медицинского юмора помещено следующее высказывание: *«Сейчас больные стали образованные. Например, на вопрос “На что жалуется?” отвечают: “На неполную блокаду левой ножки пучка Гиса”*. Этнографы как о курьезе рассказывали, что бабушка в пинежской деревне, встречая у забора очередную экспедицию, спросила: *«А вы кто же? Филологи или дендрохронологи?»* (намек на частые посещения этой деревни разнообразными экспедициями, в числе которых была и группа, занимавшаяся дендрохронологией) [ПМА: СПб., 1989 г.]. В обоих случаях предметом осмеяния становится использование профессиональной лексики людьми, занимающими позиции объекта профессионального воздействия. Подобный юмор ведет, если придерживаться концепции А.Г. Козинцева¹², к аннулированию описанной ситуации как нелепой, лишению ее смысла, а тем самым препятствует символической идентификации объекта и профессионала.

Смеховой эффект порождает и обратная ситуация: незнание профессионала, что также символически сближает его с объектом его деятельности. Анекдот, который учитель привел в интервью как популярный в профессиональной среде: *«Учитель жалуется коллегам: такой тупой класс попался, никак новый материал не понимают. Объяснял, объяснял — уже сам понял, а они никак»* [ПМ: М. Морева, СПб., 2002 г.].

Обладание знанием — основание права профессионала оказывать воздействие на объект, профессиональную деятельность. Асимметричное распределение знания — основа его власти, контроля над ситуацией.

Соответственно стратегия сопротивления этой власти (например, сопротивления власти учителя со стороны учеников) должна проявиться в приписывании профессионалу коммуникативной некомпетентности. Действительно, в фольклоре школьников и студентов фиксируется момент нарушения коммуникации по вине преподавателя. Существует довольно распространенная практика составлять коллекции нелогичных, неправильных, непонятных

и бессмысленных высказываний школьных учителей и вузовских лекторов. В Интернете размещены такие подборки, например, подборка учительских фраз, озаглавленная «Из непонятого»: *«Я сначала напишу, потом подумаю»; «Посмотрите на формулу, которую я стер»; «Если вам все понятно, то я вопрос»*¹³ и т.п. Подобные фразы можно обнаружить в «Песенниках» и блокнотах школьников, они часто фигурируют в КВН или капустниках, фиксируя, а одновременно и поддерживая барьер непонимания как значимую характеристику общения в данной ситуации.

Подводя итог: через систему представлений об объекте конструируется позиция профессионала как субъекта деятельности, а вместе с тем активной стороны в процессе профессиональной коммуникации; это означает и поляризацию функций социального контроля между сторонами (контроль сосредоточен на полюсе профессионала).

Если свойство объектности переносят на клиента, это предопределяет асимметрию в отношении «профессионал — клиент» и даже тенденцию к патернализму как неформальной модели этих отношений.

6. ПРОФЕССИОНАЛ — КЛИЕНТ: «ЭНЕРГИЯ», «АТМОСФЕРА» И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Вернемся к традициям, касающимся отношений «профессионал — клиент», к обычаям и сюжетам, касающимся распределения социального контроля. Особый интерес представляют те аспекты профессиональной традиции, которые фиксируют техники и тактики управления состоянием и действиями клиентов. В повседневности это определяется как контроль пространства профессии: через нормативные высказывания (объявления, записки на стенах рабочих помещений, устные обращения, пояснения, предписания, иногда окрики и одергивания), а также практики, группирующиеся вокруг трудноопределимых, похожих на мифологические понятий-образов, таких как «драйв» или «подача» в рок-музыке, «энергия» в музыкально- и театрально-исполнительской традиции, «атмосфера» и т.п. Приведем примеры.

Нормирующие послания. Самое очевидное проявление контроля в пространстве профессии — нормативные послания. В первой главе мы уже рассматривали надписи, адресованные коллегам. Теперь

обратим внимание на послания, адресованные тем, кто пользуется профессиональными услугами.

Устные и письменные обращения нормативного содержания можно видеть едва ли не в любой организации, но, как правило, они слабо затронуты неформальной традицией. В больничной палате висят распечатанные на принтере правила внутреннего распорядка, а в коридоре — не менявшиеся с 1950-х годов таблички «Вход без халатов воспрещен» (хотя уже не менее десятка лет посетители туда ходят без халатов и даже вместо когда-то обязательных тапочек натягивают бахилы поверх уличной обуви; нормативное послание, овещенное в табличке, оказалось долговечнее самой нормы).

Несколько более информализованы обращения в местах для курения и в туалетных комнатах. В коридоре между отделениями стационара детской больницы, куда больные и посетители выходят покурить, обращение не официально-распечатанное, а написанное фломастерами от руки: «*Господа! Большая просьба не делать из АПТЕЧНОЙ ПОСУДЫ пепельницу! Администрация.*» Надписи в туалете призывают «уважаемых господ» и «дам» соблюдать чистоту, пользоваться мусорными пакетами и т.п. [ПМА: СПб., 2007 г.]. Обращения эти скорее всего исходят не от профессионалов (врачей), а от обслуживающего персонала. Однако нельзя и их исключать из символического пространства профессии: эти надписи мотивированы требованиями гигиены как условие успешного лечения, т.е. вписываются в контекст оказываемой в этом пространстве профессиональной услуги (лечения).

Нормирующие высказывания клиенты учреждения (в данном случае — больной и посетитель) слышат и в устной форме. Нас интересует, насколько эти наставления затронуты неформальной традицией. Для систематического изучения содержания нормативных высказываний нужно обратиться к записям, сделанным в ходе включенного наблюдения¹⁴, но сейчас мы рассматриваем скорее формы трансляции нормативных воздействий. С этой стороны, интересны высказывания, основанные на больничных поверьях и приметах. Любопытно, что их тоже, наряду с собственно медицинскими знаниями, транслирует медперсонал. Так, врач-терапевт (42-х лет) приводит следующие поверья: «*Нельзя менять койку в больнице* (т.е. больному переходить с одной койки на другую, освободившуюся после выписки кого-то в палате, пусть даже и более удобную. — Т.Ш.). *Нельзя оставлять вещи, чтобы не вернуться* (в больницу. — Т.Ш.)» [ПМА: СПб., МАПО, 2003 г.]. Зафиксирован

эпизод, когда женщина, поступившая в стационар, собирается «*попрощаться с мужем*», а медсестра строго говорит ей: «*Прощаться не надо, скажите мужу до свиданья*» (Ж, 30 лет) [ПМ: И. Назарова, СПб., 2005 г.].

Другой пример нормирующего пространства — пассажирский салон городского маршрутного такси¹⁵. Как правило, это частный микроавтобус, заработок водителя напрямую зависит от выручки. В первое десятилетие после своего появления на улицах Санкт-Петербурга «маршрутки» нередко принадлежали водителям или водителям в значительной мере разделяли ответственность за их техническое состояние (например, когда ездили в арендованном автомобиле). Именно в эти годы в маршрутках было множество обращений к пассажирам, неофициальных по форме: вначале рукописных, а затем в виде наклеек (они продаются на авторынках, в киосках), причем надписи на наклейках воспроизводили шоферской фольклор. Надписи эти регулируют коммуникации между водителем и пассажирами, в основном, в следующих ситуациях.

Порядок оплаты: кроме обозначения стоимости проезда и указания, что «*плату за проезд передавать водителю*», встречаются и более эмоциональные призывы:

*Жену ты можешь не любить,
Друзей ты можешь позабыть,
Но чтоб проезд не оплатить —
Страшней греха не может быть!*

Крупные деньги не давать! Сдачу не унесешь! [ПМА, 2007 г.].

порядок сообщения о месте остановки:

Остановки «Здесь» и «Тут» будут где-нибудь «Там» [ПМА, 2007 г.].
*Говорите громче, все равно закричите, когда проедем.
Удома конца нет!*

Обращение с автомобилем: в основном, требования соблюдать в салоне чистоту («*Просьба бананы есть вместе со шкурками*») и не слишком хлопать дверью (она от этого, по словам водителей, ломается и заедает). Правда, сами водители говорят, что эти надписи мало действенны: «*Вот, хочу машину новую купить, вообще круто будет, — говорит водитель питерской маршрутки в небольшом интер-*

вью. — *А то старая вообще разваливается. День, там, отработал как бы, два чинишь. Да и народ-то, ну, у нас какой? Дверь, там, постоянно открывают, вот, замок задолбало уже чинить. Сколько табличек не вешай, ничего не помогает. Тупые, они и есть тупые»* (М., 41 год) [ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004].

Тем не менее определенную роль эти таблички все же выполняют: они ясно обозначают, кто здесь определяет правила, кто осуществляет социальный контроль. Любопытно, что, когда большинство маршрутных такси сосредоточилось в рамках или под контролем крупных автопредприятий, количество надписей уменьшилось и они приобретают все более формализованный характер. Наклеек теперь (я пишу это в начале 2009 г.) стало значительно меньше, а рукописные надписи-остроты и вообще практически не встретишь.

Н. Сорокина отметила как одну из центральных тем водительских наклеек и надписей — тему опасности, риска. Есть надписи даже с некоторой угрозой: *«Десять минут страха — и Вы дома!»*¹⁶ и общувиванием этой угрозы: *«Берегите дверь: это ваш единственный выход!»* (вспомним о мифологии рисков как форме подкрепления социальных норм в неформальной традиции).

«Энергия», «драйв», «подача». В среде представителей зрелищных профессий (театральные актеры, музыканты), где есть разделение пространства на сцену и зрительный зал, сложилась своя система понятий-образов, в которых описывают взаимодействие с залом, приемы и тактики влияния на него. Самое распространенное (по материалам нашей коллекции) — «энергия».

У музыкантов (речь идет о рок-музыке) мистика общения с залом заключена в понятии *драйв*, очень важно для них, но принципиально необъяснимом. Мы уже объясняли его прямое значение — «вести», управлять настроением зала. Однако это лишь самое поверхностное толкование. Музыканты, комментируя это понятие, часто говорят о выбросе энергии, которой они наполняют зал: *«Просто считается, что группа может играть, допуская какие-то сбои, но драйв у нее есть... Это зависит от энергетики и от внешней подачи в зал».* *«Ну, какая-то энергетика исходит... группа должна заводиться, когда видно, что музыканты сами заводятся и музыкантам самим это нравится. В принципе, передается какая-то энергетика положительная от музыкантов. Может быть, даже отрицательная».*

Свои взаимоотношения с залом музыкант представляет как выброс энергии, жизненной силы: *«Я считаю, что необходимо как-то*

выбрасывать энергию... Если ты не будешь давать концерты, тебя это наполнит и ты можешь просто взорваться». *«Драйв... наверное, это плотность звука, соединенная с чем-то внутри, что хочет из тебя выйти... когда понимаешь, что здорово тебе»* [ПМ: А. Зайченко, СПб., 1999 г.]. Коммуникация с залом моделируется в терминах наполнения его своей жизненной энергией, так что он сам становится как будто живым и, в свою очередь, начинает *питать энергией* музыканта.

Отвечая на вопрос о качествах, отличающих настоящего музыканта, Александр Старцев, рок-музыкант, ответил: *«В первую очередь это энергия, которой он должен обмениваться с залом».* Причем, по его мнению, энергия музыканта определяется его любовью к тому, что он делает: *«Если ты любишь творчество больше, чем жену, жизнь, детей, тогда тебе что-то удастся».* «Энергия» уходит, если человек допускает безнравственные поступки. Приводит пример известного музыканта: *«С девяностого по девяносто шестой год его песни нормальный человек слушать просто не мог, потому что не надо уводить чужих женщин — это отнимает твою энергию».* «Энергия», в понимании А. Старцева, это необъяснимое умение музыканта *«поймать, что хочет зал, держать зал»* [ПМ: Н. Выродова (Румянцева), Е. Задорожная, СПб., 2002 г.].

В артистическом фольклоре в терминах «энергии» описывают отношения между актером и зрителями в зале: как «отдача энергии» актером, «обмен энергией» и т.п. *«Театр делается не только на сцене; спектакль происходит в зале. Потому что, если из зала вывести зрителей и заставить артистов играть в пустом зале, что-то будет происходить, но это явно будет не спектакль. Театр — это обмен, обмен энергией, а не просто перемещение людей в костюмах по сцене»*, — говорил артист А. Новиков (Театр им. Ленинского комсомола, СПб.) в интервью Наталье Зайцевой. Для него ощущение «энергии» связано с ощущением поддержки зрителей, чувством полного зала: *«Пустые незаполненные места в зале создают какое-то вокруг себя... какое-то ужасное нетеатральное поле, это физически ощущимо. Это плохо... Зал должен быть полным. Артист всегда это чувствует. В полный зал по-другому звук идет и возвращается оттуда по-другому. Полный зал дает ощущение энергетической помощи, без которой невозможно ничего»* [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), СПб., 2000 г.].

Актеры рассказывают об особых приемах управления чувствами и реакциями зала. Одни актеры выделяют для себя отдельные лица

и смотрят только на них, играют, как бы общаясь с одним человеком. Другие не видят отдельных лиц, а персонифицируют весь зал как некую коллективную личность. Они говорят о «дыхании» зала, его «поле» и обмене энергией между актерами и залом. С этим залом как коллективной личностью актер и пытается взаимодействовать, а если точнее — им управлять. Из интервью: *«В зале отдельных людей трудно заметить... Можно услышать по какому-то вдруг смеху, который на протяжении всего спектакля... В основном зал — это положительная, отрицательная масса, которую нужно подключить к действию. Либо лаской, либо кнутом, но нужно заставить сопереживать»* (К. Хабенский). *«Зал определяется не лицами, зал определяется дыханием. Вот как дышит зал. Если ты способен настроить зал, если ты чувствуешь его дыхание, его всплески, ты чувствуешь его тишину, это тишина не безразличная, это тишина напряженная. Без зала нельзя работать»* (А. Блок). *«Я чувствую реакцию всего зала, дыхание всего зала»,* — говорит и О. Андреев. *«Сложно увидеть в зале отдельных людей, но дыхание зала, реакцию зала ты слышишь и от этого отталкиваешься»* (А. Зибров).

Зал воспринимается как живое, одушевленное существо, партнер по коммуникации, в которой активную, ведущую роль должен играть актер: *«Но самое главное тоже — не пойти на поводу у зрителей. Театр не должен опускаться до того, чтобы улаживать похоти зрителя; не должен идти на поводу у зрителя».* (Точно так же профессиональные педагоги постоянно говорят об опасности «идти на поводу» у учеников.) Вместе с ролью объекта (или клиента) своей деятельности как виртуального партнера профессиональная субкультура конструирует и его подчиненную позицию, т.е. отношения власти. Представления же об «энергии», «драйве» и подобные, не смотря на свою трудноопределимость, вполне ясно указывают на тип отношений между профессионалом, выступающим со сцены, и зрительным залом. Стремление профессионала оказывать влияние на эмоциональное состояние зала, его «дыхание» и в то же время опора на поддержку со стороны зала, его ответную реакцию.

«Атмосфера». Еще один образ, который используют в разговорах об управлении состоянием и через это действиями людей — «атмосфера» (синонимично менее образное — «обстановка»): «создание атмосферы / обстановки». Такой способ описания приемов взаимодействия с клиентом встречается в интервью арбитражных судей и школьных учителей, продавцов на уличном рынке и бортпроводников воздушных судов.

Учителя говорят об «атмосфере», когда описывают свои усилия по оформлению классного помещения. *«Ну вот, например, картины с видами Англии, — показывает висящие на стенах изображения учительница английского языка (преподает примерно с 1970 г.). — Это уже создает атмосферу душевности и красоты. И если ребенка воспитывать среди красивых предметов, а эти картины очень познавательные, я считаю... они же развивают душу ребенка, не только голову. И это очень важно... А то, что меняются какие-то стенды, — это просто поток информации. Не зря же многие ученики говорят, что здесь есть чем дышать»* [ПМ: О.А. Макарова, СПб., 2004 г.]. *«И вот чувство языка тогда развивается, когда он чувствует себя в благоприятной атмосфере, дружеской. И вот это все как бы помогает, — это уже другая учительница иностранного языка (немецкого) рассказывает о том, как она обставила предназначенный для занятий кабинет. — Даже вот у меня освещение сделано такое домашнее. Не кабинетные лампы. Не такое яркое. И вот не люблю беспорядок, яркое все. Здесь все в одном стиле... в немецком. Ну как бы ничего лишнего, пестрого, в меру все. И вот это я создавала — была кладовка. Когда-то давно». «Все обустроено своими руками... Во-первых, как я учу. Говорю детям, что это маленький кусочек Германии. И вот дети должны себя почувствовать там, в окружении всего этого: это великие люди Германии... и карты, и города немецкие. Во-вторых, это как бы еще раскрепощает детей. И когда они приходят сюда, я говорю: “Все, это не урок, мы пришли поболтать, мы немцы”. Это же тоже важно, что мы себя чувствуем как бы немцами, и вот все, что вокруг нас, это не давит, теплая, домашняя атмосфера. Ребенок не чувствует себя скованным таким, что он боится, что его начнут спрашивать. Он пришел поболтать. И вот чувство языка тогда развивается, когда он чувствует себя в благоприятной атмосфере, дружеской»* (Ж, ок. 60 лет) [Там же].

Говоря о «создании атмосферы», здесь рассуждали о способах формирования определенного «чувства», психологического состояния («чувства языка» или просто «преодоления страха», раскованности, свободного стиля коммуникаций) как об условии достижения поставленных профессиональных (педагогических) задач. Это управление психологическим состоянием через формирование материальной среды, в которой проходит коммуникация. Трудно, да и не входит в мои задачи судить, насколько эти приемы успешны: я привожу эти разговоры как иллюстрацию сознательной установки на управление партнером по коммуникации и приемов, которые реализуются в практических действиях.

Арбитражные судьи также говорили в интервью о внимании, которое они уделяют обустройству залов судебного заседания, именно как о способе воздействия на поведение клиентов (сторон в суде): формирования «стиля» коммуникации. Свидетельства этому приведены в материалах, собранных К.В. Сергеевой, проводившей полевое исследование среди судей арбитражного суда. *«Когда появилась эта мебель, — рассказывает судья (женщина, работающая в арбитраже около 12 лет), — мы эту мебель двигали несколько раз. Т.е. вот в зависимости от того, как стоит мебель в зале, так ведут себя стороны. И вот так, как мебель стоит сейчас, в принципе это оптимальный вариант. Т.е. чтобы стол для сторон стоял. Но подиумы то уже позже появились. Но чтобы стол для сторон стоял вот так, буквой «П», был отодвинут. Не вплотную к судейскому столу, а чтобы было пространство. И так ставили, и как в школе ставили (партами), и между столами сторон пространство оставляли. Т.е. по-разному все это делали. И как сейчас стоит — оптимальный момент. Потому что, как оказалось, это влияет на то, как себя люди ведут в заседании... Как они отвечают, с кем говорят и как они общаются... с судом, друг с другом. Трудно объяснить эффективность процесса, эффективность выкачивания информации. Вот на это влияет».*

«Судьи сидят за длинным черным столом, — рассказывает ее коллега (женщина 42 лет, стаж в арбитраже 9 лет). — На самом деле он не черный, а коричневый, деревянный. Во-первых, это уже сама по себе граница, а во-вторых, он находится на подиуме. Сам судья облачен в черную мантию. Создается довольно многослойная защита. Исключение всякого вмешательства в процесс. Я сижу здесь. Я главная. Иногда трудно удержаться, чтобы не проявить самодурство. Кого-то больше всего именно это притягивает» [ПМ: К.В. Сергеева, СПб., 2004 г.]

В данном случае вполне прямо говорится не просто о создании обстановки, управлении отношениями, но о конструировании отношений как иерархических, с позицией профессионала как инстанцией контроля. Собственно, тот же смысл и прочих разговоров о «создании атмосферы» и прочих формах формирования пространства профессиональной коммуникации: говорят о пространстве и атмосфере, описывая распределение социального контроля коммуникации в этом пространстве.

Отношение «профессионал — клиент» — только одна грань статуса профессионала. Другая грань — это его коммуникации в связи с осуществлением деятельности и контроля: коммуникации с клиентом и коллегами.

7. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА: ТРАДИЦИЯ, КОНКУРЕНЦИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Далее рассмотрим представления и приметы, оказывающие влияние на коммуникации в самой профессиональной среде.

Есть приметы, направленные на консолидацию профессионального сообщества. Среди театральных примет, например, отмечена такая: на сцене *«со всеми здороваться обязательно надо и по несколько раз, даже если ты не знаешь этого человека»* (О. Андреев, театр им. Ленсовета) [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.]. Чтобы спектакль прошел удачно, перед его началом актеры *«сходятся все вместе, берутся за руки и стоят некоторое время молча»* (М. Пореченков, театр им. Ленсовета) [ПМ: Н. Кондратьева (Зайцева), 2000 г.]

Ряд поверий и примет регулируют баланс отношений конкуренции и сотрудничества в профессиональной среде.

В некоторых профессиях, где доход непосредственно определяется числом клиентов, существуют поверья или приметы о существовании «своих» клиентов и «не своих». У водителей такси, например, плохой приметой считается возвращаться к клиенту, которого проехал, не заметив вовремя у дороги. *«Есть у нас такая... "твой клиент от тебя не уйдет". У каждого есть свои правила, я так пару раз проехал пассажира — я никогда не вернусь к нему. — Почему? — Я несколько раз... значит, не мой пассажир! Как бы такой ответ. Я несколько раз возвращался и получал просто... проблемы какие-то были, ненормальные, просто ни с чего, на ровном месте — поэтому я понял: значит, это... как бы действительно такое: силы какие-то, что вот: не надо возвращаться, значит, в этом что-то есть: проехал — проехал. Так: раз! — ой, рука... (т.е. заметил руку голосующего на дороге. — Т.Ш.)... ну и Бог с ним. Но это опять же со временем приходит. Много — молодые — конечно, злятся. Ему надо план зарабатывать, план отдавать, семью кормить — все это понятно. Раз! Ой! — проехал пассажира, начинает кипятиться, — вот этого не должно быть. Но это, опять же, приходит со временем: твой клиент от тебя не уйдет!».* Такое отношение позволяет несколько уменьшить зависимость от наличия и местоположения случайного клиента.

Есть еще представления о «не твоём дне» или времени дня, когда все у водителя явно не стыкуется: *«Вот едешь с правой стороны — голосует с левой. Ты развернулся — наоборот. Опять же — едешь справа (т.е. по правой стороне улицы. — Т.Ш.) — опять голосует слева*

(т.е. на другой стороне улицы. — Т.Ш.). *Ну, значит, ты понимаешь, что это опять же не твоё время. Ты едешь пить чай*» (М., ок. 35 лет) [ПМА, СПб., 2005 г.]. Приметы о «своем» и «не своем» клиенте или времени позволяет профессионалу не гоняться за каждым пассажиром, а следовать сложившемуся стереотипу поведения, полагая, что встреча так или иначе произойдет.

У музыкантов (из интервью с рок-музыкантами) есть представление о том, что у каждого есть *своя публика* — люди, которые приходят конкретно послушать данного исполнителя, — и есть *левая публика*, т.е. те, кто приходят на концерт «*побухать, попрыгать*». От них не нужно ждать внимания и понимания, и их поведение не должно влиять на самооценку музыканта (Дм. Румянцев, гитара, вокал, группа «Ключи от неба» [ПМ: Н. Выродова, Е. Задорожная, СПб., 2002 г.]).

Поверья такого рода позволяют ослабить зависимость профессионала от индивидуальных характеристик клиента, продолжать следовать сложившимся моделям профессионального поведения, т.е. поддерживают приоритет профессиональных норм над решениями, диктуемыми фактором случайности в отношениях с клиентами.

Иногда эти представления действуют и как антиконкурентные, точнее — снижающие негативные последствия профессиональной конкуренции за клиента: если первой подъехала к голосующему клиенту другая машина, у водителя нет причины кипятиваться: это «не его» клиент. По той же причине нет необходимости забирать клиента из-под носа у другого таксиста, к тому же это плохая примета и клиент может оказаться ближним, от которого немного прибыли.

Еще ряд примет затрагивает поведение в условиях конкуренции. Они опираются на поверья, объясняющие конкурентные преимущества некоторых коллег. У школьных учителей, актеров и музыкантов — об особой *энергии*, с помощью которой они способны *держат* (под своим влиянием) аудиторию. Рок-музыканты говорят, что профессиональный успех сопутствует тем, у кого имеется *драйв*, таксисты утверждают, что у них существует *фарт*, необъяснимый, как в карточной игре или рулетке.

Поверья и приметы о более удачливых коллегах особенно распространены в торговой среде: им приписывается либо *дурной глаз*, либо *легкая рука*. Если у человека *легкая рука*, то, по поверьям, товар у него *легко уходит, идет с ходу, быстро расходуется* и даже *улетает*, т.е. предполагается способность такого человека сообщать товару

качества «ходкости» (ср.: *ходкий товар*). Такого человека зовут, веря, что он может передать удачу: «*Бывают случаи, — рассказывает одна из продавцов рынка в Апраксином дворе, — у кого... легкая рука, могут даже попросить постоять его с товаром, первая продажа чтобы была хорошая. И тогда хорошо пойдет. Первая продажа: если продашь хорошо товар, с большим наваром, то обмахивают — прямо берутся эти купюры там в пачке — и машут над своим товаром. Бывает, если соседние торговки тоже увидят, то просят над их товаром тоже помахать, бывает, по всему магазину с этими деньгами обходят. Чтоб хорошо продать*» [ПМ: А. Тыквина, 1996 г.]. Это поверье несколько смягчает конфликты, стимулируемые конкуренцией между торгующими. Удача в этом случае не отталкивает продавца от соседей по рынку, а, напротив, способствует большей интеграции в сообщество (его везде зовут). Но условием этого становится совершение ритуала, в ходе которого продавец демонстрирует готовность поделиться удачей — установку на сотрудничество.

Если же более удачливый торговец не продемонстрировал готовности поделиться удачей, то его могут обвинить в колдовстве или заподозрить у него дурной глаз, благодаря чему он способен якобы *испортить, сбить, перебить* торговлю у своих конкурентов, например, рассыпав возле чужого прилавка мелкие деньги или наговоренную соль. Тогда, по поверью, торговля *сбивается*, ее нужно налаживать с помощью специальных обрядов (постараться отыскать рассыпанную мелочь): «*Даже война своя торговая идет. Допустим, считается, что если один продавец завидует другому, — не далее как вчера слышала это в курилке, — идет война такая: завистник приходит и подбрасывает тому, кому завидует, копейки, мелочь. Таким образом он «сбивает торговлю»*» (Ж, 46 лет) [ПМ: А.В. Бычкова, 2003 г.].

Тогда соседство с ним считается опасным, и неизбежна социальная изоляция удачливого соседа либо открытый конфликт: «*У нас, допустим, там две женщины, которые жизнь положили на этой торговле, все время спорили, так дело доходило до того, что вот, допустим, одна стоит напротив другой, у одной идет торговля, у другой нет, — так там такой начинался скандал*» (Ж, 1948 г.р.) [ПМ: И. Иванова, 1998 г.].

Целый ряд поверий позволяет в случае необходимости обосновать дистанцирование от собрата по профессии, а иногда даже его социальную изоляцию. Выше упоминалась милицейская примета о встрече с начальником в начале рабочего дня: день не заладится,

будет тяжкое преступление. Медики не ждут ничего хорошего от своих коллег, ставших руководителями: «*Нету хуже сволочей, чем начальство из врачей*» [(ПМА: СПб., 2003 г.]. В такого рода конструкциях прочитывается установка профессиональной среды на сопротивление институциональной власти как форма сохранения своей автономии.

Ряд примет в торговле, сфере услуг (например, у парикмахеров), в медицине (у хирургов и акушеров) связан с мифологемой *дурного глаза*, который способен помешать деятельности профессионала. Торговцы, например, пытаются защитить от дурного глаза товар, чтобы он хорошо расхотился, не залеживался на прилавке. Для этого его нужно перекладывать с места на место. Если пришел новый товар, не разговаривать о нем, не отвечать на вопросы и не давать возможности обсуждать его соседкам по рынку [ПМ: А. Тыквина, 1996 г.]. Поверья о сглазе, таким образом, поддерживают коммуникативную дистанцию, определенные барьеры между продавцами. У торговцев плохой приметой считается давать деньги в долг и отдавать долги до первой продажи; у таксистов — наоборот, вечером, после получения выручки; эти приметы также содержат нормы дистанцирования, разделяющие коллег в некоторые ответственные для дела моменты.

В среде бортпроводников негласной изоляции могут подвергнуться коллеги, попадавшие в нештатные ситуации: с ними боятся летать из-за приметы о том, что они притягивают несчастья (эту примету мы подробно разбирали в самом начале). Чтобы этого не произошло, им советуют носить охранный пояс, купленный в церкви, а также никогда не думать о возможных авариях и катастрофах.

Формой ограничения коммуникаций между коллегами в определенных ситуациях оказываются и приметы, табуирующие орудия профессиональной деятельности. У музыкантов дурная примета — давать кому-то свой инструмент, у архитекторов — пускать кого-то за свой рабочий стол. Исключения могут сделать только для тех особенно близких друзей, которым полностью доверяют. В основе этих примет — символическая идентификация профессионала со своим инструментом или рабочим местом.

Символическое противоборство через идентификацию с профессиональными атрибутами характерно для военных различных воинских специальностей или родов войск. Бойцов из подразделений, отвечающих за обеспечение горюче-смазочными материалами, в войсках называют *мазута*, обращаясь к ним: «*Эй, мазута,*

когда принесешь мазута?» Артиллеристы считают себя военной интеллигенцией: «*Пехота пешиком, а мы на технике*». Гордость за свои войска звучит в самоназвании *крылатая авиация*.

Присловья-характеристики различных родов войск, анекдоты, как и насмешливые стихотворения-эпиграммы, которыми обмениваются студенты различных факультетов медицинского вуза, маркируют границы между разными сегментами профессионального сообщества, между которым существует негласная конкуренция (за внутрипрофессиональный статус и престиж).

Существуют и приметы, накладывающие (или, точнее, обосновывающие) ограничения на процесс коммуникации в профессиональной среде. Они табуируют отдельные темы вербального общения, разговоры или вообще звуковые сигналы. У бортпроводников существует запрет громко говорить, свистеть и плакать на борту самолета. Запрет свистеть, находясь в вертолете, упоминают и геологи, которым часто приходится пользоваться этим транспортным средством в экспедициях. У артистов не принято громко разговаривать на сцене о вещах, не относящихся к спектаклю, у врачей-акушеров — много смеяться во время дежурства (могут быть сложные роды и потребоваться кесарево сечение)¹⁷.

Приметы — специфическая форма трансляции поверий, которые способны стать обоснованиями тех или иных действий. Примета актуализирует не только некоторое знание (как следует или не следует поступать), но и подкрепляющие его страхи, представления о рисках профессии. Функция примет с их способностью к актуализации рисков состоит в том, чтобы представить на эмоционально значимом фоне образец поведения, которому затем предстоит перейти в привычку. Примета — это транслируемая культурой модель профессиональной привычки.

Итак, неформальная традиция вторгается в сферу регулирования профессиональных коммуникаций, устанавливая баланс между стратегиями разграничения (исключения) и консолидации (включения) как внутри профессионального сообщества, так и в его отношениях с клиентами и руководством (инстанциями власти). Однако было бы сильным упрощением рассматривать «приметы» (тексты, которые обозначаются этим словом в среде носителей традиции и фольклористов) как средство повседневной регламентации поведения. Примета не просто транслирует команду для актуализации в конкретной ситуации. Она не столько регулирует, сколько моделирует поведение, создавая прецедент и придавая ему особую,

почти сакральную значимость за счет актуализации эмоционального подкрепления (опоры на риск и связанные с ним состояния страха, тревожности или воспоминаний о них).

¹ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 140–141.

² Олег Удовиченко. Специальный курс, прочитанный на I–VI годах обучения в стенах ММА им. Сеченова, несмотря на то, что он не был включен в учебный план // Сайт студентов ММА им. Сеченова. http://appendektomia.narod.ru/umor/S_kurs.htm.

³ Слово «стрепильный» было упомянуто в интервью как строительный термин, но в словарях мне его так и не удалось найти (возможно, ошибка расшифровки).

⁴ Черденникова М., Кром И. Не возите больного ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очокуриться // Мегapolis-Экспресс. 2004. № 11 (738). Статья опубликована на сайте газеты: www.megapolis.ru.

⁵ Светлова Е. Врачебная ошибка // Совершенно секретно. 1999. № 7; см. также примеры на сайте ММА им. Сеченова.

⁶ Орешкин А. Отнимают копейку у отцов ядерной бомбы // Смена. 1999. 15 янв.

⁷ Также см.: Петрова М. Любовный роман №172 занял второе место // Смена. 1998. 17 февр.; Черденникова М., Кром И. Указ. соч.

⁸ Удовиченко О., Указ. соч.

⁹ Более подробно о символическом конструировании власти в системе родовспоможения см.: Шепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. СПб., 1999. Вып. 2. С. 389–423. О взаимоотношениях рожениц с медперсоналом: Белоусова Е. Наши современницы о родовспоможении в России // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 216–228.

¹⁰ Соловьяненко Е.В. Организация в процессе изменений: исследование петербургской антрепризы: Дипломная работа. СПбГУ, 2007. С. 55.

¹¹ О патернализме как неформальной стороне социального контроля на производстве и в здравоохранении в постсоветской России см., напр.: Браун Дж., Русинова Н.Л. Социокультурные ориентации сознания и отношение к индивидуальной ответственности за здоровье, автономности пациента и медицинскому патернализму // Качество населения Петербурга. II / Тр. Санкт-Петербургского филиала Ин-та социологии РАН. СПб, 1996. С. 132–158; Романов П.В. Власть, управление и контроль в современных организациях: Антропологические исследования управления и организаций в современном обществе. Саратов, 2003; он же: Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов, 2000.

¹² Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб., 2007. С. 43–45.

¹³ Из непонятого (высказывания учителей) (Собрано Михаилом Полнером aka Polar Bear, <http://people.weekend.ru/polebear>) www.people.weekend.ru/polebear/

ru/polebear// Собираетелъ называет имена, которыми подписались приславшие ему эти фразы — *Sergey O. Aldoukhov, Максим Гушкан*.

¹⁴ Несколько статей о мире и фольклоре больницы см.: Шумов К.Э. Мир больницы: культурные стереотипы // Современный городской фольклор Ред. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 267–279); Черденникова М.П. Фольклор больничной палаты // Там же. С. 280–282); Жигарина Е.Е. Из дневника собирателя // Там же. С. 283–300).

¹⁵ Сорокина Н. «Мы летаем для вас!»: жизненный мир водителя маршрутки // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри // Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2007. С. 313–337; она же. «Кирпичи, дрова и глухие водители»: фольклор маршрутного такси // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. М., 2008. С. 252–261; Кургузова Н.В. «Тише будешь, дальше едешь...»: мифологизация образа дороги в современном городском фольклоре (на материале запретительных надписей в маршрутках) // Там же. С. 224–230; Тихомиров С.А. Маршрутное такси как источник фольклорной образности // Там же. С. 239–251.

¹⁶ Сорокина Н. «Мы летаем для вас!»... С. 321, 323.

¹⁷ Кудрявцева Е. Принимающая первая // Большой город. — www.bgorod.ru/print/article.asp?ArticleID=17669.

Глава 7

КОНСТРУКЦИИ ГЕНДЕРА В НЕФОРМАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПРОФЕССИЙ

В этой главе мы рассматриваем случаи моделирования гендера в неформальном дискурсе профессий: сами модели, средства их презентации и механизмы порождения. Настаивая, что мы исследуем именно модели и процесс моделирования гендера, мы обращаем внимание читателя, что не следует ожидать их буквальной реализации в повседневной практике. Мы вычленим моделирующие гендер структуры аналитическим путем и иллюстрируем их проявления в традициях различных профессий конкретными эпизодами повседневных взаимодействий. Однако это не должно означать, что такого стереотипа придерживаются *все* представители данной профессии или что это *единственная* доступная им модель — мы фиксируем только существование ее как культурного образца, о котором известно и на который ориентируются, в одних случаях принимая его как само собой разумеющееся, в других — отталкиваясь от него и отрицая его. Фиксируя случаи реализации данной культурной модели, мы обнаруживаем эту модель как одно из правил организации поведения (не всегда осознаваемое и вербализуемое), факт его существования или даже возможности в данной среде, но не факт обязательности и даже единственности этого правила.

Затем, суммируя совокупность моделирующих гендер знаковых структур, обнаруженных в дискурсе различных профессий, мы можем перейти к поиску общей матрицы (организованной совокупности моделей) гендера как составляющей символического конструкта «профессионализма». Такая матрица неизбежно будет реконструкцией, поскольку в каждой профессиональной среде, вероятно, будет проявляться только часть ее элементов и правил. Наша задача — выявить правило, которое позволяет объединить в одну матрицу максимально возможное число элементов конст-рук-

ции гендера, обнаруженных в ходе сравнительного изучения профессий.

Итак, мы рассматриваем неформальный дискурс профессий, фиксируем в нем символические конструкции гендера, ищем принцип (или правило) порождения, выполняющийся для максимально возможного числа из этих конструкций, обращая внимание особенно на те из них, которые являются общими для разных профессий (т.е. могут быть истолкованы как элементы общей структуры феномена «профессиональной традиции»). Таким образом, мы не только воссоздаем схемы моделирования гендера в рамках профессиональных традиций, но и получаем материал для суждений о соотношении символических конструкций гендера и профессионализма.

Гендерная тематика в применении к профессиональной сфере обычно обсуждается в связи с проблемой сегрегации и обусловленного ею разрыва в доходах между работниками по признаку пола. Среди механизмов сегрегации особое значение имеет представление о разделении профессий на «мужские» и «женские», транслируемое как в обыденном сознании, прессе, так и в социологической литературе. В исследованиях гендерной сегрегации в понятие «женской» / «мужской» профессии (или работы, сферы деятельности) вкладывается либо количественный, либо символический смысл. В первом случае в качестве «женской» рассматривается профессия, где женщины численно преобладают среди работников. Социологи Б. Хайнтц и Е. Надаи в работе «Пол и контекст» для сравнения «мужских» и «женских» профессий выбрали такие сферы профессиональной деятельности, как информатику (программист / аналитик) и уход за больными (медсестры / санитары), где «доля женщин и мужчин составляет примерно 10 % соответственно»¹.

В символическом смысле под «женской» / «мужской» профессией понимается такая, где «делание работы» означает одновременно и «делание гендера»², т.е. профессиональная деятельность предполагает демонстрацию качеств и выполнение ролей, приписываемых определенному полу. В качестве примеров обычно приводятся профессии военного или пожарного как сферы, где профессионализм ассоциируется с маскулинностью, и работу стюардессы, где требуется демонстрация «женских» качеств.

В нашем исследовании мы не могли не учитывать символическую идентификацию профессии как «мужской» или «женской». Приводя данные о множестве разнообразных профессий, мы отобрали для более внимательного изучения несколько рассматривае-

мых как примеры типично «мужских» (физики, программисты, водители такси) или «женских» (стюардессы) (как в статистическом, так и в символическом отношении). Наряду с этим отобраны и промежуточные варианты — профессии, где статистически преобладают женщины, но на символическом уровне воспроизводятся элементы образов как «мужской», так и «женской» профессии (врачи, учителя).

Анализируя механизмы исключения женщин из наиболее престижных и высокооплачиваемых сфер, современные исследователи отмечают их деинституционализацию (Б. Недельман), под которой понимается «переход механизмов воспроизводства от рутинного протекания к осознанному и целенаправленному действию»³. Взамен институционально закрепленных механизмов формального исключения (отсутствие доступа к высшему образованию, определенным профессиям, ограничение дееспособности женщин) на первый план выходят культурные механизмы поддержания гендерной иерархии (в данном случае неравенства в распределении ресурсов, материального вознаграждения, статуса профессионала в зависимости от его пола). Отсюда — повышенный интерес к сфере повседневности и практикам, в ходе которых происходит конструирование гендера. Ряд таких практик мы и рассмотрим в настоящей главе.

1. ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И МАСКУЛИННОСТЬ

Начнем с описания фольклорных конструкций мужского гендера, поскольку они явно преобладают в большинстве профессиональных традиций. Разделение на «мужские» и «женские профессии» утвердилось как в общественном мнении, так и в научном дискурсе, тем не менее между этими понятиями существует заметная асимметрия. Во-первых, количественный перевес «мужских» на уровне символических конструкций. Проведенное Т.Б. Котловой и А.В. Смирновой исследование гендерных стереотипов в наиболее распространенных в России учебниках русского языка и математики для начальной школы показало, что «частота обращений к мужским профессиям намного превышает упоминание женских (соотношение 88:12), причем спектр “мужских” профессий намного богаче. <...> Как “мужские” в учебниках представлены 93 % профессий физического труда и 79 % — интеллектуального». По дан-

ным этого же исследования, мужчины заняты работой в 71 % упоминаний, а женщины — только в 39 %⁴. Судя по результатам этого исследования, в учебниках для начальной школы запечатлен стереотип, ассоциирующий профессионализм скорее с маскулинностью, чем с фемининностью. Важно отметить, что этот стереотип продолжает транслироваться институтами социализации.

Показательны данные, приводимые Ж. Черновой по результатам исследования представлений о «мужской работе» в популярной прессе. Автор анализирует публикации в мужских журналах, мужские образы, предлагаемые читателям в качестве эталонных. По Черновой, в качестве «настоящих мужских» профессий описываются наиболее высокостатусные и высокооплачиваемые. В рамках одной и той же профессиональной сферы дополнительно маркируется (как «мужское» качество) высокий уровень профессионализма, «который операционализирован в таких показателях, как высокое квалификационно-должностное положение, подтвержденное набором сертификатов, высокий уровень профессиональной креативности и автономии деятельности, широкая сфера ответственности, контроль над функциями и свобода от рутинной работы»⁵. В публикациях мужских журналов, таким образом, профессионализм включается как важная составляющая в символический конструкт маскулинности.

Символическая связь профессионализма и маскулинности прослеживается и в фольклорном дискурсе целого ряда профессий, причем эта связь всегда положительная: высокий профессиональный статус означает и высокий мужской. В фольклорном образе профессий подчеркивается мужская сексуальная привлекательность их представителей. Типичный пример — очень широко распространенный текст об особой привлекательности представителей разных профессий:

*Мама, а я летчика люблю.
Замуж я за летчика пойду:
Летчик высоко летает,
Много денег получает —
Вот за это я его люблю.*

Песню о летчиках я слышала еще в своем детстве, в приволжском летном городке, в начале 1970-х годов. Варианты этой широко бытующей песни посвящены представителям разных профессий —

от физика и доктора до повара, дворника и сантехника⁶. Наряду с качествами профессионала (высокий доход и статус), куплеты акцентируют и качества мужской телесности и сексуальности:

*Мама, твердотельщика люблю.
Я за твердотельщика пойду:
Он мужчина в самом деле
И всегда при твердом теле —
вот за это я его люблю! —*

гласит куплет песни, которую я слышала от студентов физфака СПбГУ; физика твердого тела — одна из физических специальностей и кафедра на физфаке. В песне были куплеты, посвященные преимуществам каждой из кафедр. Мотив мужской привлекательности, приобретаемой вместе с профессией, транслируется и в повседневный дискурс: «Когда я говорю, что так и так... будущий врач, — говорит о своей профессии студент Первого Медицинского университета (СПб.), — даже девушки смотрят по-особенному» (М. 20 лет) [ПМ: В. Мониц, 2000 г.].

Певец А. Буйнов, рассказывая о своей профессиональной карьере, когда играл на бас-гитаре в ансамбле «Веселые ребята», подчеркивает как значимую деталь: «Все девчонки тогда мои были»⁷, — причем подобные заявления, часто встречающиеся в дискурсе поп-исполнителей, преподносятся как свидетельство драйва, важнейшей составляющей профессионализма⁸. Женщина-архитектор, характеризуя свою профессию, акцентирует мотив сексуальной активности коллег-мужчин: «Интересно, что мужчины-архитекторы обычно падки на женщин (как и все творческие люди), а старички любят и женятся на молодых девочках» [ПМ: О. Аверичева, 2002]. Характерно, что рассказчица специально подчеркивает связь мужской сексуальной активности с творческой профессией.

Подобного рода высказывания актуализируют схему, в которой профессионализм и маскулинность находятся в положительной корреляции. В то же время мотив сексуальной несостоятельности используется в фольклоре как шутливая инвектива, снижающая образ профессии и ее обладателей. Это очень хорошо видно в шутливой перепалке между факультетами медицинского вуза. Студенты лечебного факультета сообщали собирателям: «Они (студенты стоматологического факультета. — Т.Щ.) иногда говорят: “Мы врачистоматологи”. А мы в ответ: “Вы — стоматологи, а врачи здесь мы!”»

По этому поводу даже стишки всякие есть, сейчас вспомню... лучше трахаться с кастратом, чем с уродом со стомата» [ПМ: В. Мониц, 2002 г.].

В большинстве зафиксированных нами случаев моделирования гендера в профессиональных традициях акцентируется мужской гендер, конструкт маскулинности. Особенно это заметно в ситуациях наибольшей ритуализации, таких как коллективное застолье или посвящение в профессию.

Посвящение в профессию — комплекс действий, включающих как официальные церемонии, инициируемые администрацией учреждения, так и неформальные мероприятия, которые отмечают приход новичка в профессию одновременно как сферу деятельности и сообщество коллег.

Неформальные посвятельные обряды ярче всего представлены в профессиях, считающихся традиционно “мужскими” (военные, милиционеры, пожарные), а также в фольклоре медиков⁹. Для этих обрядов характерны формы демонстрации маскулинности — акцентирование мужских гениталий, физической силы, умения много выпить и т.п. Включение символов пола в эти обряды соотносит вхождение в профессию с моделью мужского посвящения — превращения в «настоящего мужчину».

В контексте обрядов посвящения работников правоохранительных органов, пожарных, рабочих и медиков отмечено маркирование мужских гениталий. Например, выпускники одного из вузов системы МВД в Санкт-Петербурге, вспоминая окончание учебы, рассказывали, как начищали до блеска тестикулы коню Петра I у скульптуры Медного всадника. По замечанию рассказчиков, это обычно делал тот выпускник, «кто считается в училище лидер — чтобы он ушел, о нем слава гремела» [ПМ: Н. Бравичева, 2002 г.]. Комментируя эти действия, рассказчики говорили о «мужском братстве» (речь идет о будущих бойцах СОБР), которое формируется за годы обучения и «сохраняется на всю жизнь». Отметим, что актуализация мужской генитальной символики здесь напрямую связана с демонстрацией высокого статуса в курсантском, а затем и профессиональном сообществе, которое обозначается как «мужское братство».

У студентов-медиков роль посвящения приписывается занятиям в анатомическом отделении, где будущие врачи знакомятся со строением человеческого тела. С посещением анатомички связан обширный студенческий фольклор, в основном байки в жанре чер-

ного юмора. Один из мотивов студенческих баек — перемещение хирургическим путем мужских половых органов препарата, которые пришиваются будто бы к другому участку тела, а иногда вкладываются в его внутренние полости. Этим манипуляциям придается смысл «прикола» — испытания для новичков: студенты следующей группы, которые будут работать после шутников, должны отыскать спрятанные органы [ПМ, В. Мониц, 2002 г.].

Акцентирование мужских гениталий отмечено и у представительниц исследовательских профессий, связанных с «полем» — выездами в экспедиции. У них функцию посвящения выполняет обычно первая экспедиция. Ритуальному посвящению, которое проводится в середине или конце экспедиции, предшествуют различные испытания новичка, в частности приколы. У геологов и этнографов в качестве прикола бытует рассказ о «меховом гультфике»: перед поездкой в Сибирь или на Север новичка предупреждают, что там даже летом бывают холода, поэтому, мол, следует сшить меховой гультфик во избежание обморожения. Предупреждают в порядке розыгрыша, но ходят рассказы о том, что некоторые коллеги на этот розыгрыш попадались и в действительности приносили собственноручно сшитый элемент снаряжения. Похоже, что этот мотив также взят из армейского обихода.

Отмечены случаи, когда в посвячительных обрядах актуализируется символика женских гениталий, но в контексте именно мужского посвячительного сюжета приобщения к «взрослому» знанию = «познания женщины». Выпускники Военно-медицинской академии до недавнего времени начищали до блеска грудь медной статуи Гигеи, стоявшей в скверике рядом с кафедрой; по рассказам военных медиков, они надевали на статую новый бюстгальтер, на который скидывались всей группой [ПМ: Т. Щепанская, Л. Ипатова, 2003 г.]. Отметим, что складчина и коллективный характер придают манипуляциям со статуей смысл демонстрации единства профессионального коллектива.

Вариация сюжета профессионального посвящения как «познания женщины» отмечена и в среде заводских рабочих. В коллекции московского исследователя Д.В. Громова есть история, рассказанная бывшим мастером, работавшим на заводе им. Владимира Ильича¹⁰: «Там была распространенная шутка, что посылали какого-нибудь молодого совсем мальчика к какой-то женщине — там была женщина, огромная тетка такая, басовитая, матерная. И говорили: “Возьми ведро, спроси, есть ли у нее менструация. Пускай она тебе ведро

нальет”. Ну, тот шел там, а она ему говорила все, что думает по поводу его, по поводу там всех рабочих этого цеха и так далее» [ПМ: Д.В. Громов, 2003 г.]. Шутка основана на демонстрации некомпетентности новичка — незнания им как производства, так и женщин; соответственно вся процедура должна была обозначать приобщение его к обоим видам знания, т.е. одновременно профессиональное и мужское посвящение.

Имеется и другой вариант шутки, когда новичка-рабочего просят принести полную банку «компрессии», играя на непонимании им профессиональной терминологии. Профессиональное и генитальное знание в этом примере взаимозаменяемы, занимая одну и ту же структурную позицию, т.е. ритуалы профессионального посвящения воспроизводят матрицу мужской инициации. Аналог описанной шутки отмечен в среде солдат срочной службы, которой прямо придается значение мужского посвящения¹¹. К. Банников приводит такую армейскую шутку: старослужащий (*дед*) посылает молодого солдата, вручая ему трехлитровую банку, «в санчасть за клитором». Фельдшер говорит, что уже все разобрали, и посылает его на склад, «на складе говорят, что надо попросить в штабе». И так далее, пока кто-нибудь из посвященных в эту шутку не пошлет его «за клитором» к какому-нибудь высокому начальнику, желательно из недавно переведенных в эту часть. Его реакция на просьбу солдата непредсказуема, и это есть кульминационный момент¹².

В контексте посвячительных действий, шуток и испытаний освоение профессии обыгрывается как становление мужчины. Профессионализм символически соотносится с маскулинностью, между ними устанавливается прямая корреляция: повышение профессионализма усиливает маскулинность и само воспринимается как элемент доминантной маскулинности — статуса «настоящего мужчины»¹³. Обратных примеров — когда бы освоение профессии воспринималось как утрата мужского статуса — нами не зафиксировано.

2. МУЖСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

Приведенные выше примеры посвячительных действий, во-первых, моделируют образ профессионала как мужской, во-вторых, явно указывают на мужскую среду своего бытования. Курсанты МВД говорят о «мужском братстве», будущие пожарные (по материалам К.Э. Шумова) шутя называют свое учебное заведение «муж-

ской монастырь»¹⁴. Высокий статус в таких профессиональных коллективах осознается именно как мужской статус, т.е. в основе профессионального статуса — качества, оцениваемые по шкале маскулинности. «*Это работа для настоящего мужчины*», — так высказался о своей профессии пожарного майор Н. Голопапа в интервью газете «Вечерний Рубцовск»¹⁵.

Очевидно, вышеописанные обряды должны отмечать посвящение не просто в профессиональное сообщество, а именно в такое «мужское братство». Отсюда и акцентирование мужской символики. Любопытно, что происходит, когда подобные профессии начинают осваивать женщины. Приведу пример одного из учебных заведений системы МВД в Санкт-Петербурге, в котором обучаются курсанты обоих полов. Среди курсантов есть обычай вести блокноты, аналогичные блокнотам солдат срочной службы. Заполняются они как служебными записями, так и фольклорными текстами. Ведение таких блокнотов служит одним из средств освоения неформальных традиций, лексики, фольклора, т.е. может рассматриваться в контексте почитательных действий. В моей коллекции имеется блокнот¹⁶ девушки-курсанта, который открывается следующим текстом (л. 1):

*Открой блокнот, мой друг или подруга,
И пробеги глазами по строкам.
Они написаны в часы досуга
В тоске по дому, по родным местам.
И если ты мужского пола
И этих мук не испытал,
Закрой блокнот, не мни страницы,
Не для тебя я их написала.*

Здесь воспроизведен текст, характерный для мужских блокнотов (как курсантских, так и солдатских); речь в нем ведется явно от мужского лица. Измененная последняя строчка, учитывающая пол хозяйки блокнота, не рифмуется и выпадает из текста.

Еще один пример подобной переделки имеется на л. 7 того же блокнота:

*Кто жизни солдатской не знает,
Солдатских сапог не носил,
Пусть сразу блокнот закрывает.
Я солдату его посвятила.*

Здесь видно, как девушка адаптирует текст к своему случаю, но типовым все-таки остается мужской образец, т.е. на уровне символического конструкта, модели образ курсанта остается (по умолчанию) мужским.

Конструирование фигуры профессионала как мужской (по умолчанию) проявляется иногда на уровне повседневного общения — уже в профессиональных сообществах. Приведу характерный эпизод, рассказанный женщиной-физиком, сотрудницей Физико-технического института РАН в Санкт-Петербурге: «*У меня был один смешной случай. Значит, я там была в мужской компании одна в тот момент, ну, мы там что-то внедряли... нас было — ну, не помню точно, сколько человек, но в основном, ... мужчины, я одна была. И... (один из коллег мужчин. — Т.Ш.) говорит: “Ну, мужики, будем... (общий смех слушательниц. — Т.Ш.) будем, значит, активнее действовать, надо нам это все пробить» (Ж, 60 лет). ПМА: 2005 г.]. «Мужики» звучит как собирательное обращение к коллегам-профессионалам, даже несмотря на присутствие в их числе женщины.*

В иркутском выпуске «Комсомольской правды», вышедшем к 8 Марта, была опубликована статья про «Женщин мужских профессий», одна из героинь которой — молодая сварщица — руководит целой бригадой «матерых» сварщиков. «*Они меня своим мужиком называют, — смеется она, — я у них вроде авторитета»*¹⁷. В таких («мужских») профессиях круг принадлежности очерчивается термином «мужики». Даже если реально в числе работников есть женщины.

Восприятие своей профессии как «мужской» характерно для программистов, таксистов. В питерских маршрутках все водители — мужчины (упоминалось об одной женщине, но невнятно). На вопрос, какие качества необходимы в их профессии, водители отвечали: «*Опыт водительский иметь... не знаю, мужиком надо быть, короче*», замечая, что женщину в этой роли просто нельзя представить: «*Ну я даже не знаю... а как иначе-то? Ты себе представляешь женщину-маршрутницу? Я — нет. Это работа для мужика»* (М., 41 год) [ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004 г.].

Идентификация профессии происходит в терминах маскулинности. Те же мотивы отмечены и в профессиональной среде программистов: «*Программирование — исключительно мужская работа (да простят меня дамы), — пишет один из посетителей интернет-форума. — Девушка-программист — это нонсенс, почти как ежальбинос»*¹⁸. Так же, как и водители маршрутных такси, программи-

сты упоминали об «одной женщине», которая работает системным администратором. Мотив «одной женщины», о которой «вроде бы ходит слух», — это указание на исключительный статус женщины в профессиональной среде. Работа по специальности и образование не всегда достаточны для признания профессиональной идентичности. «Есть женщины, которые работают программистами, — признает молодой представитель этой профессии, — а женщин-программистов не бывает, как не бывает женщин-водителей, есть женщины, которые водят... они не знают, что надо, как надо... Мы говорим про женщин-программистов, ... я говорю, что нет ни одной из наших» (М., 24 года) [ПМ: М.В. Чунаева, СПб., 2004–2005 гг.].

Идентификация означает признание принадлежности к профессиональному сообществу, а не только работу по профессии. Скепсис относительно возможности принадлежности к нему женщин, даже работающих по специальности, должен означать, что это сообщество воспринимается говорящим как мужское. Это мужское сообщество внутри профессионального, основанное на неформальных связях и мужской этике, вероятно, и является носителем традиций, фольклора, о которых выше шла речь и которые способствуют сохранению образа «мужской профессии» даже в тех случаях, когда значительную часть ее составляют женщины. В приведенных выше примерах есть профессии, статистически представленные в основном мужчинами: программисты, водители маршрутных такси, пожарные. Среди физиков женщины составляют около 20 %¹⁹, а среди медиков — большинство. Тем не менее в фольклоре образ профессионала во всех этих сферах моделируется как мужской.

Коллективное застолье — еще одна ситуация, где можно обнаружить моделирование гендера. Если в рабочей обстановке не везде, но действует норма организационной культуры, ориентированной на «бесполого» работника (точнее, предусматривающей нормы общения, независимые от пола), то во время коллективных застолий, как и других форм досуга, эта норма уже не действует, и происходит разыгрывание «традиционных» (принимаемых за таковые патриархатных) сценариев репрезентации пола, словно в компенсацию гендерно нейтральной трудовой повседневности. Это проявляется в распределении ролей при подготовке застолья (мужчины отвечают за выпивку, женщины готовят закуску) и уборке помещения после торжества, в распределении мест за столом и порядке провозглашения тостов.

Смысловой пласт застолья концентрируется в тостах, среди которых есть специфичные для каждой профессии. Прежде всего, это тосты собственно «за профессию», причем в части из них профессиональная деятельность соотносится с моделью «сексуальной связи». Примеры — тост связистов: «За связь без брака!» или «Лучше связь без брака, чем брак без связи!»²⁰. А.Д. Сахаров цитировал в своих мемуарах тост, который произнес М.И. Неделин, военный руководитель испытаний термоядерного «изделия», по поводу успешного проведения испытаний в ноябре 1955 г.: «Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубахе, молится: “Направь и укрепи, направь и укрепи”. А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: “Ты, старый, молись только об укреплении, направь я и сама сумею!” Давайте выпьем за укрепление»²¹. Имелось в виду, конечно, укрепление военной мощи Отчизны.

Метафорой профессионального успеха становится мужская сексуальность. Если же профессионал оказывается в противоположной — «женской» — позиции, это воспринимается как насмешка. К.Э. Шумов цитирует тост пожарных: «Давайте выпьем за пожарную охрану, которая, как старая дева, никому не нужна, но всегда готова»²². В тосте электриков «женская» позиция профессионала как объекта означает профессиональную неудачу: «Расспрашивают одного электрика, интересная ли у него профессия. “Профессия у меня, конечно, интересная, но опасная. Соединишь, к примеру, не те провода, и тебя трахнет! Так выпьем же за то, чтобы в новом году жизнь не ступала с нами в интимные отношения!”»²³.

Все это нехарактерно для «женских» профессий. Бухгалтеры, большинство которых составляют женщины, поднимают тост «За ваше счастье личное, наличное, безналичное», ставя в один ряд предмет своей профессиональной деятельности (наличные) и личное счастье, т.е. семью, брак, отношения с близкими. Учителя (еще одна статистически «женская» профессия) в качестве завершающего торжественную часть застолья тоста отмечают тост «За любовь!». Впрочем, последний тост отмечается в разных средах и, как кажется, не связан с определенной профессией.

Другая тема профессиональных тостов — за отсутствующих за столом (находящихся в отъезде или погибших) коллег — символически восстанавливает полноту профессионального сообщества. У моряков — «За тех, кто в море!», у рыбаков — «За тех, кто на промысле!», у этнографов, геологов и представителей других полевых профессий — «За тех, кто в поле!». Военные поднимают бокал «За

мужиков!», причем в боевых частях, понесших потери, пьют стоя, не чокаясь — вспоминая тех, кто погиб. В более мирной обстановке военные пьют «*За нас, за мужиков!»*. Этот тост может быть провозглашен и просто за всех коллег: «*За тех, кто работает в профтех!»*²⁴ — и за профессию в целом: «*За святое искусство!»* (в театре).

Примечательно, что если за столом присутствуют как мужчины, так и женщины, то вместо этого (или после него, как связанный с ним) может быть произнесен тост «*За милых (вар.: присутствующих здесь) дам!»* (как коллег, так и прочих женщин, оказавшихся за праздничным столом). Этот тост неспецифичен для разных профессий и структурно замещает профессиональные тосты «*За тех, кто...»*. Женщины чествуются независимо от их профессии, т.е. акцентируется не профессиональный, а гендерный статус. В то же время тост «*За мужиков»* стоит в одном ряду с профессиональными («*за тех, кто...»*), не замещая их (поскольку этот тост специфичен для военных), а продолжая и маркируя весь ряд.

Уместно вспомнить, что в неформальном дискурсе одной из самых распространенных моделей профессиональной деятельности является «бой», а военная служба, в свою очередь, моделирует идеал «настоящей мужской» профессии. Тосты «за женщин» и «за профессионалов / профессию» воспринимаются как гомологичные, нередко замещаемые. Их соотношение хорошо иллюстрирует тост, который был провозглашен на банкете по поводу одной из конференций, где присутствовали представители разных социогуманитарных наук, от этнографов и социологов до фольклористов и искусствоведов. Тост звучал так: «*В театре, в котором я работал..., третий тост принято было пить за святое искусство. Но поскольку сегодня, вчера и позавчера действо сугубо маскулинное, я предлагаю выпить самый маскулинный тост из всех имеющихся: за присутствующих здесь дам!»* (общий одобрительный смех) (М, ок. 35 лет) [ПМА: М., 2003 г.].

Собственно, оба варианта конструируют позицию профессионала (провозглашающего тост) как мужскую. Тост «за профессию» пьется от имени «нас, мужиков» («мужики» стоят в ряду других профессионалов); «за дам» — тоже от имени мужчин, а женщины оказываются в роли «иных». В некоторых «сугубо мужских» сообществах (например, в археологической разведке, на маршруте) пьют «*За отсутствующих здесь дам!»*, что уже явно выдает мужскую природу этого тоста. Если учесть, что коллективное застолье является формой экспликации неформальных отношений и структур профессионального сообщества, то приходится признать, что на сим-

волическом уровне структурная основа этого сообщества моделируется как «мужская» (мужская позиция профессионала моделируется как нормативная, подразумеваемая по умолчанию).

3. ИНСТРУМЕНТАРИЙ: ПРОЕКЦИЯ ГЕНДЕРА

Рассматривая символические репрезентации гендера, обратим внимание на символику материальных атрибутов профессии, прежде всего инструментария. Последний в фольклоре и просто повседневном дискурсе нередко одушевляется. Мало того, рабочим инструментам приписывается пол.

Так, у рок-музыкантов отмечен обычай давать музыкальному инструменту имя или название, указывающее на мужской или женский род. «*Один владелец бас-гитары называет ее “басом” и обращается с ним по-мужски, а другой... свой инструмент называет “басухой” и будет общаться с ним как с герлой»* («герла» — от англ. girl (девушка, девочка) — в молодежном сленге обозначение девушки или молодой женщины своего круга) [ПМ: З. Бредова, СПб., 1998—1999 г.].

Приписывание пола связано с одушевлением инструмента, приданием ему качеств партнера по коммуникации, как бы живого существа. Теоретически «пол» может быть и мужским, и женским, но в имеющихся в нашем распоряжении интервью музыканты мужчины говорят об инструменте в основном как о «женщине». При этом отношения со своим музыкальным инструментом моделируются как любовные или супружеские, в терминах «любви», «верности», «близости». «*Лютне, как женщине, нужна верность»* — так озаглавила И. Бондаренко интервью с исполнителем музыки барокко Антоном Бирули. «*Как-то я хотел бросить играть на лютне и поделился своими мыслями с другом. И он мне сказал: “Ты знаешь, это все равно, что сказать женщине: может быть, завтра я тебя брошу, а может, не брошу... Сам понимаешь, что тогда будет”. Надо быть верным, и все получится»*²⁵.

К той же модели описания своего отношения к инструменту обращается и рок-гитарист В. Гапонов: «*Понимаешь, когда в твою жизнь входит гитара, то все остальное, кроме нее и музыки, отходит на второй план. Разве можно бросить любовь? Да и работа приносит ни с чем не сравнимый кайф»* [ПМ: Н. Выродова, Е. Задорожная, 2002 г.]. «*Вот я недавно купил новую гитару, — говорит другой гита-*

рист, Алексей Летуновский, лидер рок-группы «Ливень». — *Не скажу, конечно, что у меня с ней роман, но что-то похожее. Бережешь ее, конечно, лелеешь»* [Там же]. Гитарист здесь обсуждает не столько пол, сколько свое отношение к инструменту, а пол появляется постольку, поскольку это отношение моделируется по образцу любовно-брачных отношений.

В рамках этой модели приписывание рабочему инструменту женского пола означает конструирование маскулинной позиции профессионала. Это хорошо видно в интервью с водителем петербургского такси. Описывая отношение профессионала к машине, он говорил об уважении, необходимости *«любить и ухаживать»* и о том, что на заботу машина откликается как живая: *«Намоешь машину, там, протрешь, — и такое ощущение — она идет иначе: легче движения, ну все это»*.

Услышав о «любви» и «заботе», я решила проверить возникшую у меня ассоциацию и задала вопрос, есть ли у машины пол, и если да, то какого она пола. *«Ну вообще для меня — женского, — уверенно ответил мой собеседник. — Потому что я мужчина... естественно, для меня она женского рода, может, потому, что я мужчина... Она для меня девочка. «Девочка, поехали!» — бывает, просто в хорошем настроении. Там, «девочка, ну...», это интересно, это игра, так же, как в жизни своя игра, чем она будет приятней, тем легче»* (М., ок. 35 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.]. Здесь «женский» род автомобиля представлен как элемент маскулинности, «мужского» отношения к машине как «женщине». Суть этого отношения — власть, патерналистски понимаемая как власть-забота, позволяющая рассчитывать на ответную благодарность, выражающуюся в хорошей работе. Моделью такого рода власти служит отношение к женщине.

Настаивая на том, что приписываемый «род» машины зависит от пола водителя, мой собеседник утверждает, что водители-женщины обращаются к машине по-другому и даже по-другому глядят ее. *«Женщина водитель, даже как бы на этом сама женщина акцентировалась, она вот: сидишь в машине, что-то разговариваешь — руки, и... они глядят машину иначе... сама женщина зафиксировала. Она, извините меня за такое сравнение, почему-то в основном гладит, э-э... переключение передач. Понимаете? А мужчина просто руль, и на руле есть выемки — и вот поглажу. Многие садятся в машину и сначала погладят. Я, бывает... заводишь, как, скажешь: “Ну, зайчика, поехали”. Естественно, для меня она женского рода, может, потому что я мужчина»* (М, ок. 35 лет [Там же]). Таким образом, «пол» инстру-

мента конструируется в данном случае как проекция гендерной идентификации самого его владельца.

Подобный феномен отмечен и в других профессиональных средах. Физики, например, говорят о личном — *«более чем техническом»* — отношении к установкам, на которых проводят эксперименты: *«Мы разговаривали, как с одушевленным... ну, например, вот у нас один технолог называет ее — у нас две установки: одна моя, другая его — он называет “Моя девочка”»: “Ну что ты, моя девочка, сегодня захандрила?”»* (Ж, 40 лет) [Там же].

«Пол» инструмента, однако, может быть не только проекцией, но и продолжением идентичности своего обладателя, когда, например, инструмент профессиональной деятельности метафорически изображается как один из органов тела.

В фольклоре программистов²⁶ компьютер может обладать как женскими, так и мужскими характеристиками. С одной стороны, женскими: компьютер ласково называют *писишка* (от РС — personal computer), а его составные части — *мама* (материнская плата) и *клава* (клавиатура); процесс работы на клавиатуре обозначается выражением *батонны жать*, заимствованным из тюремного сленга, где означает эротическое взаимодействие с женщиной. Программист, работающий на языке программирования СИ, обозначается шуточно *насилыник*, а само программирование соотносится с любовью: *«Программирование (как и любовь) всего лишь одно слово. Но за ним скрывается множество занятий»*²⁷. В этом случае женская метафорика компьютера предполагает мужскую позицию работающего с ним программиста²⁸.

С другой стороны, тот же компьютер имеет и мужские идентификации: электронного друга называют *писюк* (от того же РС), а когда он перестает реагировать на запросы пользователя, говорится, что он *повис*. Наличие связи между двумя машинами через модемы называется *карьер*, и лучшее пожелание тем, кто работает в электронных сетях, — *«Чтоб всегда карьер стоял!»* (модификация известного мужского тоста *«Чтобы <...> всегда стоял!»* с пожеланием устойчивой потенции). В программистском фольклоре имеются и более прямые указания на мужскую идентификацию электронной машины: *«Вопрос: что общего между ЭВМ и половым членом. Ответ: оба имеют два устойчивых состояния — либо стоит, либо висит»*²⁹.

В этом случае «пол» приписывается машине уже не как «партнеру» программиста по коммуникации, а как вынесенному вовне его «рабочему органу», т.е. «мужская» характеристика машины здесь не

подразумевает женской позиции работающего на ней человека, поскольку вообще не предполагает партнера. Следовательно, и в данном случае позиция программиста конструируется как маскулинная, а «пол» инструмента только усиливает, достраивая, его маскулинность, является вынесенным вовне ее продолжением и символом.

В программистском фольклоре мужская идентификация рабочей машины обыгрывается как продолжение образа самого программиста, внешний «орган» его тела, в то время как женская метафорика ЭВМ отводит машине место (зависимого) «партнера» по коммуникации. В том и другом случае метафоры «пола» подразумевают (а следовательно, поддерживают конструкцию) позиции профессионала как маскулинной. Надо заметить, что профессия программиста до сих пор остается одной из тех, где ярко выражено мужское доминирование, как по численности работников, так и на символическом уровне («мужская» профессия).

Приписывание «пола» рабочему инструменту означает, что конструкции гендера размещаются в материальной среде профессии и тем самым включаются в комплекс профессиональной деятельности. Выполнение работы (программирование, мойка и переключение скоростей машины, игра на гитаре) одновременно становится и «деланием гендера».

Несмотря на то что приписываемый рабочему инструментарию пол может быть как «мужским», так и «женским», нет полной симметрии между мужскими и женскими образами профессионала, которые подразумеваются такой метафорикой. В большинстве имеющих в нашей коллекции случаев профессионалу остается мужская позиция. Варианты отношения к инструменту с позиции женщины конструируются по аналогии или контрасту с мужскими, но как производные от них и чаще всего логически незавершенные. Так, в приведенном выше примере с водителями такси женщины, как утверждает рассказчик, по-другому гладят свою машину, но он ничего не говорит о «мужских» именах автомобиля и т.п. Любопытно было бы наблюдать, как подобная система идентификаций может измениться со временем, скажем, по мере возрастания числа женщин среди программистов или водителей и по мере того, как эти профессии будут становиться менее «мужскими».

Пока, однако, можно заметить, что метафоры «пола» инструмента характерны именно для мужских (на символическом и численном уровне) профессий. Вероятно, фемининность конструируется

другими путями, не через символизацию инструмента профессиональной деятельности.

Обобщая приведенные материалы, можно заметить, что в обрядах посвящения, застольных текстах, символике инструментария обнаруживается одна и та же доминирующая тенденция: образ профессионала моделируется (по умолчанию, т.е. в норме) как мужской. Можно предположить, что описываемые традиции формировались в мужской профессиональной среде и даже в условиях притока женщин продолжают поддерживать образ профессии как «мужской».

4. ТАБУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО

Конструкции гендера включаются и в контекст представлений о пространстве, где протекает профессиональная деятельность. Сохраняются проявления его табуированности для женщин. В числе профессиональных примет бытуют приметы об опасности женщин, причем речь может идти как о посторонних женщинах, так и родственницах, клиентах и даже женщинах-профессионалах.

Табуированность для женщин пространства профессии находит выражение в известном поверье о «женщине на корабле» (к несчастью). Оно переносится на самые различные корабли, средства передвижения — от воздушных до космических. У пожарных отмечен запрет брать женщин в пожарную машину. Кроме того, накануне дежурства нельзя вступать с женщинами в интимные отношения и даже просто спать в одной кровати с женой³⁰. У космонавтов, по свидетельству К. Козеева, присутствие женщин на космодроме расценивается как дурная примета. «*Это еще со времен Королева пошло. Он запрещал появляться женщинам на стартовом комплексе, около ракеты. Сейчас с этим не так строго, ведь сколько женщин побывало в космосе! Но все равно этого негласного правила стараются придерживаться*»³¹. Как пишет К. Козеев, до сих пор не принято приглашать на старт родственников — жен и родителей участников космического полета. Запрет на присутствие в профессиональном пространстве женщин здесь сопрягается с запретом на присутствие родственников, членов семьи, смысл которых — поддержание разделения, символического барьера между семейной и профессиональной сферами.

У бортпроводников существует негласный запрет брать с собой фотографии близких: считается, это «очень нехорошая примета».

В полете не принято также обсуждать личную жизнь, семейные отношения. Все это можно, но только на земле (Ж, 24 года) [ПМА: СПб., 2005 г.]. Семья, точнее жена, в некоторых поверьях фигурирует как источник мистической опасности. У летчиков существует поверье о «черной вдове» — женщине, похоронившей одного или двух мужей. Женитьба летчика на такой женщине может стать причиной необъяснимых авиапроисшествий и катастроф³². Работники аэропорта Пулково рассказывают, что у футболистов петербургской футбольной команды «Зенит» существует обычай не брать на борт женщин: они будто бы приносят несчастье (проигрыш, неудачную игру). Поэтому «Зенит» сопровождает специальная мужская бригада бортпроводников [Там же]. Подобные представления конструируют символический барьер между сферами профессии и личной жизни профессионала.

Запрет на появление в пространстве профессии, направленный на знакомых и родственников, в ряде случаев переносится и на женщин, занятых профессионально в данной сфере деятельности. Так, в водительской среде очень распространено представление об опасности женщины за рулем, подкрепляемое поговорками типа: «Женщина за рулем — это обезьяна с гранатой» [ПМ: М. Морева, 2002 г.]; «Баба за рулем хуже, чем фашист на танке.», она «На пяти цилиндрах едет» (имеется в виду, что двигатель четырехцилиндровый)³³.

Эти представления проецируются в сферу профессиональной деятельности, например, водителей такси. «В наше время это вообще модно: женщина за рулем, — говорит опытный водитель такси (мужчина). — Они ездят вообще непонятно... Ну, у женщины своя логика, и мне трудно объяснить, никогда не внедрялся в изучение этого, поэтому... ну, я не знаю, почему-то именно женщины путают “лево” с “право”. Почему — не могу объяснить. Она включит правый поворот, может поехать налево... это природа. Поэтому, может быть, и играло свою роль, когда действительно, раньше не давали возможность женщине учиться на водителя. Ну, на категории-то точно» (М., ок. 35 лет [ПМА: 2005 г.]). Характерно, что ссылки на мифологему «особой природы» женщин служат здесь обоснованием профессиональной сегрегации, ограничения доступа женщин в профессию.

Среди профессионалов-таксистов распространено представление об опасности женщины и в другой профессиональной роли — инспектора дорожного движения. Обсуждая тему взаимоотношений таксистов с сотрудниками дорожной инспекции, я задала вопрос: есть ли сотрудники, которые пользуются у водителей нехо-

рошей славой. И получила ответ: «Ну да, какое-то время на Московском проспекте дежурила женщина, я даже знал имя-отчество ее — именно женщина была сотрудник ГАИ, — был вот такой слух, что это очень жестко: если уже остановила — все: ни деньги, ничто не поможет...<...> Именно штраф жесткий, и составление протокола, и так далее» [Там же].

Отдельный пласт профессиональных примет связан с клиентами, точнее с первым клиентом. Женщина и в этой роли маркируется отрицательно. У торговцев, официантов, водителей такси, врачей зафиксировано поверье, что первый клиент мужчина — хорошая примета, сулит удачный день. У торговцев, если первую покупку сделал мужчина, считается, что «будет торговля», «активная продажа», товар «легко уходит»³⁴. Но по некоторым свидетельствам, обмахивать товар деньгами от первой покупки можно только в том случае, если ее совершил мужчина³⁵. У таксистов бытует примета: если первый пассажир — мужчина, не будет *кидалова* (отказа клиента платить по счету), «минималок» (близких и невыгодных поездок), а будут дальние поездки и клиенты, готовые платить, не обсуждая стоимость поездки. Официанты, если первыми за столик сели мужчины, ожидают, что весь день будут хорошие чаевые. У хирургов, если первым пациентом был мужчина, то, как говорят, весь день операции будут проходить удачно, без осложнений³⁶ [ПМА: 2004; ПМ: И. Ивлева, СПб., 1998; О. Козина, В. Монич, СПб., 2000 г. и Саратов, 2004].

Первый клиент-женщина сулит неудачный день. У хирургов особенно плохая примета связана с пациенткой-блондинкой³⁷. Предпочтение клиентов-мужчин у медиков закладывается, по всей видимости, еще в период обучения в медицинских институтах. С занятиями по препарированию трупа в анатомическом отделении у студентов связана примета, что сдача зачета и вообще хирургические манипуляции проходят удачнее, если препаратом служит тело мужчины (Ж, 26 лет) [ПМ: В. Монич, 2000 г.].

Рассматривая приметы об «опасности» женщины в роли клиента, можно обратить внимание на то, как пол пола клиента соотносят с полом и брачным статусом профессионала. Приведем пример из воспоминаний одной из девушек, обучавшихся вождению автомобиля. Инструкторы (как правило, мужчины) рассматривают женщин как трудных клиентов: «Инструктор был мужчина. Да, причем, когда у меня был экзамен, очень волновался и как-то сказал, что ужас-

но учить женщину водить, это настолько страшно». При этом инструктор высказывал неудовольствие тем, что его ученица все время хваталась за его кресло в автомобиле (Ж., 20 лет) [ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004 г.], очевидно, указывая на недопустимость переноса в профессиональную сферу образцов поведения, характерного для любовных или супружеских отношений.

Другой пример — из практики учителя иностранного языка в средней школе. Придя в школу совсем молодым человеком (на момент интервью ему около 20 лет и он работал в школе около года), мой собеседник столкнулся с так называемым «трудным классом». Причем более опытные коллеги ему предсказывали эти трудности заранее: «Когда я после первого же или второго урока пришел в курилку, я сказал: “Насколько интересен класс Б. От некоторых преподавателей тут же я услышал смехи в мою сторону... Они сказали: “Б класс, конечно, хороший, но ты с ними намучаешься”... Это был раз. Потом, после третьего урока, я имею в виду, после третьего дня в школе, я пришел и сказал: “Как же мне сложно общаться с седьмым Б”. В ответ мне сказали: “Естественно. Там же одни девочки”». Т.е. «трудным» признан (причем заранее) «женский» по составу класс.

Характерно, что коллеги связывают эту «трудность» с полом и молодостью самого учителя: «Они мне сказали: “А, ты молодой, они все в тебя влюбились”. Затем, уже наедине, одна из учительниц сказала: “Это нормально совершенно. Когда... училась в школе, к нам пришел один молодой учитель — мы в него были влюблены... это естественно, воспринимай это как неперемное условие”» (М., ок. 20 лет) [ПМ: СПб., 2004 г.]. Трудности, возникающие у молодого учителя, его коллеги с готовностью интерпретируют исходя из пола учащихся. В этой интерпретативной схеме (задействованной и в первом примере) различие пола профессионала и клиентов автоматически означает проецирование на их отношения матрицы брачных отношений (супругов или возлюбленных) и одновременно их табуирование.

Обратим внимание, что вся эта схема действует, когда в роли профессионала выступает мужчина, т.е. клиент и профессионал разнополю. Но, например, в мелкой торговле, где получила распространение примета о первом покупателе, большинство продавцов — женщины, и, казалось бы, это противоречит выстроенной выше схеме. Однако в их фольклоре также можно видеть моделирование представления о продавце как мужской роли. Кроме того, в женской среде та же примета получает иную мотивировку: считается, что первый покупатель-женщина — плохая примета, особенно если

эта женщина «скандальная», иногда таким женщинам приписывается дурной глаз. Таким образом, в интерпретации уже не используется матрица отношений между полами, зато актуальными оказываются гендерные стереотипы — представления о неуживчивости женщин и их магических способностях.

Однако, по умолчанию в отношениях «профессионал — клиент» роль профессионала считается мужской, что может быть символическим выражением асимметрии (иерархичности) все еще актуальных во многих областях деятельности патерналистских отношений. Характерный пример реализации такой модели из шуточного текста, озаглавленного «Библия» программистов: «*Но надоело Ему создавать программы самому, и сказал Бог: создадим программиста по образу и подобию нашему, и да владычествует над компьютерами, и над программистами, и над данными. И создал Бог программиста, и поселил его в своем ВЦ, чтобы работал. И сказал Бог: не хорошо программисту быть одному, сотворим ему пользователя, соответственно ему. И взял он у программиста кость, в которой не было мозга, и создал пользователя, и привел его к программисту; и нарек программист его юзером*»³⁸.

Пара профессионал (программист) — клиент (юзер) описывается по образцу сюжета о сотворении первых людей; программисту дается «власть» и мужской статус, пользователю-клиенту — женский. Бытование примет о женщине как «трудном» клиенте в разных профессиональных средах (с численным преобладанием как мужчин, так и женщин) может быть частью этой матрицы, где роль профессионала в общем виде рассматривается как «мужской» (властный, субъектный) полюс патерналистски организованных отношений.

Несмотря на различие мотивировок, в дискурсе разных профессий сохраняются признаки символического исключения женщин из пространства профессии. По всей вероятности, речь идет об отрицательном маркировании женского как такового, как части общей стратегии символического конструирования барьера между сферами профессиональных и семейно-брачных отношений.

5. МИФОЛОГЕМА «ДЕФЕМИНИЗАЦИИ»

Итак, в неформальном дискурсе профессий маскулинность находится в прямой корреляции с профессионализмом: повышение профессионального уровня одновременно означает и утверждение

маскулинности. По отношению к фемининности наблюдается обратное соотношение. Демонстрация профессиональных успехов может быть истолкована как дефеминизация: актуализируются такие фольклорные схемы, как приписывание женщине «мужского склада ума», «мужского видения» или «мужского характера». Опытнейший профессионал, д.т.н., работающий в Физико-техническом институте РАН, не отрицает убеждения в том, что мужчины, как правило, в технике разбираются лучше. Не отрицает он и наличия исключений: *«Я знаю женщин, которые в технике понимают не меньше, чем мужчины. Я знаю таких женщин. Но у них такой склад мышления, я бы сказал, мужского. Они рационально смотрят на... глазами мужчин вот на данный предмет»* (М, ок. 60 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.].

Мужчина, совершенствуясь и продвигаясь в профессии, тем самым утверждает и свой мужской статус. Ситуация женщины-профессионала асимметрична: рост профессионализма и даже признания ее как профессионала отнюдь не означает автоматически повышения ее женского статуса. Молодая петербурженка, рассуждая о статусе женщины в политике, привела следующее сравнение: *«Я слышала одну шутку. Она относится к двум: женщине-политику и женщине-физику. Чем схожа женщина-политик и морская свинка? Подобно тому, как морская свинка не имеет отношения ни к свинке, ни к морю, так же женщина-политик не имеет отношения ни к политике, ни к женщине... Мне это вообще-то говорили про женщин-физиков в моем институте. Но я переделала и всем очень понравилось»* (Ж., 1983 г.р.) [ПМ: Д. Лапатухина, 2002 г.].

Любопытно отметить, что эта шутка звучит из уст молодой женщины, обучающейся в техническом вузе и участвующей в политической деятельности; видно, как стереотип профессиональной среды, усвоенный в процессе обучения технической специальности, транслируется в другую сферу деятельности — политику.

Стигма дефеминизации включается уже при вступлении женщины в профессиональную сферу, давая себя знать еще на этапе обучения, в студенческом фольклоре. Женщине профессионалу в дискурсе разных профессий приписывается недостаток или отсутствие красоты, способности к материнству, т.е. качеств, составляющих традиционный конструкт «женственности». *«Архитектура не женская профессия»*, — говорит в интервью женщина-архитектор, поясняя: *«Даже среди молодежного сленга «архитектор» — «некрасивая девушка», так как из-за постоянного напряжения портится зрение, очки с большими диоптриями... нет времени следить за собой — на*

голове наспех собранный пучок волос... Пальцы в мозолях от карандашей. В общем, не очень привлекательная картина» [ПМ: О. Аверичева, СПб., 2002 г.].

Присутствует этот мотив и в студенческом фольклоре инженерных и физических вузов: *«Проходят два парня мимо двух девушек на физтехе: — Физтешки! — Сами уроды!!!», «Не женитесь на курсистках, они толсты, как сосиски»* [из фольклора МАИ]³⁹. Неожиданным для меня было появление подобных мотивов у будущих медиков: *«Лучше сесть на кучу шлака, чем <...> девиц с лечфака»*, — это из фольклора Первого медицинского университета [ПМ: В. Мониц, СПб., 2000 г.].

Мотив «некрасивости» женщины может быть связан с отсутствием мужского взгляда, формирующего образ «красивой женщины». В профессиональной сфере взгляд мужчины обращен к предмету его деятельности, он занят работой. «Красота» не то чтобы деконструируется, она просто не начинает существовать. К этим мотивам прибегают, например, программисты, объясняя малочисленность в своей среде женщин: *«Женщине нужно внимание, от программиста какое внимание, он сидит, вот, монитор, в него смотрит. Женщина может хоть раздетой ходить, мало кто заметит сначала. Программисты конторы типично сидят и смотрят в компьютер»* [ПМ: М.В. Чунаева, СПб., 2005 г.]. В этом варианте отсутствие мужского взгляда означает несформированность самого женского образа — отсутствие женщин в среде коллег представлено как ее результат.

Любопытно отметить онтологизацию символической конструкции (точнее деконструкции) фемининности: отсутствие образа женщины (который в данном понимании может быть сформирован только мужским взглядом, восприятием сотрудницы «как женщины») отождествляется с отсутствием женщин-работников в реальности. Мотив «отсутствия взгляда» / дефеминизации актуален как в «мужском» сообществе программистов, так и в «женском» учительском коллективе. Фольклорный образ учительницы не избежал дефеминизации, проявляющейся чаще всего в подчеркнута бесполом стиле одежды.

Тема одежды учительниц обыгрывается в профессиональных байках и анекдотах. Приведу рассказ, представленный как случай «с одной учительницей»: *«Приходит одна учительница в магазин и спрашивает: “Сколько эта кофточка стоит?” А продавщица ей отвечает: “Вы что, женщина, такие же только учителя носят! Вы что, учитель что ли?!”*» (М, ок. 20 лет) [ПМФ: СПб., 2004 г.]. Сами жен-

щины этой профессии в интервью нередко признают существование «клейма» учительницы, стремление, но невозможность от него избавиться: *«Стараюсь не иметь отпечатка преподавателя в одежде, но это не всегда получается. Лишь летом я позволяю себе освободиться от серой одежды. Вещи покупаю только для работы, предпочитаю классический вариант, на века, два-три костюма»* (Ж, ок. 40 лет) [ПМ: М.В. Пшеная-Северина, 1999 г.].

Женщинам, посвятившим себя профессии, приписывается утрата (или опасность утраты) и других значимых женских качеств, прежде всего способности к материнству. Так, в среде акушеров-гинекологов бытует представление о том, что *«трудно принимать роды у педагогов, женщин творческих профессий и врачей»* (это говорит женщина-гинеколог с большим стажем работы в системе родовспоможения). *«Педагоги все нервные, экзальтированные и ведут себя очень шумно. Творческие люди очень эмоциональны: увидят какую-нибудь медицинскую аппаратуру и сразу в слезы, да еще неадекватно на просьбы реагируют. Про врачей я вообще молчу — у них почему-то чаще всего случаются осложнения»*⁴⁰.

Убеждение в том, что женщинам их профессии особенно трудно рожать, отмечено отнюдь не только у представителей профессий, символически относимых к «мужским». Наиболее распространено оно в среде медиков, а также у стюардесс, профессия которых как раз считается «женской»: *«Наша работа, она сажает вот жизнедеятельность женщины, в принципе, и сажает также почки, — утверждает молодая бортпроводница. — Высота, перепады такие давления, естественно, вот. И, ну, вероятно, мы какую-то долю радиации все-таки схватываем... большинство просто женщины в семьях не имеют своих детей. И по статистике... семьдесят процентов, которые берут из детдомов, и не по одному, а даже по два (улыбается)... происходят, конечно же, внутренние, говорят, жуткие изменения»* (Ж., 24 г.) [ПМА: СПб., 2005 г.].

«Красота», «фертильность» — элементы феминности — включаются из образа женщины-профессионала или представлены в фольклоре как противоречащие профессионализму. Эта стратегия может проявляться в реальных ограничениях, накладываемых на проявления феминности правилами профессиональной деятельности.

Существуют правила, определяющие внешний вид работника, причем заложенные в них ограничения касаются, в первую очередь, внешних проявлений феминности. Для некоторых профессий

подобные ограничения фиксируются в виде формальных инструкций. Так, стюардессам положена *«по уставу форменная фирменная одежда»*, — говорит молодая представительница этой профессии, подчеркивая, что инструктор, присутствующий на борту, проверяет даже мелкие детали костюма: *«Строго платочки должны быть завязаны на один манер в бригаде. То есть если две рядом бригады вылетают, у одной бригады так платочки (но одинаково), у другой так — ничего страшного. Но на самолете должно быть одинаково. В этом высший профессионализм считается, что полное совпадение... Это видеть надо, здесь очень сложно (смех). Не допускается длина юбки выше колен. Не допускается высокий каблук... Вот. Очень строго относительно прически. Мне вообще очень сложно, потому что тот, кто составлял в свое время эти критерии, — видимо, это была женщина со стрижкой, потому что мне мои косы убирать в маленькую аккуратно чтоб она... — ну делается хвостик аккуратный или заплетается кичка красиво, все шпильками это обрамляется, вот, прическа не должна касаться воротничка рубашки. Вот. Очень обидно, что тоже ногти должны быть определенной длины... потому что мы вроде как связаны с питанием по санитарным нормам, вот...»* [Там же].

У этнографов и фольклористов, особенно молодых, существует стереотип того, как должна выглядеть женщина в экспедиции, во время работы с информантами: длинные ситцевые юбки, платочки на головах. Сами они посмеиваются, но исправно воспроизводят этот стереотип. Не принято появляться в деревне в шортах или короткой юбке: считается, что это может настроить местных жителей против приезжих и не способствует успешной коммуникации.

Устоявшийся стереотип внешнего облика связан с профессией школьной учительницы. На этот счет не существует таких формальных инструкций, как у бортпроводниц, определенные требования к внешности поддерживаются самой профессиональной средой и разделяются большинством представителей этой профессии. *«Учитель в рамках должен, более строго так одеваться, — говорит учительница математики. — Чтоб такой пестроты не было. Еще не хватало, чтобы голое что-то торчало. Я всегда сама признаю темный тон, чтобы кофточка была. Как раньше в кино мы видели: учитель в основном в костюмчике. И старалась тоже так одеваться»* (Ж, 66 лет) [ПМ: А. Воронина, СПб., 2004 г.]. Примечательна ориентация на культурные образцы, образы профессионалов, созданные масс медиа.

В интервью упоминаются случаи, когда открытая демонстрация женственности может привести к прямым санкциям, вплоть до

увольнения. С такой ситуацией столкнулась студентка СПбГУ во время работы гидом в одной из туристических фирм: *«Посещала... курсы гидов-переводчиков. Там тоже преобладали девушки. Но могу рассказать случай из своей рабочей практики. Вот на курсах я и моя подруга были самыми лучшими, мы лучше всех сдали экзамены, получили лицензии. Когда дело дошло до работы, мы однажды пришли в каких-то броских костюмах на встречу с нашими туристами. И потом нас выгнали из этой фирмы, сказав: “Девушки если выглядят так легкомысленно, значит, наверное, у них за душой, там, ничего и нет, никаких знаний уж подавно”».*

Надо заметить, что в данном случае говорится отнюдь не о «мужской» профессии: большинство гидов — женщины, как, к слову, и большинство учителей. Однако это не снижает степень регламентации внешности в направлении исключения маркеров феминности. Примечательна интерпретация: *«Ну здесь я просто, вот, сделала для себя вывод, что нужно вести себя прилично, никак свою индивидуальность не проявлять, особенно в одежде, потому что... ну, такой стереотип существует: если девушка нормально выглядит, там, следит за собой, как-то ярко одевается, то значит нужно ее... значит у нее какие-то провалы в знаниях, потому что, ну, такой стереотип — если девушка привлекательна, то значит, она не очень умная»* (Ж., 20 лет) [ПМ: Е. Лебедева, СПб., 2004 г. Ж., 20 лет]. Личный опыт исключения здесь интерпретируется через стереотип, устанавливающий обратную зависимость между женской привлекательностью и оценкой профессиональных качеств.

В другом интервью содержится указание на то, что подобный стереотип транслируется системой образования, в том числе высшего: *«Я помню, по философии был преподаватель, <...> он как-то сказал: “Ну, в общем-то, я считаю, что девушки заботятся только о том, чтобы их голова была красивая — прическа, макияж и все такое, — а вот чтобы умные — вряд ли”»* (Ж., 20 лет) [Там же].

Судя по этим примерам, возможны ситуации, когда «некрасивость» профессионала-женщины не только приписывается как стереотип, но и предписывается как требование. Стремление «нормально выглядеть» (речь идет, вероятно, о «норме» женственности, принятой в повседневном общении участниц исследования) в профессиональной сфере расценивается как нарушение нормы (профессиональной) и способно повлечь санкции, вплоть до потери работы. Стереотипы, бытующие на уровне неформального дискурса и транслируемые в фольклоре, судя по этим примерам, способны

оказывать влияние и на принятие формальных решений как основания для исключения женщины или, по меньшей мере, накладывания на нее дополнительных ограничений.

Вернемся к стереотипам фольклорного дискурса. Анализируя фольклор целого ряда разнообразных профессий, мы могли наблюдать, что фиксируемые в нем конструкции гендера базируются на общем принципе: между профессионализмом и маскулинностью фиксируется положительная, а между профессионализмом и феминностью скорее отрицательная корреляция. Иными словами, профессионализм включается в символический конструкт маскулинности как одна из ее характеристик, но в то же время разрушает феминность как характеристика, ей противоречащая.

Характерно, что этот принцип действует как правило порождения текстов — конкретных конструкций гендера — как в профессиях, имеющих репутацию «мужских», так и в «женских» статистически (учительницы) или символически (стюардессы). В «женских» профессиях он имеет несколько иные мотивы, чем в «мужских», но как порождающий принцип продолжает действовать, генерируя фольклорные тексты и мотивировки в конкретных ситуациях. Проявлений противоположного принципа, когда бы профессионализм повышал оценку по шкале феминности либо проявления женственности автоматически повышали бы статус работницы как профессии, не были зафиксированы в фольклоре ни одной из профессий. В целом фольклорные комплексы разных профессий структурно однотипны, в части моделирования гендера в том числе.

Возникает вопрос о том, кто же является носителем профессионального фольклора. Профессиональная среда в целом или замкнутые мужские сети в рамках этой среды? Может быть, это дискурс доминирующей (мужской) группы, как всякий доминантный дискурс, выдающий себя за общий для данной среды? Поскольку мы записывали тексты как от мужчин, так и от женщин, то следует заключить, что женская часть профессиональных сообществ обычно разделяет те же фольклорные модели и участвует в их трансляции. Но это характерно для любого гегемонистского дискурса, который, выражая интересы доминирующей группы, претендует на репрезентацию позиции всего сообщества.

Можно предположить, что описанный выше массив текстов сформировался на базе мужских неформальных сетей, занимавших доминирующее положение среди профессионалов и что сложившаяся именно на базе этих сетей профессиональная идентичность

включала и маскулинность как один из важных параметров. Если так, то в фольклоре профессиональных сообществ под видом профессиональной идентичности моделируется идентичность, основанная на принадлежности к мужским неформальным сетям.

Среди матриц, по которым в фольклоре профессий конструируется маскулинность, можно отметить систематически воспроизводимую маскулинность военного, представленную как вариант «традиционной».

Матричная функция армейского дискурса по отношению к профессиональному проявляется и на официальном уровне (некоторые формы организации, управления, символики профессий строятся по армейскому образцу), но нас сейчас интересует влияние армейских традиций в неформальном дискурсе. Можно отметить две формы этого влияния. Во-первых, прямые заимствования текстов и ритуалов из армейской субкультуры, примеры которых были отмечены и в нашем обзоре. Во-вторых, ориентация на армию как моделирующую структуру — источник легитимаций, объяснений, мотивировок, а в конечном счете — ценностей, обосновывающих те или иные действия профессионала.

Такая ориентация проявляется в систематически употребляемых метафорах, представляющих профессиональную деятельность как военную. Торгующие на рынке и водители такси употребляют «военные» метафоры применительно к конкурентным отношениям (ср.: «торговые войны»). *«Я не помню, в каком году мы собирались на Исаакиевской площади... до этого целая война, битвы даже были... с частным извозом, — рассказывал таксист из Санкт-Петербурга, вспоминая, что иной раз конкуренция между профессиональными таксистами и частниками, работающими без лицензии, выливалась в реальные столкновения: — Раньше было вот так: частник останаивался, берешь, подлетаешь, он быстренько раз по газам — и убегает. Потому что считалось, что он просто ворует: это твоя работа! Ты занимайся своим делом или иди, купи лицензию. Купи лицензию! Поставь шапку, и те никто слова не скажет. Здравый смысл в этом есть, понимаете? Мы как бы работаем — мы за все платим. Все на логи и так далее. А он без ничего. Чисто ворует, грубо выражаясь, он вдобавок ворует твой хлеб»* (М, ок. 35 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.].

К «военной» метафорике обращаются и представители врачебной профессии, особенно работающие в системе Скорой помощи. Работники 12-й реаниматологической подстанции Скорой помощи в Санкт-Петербурге считают элитой своего коллектива четыре ре-

нимационно-хирургические бригады, называя их еще *штурмовиками*⁴¹. Армейские ассоциации обнаруживаются и в интервью с сотрудниками Института им. Склифосовского. Врач первой Градской больницы (Москва) И. Ласкавый проводит параллель между правилами медицинской профессии и воинским уставом: *«Говорят, воинский устав написан кровью. Но медицинские правила тоже пишутся кровью»*⁴².

О том, что правила их профессии «написаны кровью», говорят не только военные и медики, но и водители, подводники-аквалангисты (в том числе гражданские), летчики и другие работники авиации, электротехники, работники металлургии, пожарные⁴³ и даже экономисты — специалисты по управлению капиталом. «Военные» метафоры эксплицируют ориентацию на армейские образцы как моделирующие по отношению к профессии. Подобная ориентация проявляется иногда и на формальном (институциональном) уровне например, в организации научных экспедиций: в наименованиях подразделений («отряды»), повышенной субординации — принцип единоначалия, некоторых особенностях снаряжения. Это не кажется случайностью, если вспомнить, что еще в 30-х годах XX в. научные экспедиции в отдаленные районы (например, в Среднюю Азию) выезжали в сопровождении военного отряда (или, скорее, наоборот, сопровождали его)⁴⁴.

В наше время военные метафоры экспедиции сохраняются скорее на неформальном уровне. Из стенгазеты, висевшей в конце 1990-х годов на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ, посвященной поездке в Тихвинский р-н Ленинградской области: *«Четвертый десантный легион, он же поющая эскадрилья, он же Тихвинский отряд... используется для заброски в особо глухие участки Ленинградской области с целью разведывательной работы и быстрой атаки»* [ПМА: запись 1999 г.].

Каргопольская экспедиция Института этнографии АН СССР (теперь МАЭ РАН) в 1986 г. работала в районах Архангельской области, которым угрожало затопление по проекту переброски на юг воды северных рек. Проект тогда активно продвигался Минводхозом:

*Но заслон им тут поставлен прочный,
Кафедралы здесь толпой стоят.
Всем, чем можно и нельзя, порочный,
Здесь стоит Архангельский отряд.*

[авторство текста приписывается С. Старостенкову].

Еще одна экспедиционная песня, также по матрице военной песни («Вставай, страна огромная»), написана в конце 1990-х годов участниками студенческой экспедиции кафедры этнографии:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С забвенья силой темною,
С тоскою неживой.
Пусть пламя предрассветное
Играет в стременах.
Идет война заветная,
Священная война.
Дадим отпор грабителям
Преданий и знамен,
Творцам и истребителям,
Хранителям времен.*

Подобные метафоры систематически появляются в песнях, шутках и байках археологических, искусствоведческих и прочих экспедиций.

*Вместо шелома кепочка,
Но дерется, как лев —
На позиции Глебушка,
На позиции Глеб.*

[из археологической песни, посвященной Г.С. Лебедеву, петербургскому археологу; запись 1999 г.].

«Военные» метафоры, а в особенности их систематическое повторение, обнажают роль армии как образца, по которому строятся целые пласты профессионального фольклора. Не единичны и случаи прямых заимствований из армейского фольклора — в особенности, как мы выше видели, текстов, связанных с комплексами посвящения.

«Воинские» метафоры, актуализируясь как элемент романтизации и героизации профессии, вносят вклад в поддержание символической идентификации профессионализма и маскулинности.

Итак, рассмотрев фольклор разнообразных профессий, мы обнаружили, что конструкции гендера в нем соотносятся с профессионализмом по одному и тому же правилу: профессионализм моде-

лируется через конструирование маскулинности / деконструкцию феминности. Иными словами, профессионализм в фольклорном дискурсе моделируется через символы маскулинности. Это наблюдение сделано в результате рассмотрения тех мотивов и тем, которые обнаружены в неформальном дискурсе разных профессий, повторяясь как сквозные, а потому и включаемые нами в гипотетическую общую модель профессиональной субкультуры.

Однако следует задаться вопросом о том, как обстоит дела в «женских» профессиях. Отчасти ответ уже содержится в представленных материалах. В основном они воспроизводят стереотипы, утвердившиеся в «мужских» средах: либо на уровне конкретных тем, либо — с большей вероятностью — на уровне общего принципа, может быть, с некоторыми особенностями выражения его.

6. «ЖЕНСКИЕ» ПРОФЕССИИ: ФЕМИННОСТЬ И ПОДЧИНЕННОСТЬ

Нужно отметить еще одно обстоятельство, с которым мы столкнулись в ходе полевой работы: в «женских» профессиях (в поле нашего зрения попадали бухгалтеры, операторы пейджинговой связи, манекенщицы, женские сообщества торговцев на рынке и др.) профессиональный фольклор вообще слабее выражен. Во всяком случае, нашим собирателям (в основном, женщинам) не удалось сделать сколько-нибудь систематических записей (надеюсь, это еще впереди). Самый развитый и обширный фольклор, с устойчивой стереотипизацией, ритуализацией записан от представителей профессий, имеющих репутацию «мужских», или «мужских» специализаций внутри профессии. Хотя сами записи делались в этих средах нередко от женщин, которые бывают замечательными хранителями традиций (делают и хранят стенгазеты, альбомы, осуществляют подготовку к ритуалам и т.д.). Говорит ли это о недостатках записи — или о том, что женщины в профессиональной деятельности в меньшей степени образуют неформальные структуры (а следовательно, и базу для формирования фольклорного дискурса), ориентируясь главным образом на официальные связи?

Этому предположению в некоторой степени противоречит обнаруженный собирателями в женских коллективах фольклор, но только иного рода: не собственно профессиональный (воспроизводящий символический конструкт профессионализма), а скорее

связанный с символикой семьи, воспроизводящий этику семейных ролей. Например, И. Ивлева, исследуя женские сообщества на уличных рынках, обнаружила там ориентацию на этику материнства и ссылки на нее в качестве средства легитимации в разных конфликтных ситуациях⁴⁵. Встречается в женских сообществах и апелляция к архаическим ритуальным схемам, таким как гадания, обвинения в колдовстве, бытовой магии. Иными словами, вместо того чтобы создавать особую субкультуру профессии, они склонны в профессиональной деятельности апеллировать к опыту семейных ролей как к разделяемому ими общему опыту, на базе которого появляется возможность сформировать «женскую» субкультуру в рамках профессиональной среды, но неспецифичную для конкретной профессии.

Тем не менее есть профессии (или отдельные рабочие места), где «правило дефеминизации», как кажется, не выполняется: профессиональная деятельность не табуирует, а, напротив, требует производства феминности. Следует ожидать, что речь идет о «женских» (в символическом смысле) профессиях, где «делание профессии» есть и «делание (женского) гендера». Действительно, на рабочих местах официантки, секретаря-референта и других «женских» в число требований, явно или неявно предъявляемых к работнику, входит внешняя привлекательность. По свидетельствам офисных работников и официанток, отклонение от представлений работодателя о красоте может привести к увольнению: *«Если девушка не нравится чисто внешне, ее могут уволить, — говорит в интервью официантка. — С мужчинами такого не бывает? — Нет, не бывает»* (Ж., 20 лет) [ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004 г.].

Демонстрация феминных качеств ожидается и от стюардессы. Выражением этого, среди прочих, служат, как говорила представительница этой профессии, *«два требования, за что тоже могут отстранить от рейса: отсутствие маникюра, то есть если лаком не покрыты светлым ногти, — и отсутствие губной помады»* (Ж, 24 года) [ПМА: СПб., 2005 г.]. В то же время внешняя привлекательность не связана с возможностью профессионального роста: *«Если приходит в коллектив мужчина, то его чаще продвигают по службе, там, через полгода он уже может быть администратором, хотя никаких качеств администратора не имеет, вот, а девушек — девушки, в основном, как бы красивая часть интерьера»* (Ж, 20 лет) [ПМ: Е.В. Лебедева, СПб., 2004 г.].

Внешняя привлекательность, открывая доступ в профессию, может быть препятствием в дальнейшем профессиональном продвижении (видимо, из-за актуализации противопоставления «фемин-

ности» и «профессионализма»: повышение оценки по шкале феминности прочитывается как снижение по шкале профессионализма).

Несмотря на то что определенные феминные качества (аккуратность, ухоженная внешность) входят в число профессиональных требований, предъявляемых к стюардессе, нельзя сказать, что они способствуют ее карьерному продвижению. В стандартной бригаде бортпроводников пять человек («номеров»). Пятый номер — принимающий «коммерческой загрузки», обычно это мужчина, в салон он обычно не ходит. Возможности профессионального роста для бортпроводников ограничиваются (как правило) возможностью занять должность инструктора бригад, но эта возможность реальна для стюардов, так как, по словам работницы АК «Пулково», *«как правило, инструктор — это мужчины»*, т.е. больше вероятности перейти туда из «пяток номеров». Ими ставят чаще мужчин из-за ответственности, связанной с приемом дорогостоящего груза (*«Поэтому эта ответственность с девочек снимается»*), т.е. мужская работа ассоциируется с большей ответственностью, чем женская (отнимающая больше времени и сил во время полета).

Для женщин остается еще одна возможность карьерного продвижения (хотя и очень незначительного) — перейти в «первые номера», т.е. стать руководителем бригады бортпроводников. Однако в последние годы наметилась тенденция ставить и «первым номером» мужчину. По мнению моей собеседницы, стюардессы (24 года), работающей в «Пулково», наличие двух мужчин благоприятно как для коллектива (снижается конфликтность), так и для отношений с пассажирами. В особенности на рейсах по территории бывшего СССР: *«Там необходимо, я считаю, первый номер... мужчина. Это связано с безопасностью и с пассажирами. Со спецификой пассажиров... тут нужна такая бригада, где больше мужчин, потому что рейс на Душанбе, где одни молоденькие девочки (стюардессы. — Т.Ш.), — это невыносимо. Ты чувствуешь себя голой, босой, и совершенно теряется чувство профессиональности, абсолютно у всех... это летят наши га-старбайтеры... они по своей ментальности (улыбается), как мне сказал один: “Молчи, женищина!” Тут женищина не указ... у него нет ассоциации, что я здесь работник, вот в чем дело, несмотря на то что у меня форма»* (Ж, 24 г.) [ПМА: СПб., 2005 г.].

Мужская позиция здесь ассоциируется с властью, функциями руководства, влиянием, ответственностью. Профессия стюардессы воспринимается скорее как женская, определенные женские каче-

ства входят в число как официальных требований, так и неофициальных ожиданий. Однако именно ссылки на феминность служат обоснованием ограниченности и даже тенденции к полному перекрытию возможностей профессионального роста.

Нужно отметить, что, несмотря на требования демонстрации феминных качеств на рабочем месте, они продолжают высмеиваться или осуждаться в профессиональном фольклоре, как высмеивается в авиационных анекдотах женская привлекательность стюардесс.

Разберем другой случай — профессии физика, «мужской» по статистическим показателям и символическому восприятию, в том числе самими профессионалами. *«Если говорить о средней женщине и среднем мужчине — то, конечно... в общем-то, это мужская работа. Мужская»*, — говорит сотрудница Физико-технического института РАН (Ж., 60 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.]. Однако и в этой профессии некоторые проявления феминности поощряются как качества хорошего работника. По общему мнению четырех собравшихся (из разных лабораторий), больше всего женщин в группе, занимающейся технологией (в противоположность «фундаментальной науке»). В этой области женщин ценят: *«У нас заведующий лабораторией, он просто считает, что женщины работают лучше, он просто говорит неоднократно. То есть в технологии женщины — лучше. И он как-то с большим таким уважением относится»*, — утверждает сотрудница технологической лаборатории (Ж., 40 лет). Другая участница разговора высказала предположение: *«Вот мне кажется, что все-таки потому что... так как много технологгов-женщин — это какая-то специфика все-таки женской натуры»* (Ж., ок. 60 лет).

Заметили, что больше всего женщин в такой области технологии, как «фотолитография, где вообще все зависит **от рук** уже человека».

— Ну и чутья. Терпения больше.

— Терпения больше, мелочи какой-то, важно тщательно очень все сделать там, сто раз протереть, обмыть, нанести очень тщательно.

— Вот, я думаю, для мужчин это не очень характерно...

— Вот этим мужчины вообще, как правило, не занимаются. Они могут быть — руководить просто фотолитографией, просто организовать это дело, проследить, чтоб все сделали как надо, — а руки — это женские, совершенно. Но там не только руки. Потому что на самом деле это отработка режима. И, в общем, если только руки без вот этого, — то это бесполезное дело совершенно.

(Женщины: одна 40 и три около 60 лет) [ПМА: СПб., 2005 г.].

Ценными качествами работника в обсуждаемой сфере (технологии, особенно фотолитографии) дружно признаются качества, одновременно рассматриваемые и как типично феминные: тщательность, терпение, чутье, готовность все многократно повторить, отработать режим — качества хорошего исполнителя, в то время как мужчинам приписывается отсутствие этих качеств и соответственно пригодность только для руководящей работы в этой сфере. На мой вопрос о том, какие работы считаются действительно мужскими работами, я получила ответ: «Умственные» (общий смех). *«Я только хотела сказать: мозги»*, — подхватила вторая из присутствовавших женщин. (Ж., ок. 60 лет) [Там же]. Есть работы, считающиеся «мужскими», и в сфере технологии: *«Там у нас больше мужчин, потому что там у нас в основном установки уже там достаточно сложные, и там, конечно, больше мужчин, хотя женщины тоже есть»*.

В ходе беседы выяснилось, что группа фотолитографии чаще всего работает в рамках чужих проектов и редко выступает инициатором своих собственных, т.е. выполняет, главным образом, обслуживающие функции. «Женские» качества — терпение, тщательность — в данном случае расцениваются как положительные с точки зрения профессии, но одновременно служат обоснованием концентрации женщин в сфере, где им уготована исполнительская позиция. Поощрение феминных качеств означает консервацию позиции исполнителя как той, к которой у женщины имеется «природное предназначение». Это происходит постольку, поскольку феминными представляются именно качества исполнителя. За счет этого отождествления происходит натурализация подчинения.

Ссылка на «природные свойства» женщины возникла в той же беседе еще раз в связи с обсуждением неформальных механизмов принятия решений, например подготовки к выдвижению кандидатур в Ученый совет (на момент обсуждения вышло так, что от всего коллектива там не было представлено ни одной женщины). Речь зашла о неформальных обсуждениях кандидатур, о людях, которые поддерживают более тесные отношения с руководством и т.п. внутриинститутской «политике». Как говорили мои собеседницы, женщины в подобных обсуждениях практически не участвуют:

— И потом я еще одну вещь хотела бы добавить, что женщине более свойственно сидеть на рабочем месте и работать.

— И делать свою вот... дело. А... они (мужчины. — Т.Щ.) должны знать больше. Вот по статусу внутреннему. То есть они стремятся

к этой информации. Я когда загляну куда-то внутрь — ну я и закрою дверь, мне даже не хочется... у меня нет комплекса, что я не участвую.

— Я не думаю, что там обсуждают женские кандидатуры (улыбается скептически).

— Нет! Они обсуждают все по отделу, все хорошо.

— Но, в принципе, на самом деле естественно для большинства мужчин стремление ну, как-то расти. А сейчас-то это еще вопрос денег. На самом деле. То есть, если не заниматься вот этой всей политикой, то очень трудно иметь и гранты, и какие-то, потому что просто не знаешь

(Три женщины, около 60 лет) [Там же].

«Свойствами» женщины объясняется ее отстранение от участия в принятии решений, т.е. речь идет о натурализации (легитимации как природно заданного) отстранения женщин (нередко добровольного) от управленческих функций.

Как в «женской» профессии стюардессы, так и в «мужской» профессии физика обнаруживаются в целом однотипные закономерности. Поощрение феминных качеств оборачивается консервацией исполнительской, подчиненной позиции работника-женщины. Но если вспомнить, что составляющие профессионализма — автономия в принятии профессиональных решений, ответственность, высокий статус, то приходится признать, что «делание гендера», в случае, если он женский, означает не продвижения по шкале профессионализма, а скорее стагнацию. Случаи производства феминности в процессе профессиональной деятельности имеют место, но, по крайней мере в рассмотренных случаях, производство феминности означает одновременно и производство предела профессионального роста, в то время как производство маскулинности, наоборот, находится в положительной связи с повышением профессионального статуса.

Эти примеры «делания гендера» (женского) не опровергают принципа, сформулированного нами вначале: символические конструкции гендера находятся в асимметричном отношении к конструкту профессионализма (маскулинность имеет тенденцию к прямой, а феминность — к обратной зависимости по отношению к профессионализму).

Это правило достаточно стабильно воспроизводится в рамках того пласта неформального дискурса, который сами его носители опознают под названием «профессиональный фольклор»: речь идет

о стереотипизированных, прошедших сквозь фильтр общественного мнения текстов, само воспроизведение которых отчасти ритуализованно и воспринимается как отражение профессиональных традиций. Структуры, запечатленные в фольклоре, следует воспринимать не как реальное состояние дел в том или ином профессиональном сообществе, а именно как моделирующие структуры, образцы, на которые ориентируются как на самоочевидные по умолчанию, но вовсе не обязательно их буквально воспроизводят. Не менее распространена и другая стратегия — отторжения, критики, пересмотра этих образцов.

Анализируя этот дискурсивный пласт, мы не можем получить информацию о сиюминутной реальности гендерных отношений, но мы получаем информацию о структурах, моделирующих гендер и воспроизводимых в рамках повседневной коммуникации. Структуры, транслируемые в неформальном дискурсе, разумеется, не исчерпывают моделей гендера: есть еще официальные предписания, должностные инструкции, законодательные акты, государственная и корпоративная политика и т.п. Но фольклорные модели как наименее заметные и с трудом поддающиеся управлению способны исподволь оказывать влияние как на официальные решения, так и в особенности на практику их исполнения (иной раз до неузнаваемости модифицируя ее).

¹ Хайнц Б., Надаи Е. Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002. С. 295.

² Там же. С. 292–293; авторы статьи приводят формулу «doing gender while doing the job», опираясь на работу: Leidner R. Serving Hamburgers and Selling Insurances: Gender, Work and Identity in Interactive Service Jobs // Gender & Society. 1991. № 5.

³ Хайнц Б., Надаи Е. Указ. соч. С. 286; авторы статьи опираются на концепцию деинституционализации Бригитты Недельман: Nedelmann B. Die Entinstitutionalisierung des Wohlfahrtsstaates und Konfliktentstehung — der Fall des Lohnfortzahlungsgesetzes // Europäische Institutionenpolitik / Hrsg. T. König, E. Rieger, H. Schmitt. Frankfurt am Main: Campus, 1997.

⁴ Котлова Т.Б., Смирнова А.В. Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы // Женщина и общество: информационный портал. www.owl.ru. Впервые опубликовано в журнале «Женщина в российском обществе» (2001. № 3–4).

⁵ Чернова Ж. «Мужская работа»: анализ медиа-репрезентаций // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов / Ред. Л.Н. Попкова, И.Н. Тартаковская. Самара, 2003. С. 279–280.

⁶ Несколько вариантов см.: <http://karaoke.ru/song/3824.htm>; <http://www.kulichki.com/ostrova/bera/Folklor/>.

⁷ Рослова Л. Александр Буйнов выходит на сцену, как боксер на ринг // Советский спорт. 2003. 27 марта.

⁸ Ворохов С. Саша Васильев: «Нам тоже лифчики на сцену бросают» // Аргументы и факты — Петербург. 1999. № 18. С. 10.

⁹ Сейчас это статистически скорее женская профессия, но символическом уровне сохраняется ряд конструкций профессионализма как проявления маскулинности, особенно в отношении ряда специализаций, таких как хирург и патологоанатом.

¹⁰ Московский электромеханический завод им. Владимира Ильича, ныне ОАО «Завод имени Владимира Ильича». Сведения об этом предприятии можно найти на сайте Музея истории ОАО «ЗВИ»: <http://www.museum.ru/m1661>.

¹¹ Лурье М.Л. Служба в армии как «воспитание чувств» // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001. С. 247–259.

¹² Банников К. В армии, как на зоне: насилие и унижение стало нормой // НКП (Новая Камчатская правда). 2000. 30 марта.

¹³ Чернова Ж. Указ. соч. С. 279–280.

¹⁴ Шумов К. Традиции пожарной охраны // Сайт «Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика», в рамках проекта «Виртуальные мастерские в общественных науках»: www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm.

¹⁵ Барной В. Мужская профессия. Одна, но пламенная страсть // Вечерний Рубцовск. 1998. 28 окт. В Интернете текст представлен по адресу: <http://www.rubtsovsk.ru/press/vrnews/0113103/part004.htm>.

¹⁶ Получен в январе 2003 г. в Санкт-Петербурге от брата хозяйки блокнота, которая училась в училище МВД несколько лет назад. Блокнот форматом в 1/8 листа А4, из 14 листов, скреплен белой металлической пружинкой, с одной задней картонной обложкой. Листы с одной стороны оформлены бледной (так что сверху можно писать) картинкой из диснеевского фильма «Аладдин» (изображение Аладдина верхом на ковре-самолете, рядом с ним джинн. Записи, относящиеся к курсантскому фольклору, располагаются на украшенной стороне. На обороте — планы учебных помещений, телефонные номера и т.п. записи.

¹⁷ Инешина Т. Женщины мужских профессий // Комсомольская правда — Иркутск. 2004. 5 марта. Статья размещена в Интернете: <http://www.irk.kp.ru/2004/03/05/doc16171>.

¹⁸ Форум «CarneVale», тема «мужчины и женщины», сообщение от 27 дек. 2004 г. <http://www.karnawal.ru/forum/index.php?showtopic=22>.

¹⁹ Шмидт Н.М., Куницына Е.В., Мурашова А.В., Соколова З.Н. Участие сотрудников института в развитии основных научных направлений ФТИ им. А.Ф. Иоффе // Программа и сборник тезисов Третьей Междуна-

родной конференции «Женщины в фундаментальной науке». Памяти И.П. Ипатовой. СПб., 2004. С. 76–77.

²⁰ Сергеев И. Пиарщик в шоколаде // Московский комсомолец. 2003. 23 июня. Опубликовано в Интернете: www.sovetnik.ru; см. также в сообщении на одном из форумов: www.kyrgyz.uz.

²¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк, 1990. Гл. 13. — электронная публикация доступна на сайте библиотеки Чистополя: <http://lib.chistopol.ru/read.php?id=1611&page=631>.

²² Шумов К. Указ. соч.

²³ Сайт «Стопка.ру»: <http://www.stopka.ru/toast/nyear04.shtml>.

²⁴ За тех, кто работает в профтех! Фоторепортаж К. Старцева, М. Львова // Амурская заря. 2001. 31 окт. <http://www.amursk.ru/az/01/1031/n1.htm>.

²⁵ Бондаренко И. Антон Бируля: лютне, как женщине, нужна верность // Смена. 2000. 28 янв.

²⁶ Маслов А. Жаргонарий // Интернет-публикация на сайте: zzz.land.ru, посвященном компьютерному фольклору и сленгу.

²⁷ Там же.

²⁸ Некоторые тексты дублируются в мужском и женском варианте. В противовес тексту «Почему компьютер лучше женщины» появились феминистские переделки типа «Почему компьютер лучше мужчины» или даже «огурца». Однако такие переделки имеют вторичный характер. Идентификация же машины с «любимой» или «женой» — весьма продуктивный мотив, реализующийся во множестве разнообразных вариантов.

²⁹ Маслов А. Указ. соч.; о фольклоре, связанном с компьютерами, см. также: Шумов К.Э. Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 128–164.

³⁰ Шумов К. Указ. соч.

³¹ Никулин А. Константин Козеев: разговор перед полетом, или Космонавтика с человеческого лицом // Новости космонавтики. 2001. Окт.

³² Старобинец Ю., военный летчик. Из автобиографии, опубликованной в газете «Петербургский час пик» 2001. №30 (184), 25–31 июля.

³³ Соколов М. Трудная судьба. Библиотека правого клуба // Драйв. 1999. №5. 1 авг.

³⁴ Петрова М. Любовный роман №172 занял второе место // Смена. 1998. 17 февр.

³⁵ Эта и целый ряд других примет, связанных с торговлей, были приведены на сайте Олега Винокурова: oleg-vinokurov.narod.ru/20.htm. Материалы датированы 3 мая 2003 г.

³⁶ Чередникова М., Кром И. Не возите большого ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очокуриться // Мегаполис-Экспресс. 2004. № 11 (738). Статья опубликована на сайте газеты по адресу: www.megapolis.ru/about/me/2004/11.

³⁷ Там же.

³⁸ Сайт «Санкт-Петербургская региональная молодежная общественная организация развития информационных технологий». 1998 г. — www.ruxu.org.ru.

³⁹ Сайт студентов Московского авиационного института: www.mai.ru/leisure/dk/zerkalo/m_folk.htm.

⁴⁰ Кудрявцева Е. Принимающая первой // Большой город. www.bgorod.ru/print/article.asp?ArticleID=17669.

⁴¹ Бойцова М. Один день из жизни медицины катастроф // Петербургский час пик. 1999. 10 марта.

⁴² Светлова Е. Врачебная ошибка // Совершенно секретно. 1999. № 7.

⁴³ См. примеры таких метафор: Интервью генерального директора ОАО «Новосибирскэнерго» Вл.Дм. Соловьяновым. Стратегия развития ОАО «Новосибирскэнерго» // Налоги и экономика. 2002. № 1–2; Хомутов Л. Правила воздушного движения написаны кровью // Сайт www.chelpress.ru. 17 авг. 2001 г.

⁴⁴ Прищепова В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб., 2000. С. 138–139.

⁴⁵ Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности: Сборник статей по материалам полевых исследований / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе / Тр. ЦНСИ. СПб., 2001. Вып. 9. С. 83–96.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в этой книге мы ставили задачу изучения феномена неформальной традиции в профессиональной среде. Под неформальной традицией понимали род культурной информации, передающейся по неформальным, т.е. не базирующимся на формализованных механизмах организации и контроля, каналам коммуникации. Как правило, наше внимание привлекали коммуникации лицом-к-лицу, непосредственно вплетенные в повседневную жизнь профессиональной среды. Но с развитием электронных средств коммуникации все большую роль и в трансляции профессиональных традиций начинает играть Интернет, где нам интересны неофициальные сайты учреждений, студенческих групп и факультетов, разделы о профессиональных праздниках, шутках, песнях и т.п. Есть и целенаправленно формируемые коллекции «фраз», «фольклора», «приколов» — текстов, традиционно относимых к неформальному дискурсу. Интернет опосредует не только трансляцию традиций, но и непосредственно процесс коммуникаций, в том числе неформальных: общение в самых разных (в том числе профессиональных) социокультурных средах можно непосредственно наблюдать (и даже участвовать) на сетевых форумах и конференциях. Смысл высказанных там мнений, однако, становится понятным при условии предварительного опыта личного общения в той же среде или знаний о правилах (негласных), жанрах, лексических маркерах коммуникации.

Наши источники позволили представить профессиональную неформальную традицию как феномен знакового порядка. Традиция проецирует информацию в повседневность, придавая элементам повседневного опыта символический характер: повседневность, увиденная сквозь призму традиции, прочитывается, как текст, изрядно фрагментированный, и само прочтение ситуативно, связано с возникающими конкретными задачами. Обычно же, большую часть времени, эта информация пребывает в латентном виде. Поэтому и исследователю она доступна в виде отдельных фрагментов — тогда, когда удастся наблюдать ситуацию актуализации той или иной ее нормы, либо зафиксировать нарративное описание такой ситуации в интервью, автобиографии, мемуарах непосред-

ственного носителя традиции. Такой характер информации определяется самой сущностью неформальной традиции, усвоение которой длится всю жизнь, через опыт участия и взаимодействий по ее правилам (обычно невысказанным).

Можно ли в этой ситуации представить НПТ (неформальную профессиональную традицию) как особый феномен, проявляющийся в разных профессиональных средах? Традиция каждой профессии уникальна — или у них есть общее (наличие ряда общих черт было заметно — но на интуитивном уровне — еще на начальных этапах исследования)? Ясно было, что требуется процедура сравнительного исследования, но в рамках какой модели их сравнивать? Имеющиеся в литературе описания отдельных профессий делались по разным схемам, исследователи ставили разные задачи и фиксировали разные сегменты традиций. Фрагментарный характер информации и ситуативный характер экспликации ее не позволял сделать действительно целостного описания отдельной традиции, а тем более нельзя ожидать, что описания разных профессий будут сделаны по одному плану. В таком виде эти данные несопоставимы. Требуется модель, которая определила бы основные параметры сопоставления.

В этой книге мы поставили задачу подойти к созданию такой модели. Как? Основное — это преодолеть фрагментарность исходного материала. Решение этой задачи я вижу в накоплении фрагментированного материала по разным профессиям — и затем его анализ, предметом которого стали: система означающих; принципы интерпретации; социальная прагматика материала традиции.

Собранный материал анализировался через поиск регулярностей — но не просто повторяющихся элементов, а повторяющихся однотипных структур, т.е. определенным образом связанных комплексов элементов. Действительно, сопоставлять просто сходные элементарные фрагменты культурной информации — это значит рисковать неразличением аналогии и гомологии, типологической и генетической связи: опасность отождествления только внешне сходных явлений, на самом деле играющих совершенно различную роль и подчиняющихся различной логике, здесь очень вероятна. Именно поэтому, отбирая в собранном материале фрагменты для сопоставительного анализа, мы обращали внимание не только на сходство отдельных элементов, но и связывающих их структур. Такими структурами оказались, в частности, принципы, на которых строилось символическое переосмысление предмета (например, его

анимизация, персонификация, номинация и т.п.). Таким образом, сопоставляются не отдельные вырванные из контекста феномены, но связывающие их принципы, т.е. структуры более высокого уровня, где общего между разными традициями больше. На уровне феноменов, видимых в опыте, проявления этих принципов могут быть как одинаковыми (одни и те же фразы, мотивы, сюжеты текстов с подстановкой только названия конкретной профессиональной реалии), так и разными, в опыте неузнаваемыми. Если сравнивать эту процедуру со структурным анализом К. Леви-Строса¹, то общим окажется только требование сравнивать не отдельные вырванные из контекста феномены, а их однотипные комплексы. Однако, в нашем случае речь идет не о синтаксических структурах, аналогичных связи между знаками в тексте, а о структурах, определяющих интерпретацию и выявляющихся на уровне анализа прагматики знаков и текстов. Почему? Потому что фрагментарность, как внутренне присущая черта исследуемого феномена, сильно ограничивает возможности выявления подобных синтаксическим структур. А попытки их «реконструкции» таили бы опасность приписывания изучаемой традиции теоретической целостности, которой она по определению (неформальность, отсутствие систематического изложения, ситуативность актуализации) не обладает. Отсюда и акцент на прагматике, полюсе интерпретации, а не синтагматике.

В первой части книги предметом анализа являются структуры повседневности, прочитываемые в профессиональной среде как символические. Случаи символизации отдельных элементов повседневности рассматривались в рамках нескольких «кодов»: пространственного, предметного, телесного. Обнаружилось, что предметный код занимает промежуточное положение между пространственным и телесным в процессах конструирования профессиональной идентичности, что все эти коды взаимопереплетены и могут быть разделены лишь аналитически, условно. Тело профессионала (его внешние, а также перцептивные, коммуникативные качества) в рамках профессиональной традиции кодируется как претерпевающее трансформацию в пространстве профессии, несущее его отпечаток; пространство же профессии приобретает определенные черты, отражающие потребности тела работающих в нем людей.

Анализируя культурные коды повседневности, мы производили наложение их структурно сходных фрагментов (из разных тради-

ций). Кроме того, нужно было по возможности установить связи между разными фрагментами, чтобы расширить сферу видимости структуры. Сделав это на материале одной или нескольких традиций, можно проверить получившуюся модель и на оставшихся (целенаправленно собирая материал для проверки гипотезы).

В результате этих процедур получилась мозаичная и многослойная картина, где традиции разных профессий представлены фрагментами, которые удалось зафиксировать, и наложены друг на друга, а точки наложения определяются сходством структур более высокого уровня, чем отдельные феномены.

Ни одна традиция при таком принципиально фрагментарном способе бытования не может быть описана «полностью» (нет и их систематического самоописания), но наложенные друг на друга, их обрывочные описания позволяют восстановить общую модель: недостающие фрагменты как бы «просвечивают» сквозь лакуны одной традиции, становятся видимыми в «слое» другой традиции.

Насколько детализированной должна быть эта модель? Нужно исходить из того, что излишняя детализация — вплоть до отдельных лексических единиц или формулировок — не может быть обоснована (уже говорилось здесь о риске на уровне элемента принять аналогию за гомологию). Моя задача была выявить регулярности на уровне не отдельных знаков и значений, а принципов интерпретации. Вопрос формулировался не так: «что означает этот символ?» (я исхожу из полисемантической символа и ситуативности значений), а «по какому принципу конструируется его значение?» Вот на уровне принципов интерпретации регулярности выявились достаточно отчетливо, позволяя объяснить не только внешне сходные, но и на первый взгляд как раз не связанные между собою фрагменты традиции.

Прагматический подход к группированию и классификации феноменов опыта предполагает, что мы не рассчитываем реконструировать «профессиональную традицию» как «знаковую систему». Вообще «целостный» характер, возможность холистического описания отдельных «субкультур», да и «культур» в глобализирующемся мире вызывает все больший скепсис: холизм — одна из точек современной критики понятия «субкультура»².

Но вернемся к профессиональной традиции. Имеет ли смысл реконструкция ее как «знаковой системы» (что потребовало бы синтагматического анализа, едва ли возможного при фрагментарном характере фиксации случаев знаковости)? Ее системный, целостный, характер никак не подкреплен и, более того, наблюдение ее

бытования скорее заставляет предположить взаимодействие различных дискурсивных пластов, фрагменты которых комбинируются ситуативно опять же в зависимости от прагматических соображений. Вот ситуации и практики интерпретации мы можем зафиксировать этнографически, и они поддаются систематизации. Поэтому наша модель не может быть моделью знаковой системы, это модель скорее практик интерпретации, посредством которых повседневность приобретает знаковые свойства.

Во второй части книги проводится функциональный анализ неформальной традиции в социальном контексте (профессиональной среде). Рассматривая традицию как одну из форм (не всегда видимую извне) социального контроля, мы исследовали ее социальную прагматику, подвергая анализу имеющиеся данные о том, как эта традиция участвует в социальном конструировании статуса профессионала, его отношений с коллегами и клиентами, а также как неформальная традиция соотносится с другими видами социального контроля (организационным, бюрократическим контролем со стороны государства, давлением рынка и т.д.). Каким образом через повседневные практики (их интерпретацию и переопределение) неформальная традиция создает подкрепления власти профессионала — и стратегии сопротивления внешнему контролю?

Продланное исследование позволило говорить о возможности смоделировать феномен профессиональной неформальной традиции как воспроизводящий ряд принципов, общих для разных профессий, и, соответственно, говорить о нем как о едином феномене, имеющем ряд вариаций.

1. Принципы **интерпретации** (конструирования значений через процедуру «прочтения» повседневного опыта в конкретных ситуациях).

Символическая персонификация и анимизация элементов повседневного опыта (локусов, предметов): через приписывание им символических свойств «одушевленности» и «личности» неформальная традиция конструирует виртуального партнера по коммуникации: профессиональным практикам, таким образом, придается качество коммуникативных; они рассматриваются (описываются в неформальном дискурсе) не только как производство вещи или услуги, но и коммуникации. Тем самым традиция очерчивает сферу своего контроля — а именно: контроль повседневных коммуникативных практик. Именно к этим практикам относится большая часть ее норм.

2. Принципы, определяющие социальную **прагматику** символических структур неформальной традиции.

Здесь выявляются структуры социального контроля, осуществляемого посредством неформальной традиции — ее норм, системы легитимаций, практик подкрепления правилам и сопротивления правилам.

В рамках неформальных традиций разных профессий обнаружались символические структуры, выполняющие функции:

- легитимации невыполнения (или ограничения сферы действия) правил, исходящих от внешних по отношению к профессии инстанций и институтов (государства, организации, рынка, клиентов);
- подкрепления правил, адресованных клиентам или любым внешним партнером профессионала (как дополнительная основа его прав социального контроля сферы своей деятельности);
- особых правил, регулирующих, преимущественно, сферу повседневной коммуникации. Это, в частности, правила, ограничивающие конкуренцию и усиливающие солидарность внутри профессиональной среды; правила, обеспечивающие защиту интересов профессионала и профессионального сообщества от претензий извне (эту функцию во многом выполняют этический кодекс профессий);
- целый ряд правил касается гендерных отношений — нам удалось выявить, в основном, патриархатные стереотипы. Означает ли это, что непатриархатные нормы еще не отложились в традиции? Есть ли основания ожидать трансформации тех сегментов профессиональных традиций и неформальных отношений, которые относятся к гендеру? Пока у нас нет материала для разрешения этих вопросов.

Важной особенностью неформальных средств социальной регуляции и контроля является специфическая система легитимаций: они не всегда укладываются в рамки конвенциональной рациональности, базирующейся на научном знании. В наших материалах встречаются легитимации неформальных норм с опорой на:

- «биологические/природные» свойства человеческого тела (организма, психики);
- мистические свойства пространства профессии, его отдельных локусов, предметов;
- мистические свойства и магические способности самих профессионалов (здесь и разговоры об особой «энергии», транслируе-

мой в зал талантливыми и вдохновенно играющими артистами, и поверья о «сглазе», «легкой руке» и т.п. необъяснимых свойствах, приписываемых отдельным коллегам и накладывающих отпечаток на общение с ними.

Неформальная традиция не дублирует формализованные виды социального контроля, а занимает их «пустоты», создавая дополнительные нормы, легитимации, а в некоторых случаях обосновывая и практики сопротивления.

Эта модель учитывает и позволяет описать как феноменологические (конкретнее — знаковые и семантические — через процесс интерпретации), так и прагматические аспекты профессиональной традиции. В ее рамки вписались практически все материалы, собранные нами в процессе исследования десятков профессий. Это позволяет использовать ее для сопоставительного анализа других профессиональных традиций — во всяком случае, полезно при описании отдельных традиций (а как правило, исследования строятся на базе одной профессии и — чаще — даже одной организации, как исследования случая бытования этой профессии) учитывать те параметры, которые описаны в рамках предлагаемой здесь модели. Плюс ее в том, что она задает систему параметров, по которым можно проводить сопоставительный анализ, несмотря на фрагментарный характер исходного этнографического материала.

Вернемся опять к феноменологии профессиональной неформальной традиции. Объектом нашего исследования стало именно то, что понимается под профессиональной традицией (и даже субкультурой) в литературе, т.е. собирая исходный материал, мы следуем уже сложившейся традиции этнографического изучения профессий: фокусировке на неформальных сторонах жизни профессионального сообщества, его обычаях, традициях, повседневной мифологии, вербальных стереотипах. В этом материале мало технологии: правил, касающихся собственно техники наложения швов хирургом или экспериментов с полупроводниковыми материалами в экспериментальной физике. Большая часть материалов касается коммуникаций — правил, определяющих коммуникативное поведение, а не технику профессиональной деятельности. Означает ли это, что техника полностью определяется формализованным знанием, и в этой сфере нет неформальных обычаев? Интуитивно понятно, что это не так: профессионалы порой позволяют себе существенно отклониться от формальных норм. В приводимых нами свидетельствах это также упоминалось, но подробно о «правилах

отклонения от правил» не говорилось. Чем это может быть обусловлено?

Возможно, такие правила, поскольку с точки зрения формальной они представляют собою должностные нарушения и даже в некоторых случаях преступления, меньше открыты для вербализации, чем коммуникативные нормы. Но ведь о самом наличии нарушений и даже об их допустимости в интервью говорят! Эти темы фигурируют и в фольклоре профессионалов. Нет технологических подробностей. Первый вариант решения: нужны исследования, в которых этнограф будет вести наблюдения и беседы, непосредственно фокусированные на технологии, а не на «профессиональной традиции» в целом. Возможен и второй вариант: неформальная традиция не содержит детальных правил «альтернативной технологии» профессиональной деятельности — ее основное содержание сфокусировано на перераспределении прав и правил контроля, в том числе и в сфере технологии. Традиция определяет инстанции и формы контроля — а в конкретной ситуации именно эти инстанции и формы будут определять действие норм (обычных правил профессиональной деятельности) и границы допустимых отклонений. В этом варианте мы предполагаем, что неформальная традиция регулирует именно социальные коммуникации в профессиональной среде, а технология испытывает ее влияние опосредованно — через распределение границ социального контроля над исполнением общих для профессии (и зафиксированных вполне формально) норм.

Если верно второе предположение, что неформальная традиция (или субкультура профессии) должна рассматриваться как в первую очередь регулирующая коммуникативное, а только опосредованно — технологическое поведение профессионалов.

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология/Пер. с франц. Вяч.Вс. Иванова. М.: Академический проект, 2008 (по опубликованному в Париже первоначальному изданию 1958 года).

² M. Albrow, J. Eade, J. Dürrschmidt, Washbourne N. The impact of globalisation on sociological concepts: community, culture and milieu//Living the Global City. Globalization as a Local Process. Ed. by John Eade. London and New York: Routledge, 1997. PP. 20–37. См. с. 27–28.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ: ДАННЫЕ О СОБИРАТЕЛЯХ И ИНФОРМАНТАХ

В работе использованы данные полевых исследований, проводившихся в 1998–2009 гг. автором и студентами Санкт-Петербургского университета под руководством и на основе программ автора (в рамках антропологического практикума на факультете социологии и в Смольном институте свободных искусств и наук — СИСИН — при СПбГУ). Большая часть этих данных хранится в личном архиве автора, в рабочем электронном архиве кафедры культурной антропологии и этнической социологии на ф-те социологии СПбГУ и в Архиве МАЭ РАН (материалы Т.Б. Щепанской). Ссылаясь на них, мы обозначаем их ПМ (полевые материалы), указывая собирателя, год и место записи. Сведения об информантах приводятся в тех пределах, в каких на их публикацию собирателем было получено согласие информанта. В случае отсутствия сведений о такой договоренности сохраняется анонимность. Если я выступала и в роли собирателя, то указано ПМА (полевые материалы автора). Некоторые из собирателей продолжили исследования в области социальной и культурной антропологии профессий, что нашло отражение в их курсовых и дипломных работах; мною был проведен вторичный анализ приведенных в этих работах полевых данных по программе сравнительного исследования неформальных традиций.

Ниже приведу список собирателей, области их полевых исследований (профессии, занятия) и краткие сведения об информантах.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

Полевые материалы автора Собиратель — Т.Б. Щепанская

Физики-исследователи, научные сотрудники Физико-технического института им. А. Иоффе (ФТИ), Санкт-Петербург

Два групповых интервью: в июле 2005 г. и июле 2006 г. В первом участвовали четыре, во втором три научных сотрудника, женщины, от 40 до 65 лет.

Женщина, ок. 60 лет, к.ф.-м.н.; уже не в первый раз — руководитель проекта по гранту РФФИ.

Женщина, 60 лет, к.ф.-м.н.

Женщина, 40 лет, к.ф.-м.н., закончила ЛЭТИ, работала в Морфизприборе, теперь в ФТИ, в технологической лаборатории.

Женщина, ок. 60 лет, к.ф.-м.н.

Индивидуальные глубинные интервью.

Мужчина, ок. 60 лет, сотрудник ФТИ, д.т.н. (2005 г.).

Мужчина, ок. 55 лет, сотрудник ФТИ (2005 г.).

Мужчина, ок. 50 лет, сотрудник ФТИ. (2007 г.).

Женщина, ок. 50 — 55 лет, д.ф.-м.н. (2007 г.)

Водители

Водитель такси, мужчина ок. 35 лет. 2 марта 2005 г., Санкт-Петербург. Разговор шел в Кунсткамере, на галерее, когда туда закрыт был вход для посетителей музея. Присутствовала Ю. Берестовая, студентка 5 курса ф-та социологии СПб ГУ.

Водитель маршрутного такси, мужчина, ок. 40 лет, Санкт-Петербург.

Водитель маршрутного такси, мужчина, ок. 55 лет, Санкт-Петербург

Водитель лесовоза, мужчина ок. 45 лет, постоянно проживает в д. Бережок Кадуйского р-на Вологодской обл. Совершал рейсы в Санкт-Петербург, а также Ленинградскую, Архангельскую обл., ездил по Вологодской обл. На момент интервью временно неработающий. Интервью проходило у него дома, по месту постоянного проживания.

Водитель междугородних перевозок, ок. 40 лет, Санкт-Петербург. Интервью проходило на отдыхе, в дачном доме в Подпорожском р-не Ленинградской обл.

Бортпроводники, Санкт-Петербург

Глубинное интервью 1 февраля 2005 г. Женщина, 24 года, стюардесса (бортпроводник «№ 3»), авиапредприятие «Пулковские авиалинии» (до объединения с а/к «Россия»), Санкт-Петербург. Работает стюардессой два года, после окончания курсов бортпроводников. Замужем, муж — военный летчик.

Работники МВД, Санкт-Петербург

Личный документ: блокнот девушки-курсанта училища МВД. Январь 2003 г., СПб. Получен от брата хозяйки блокнота, которая училась в училище МВД несколько лет назад.

Преподаватели средней школы, Санкт-Петербург.

Мужчина, ок. 20 лет, учитель английского языка, в школе преподает около года. Учится в СПбГУ на IV курсе (параллельно на факультетах социологии и филологическом).

Женщина, ок. 40 лет. Май — июнь 2004 г. (серия интервью). Рассказывает об опыте работы в школе учителем биологии. Работая затем методистом, проверяла разные школы.

Продавцы, Санкт-Петербург

Продавец шавермы, мужчина, студент IV курса. глубинное интервью совместно с И. Ивлевой, 1998 г.

Продавец в одном из магазинчиков на рынке «Апраксин Двор», женщина, ок. 20 лет, 1998 г.

Врачи (опрос слушателей курсов в МАПО) 2003 г., Санкт-Петербург)

Этнографы, археологи — научные сотрудники научных учреждений РАН и преподаватели высших учебных заведений, Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Улан-Удэ

Мужчина, 1965 г.р., Санкт-Петербург, РЭМ.

Мужчина, ок. 1950 г.р., Санкт-Петербург, СПбГУ, политическая антропология.

Мужчина, 1958 г.р., Москва. Преподает в РГГУ, этнография восточных славян, этносемиотика.

Мужчина, ок. 30 лет, Москва. РГГУ, этнография и фольклор русских.

Мужчина, ок. 1975 г.р., Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, затем Институт истории РАН, этнография русских.

Мужчина, 1967 г.р., Москва.

Мужчина, ок. 1950 г.р., МАЭ РАН, этнография финноугорских народов.

Мужчина, ок. 30 лет, этнограф, СПбГУ.

Мужчина, ок. 55 лет, Санкт-Петербург, СПбГУ, этнография народов Сибири.

Женщина, ок. 1965 г.р., Санкт-Петербург, РЭМ, этнография русских.

Мужчина, 1958 г.р., Петрозаводск, Института языка, литературы и истории, этнография русских.

Женщина, 1954 г.р., Санкт-Петербург, МАЭ РАН, этнография русских, народная медицина.

Мужчина, ок. 25 лет, Улан-Удэ, Москва, Санкт-Петербург, антрополог, социолог, этнограф, участвовал в археологических и этнографических экспедициях.

Мужчина, 1948 г.р. Санкт-Петербург, МАЭ РАН, этнограф.

Женщина, 1954 г.р. Санкт-Петербург,

МАЭ РАН, этнограф.

Мужчина, 1959 г.р. Санкт-Петербург, МАЭ РАН, этнограф.

Мужчина, ок. 1960 г.р., МАЭ РАН, археолог, этнограф.

Мужчина, ок. 1940 г.р., Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры, археолог, этнограф, археология и этнография Южной Сибири.

Мужчина, ок. 1980 г.р., Улан-Удэ, Москва, Санкт-Петербург, СПбГУ, археолог, социоантрополог.

Материалы, собранные студентами СПбГУ (факультеты социологии и филологии и искусств). Материалы сгруппированы по темам (сферам профессиональной деятельности информантов)

Геология, геологоразведка

С.Ю. Федосеенко, факультет социологии СПбГУ, 1999–2000 гг.

Геологи-полевики

Опрошено одиннадцать человек (девять сотрудников Института геологии и геохронологии докембрия (ИГГД), один из НПО «Северо-

ро-западная геология» и один из производственно-геологического объединения «Алдан-геология»), собраны фотографии, альбомы, песни, переделки, эпиграммы и проч.

Мужчина, 30 лет, ИГГД, подрабатывает в производственных организациях от Министерства природных ресурсов.

Мужчина, ок. 50 лет, ИГГД, закончил ЛГУ.

Женщина, 50 лет, ИГГД, закончила ЛГУ.

Мужчина, ок. 50 лет, ИГГД, закончил ЛГУ.

Мужчина, ок. 45 лет, НПО «Северо-западная геология», закончил ЛГИ.

Женщина, 44 года, ИГГД, заканчивала ЛГУ.

Мужчина, 45 лет, г. Алдан, Алданская геологическая экспедиция. Закончил ЛГУ.

Женщина, 28 лет, ИГГД, закончила СПбГУ.

Женщина, ок. 48 лет, ИГГД. Закончила ЛГУ.

Мужчина, ок. 30 лет, ИГГД. Закончил ЛГУ.

Мужчина, ок. 30 лет, ИГГД. Закончил ЛГУ.

Архитектура

О. Аверичева (СИСИН, 2002).

Молодые архитекторы (27–28 лет)

Мужчина, архитектор.

Женщина, архитектор, окончила СПбГАСУ.

Женщина, архитектор.

Женщина, архитектор.

Педагогика, сфера образования

М.В. Пшеная-Северина, с 20 апреля по 5 мая 1999 г.

Учителя в школе. Опрошено пять преподавателей:

Надежда Михайловна, закончила заочное отделение факультета философии ЛГУ, стаж работы 27 лет в общеобразовательных учреждениях, 45 лет, учитель философии, истории, религиоведения, а также завуч гимназии по гуманитарному циклу, 12 категория.

Владимир Александрович, закончил дневное отделение факультета философии ЛГУ, стаж работы 20 лет, 4 года работы в Текстильном институте, 16 лет в ЛГАУ, последнее время работает в Юридическом университете, преподаватель философии, логики, психологии, кандидат философских наук.

Лариса Дмитриевна, закончила заочно филологическое отделение русского языка и литературы, стаж работы в школе 17 лет, учитель русского языка и литературы, 11 категория.

Зоя Николаевна, закончила Некрасовское педагогическое училище, стаж работы 17 лет в дошкольных учреждениях и начальной школе, учитель начальных классов, 12 категория.

Елена Николаевна, закончила Педагогический институт им. Герцена по специальности учитель начальных классов, стаж работы в школе-гимназии 22 года, 12 категория.

О.А. Калинина, студентка III курса СИСИН, 2004 г.

Школьные учителя

Балутина Татьяна Александровна, ключевой информант, стаж 15 лет (здесь и далее стаж работы в гимназии № 67), возраст 40–45 лет, методист кафедры испанского языка, преподаватель испанского языка высшей категории.

Магомедова Светлана Ахмедовна, стаж 12 лет, возраст 50–55 лет, преподаватель русского языка и литературы высшей категории.

Словохотов Андрей Геннадиевич, стаж один месяц, возраст 23–25 лет, преподаватель истории.

Финагина Ольга Валерьевна, стаж четыре года, возраст 30–35 лет, методист кафедры естественно-научных дисциплин, учительница физики.

Значко-Яворская Наталья Владимировна, стаж 22 года, возраст 45–50 лет, заместитель директора по научной работе, преподаватель испанского языка высшей категории.

М. Морева (СИСИН), 2001 (включенное наблюдение, анкетный опрос — ок. 50 анкет, мною использованы ответы на открытые вопросы об учительских приметах, анекдотах и разговорах).

Н.В. Проценко, 2004 г.

Школьные учителя (включенное наблюдение).

М. Тагеева, 1999 г.

Школьные учителя. 5 интервью с учителями одной из средних школ Санкт-Петербурга.

О.А. Макарова, 2004 г.

Преподаватели средней школы, возраст от 50 до 66 лет (гимназия № 61 Выборгского р-на Санкт-Петербурга)

Виноградова Маргарита Семеновна, учитель математики.

Гусева Галина Михайловна, учитель немецкого языка.

Шайтанова Галина Викторовна, учитель английского языка.

Мухина Валентина Ивановна, учитель физики.

Одзелашвили Элеонора Алексеевна, учитель биологии.

А.С. Воронина, 2004 г.

Учителя

Надежда Яковлевна, 66 лет, самый старый математик в школе. Школа № 1 г. Всеволожска.

Любовь Марковна, около 60 лет, математик. Школа № 1 г. Всеволожска.

Женщина, 40–45 лет, математик. Школа № 1 г. Всеволожска.

Женщина, ок. 25 лет, учитель, работает в Санкт-Петербурге.

Медицина

Е. Богдарина, факультет социологии СПбГУ, 2004 г.

Врачи-стоматологи частной стоматологической поликлиники

Женщина, закончила факультет стоматологии в 2004 г. Сейчас работает в частной клинике врачом-интерном.

Женщина, закончила факультет стоматологии в 1985 г. Работает там же врачом-терапевтом.

Женщина, закончила факультет стоматологии в 2002 г. Работает там же врачом-терапевтом.

Женщина, закончила факультет стоматологии в 1981 г. Работает там же врачом-терапевтом.

Женщина, закончила факультет стоматологии в 1981 г. Работает там же пародонтологом.

Женщина, директор фирмы, закончила факультет стоматологии в 1981 г. Работает там же врачом-терапевтом.

Женщина, Заместитель директора по медицинской части. Закончила факультет стоматологии в 1981 г. Работает там же врачом-терапевтом.

А.В. Гнып, факультет социологии СПбГУ, 2003 г.

Врачи-гомеопаты

Женщина, врач.

Женщина, врач.

Женщина, врач.
Женщина, врач.
Женщина, медицинская сестра.

Военные врачи

Женщина, 34 года, педиатр.
Женщина, эпидемиолог.
Женщина, 32 года, акушер-гинеколог, капитан.

О.И. Гудименко, факультет социологии СПбГУ, осень — зима 2004 г.

Врачи (спецшкола-интернат № 9 для детей с врожденной патологией развития)

Женщина, 1928 г.р., врач-невропатолог.
Женщина, 1951 г.р., фельдшер, постовая медсестра.
Женщина, фельдшер.
Женщина, врач-педиатр.

В.Н. Монич (Мухортова), факультет социологии СПбГУ, 2000–2001 гг.

Студенты-медики СПб ГМУ.

Мужчина, 21 год.
Женщина, 20 лет.
Женщина, 26 лет.
Женщина, 20 лет.
Женщина, 20 лет.
Мужчина, 20 лет.
Мужчина, 20 лет.
Женщина, 21 год.
Женщина, 25 лет.
Женщина, 21 год.

Кроме того, велись наблюдения и спонтанные беседы со студентами медицинских вузов: Государственный медицинский университет им. ак. И.П. Павлова, Санкт-Петербург (I–V курсы); Медицинский институт г. Кемерово (V курс); Рязанский медицинский институт (III–V курсы).

Е. Коричкина, СИСИН, 2004 г.

Врачи городской больницы № 19 и детской поликлиники № 5 Центрального р-на Санкт-Петербурга

Женщина, 1949 г.р., детский участковый врач.

Женщина, 1937 г.р., заведующая приемным отделением больницы № 19.

Д.В. Михель, СИСИН, 2003 г.

Врачи (работающие в частной клинике, имеющие опыт работы в госучреждении) (была предложена анкета с открытыми вопросами)

Женщина, 47 лет, стаж в госучреждении 20 лет, в частной клинике 3 года.

Женщина, 33 г., стаж в госучреждении 5 лет, в частной клинике 4 года.

Ковалев Виктор Константинович, 57 лет, стаж в госучреждении 27 лет, в частной клинике 3,5 года.

Мужчина, 48 лет, стаж в госучреждении 23 года, в частной клинике 3 года.

Мужчина, 49 лет, стаж в госучреждении 29 лет, в частной клинике менее года.

Мужчина, 33 года, стаж в госучреждении 5 лет, в частной клинике 5 лет.

Мужчина, 49 лет, стаж в госучреждении 27 лет, в частной клинике менее года.

Н.Ю. Гохлейтнер, СИСИН, 2004 г.

Врачи

Женщина, 60 лет, врач акушер-гинеколог.
Мужчина, 40 лет, хирург.

А. Рябкин, факультет социологии СПбГУ, 2000 г.

Отчет по материалам наблюдений и бесед со студентами II курса Первого медицинского ун-та (Санкт-Петербург) (интервью с пятью девушками и наблюдения), специальность «Лечебное дело».

Соколова

Травматологический пункт (Василеостровский р-н Санкт-Петербурга). 2004 г. (включенное наблюдение).

Ветеринария

А.В. Вылчева, факультет социологии СПбГУ.

Ветеринары. Глубинные интервью. Студенты и аспиранты Санкт-Петербургской ветеринарной академии как представители профессионального сообщества

Мужчина, студент V курса, 22 года. Опыт работы в ветеринарной клинике около двух лет, имеет четкие жизненные установки и мнение о профессии, занимается научной деятельностью, к интервью подошел серьезно, заранее подготовил некоторые тексты (на диске) — (Д1).

Мужчина, студент V курса, 22 года. Опыт работы в совхозе, ветеринарной лаборатории, специальность выбрал не случайно (семейная традиция), знаток ветеринарного фольклора — (Д2).

Мужчина, студент IV курса, 20 лет. Опыт работы в ветеринарной клинике — один год, его сестра — практикующий врач, ассистент на кафедре акушерства и гинекологии. Показал клинику, в которой работает — (О1).

Женщина, 26 лет, практикующий врач, работает в клинике «Сампо». Один из ведущих специалистов (клиники) — (О2).

Мужчина, студент III курса, 20 лет, родом из Пскова, целеустремленный, деловой человек, хорошо учится — (Д).

Женщина, студентка III курса, 20 лет. Занимается научной и практической деятельностью в СНО, староста группы, добрая, веселая, любит животных и всегда им помогает, хорошо знает свой поток (в академии) — (М).

Парикмахерские услуги, индустрия красоты

Пушков А.В.

Парикмахеры. Салон красоты. 2007 г.

Женщина, старший мастер, ок. 8 лет стажа.

Пожилой мужчина, старший мастер, стаж ок. 25 лет, совладелец салона и преподаватель в Estell Professional

Женщина, 30–35 лет, мастер 4 разряда.

Женщина, ок. 25 лет, стаж работы 7 лет.

Сценические профессии, музыка, шоу-бизнес

Кондратьева (Зайцева) Н., факультет социологии СПбГУ, 1999–2000 г.

Актеры

Информанты — актеры театра имени Ленсовета: О. Андреев, А. Блок, В. Егоренкова, А. Зибров, Ю. Левакова, А. Новиков, Д. Пантелеев, С. Письмиченко, М. Пореченков, А. Солоненко, С. Стругачев, Г. Траугот, К. Хабенский, Д. Хоронько.

Е. Соколова, 2003 г.

Артисты балета (наблюдение).

Соловьяненко Е.В., факультет социологии СПбГУ, 2006–2007 гг.

Артисты Петербургской антрепризы (компания АРТ-Питер).

Включенное наблюдение.

М.Р. Гарипов, IV СИСИН, 2002 г.

Танцоры-профессионалы. Все эти люди танцуют в одном коллективе, а также, за исключением Наташи, преподают в одной школе танцев.

Мужчина, студент III курса Университета культуры, факультета эстрады. Танцами занимается с 13-ти лет.

Женщина, его сокурсница. Занимается танцами с того же возраста.

Женщина, преподавательница современных и латиноамериканских танцев. Танцами занимается с детства.

Мужчина, студент IV курса СПбГУ. Профессионально танцами начал заниматься сравнительно поздно, с 19-ти лет.

Н. Выродова (Румянцева), СИСИН, 2003–2004 г.

Рок-музыканты

Мужчина, 33 года, группа «Водевиль», гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 24 года, группа «Ключи от неба», гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 26 лет, группа «Ключи от неба», гитара.

Мужчина, 27 лет, группа «Ключи от неба», бас-гитара.

Васюта, 32 года, эстрадная певица.

Мерлин, 28 лет, группа «Бубенцы», гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 33 года, гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 19 лет, музыкант, бас-гитара.

Мужчина, 19 лет, электрогитара, автор текстов.

Мужчина, ударник.

Мужчина, 43 года, бас-гитара.

Мужчина, музыкант, гитара.

Мужчина, 36 лет, группа «Оргия праведников» (Москва), гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 32 года, группа «Ливень», гитара, вокал, автор текстов.

Женщина, 22 года, группа «Ступени» гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 23 года, гитара, вокал, автор текстов.
Краев Паша, организатор первых квартирников в Санкт-Петербурге.

Старцев Александр, рок-журналист, издатель рок-журнала «Рокси».

Мужчина, 46 лет, организатор квартирников Чигракова в Москве.

Е.В. Задорожная, СИСИН, 2004 г.

Рок-музыканты

Мужчина, 33 года, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

Александр Старцев, Санкт-Петербург, рок-журналист, издатель рок-журнала «Рокси»

Мужчина, 19 лет, Санкт-Петербург, электрогитара, автор текстов.

Мужчина, 32 года, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 38 лет, Санкт-Петербург, бывший музыкант.

Мужчина, Санкт-Петербург, ударник.

Мужчина, 19 лет, Санкт-Петербург, бас-гитара.

Мужчина, 27 лет, Санкт-Петербург, бас-гитара.

Мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург, гитара

Мужчина, 43 года, Санкт-Петербург, бас-гитара

Мужчина, Санкт-Петербург, гитара.

Мужчина, 23 года, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, Санкт-Петербург, 24 года, гитара, вокал, автор текстов.

Женщина, 20 лет, Санкт-Петербург, вокал, гитара, автор текстов.

Мужчина, 28 лет, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

Женщина, 22 года, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 36 лет, Москва, гитара, вокал, автор текстов.

Мужчина, 33 года, Санкт-Петербург, гитара, вокал, автор текстов.

М.А. Якубович, факультет социологии СПбГУ.

Рок-музыканты

Мужчина, 25 лет, основатель группы, вокал, гитара.

Мужчина, 25 лет, основатель группы, бас-гитара.

Мужчина, 26 лет, бас-гитара.

Мужчина, 24 года, ударные.

Масс-медиа

М.Л. Славина.

Журналисты и редакционные работники журнала «Собака.гу». 2004 г.

IT-технологии

М.В. Чунаева, факультет социологии СПбГУ.

Системные администраторы

Мужчина, 28 лет, работает системным администратором.

Мужчина, 25 лет, работает системным администратором

Мужчина, 31 год, работает программистом.

Мужчина, 24 года, работает программистом.

Мужчина, 26 лет, работает системным администратором.

Женщина, 21 год, работает системным администратором.

Мужчина, 30 лет, работает системным администратором.

Мужчина, 24 года, работает программистом.

Мужчина, 28 лет, работает программистом.

Мужчина, 32 года, работает системным администратором.

Судопроизводство, арбитраж

К.В. Сергеева, факультет социологии СПбГУ, 2004 г.

Судьи Арбитражного суда. Федеральный Арбитражный суд Северо-Западного округа, интервью и наблюдения проводились на рабочем месте.

Женщина, 42 года, в системе арбитражных судов работает девять лет, образование высшее юридическое, до этого работала юрисконсульт в Управлении железной дороги.

Женщина, примерно 40 лет, высшее юридическое образование, работает в системе арбитражных судов 12 лет, до этого работала секретарем в судах общей юрисдикции.

Мужчина, примерно 50 лет, высшее юридическое образование, работает в системе судов 18 лет.

Женщина, примерно 50 лет, высшее юридическое образование, работает в системе судов 22 года.

Мужчина, примерно 45 лет, высшее юридическое образование, в системе арбитражных судов работает 15 лет, до этого юрисконсульт в крупном объединении.

Женщина, около 45 лет, высшее юридическое образование, в системе арбитражного суда восемь лет, до этого судья в суде общей юрисдикции Приморского района.

Женщина, около 45 лет, высшее юридическое образование, в системе арбитражных судов шесть лет, до этого работала следователем.

Экономисты

Н.А. Ахнаева, факультет социологии СПбГУ, 1999 г.

Экономисты

Женщина, 49 лет, экономист в частной фирме, закончила Инженерно-экономическую академию им. Тольятти.

Мужчина, 27 лет, экономист в частной фирме. Образование — 3 курса экономического факультета СПбГУ.

Женщина, 51 год, работает на госпредприятии. Главный бухгалтер-экономист.

Женщина, 24 года. Работала экономистом в банке, временно не работает.

Женщина, 55 лет, экономист на госпредприятии, стаж ок. 32 лет.

Мужчина, 26 лет, работник налоговой инспекции. Закончил Финансово-экономический институт.

Женщина, 42 года, закончила экономический факультет СПбГУ.

Ю.А. Ланкинен, факультет социологии СПбГУ, 2004 г.

Бухгалтеры ЗАО.

Ю.В. Марихин, СИСИН, 2005 г.

Банковские работники

Транспорт, перевозки

Л.В. Воронкова, факультет социологии СПбГУ.

Диспетчеры междугородних перевозок (один информант, женщина; включенное наблюдение). 2001–2002 гг.

Е. Лебедева, СИСИН, 2004 г.

Водители маршрутных такси

Два интервью + восемь наблюдений (описания внутреннего убранства автомобиля)

Мужчина, 41 год, женат. Водитель маршрутного такси. Стоянка на Театральной площади.

Мужчина, 37 лет, женат. Водитель маршрутного такси. Сенная площадь, стоянка маршруток.

А.П. Федоров, факультет социологии СПбГУ, 2005 г.

Водители маршрутных такси (наблюдение)

Торговля, посреднические услуги

А.В. Бычкова, СИСИН, 2002–2003.

Торговцы на рынке

Женщина, 46 лет. Стаж работы в торговле 8 лет. По специальности лаборант-метролог. Замужем, есть сын 17 лет.

Женщина, 30 лет. В торговле работает четвертый год, до этого опыта работы не имела. Не замужем, детей нет.

Женщина, 50 лет. Работает продавцом 5 лет. По специальности агроном. Замужем, имеет взрослую дочь.

Женщина, 19 лет. Закончила торговый колледж. Опыт работы 3 года. Не замужем, детей нет.

Женщина, 36 лет. В торговле 6 лет. Замужем, есть сын 16 лет.

Женщина, 26 лет. Специальности не имеет, в торговле 8 лет. Разведена, есть маленький ребенок.

Женщина, 25 лет. В торговле 3 года. Есть высшее образование. Не замужем, детей нет.

Женщина, 32 года. Работает на рынке 6 лет. По специальности преподаватель физкультуры. Замужем, двое детей.

Женщина, 53 года. В торговле 5 лет. До этого работала в психиатрической больнице. Замужем, есть взрослые дети.

Женщина, 21 год. Работает на рынке 2 года. Замужем, детей нет.

Женщина, 22 года. В торговле 4 года. Специальности не имеет. Не замужем, детей нет.

Женщина, 40 лет. В торговле год, по специальности техник, разведена, детей нет.

Женщина, 30 лет. По специальности контролер ВТК, работает продавцом полгода. Замужем, есть сын.

Женщина, 55 лет. В торговле 7 лет, по специальности повар 3-го разряда. Вдова, есть взрослые дети.

Женщина, 32 года. Работает продавцом год. Специальности нет. Не замужем, детей нет.

А.Ю. Тыквина, МАЭ РАН, 1996 г.

Торговцы на рынке «Апраксин двор» (включенное наблюдение).

А. Цыганкова, факультет социологии СПбГУ, 2004–2005 гг.

Официантки

Женщина, 26 лет, среднее образование (училась в спортивной школе), официантка в кафе (рядом с домом), ресторан Тинькофф.

Мужчина, 29 лет, высшее образование (Горный ин-т, заканчивает ФИНЭК), официант, ресторан Тинькофф.

Женщина, 29 лет. Закончила Институт культуры и получает второе высшее образование, официантка, ресторан Тинькофф.

Женщина, 25 лет, образование высшее, инженер-педагог (закончила СПб ИТМО), официантка, компания Carnival Cruise Lines, работает в ресторане на круизном корабле.

Женщина, 20 лет, студентка СПбГУ (юрфак), официантка.

Женщина, 32 года, образование среднее, официанткой работает с 25 лет, компания Тинькофф.

Женщина, 23 года, образование высшее (ИТМО), официанткой работает 3 года, ресторан Тинькофф.

А.А. Заикина, факультет социологии СПбГУ, 2005 г.

Продавцы в магазине

Мужчина, 25 лет.

Женщина, 44 года, продавец с 1999 г.

Мужчина, 40 лет.

Мужчина, 24 года. Студент (IV курс).

Мужчина, 27 лет.

Мужчина, 46 лет. Высшее образование (ЛИСИ).

И. Ивлева, факультет социологии СПбГУ, 1998 г. (включенное наблюдение).

Торговцы на открытом рынке.

Женщина, 1948 г.р.

Мужчина, 1954 г.р, Место рождения — г. Очамчира. Среднее образование. Холост.

Женщина, 30 лет, замужем.

А.В. Гнып, факультет социологии СПбГУ, 2004 г.
Магазин «Паттерсон» (включенное наблюдение).

Профессиональный бильярдный спорт

Н.А. Чекалёва, факультет социологии СПбГУ.

Профессионалы бильярдного спорта Санкт-Петербурга

Мужчина, 68 лет. Почетный член ФБС СПб.

Мужчина, 45 лет. Действительный член ФБС СПб и России по русскому бильярду.

Мужчина, 31 год, действительный член ФБС СПб, участник чемпионатов СПб и России по русскому бильярду.

Женщина, 36 лет, неоднократный призер чемпионатов по русскому бильярду в России и СПб.

Мужчина, 17 лет, призер чемпионата СПб, участник чемпионата России.

Профессиональные военные, работники силовых ведомств

А.П. Хребтукова, Я.С. Ватлина, ф-т социологии СПбГУ. 1999 г.

Мужчина, 45 лет, стаж 27 лет. Майор, артиллерист. Закончил Тбилисское Краснознаменное училище им. 26 бакинских комиссаров. Ныне пенсионер, ветеран ВС.

Мужчина, 27 лет, стаж 9 лет, ст. лейтенант, ракетчик, закончил Казанское училище ракетных войск. В 1998 г. уволен по сокращению штатов.

Мужчина, 50 лет, стаж 33 года. Капитан первого ранга, моряк. Закончил Высшее Военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С. Попова. В 1998 г. ушел в запас по достижению предельного срока службы.

Мужчина, 30 лет, стаж 13 лет, капитан, артиллерист. Закончил Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ). Служит в рядах ВС.

Мужчина, 37 лет, стаж 20 лет. Майор, ракетчик, закончил высшее военное инженерно-командное училище ракетных войск. Служит в рядах ВС.

Мужчина, 21 год, курсант ВИККУ, 4 курс, факультет сбора и обработки информации.

Мужчина, 21 год, курсант ВИККУ, 4 курс, факультет сбора и обработки информации

Мужчина, 18 лет, курсант ВИККУ, 1 курс, факультет сбора и обработки информации.

Мужчина, 18 лет, курсант ВИККУ, 1 курс, факультет сбора и обработки информации.

Мужчина, 18 лет, курсант ВИККУ, 1 курс, факультет сбора и обработки информации.

Н.И. Бравичева, СИСИН, 2002 г.

Работники правоохранительных органов

Мужчина, ок. 35 лет, стаж работы 10 лет, образование высшее, радиоинженер. Разговаривал по приказу начальника.

Женщина, 20 лет, инспектор по делам несовершеннолетних. Стаж в милиции — «недавно». Образование среднее специальное (медицинское). Не замужем.

Женщина, 22 года, паспортистка. Не замужем, в милиции 4 года (сразу после окончания школы).

Женщина, ок. 50 лет, следователь, замужем, двое детей. Образование высшее (литературный институт).

Мужчина, ок. 40 лет, женат, имеет дочь. Образование юридическое, в милиции сразу после окончания учебы.

Мужчина, ок. 40 лет, в ГИБДД (ГАИ) более 20 лет, образование высшее.

Мужчина, 24 года, лейтенант, выпускник Ин-та внутренних войск. Женат.

Мужчина, ок. 35 лет, сержант. Женат, двое детей, неоконченное высшее образование.

Е. Гапачко, Санкт-Петербург, 2003 г. — материалы наблюдений.

Колякина М.А. СИСИН, 2008–2009 гг. Интервью с работниками одного из райотделов милиции Санкт-Петербурга: 11 женщин и 15 мужчин от 22 до 56 лет.

Сфера государственного и муниципального управления

Д. Лапатухина, ф-т социологии СПбГУ. 2001–2002 гг. Интервью с 8 женщинами — работниками Законодательного собрания и Администрации Санкт-Петербурга.

Связь

Н. Ершова, СИСИН, 2002 г.

Операторы связи

Женщина, 50 лет, бывший экономист.

Женщина, 49 лет, бывший бухгалтер.

Женщина, 23 года, оператор пейджинговой связи, стаж около двух лет, студентка.

Женщина, 20 лет, оператор пейджинговой связи, стаж около полутора лет, студентка.

Женщина, 19 лет, оператор пейджинговой связи, стаж два месяца, студентка.

Женщина, 19 лет, оператор пейджинговой связи, стаж год, студентка.

Женщина, 24 года, стаж около трех лет.

Визуальные материалы (фотоколлекции и видеозаписи) предоставили студенты факультета социологии СПбГУ в рамках учебного задания по курсу «Антропология профессий» (автор — Т.Б. Щепанская, 2007 г.), а также Смольного института свободных искусств и наук факультета социологии СПбГУ — в рамках учебных заданий по курсам Т.Б. Щепанской.

Соколова Ю., Емешева О. Официанты и бармены: рабочее место. 2007 г.

Кобзева Е.С. Кафе «Кофе-Хаус». 2007 г.

Трошин А.Ю. Кафе-клуб (рабочие места официантов и барменов). 2007 г.

Иванова Т. Строительство, строительные материалы. 2007 г.

Яськова В.В. Графические дизайнеры: рабочее место. 2007 г.

Сенина А.А. Фитнес-клуб. 2007 г.

Барулева А.О. Мастер ногтевого сервиса: рабочее место. 2007 г.

Лебедева Д. Преподаватель факультета геологии СПбГУ: рабочее место. 2007 г.

Долбиш Г. Журналисты: рабочее место (редакция журнала). 2007 г.

Рантман Ю.С. Журналисты: рабочее место (редакция журнала). 2007 г.

Цыганова Е.В. Музейные работники: рабочее место. 2007 г.

Машкова Ю. Пенсионное обеспечение: рабочее место. 2007 г.

Мурзина В.В. Торговля техникой для экстремальных видов спорта: рабочее место. 2007 г.

Симонова О. Торговое предприятие (рабочие места продавцов). 2007 г.

Волкович Ю.С. Торговое предприятие (рабочие места продавцов). 2007 г.

Зайцева А.А. Охранное предприятие. 2007 г.

Юрченко. Торговля рыбными продуктами (рабочие места персонала). 2007 г.

Александрова Ю. Торговля материалами для промышленности (рабочие места персонала). 2007 г.

Пушков А.В. Парикмахеры. Салон красоты. 2007 г.

Благодарю за помощь полевыми материалами и наблюдениями коллег — этнографов, фольклористов, социологов, среди которых: **И. Назарова**, Европейский университет в Санкт-Петербурге, **М. Ахметова**, «Живая старина», Москва, **Д.В. Громов**, докторант ИЭА РАН, Москва, **Л. Ипатова**, Центр политологического и социологического образования Института социологии РАН, Москва, **В.В. Виногорадов**, **В.А. Лапин**, Институт истории искусств, Санкт-Петербург.

Полевые материалы по антропологии профессий вошли в курсовые и дипломные работы студентов социологического и филологического факультетов СПбГУ, среди которых: М.Ю. Смольский, В. Монич, М.В. Чунаева, А.В. Гнып, Ю.А. Берестовая, Е.В. Соловьяненко, Н. Зайцева, С.Ю. Федосеев, Е.С. Богдарина, М.А. Якубович, Е.Л. Остапова, Л.П. Кузнецова, В.Ю. Жданцев (ф-т социологии); Н. Выродова, Е.В. Задорожная, А.В. Бычкова, А. Мелентьева (филологический ф-т).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 100 песен русских рабочих (Сб.) / Сост. П.Г.Ширяева. Л.: Музыка, 1984.
2. Абрамов Р.Н. Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий. В кн.: Профессиональные группы: динамика и трансформация. Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. С.37 — 58.
3. Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. №2. С. 12—19.
4. Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. 2000. №8. С.11—17.
5. Антропология академической жизни: Адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв.ред. Г.А.Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008.
6. Антропология академической жизни: Междисциплинарные исследования. Том 2 / Отв.ред. Г.А.Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010.
7. Антропология профессий: Сб.науч.ст. / Под ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005
8. Асп Э. Социология трудовой жизни: Учебное пособие для студентов вузов. Пер. с фин. О. Каялиной. СПб.: Интерсоцис, 2006.
9. Ахметова М.В. Норма и ее нарушения в «профессиональном тексте» (рассказы об употреблении алкоголя машинистами паровозов) // Антропологический форум online. №12. — http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_akhmetova.pdf
10. Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998.
11. Байбурун А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Т. 37. Л.: «Наука», 1981. С. 215—226.
12. Башарин А. Песенный фольклор археологических экспедиций// Далекое прошлое Пушкиногорья. Учебное пособие для студентов 2—3 курса специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры». Выпуск 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. Сост. С. В. Белецкий. Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»; Санкт-Петербургский Государственный университет культуры и искусств. Кафедра музееведения; Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2000. — доступно на сайте: <http://www.a-pesni.golosa.info/dvor/piter/a-archeo-b.php>

13. Белоусова Е. Наши современницы о родовспоможении в России // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С.216–228.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 160.
15. Блажес В.В. П.П.Бажов и рабочий фольклор. Учеб.пособие по спецкурсу для студентов филол.ф-та . Свердловск: УрГУ, 1982.
16. Борисов С.Б. Культурантропология девичества. Шадринск, 2000.
17. Браун Дж., Русинова Н.Л. Социокультурные ориентации сознания и отношение к индивидуальной ответственности за здоровье, автономности пациента и медицинскому патернализму // Качество населения Петербурга. II: Тр. Санкт-Петербургского филиала Ин-та социологии РАН. СПб., 1996. С.132–158.
18. Бринккьер У., Норгольм М. Какая связь между практической деятельностью человека и сопутствующим ей дискурсом? Обсуждение статуса практической теории // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Ред.: П. Романов, Е. Ярская-Смирнова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С.11– 29.
19. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. Вып. 2. С. 44–59.
20. Бурдые П. Практический смысл. Серия «Gallicinium». СПб: Алетейя, 2001.
21. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990, С.707–735.
22. Вебер М. Политика как призвание и профессия//Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С.644-706.
23. Галкин В.А. Врач в пути. М.: Наука, 1984.
24. Гарелин Я.П. Суздала, офени, или ходебщики // Вестник Имп. РГО. 1857. Кн. 2. Ч. XIX. Отд. 2. «Исследования и материалы».
25. Гишинский Я., Афанасьев А. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб, 1993.
26. Гиляровский В.А. Мои скитания (гл. 7. Театр; гл. 9. Актерство. С. 148–170, 187– 03). Архангельск, 1987 (впервые опубликовано в 1928 г.).
27. Глазычев, В.Л. Трансляция мировоззрения через нормы профессиональной субкультуры // Культура и мировоззрение. Вып. 2. М., 1984. С. 47–52.
28. Гордон Л., Груздева У., Комаровский В. Шахтеры—92: Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993.
29. Далекое прошлое Пушкиногорья. Учебное пособие для студентов 2–3 курса специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры». Выпуск 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. Сост. С. В. Белецкий. Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»; Санкт-Петербургский Государственный университет культу-

- ры и искусств. Кафедра музееведения; Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2000.
30. Дамберг С., Семенов В. О возможности сравнения профессиональных практик интеллектуальных сообществ // Рабочие тетради по компаративистике. Сравнительные исследования в политических и социальных науках / Под. ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб., 2001. Вып. 2. С. 31–33.
31. Добровольский В.Н. Некоторые данные условного языка калужских рабочих // Изв.Отд.рус.яз. и словесности АН. 4.1899.
32. Дуров П.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.
33. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности: Сб. переводов. М., 1966.
34. Жигарина Е.Е. Из дневника собирателя // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С.283–300.
35. Зайцева Н.В. Этнографические наблюдения в театре им. Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 162–166.
36. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. N 6. С. 3–17.
37. Захаров Н.Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения // Социологические исследования. 2001. N 6. С. 67–72.
38. Ивлева И. Уличный рынок: среда петербургских торговцев // Невидимые грани социальной реальности. Сборник статей по материалам полевых исследований / Под ред. Воронкова В., Паченкова О., Чикадзе Е. СПб.: Труды ЦНСИ, вып. 9. 2001. С. 83–96.
39. Игнатов В.Г., Белолипецкий В.К. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: Контекст истории и современность. Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2000.
40. Истомин И.А. Трудовые припевки плотогонов. М., 1979.
41. Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры // Социология преступности. М., 1966. С. 334–354.
42. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб: Алетейя, 2007.
43. Козлов В.И. Руководство и спонсорство в экспедиционной жизни // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М.: Старый сад, 2001. С. 23–42. См. с. 27.
44. Кольцова О. Производство новостей: типы «влияний» на работу журналистов // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9. СПб., 2001. С. 109–123.
45. Кольцова О. Разорванная коммуникация: прагматическая концепция языка и профессиональные практики журналистов / Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Качанова, А. Бикбова. М.; СПб., 2000. С. 79–102;

46. Кондратьева Н. Петербургский театралный фольклор // Антропология профессий: сб. науч. ст. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 188–200.
47. Корепова К.У. Сормовские рабочие песни 1900–1907 гг. // Русский фольклор. XV. С. 156–161.
48. Костиков В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997. С. 11.
49. Котлова Т.Б., Смирнова А.В. Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы // Женщина и общество: информационный портал. www.owl.ru. Впервые опубликовано в журнале «Женщина в российском обществе», 2001. № 3–4.
50. Козн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности: Сб. переводов. М., 1966.
51. Крулякова Т.И. Быт и фольклор дорожного отделения // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры М., 2001. С. 217–236.
52. Культурология: Учебник для студ. техн. вузов / Под ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: «Высшая школа», 1999.
53. Кургузова Н.В. «Тише будешь, дальше едешь...»: мифологизация образа дороги в современном городском фольклоре (на материале запретительных надписей в маршрутках) // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сб. ст. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 224–230.
54. Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970 (Рец.: Русский фольклор. XIII. С. 291–293.)
55. Лазарев А.И. Сказки в горнозаводской среде Урала // Русский фольклор. XIII. С. 179–193.
56. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с франц. Вяч. Вс. Иванова. М.: Академический проект, 2008 (по опубликованному в Париже первоначальному изданию 1958 года).
57. Ливанова Н.Е. Фольклор парашютистов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 123–127.
58. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи (1938) // Статьи ранних лет (сб-к). Тверь, 1993. С. 95–138.
59. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 311–359.
60. Лихачев Д.С. Картежные игры уголовников. (1930) // Статьи ранних лет: Сб. Тверь, 1993.
61. Лобанов М.А. Песни лесных рабочих Поветлужья // Русский фольклор. XV. С. 210–216.
62. Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М: Изд-во Института Социологии РАН, 2003. С. 61–79.

63. Лурье М.Л. Служба в армии как «воспитание чувств» // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Мат-лы науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 247–259.
64. Маслова И.С., Бараненкова Т.А., Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России. М.: «Наука», 2007.
65. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Сб. переводов. М., 1966.
66. Мещеркина Е.Ю. Личностный опыт перемены профессиональных занятий // Россия: трансформирующееся общество / Ред. В.А. Ядов. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
67. Мисюрев А.А. Легенды Горной Кольвани. Барнаул, 1989.
68. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб.: «Норма», 1999. С. 262–302.
69. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: «Норма», 1999.
70. Молодежный Петербург: Движения, организации, субкультуры / РАН, ин-т социологии, Санкт-Петербургский филиал, СПб. Гос. Ун-т, ф-т социологии: (Опыт социологического описания). СПб, 1997.
71. Назарова И. Приметы в профессиональной сфере // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 295–312.
72. Неформальная экономика в постсоветском пространстве. Проблемы исследования и регулирования / Под ред. И.Олимпиевой, О.Паченкова. СПб: ЦНСИ, 2000.
73. Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. — М.: Логос, 1999.
74. Образцов И.В. Формы проявления неуставных отношений // СоцИс. 1996. № 2.
75. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. Серия «Специализированные курсы в социологическом образовании». Москва: Институт социологии РАН, 2000.
76. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Москва — Харьков — Минск: «Питер», 1999.
77. Осорина М.В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 34–45.
78. Офени Владимирской губернии // Владимирский сборник. Мат-лы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и издал К.Тихонравов. М., 1857.
79. Паченков О.В. Рациональное заколдовывание реальности: современные российские «маги» // Невидимые грани социальной реальности / Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9. СПб., 2001. С. 96–109.
80. Песни и сказки на Онежском заводе. Сб-к. Петрозаводск, 1937.

81. Петров Д. Молодежные субкультуры. Саратов, 1996.
82. Петрова М. Любовный роман №172 занял второе место // Смена. 17.02.1998 г. С. 2.
83. Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура: Психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2.
84. Полищук Н.С. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих. // Русский фольклор. ХУ. С. 177–185.
85. Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: «Наука», 2004.
86. Прищепова В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 138–139.
87. Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О. Профессиональная карьера мужчин и женщин // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 74–84.
88. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007.
89. Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Института Социологии РАН, 2003.
90. Путилов Б.Н. Русский рабочий фольклор и художественные традиции. (Београд), 1966. С. 1414–1420 // Народно стваролаштво. Folklor, 1966. Вып. 17–19.
91. Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Отношение к объекту исследования и условия его принятия научным сообществом // Socio-Logos'96. Альманах Российско-Французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Socio-Logos, 1996. С. 39–48.
92. Рапорт Ю. (муз. Р. Садокова). Грустная песня // Песни Хорезмской экспедиции. М., 2001. С. 23.
93. Реестр слов офенского наречия (составленный стряпчим Владимирской удельной конторы А.А.Успенским. Список слов офенского наречия, объясняющий полный смысл одного на русском языке (образцы разговора по-русский и по-офенски, приложенные к реестру А.А. Успенского) // Тр. Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М., 1820. С. 239–43; Ч. I. М., 1822. С. 322–324.
94. Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Саратовский государственный университет, 2000.
95. Романов П.В. Власть, управление и контроль в современных организациях: Антропологические исследования управления и организаций в современном обществе. Саратов, 2003.
96. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: Сб. науч. ст. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований. Изд-во «Научная книга», 2005. С. 13–49.

97. Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России ХУШ века // Вопросы истории. 1952. № 2.
98. Русский школьный фольклор. Сост. А.Ф.Белоусов. М.: «Ладомир», 1998.
99. Самойлов Л. Этнография лагеря (и вызванная этой статьей дискуссия: Субкультура лагеря и архетипы сознания; Субкультура за решеткой; Насколько «первобытна» уголовная субкультура) // Советская этнография. 1990. №№ 1–2.
100. Серегина И.И. Профессиональная карьера // Социологические исследования. 1999. № 4.
101. Славянские рабочие песни (Социал.контекст. Худож. особ-ти). АН УССР. Киев, 1986.
102. Советов М., Родин Ф. Бурлачество по Волге и другим рекам. Вольск, 1925; Дуров П.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.
103. Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003.
104. Современный фольклор старых заводов: Сб. Науч. Тр. Свердловск, 1984.
105. Соколов К. Криминальная субкультура // Художественная жизнь современного общества. В 2-х ТТ. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб, 1996. С. 138–151.
106. Соколова Г.Н. Экономическая социология: Учеб. пособие для вузов. Минск, 1998.
107. Сорокина Н. «Мы летаем для вас!»: жизненный мир водителя маршрутки // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / ред.: Е.Ярская-Смирнова, П. Романов. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 313–337.
108. Сорокина Н. «Кирпичи, дрова и глухие водители»: фольклор маршрутного такси // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сб.ст. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 252–261.
109. Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто. Индивидуальные члены Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Информационный справочник. — СПб.: Специальная Литература, 1999.
110. Социология преступности: Сб. переводов. М., 1966.
111. Тихомиров С.А. Маршрутное такси как источник фольклорной образности // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сб.ст. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 239–251.
112. Успенский Л. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление. 1936. № 6–7.
113. Успенский М.Г. Время Оно: Фантастический роман. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

114. Федосеенко С.Ю. Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полевиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 167–173.
115. Физиология Петербурга. СПб., 1845.
116. Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С.Бахтин и Б.Н.Путилов. СПб, 1994.
117. Фольклор малых социальных групп: Традиции и современность. Сб. науч. статей. М.: ГРЦРФ, 2008.
118. Фольклор Урала. Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: Сб. Науч. Тр. Свердловск: УрГУ, 1986.
119. Фразеомотивы Варны: Фразеологии поют на МАПРЯЛе. XI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы «Мир русского слова и русское слово в мире» (21–25 сентября 2007 г. Варна, Болгария). — Грайфсвальд (Германия), 2007.
120. Фуко, М. Рождение клиники. М.: «Смысл», 1998.
121. Хайнц, Б., Надаи, Е. Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социол. о-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 282–309.
122. Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. Отв. ред. К.Б.Соколов. СПб., 1996.
123. Чередникова М.П. Фольклор больничной палаты // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 280–282.
124. Черкашин Н.А.. Повседневная жизнь российских подводников: В отсеках холодной войны. М.: «Молодая гвардия», 2000.
125. Чернова Ж. «Мужская работа»: анализ медиа-репрезентаций// Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Сб. науч. ст. / ред. Л.Н. Попкова, И.Н. Тартаковская. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 279–280.
126. Чернышев. Список слов портновского языка // Изв. Отд. рус. яз. и словесности АН. 1898. Ч. III.
127. Черток Б.Е. Ракеты и люди: Кн. 3. Горячие дни холодной войны. М.: «Машиностроение», 1999.
128. Черток Б.Е. Ракеты и люди: Кн. 4. Лунная гонка. М.: «Машиностроение», 1999.
129. Чистов Ю.К., Резван Е.А., Купина Ю.А., Михайлова Е.А., Павлинская Л.Р. и др. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: история, коллекции, исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2004.
130. Чупахина И.В. Типология субкультур // Культура народов Причерноморья. 2005. N 68. С. 38–41.
131. Школьный быт и фольклор : Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф.Белоусов. Ч. 1–2. Таллинн, 1992.
132. Шмидт Н.М., Куницына Е.В., Мурашова А.В., Соколова З.Н. Участие сотрудниц института в развитии основных научных направлений ФТИ

- им. А.Ф. Иоффе // Программа и сборник тезисов 3-ей Международной конференции «Женщины в фундаментальной науке». Памяти И.П. Ипатовой. 25–27 ноября 2004 г. СПб.: ВВМ, 2004. С. 76–77.
133. Шрадер, Х. Экономическая антропология. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999.
134. Шумов К.Э. Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 128–164.
135. Шумов К.Э. Мир больницы: культурные стереотипы // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 267–279.
136. Щепанская Т.Б. Антропология профессий//Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 1. С. 139–161.
137. Щепанская Т.Б. Имена социального (функциональный анализ поверий об энергии) // Этносы и этнические процессы: Сб-к памяти Р.Ф. Итса. СПб., 1993. С. 329–341.
138. Щепанская Т.Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / Под ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 50–100.
139. Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства: Санкт-Петербург, 1990-е гг. (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27.
140. Щепанская Т.Б. Мифологические персонажи в неформальном дискурсе «поля» // Антропологический форум. № 4. СПб, 2006.
141. Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып.2. СПб., 1999. С. 389–423.
142. Щепанская Т.Б. Процессы ритуализации в молодежной субкультуре // Советская этнография. 1988. № 5. С. 15–25.
143. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986-1989 гг. СПб.: «Наука», 1993.
144. Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре/ Сост. А.Л.Топорков. М., 1996. С. 395–443.
145. Щепанская Т.Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том 2. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 405–427.
146. Abbot A. Professional Ethics // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 88. No. 5. PP. 855–885.
147. Albrow, M., Eade, J., Durrschmidt, J. & Washbourne N. The Impact of Globalization on Sociological Concepts: Community, Culture and Milieu // Living the Global City. Globalization as a local process. Ed. By J Eade, London and New York: Routledge, 1997. P. 20–37.
148. Anderson, B. Imagined Communities. London: Verso, 1983.
149. Ben Carrington, B. Wilson. Dance Nations: Rethinking Youth Subcultural Theory//After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth

Culture. Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 65–78. P. 67.

150. Bennett, A. & Kahn-Harris, K. Introduction // *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth culture*. 2004. P. 1–19.

151. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. N.Y., 1966.

152. Bourdieu P. *Outline of a theory of practice*. Cambridge studies in social anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.

153. Brain, D. Practical knowledge and occupational control: the professionalization of architecture in the Unated States // *Sociological Forum*. 1991. Vol. 6. No. 2. Pp. 239–268.

154. Calhoun, C. *Indirect Relationships and Imagined Communities // Social Theory for a Changing Society*. Ed. By P. Bourdieu and J.S. Coleman. Boulder, CO: Westview, 191. Pp. 95–121. Pp. 95–96.

155. Carrington B., Wilson B. *Dance Nations: Rethinking Youth Subcultural Theory // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture / Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris*. Hampshire, New York, 2004.

156. Chaney, D. *Fragmented Culture and Subcultures // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 36–48.

157. Clifford, J. and Marcus G.R. (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Pr., 1986.

158. Cohen A.P. *The Symbolic Construction of Community*. — London, New York, 1985.

159. Crozier, M. *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University Chicago Press, 1964.

160. Edwards, R. *Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the twentieth century*. New York: Basic, 1979.

161. Fine, G.A., Kleinman, Sh. *Rethinking Subculture: An Interactional Analysis // The American Journal of Sociology*. Univ. of Chicago, 1979. Vol. 85. No. 1. P. 1–20.

162. Freidson, E. *Professional Dominance: The Social Structure of Medical Care*. New York: Atherton, 1970.

163. Freidson, E. *The Changing nature of professional control // Annual Review of Socioligy*. 1984. N.10. P. 1–20. P. 6.

164. Freidson, E. *Professionalism: The Third Logic. On the practice of knowledge*. London: Polity press, 2001.

165. Goode, W.J. *Community within a community: the professions // American sociological review*. 1957. No. 22. Pp. 194–200.

166. Gould, J. And Kolb, W. *A Dictionary of the Social Sciences*. London: Tavistock Publishers, 1964.

167. Kimball B.A. *The “True Professional Ideal” in America. A History*. Blackwell: Cambridge and Oxford, 1992.

168. Leidner R. *Serving Hamburgers and Selling Insurances: Gender, Work and Identity in Interactive Service Jobs // Gender&Society*. 1991. № 5.

169. Martin, P.J. *Culture, Subculture and Social Organization//After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. Ed. by A. Bennett and K. Kahn-Harris. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 21–35. P. 25.

170. Matthews R.C.O. *The economics of professional ethics: should the professions to be more like business? // The Economic Journal*. 101 (July 1991), pp. 737–750.

171. McClelland, Ch. *The German Experience of Professionaization. Modern Learned Professions and Their Organizations from the Early Nineteenth Century to the Hitler Era*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

172. Moffatt M. *Ethnographic writing about American culture//Annual Review of Anthropology*. 1992. 21. Pp. 205–229.

173. Myers, R.R. *Myth and Status Systems in Industry// Social Forces*. Vol. 26. No. 3 (Mar., 1948). Pp. 331–337.

174. Nader, L. *Controlling Processes. Tracing the Dynamic Components of Power*. Sidney W. Mintz Lecture for 1995 // *Current Anthropology*. Vol. 38. No. 5. Dec. 1997. p. 711–728.

175. Nedelmann B. *Die Entinstitutionalisierung des Wohlfahrtsstaates und Konfliktentstehung — der Fall des Lohnfortzahlungsgesetzes // Europäische Institutionenpolitik / Hrsg.T.Konig, E.Rieger, H.Schmitt*. Frankfurt am Main: Campus, 1997.

176. Oppenheimer, M. *The proletarianization of the professional // Professionalisation and Social Change*. (Keele Sociological Review. Monograph 20) / Ed. P.J.Halmos. The University of Keele, 1973. Pp. 213–227.

177. Parsons T. *Remarks on Education and the Professions // The International Journal of Ethics*. 1937. Pp. 36–381.

178. Parsons T. *The Professions and Social Structure (1939)// Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition)*. New-York The Free Press, 1966.

179. Peirano, M.G.S. *When Anthropology is at Home: The Different Contexts of a Single Discipline // Annual Review of Anthropology*. 1998. 27. Pp. 105–128.

180. Phillips, T. *Imagined Communities and Self-Identity: An Exploratory Quantitative Analysis // Sociology*. 2002. Vol. 36 (3). Pp. 597–617. (BSA Publications Ltd; SAGE Publications. London, Thousand Oaks, New Delhi, 2002).

181. *Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain / Eds.: S. Hall and T. Jefferson*. N.Y.: Holmes & Meier, 1976.

182. Rothblatt, Sh. *How “Professional” Are the Professions? A Review Article//Comparative Studies in Society and History*. Vol. 37, No. 1 (Jan., 1995). Pp. 194–204.

183. Sangren P.S. *Comments to: R.Aunger. On Ethnography. Storytelling or Science? // Current Anthropology*. Vol. 36. N 1. February 1995. P. 97–130.

184. Sanjek, R. Urban Anthropology in the 1980s: A world view // Annual review of anthropology. 1990. 19. P. 151–186.
185. Scheler, M. Der Formalismus in der Ethik und die Materiale Wertethik. Bern und Munich: Francke, 1966.
186. Simpson, R.L. Social control of occupations and work // Annual Review of Sociology. 1985. N 11. Pp. 415–436.
187. Stein H.F. Alcoholism as Metaphor in American Culture: Ritual Desecration as Social Integration // Ethos. 1985. Vol. 13. P. 195–235.
188. Thompson, J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge: Polity, 1990. P. 123.
189. Thornton, Sarah. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Hanover, NH: Wesleyan University Press, 1996. P. 129.
190. Virtanen Leea. Children's Lore // Studia Fennica. 22. Helsinki, 1978.

ПУБЛИКАЦИИ В ПРЕССЕ И ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Сайт ИНЭОС РАН — <http://www.ineos.ac.ru/>
- Linux.org — Форум «Linux.org»: <http://www.linux.org.ru/view-message.jsp?msgid=284870>. дата размещения цитируемого текста — 2003 г.
- Molbiol.ru: Классическая и молекулярная биология. Форум на сайте компании «Синтол» (Синтез олигонуклеотидов). Тема: Как приготовить клюковку в НЙ? — <http://www.molbiol.ru/forums/lofiersion/index.php/t5360.html>
- QWERTY — Форум телекоммуникационной сети QWERTY (ОАО «Центральный телеграф»): <http://forum.qwerty.ru/index.php?showtopic=92>. Дата публикации цитируемого текста: 19 ноября 2004 г.
- Shutofsky. Комментарий пользователя в живом журнале пользователя morita от 18.07.2008 г.: <http://morita.livejournal.com/173965.html>
- Ажгирей Марина (беседа с водителем-дальнобойщиком) // Газета «Автомобизнес — Weekly» 1998. N 5 (101). 5 февраля. В сети размещена на сайте «Дальний бой»: <http://heavytruck.narod.ru/>
- Андреева Н. Легко ли быть лейтенантом в России? // Саратовские вести. Еженедельный номер. № 38. 30 сентября 2000 г.
- Анекдоты про компьютеры и программистов. Солянка. Вып. 1 // Сайт физического факультета ЯрГУ.
- Анисимов А. Заговор в пединституте раскрыли чекисты в 70-х годах // Молодой Ленинец. № 41 (6982), 10.10.2000 г. (Пенза).
- Банников К. В армии, как на зоне: насилие и унижение стало нормой // НКП (Новая Камчатская правда). № 12. 30.03.2000.
- Барной В. Мужская профессия. Одна, но пламенная страсть // Вечерний Рубцовск. 28.10.1998 г.
- Барциц О. «Муж поставил меня на ноги»: Интервью с Тамарой Гвердцители // «Аргументы и факты». 19-09-2003. — Сайт издательского дома «Аргументы и факты». — http://gazeta.aif.ru/online/superstar/24/20_01
- Белова О. Психологи с железными нервами работают в такси // Смена. 27. 08. 1999 г. С.3
- Блог пользователя misha-kamushkin: misha-kamushkin.livejournal.com, сообщение от 4 апреля 2010г.
- Блог пользователя mlle-anais: mlle-anais.livejournal.com/27991.html, сообщение от 30 мая 2008 г.
- Бойцова М. Один день из жизни медицины катастроф // Петербургский час пик. 10.03.1999 г., № 9 (61). С. 11.

Бондаренко И.. Антон Бируля: лютне, как женщине, нужна верность // Смена. 28.01.2000. С. 5.

Буйновский Э.И. Приобщение к космосу (записки неслетавшего космонавта. С. 60—61. — www.buinovsky.boom.ru; www.mai.ru/colleges/warballist/books/Buinovsky-cosmos.doc.

В Питере чествуют музейных котов // Московский комсомолец. 3-.03.2007: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2007/03/30/srochno/236101/>

В Эрмитаже отмечают День мартовского кота // Опубликовано 27 марта 2007 г. на сайте информационного агентства Интерфакс за подписью «dz»: <http://www.interfax.ru/culture/news.asp?id=6301>

Варлава Г. Звездный отряд из подворотни // Вечерний Ставрополь. 22.07, 26.07, 29.07.2006 г. — <http://www.astronaut.ru/bookcase/article.htm>

Виноградова А. (рук. Проекта). Передача РТР, посвященная летчикам-ветеранам Великой Отечественной войны, от 22.06.2002 г.

Виртуальные мастерские в общественных науках. Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика. — <http://www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm>

Вишневицкий Б. Время пошло // Новая газета (в Петербурге). 19—22 сентября 2002 г.

Ворохов С. Саша Васильев: «Нам тоже лифчики на сцену бросают» // Аргументы и факты — Петербург. № 18. Май 1999 г. С. 10.

Галкина О. Шахтеры не курят, любят варенье и читают Библию // Петербургский час пик. № 5 (57). 10.02.1999 г. С. 5.

Глоссарий.ru: служба тематических толковых словарей (сайт): <http://www.glossary.ru>.

Две эпохи в Доме журналиста. 06.05.2003 г. // Новости Союза Журналистов — архив за 06.05.2003. Сайт Санкт-Петербургского творческого Союза журналистов. <http://www.journalists.spb.ru/news/2003/05/06/news768/>

Живой журнал: Сервис Интернет-Блогов. — <http://www.livejournal.com>

Жуковская Ю. Команда, которой нужны только живые // Петербургский час пик, 31.03.1999. С. 10.

За тех, кто работает в профтех! Фоторепортаж К. Старцева, М.Львова. Амурская заря. 31.10.2001. <http://www.amursk.ru/az/01/1031/n1.htm>

Зембински, Зиш. Перенос и контр-перенос в гештальт-терапии // Сайт «Психологический навигатор: все о психологическом консультировании и психотерапии». — <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=129>

Инешина Т. Женщины мужских профессий // Комсомольская правда — Иркутск. 05.03.2004 г.

Интервью генерального директора ОАО «Новосибирскэнерго» Вл.Дм. Соловьянова. Стратегия развития ОАО «Новосибирскэнерго» // Журнал «Налоги и экономика», № 1—2. Март 2002 г.

Календарь праздников: Профессиональные праздники. — <http://www.calend.ru/holidays/prof/>

Карпенко Ю. «Я частный таксист — не путать с чайником» // Смена. 23.09.1999 г. С. 6.

Козлов Р. День этнографа // Historia: сайт студентов исторического факультета СПбГУ. — <http://historia-site.narod.ru/exped/ethnoday.htm>

Кораблев И.. «Норильский никель» внедряет высокие космические технологии // Корпоративный журнал «Норильский никель». №2(3).04.2003. — www.nornik.ru/number/14/

Королькова И. Сон как признак мощи государства // Курьер недели: информационно-рекламный еженедельник. Выпуск 057 (03.02.2003 г.).

Короткова З. «Каких утрат нам стоили моря...» Рецензия на книгу: Н.А. Черкашин. Повседневная жизнь российских подводников: в отсеках холодной войны. М.: «Молодая гвардия», 2000 // Наука и жизнь. 2001. № 11. С. 9.

Кудрявцева Е. Принимающая первой // Большой город. — статья была доступна на сайте журнала «Большой город»: www.bgorod.ru/print/article.asp?ArticleID=17669

Кулички: студенческий фольклор. — <http://www.kulichki.com/ostrova/bera/Folklor/>, новый адрес: Фольклор советских студентов. — <http://folklor.kulichki.net/>

Ленкевич А. «Если Лица не столица, то Париж не за граница» // Ежедневная электронная газета «Курьер online». № 51 от 21.12.2000 г. — Опубликовано на сайте: <http://kyrier.km.ru/view/a1F8FB76528364D96ACCB370CDDDB79841.htm>

Ленкевич Алексей. «Если Лица не столица, то Париж не за граница» — любимая поговорка подводников Заполярья, в гостях у которых побывал наш корреспондент // Курепин.Ру. Форум портала www.21.ru: <http://press.21.ru>

Малаховский Л. Посвящение в асы по-русски // Россия. 27.08.2001 г. — текст статьи можно найти в Интернете по адресу: <http://www.rgz.ru>

Мама, я летчика люблю // Karaoke.ru. — <http://karaoke.ru/song/3824.htm>
Маслов А.. Жаргонарий // Интернет-публикация на сайте: zzz.land.ru, посвященном компьютерному фольклору и сленгу.

Неофициальный сайт студентов ММА (Московской медицинской академии) им. И.М. Сеченова: http://appendektomia.narod.ru/umor/S_kurs.htm
Николаева Л. Виват, королева! // Оракул. — <http://www.oracle-today.ru/print/89>

Никулин А. Константин Козеев: разговор перед полетом, или Космонавтика с человеческим лицом // Новости космонавтики. Октябрь 2001 г.

ООО «Web-and-Press». http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2cgi?RRzhqzr;yzwg дата размещения цитируемого текста — 2003 г.

Орешкин А. Отнимают копейку у отцов ядерной бомбы // Смена. 15.01.1999 г. С. 1.

Петрова М. Любовный роман №172 занял второе место // Смена. 17.02.1998 г. С. 2.

Погорельский Ю. (слова), В.Плешак (музыка). Экипаж — одна семья (1970 г.) // Сайт «Советская музыка». — <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=ekipazh>

Полнер М. (автор подборки). Из непонятого (высказывания учителей) (Собрано Михаилом Полнером aka Polar Bear, <http://people.weekend.ru/polebear>) www.people.weekend.ru/polebear // Собираный называет приславших ему эти фразы: Sergey O. Aldoukhov, Максим Гушкан.

Профессиональные тосты // Алкогология.ру. <http://www.alcologia.ru/tosty/professionalnye-tosty.html>

Профессиональные тосты // Edimka.ru. — <http://www.edimka.ru/my/toast/rb7>

Рассказова А. Каждый врач имеет свое кладбище // Утро.ru — ежедневная е-газета. 08.01.2002 г. — <http://www.utro.ru/articles/2002010801201955143.shtml>

Рослова Л. Александр Буйнов выходит на сцену, как боксер на ринг // Советский спорт. 27.03.2003.

Россомашина А. «Доктор сыт — больному легче» // Челябинский рабочий. 30.07.1998 г. — <http://www.chrab.chel.su/archive/30-07-98/4/RD41.DOC.html>

Стопка.ру. — <http://www.stopka.ru/toast/nyear04.shtml>

Сайт Самарского представительства «TeleTrade» D.J. International Consulting Ltd. — <http://www.samara.teletrade.ru>

Сайт Санкт-Петербургской региональной молодежной общественной организации развития информационных технологий. 1998 г. <http://www.guxy.org.ru>

Сайт студентов Московского Авиационного института: www.mai.ru/leisure/dk/zerkalo/m_folk.htm

Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им.А.П. Чехова, 1990. Гл. 13. — электронная публикация доступна на сайте библиотеки Чистополя: <http://lib.chistopol.ru/read.php?id=1611&page=631>

Светлова Е. Врачебная ошибка // Совершенно секретно. 1999 г. № 7.

Сергеев И. Пиарщик в шоколаде // Московский комсомолец. М. 23.06.2003. Опубликовано в Интернете: www.sovetnik.ru; см. также в сообщении на одном из форумов: www.kyrgyz.uz

СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2004: сайт// <http://www.alabin.ru/alabina/projects/gromozeka/archeomyth/>

Соколов М. Трудная судьба. Библиотека правого клуба // Драйв. № 5. 01.08.1999 г.

Старобинец Ю., военный летчик. Из автобиографии // Петербургский час пик, № 30 (184), 25 — 31.07.2001. С. 11.

Старостенков С. Песенка о Дне этнографа в 1986 году на реке Свида в Каргополье // Санкт-Петербургский университет. №1. 17 января 2000 г. <http://www.spbumag.nw.ru/2000/01/20.html>

Торговля. Материалы датированы 03.05.2003 г. // Сайт Олега Винокурова: oleg-vinokurov.narod.ru/20.htm

Удовиченко Олег (автор подборки). Специальный курс, прочитанный на I—VI годах обучения в стенах ММА им. Сеченова, несмотря не то, что он не был включен в учебный план / Сайт студентов ММА им. Сеченова. <http://appendektomia.narod.ru/umor/umor.htm>

Форум «CarneVale», тема «Мужчины и женщины», сообщение от 27.12.2004 г. <http://www.karnewal.ru/forum/index.php?showtopic=22>

Ферапонтов И.Е. Туристский быт и фольклор: Опыт системного анализа // Виртуальные мастерские в общественных науках. Фольклор и пост-фольклор: www.mpsf.org

Хазанова Т. Тамара Гвердцители: «Не быть мне бизнес-леди» // Красота. Здоровье. Женский журнал. Октябрь 2007. 29.10.2007. —http://www.kiz.ru/content/stars/tamara_gverdciteli_laquone_byt_mne_bizneslediraquo.html

Хамищев Т. За сухие рукава, или спасенный кот, осиное гнездо и легкая небритость // Вечерний Минск. 25.07. 2001 г. — сайт: <http://newssvm.com>; Телепередача «Вести — СПб», 13.03.2003 г.

Хмельник Т. Тяжела и неказиста жизнь обычного таксиста // Смена. 17.01.2000 г. С. 2.

Хомутов Л.. Правила воздушного движения написаны кровью // сайт «Средства массовой информации Челябинской области». — www.chelpress.ru. 17.08.2001 г.

Черевко И. Милиционеры согласились называться ментами // Смена. 4 декабря 1998 г. С.2.

Чередникова М., И. Кром. Не возите больного ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очокуриться // Мегаполис-Экспресс, 2004. № 11 (738).

Шкуренок Н. Кошки-мышки в Эрмитаже // Огонек. №13. 26.03 — 1.04. 2007 г. Цит. по публикации на сайте издания. — <http://www.ogoniok.com/4989/34/>

Шумов К.Э. Традиции пожарной охраны // Виртуальные мастерские в общественных науках: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. — <http://www.ruthenia.ru/folklore/shumov2.htm>

Шутки команды КВН медицинского лицея им. И.П. Павлова // Настоящая газета Лицея № 623 им. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, ноябрь-декабрь 2002 г. С.4

Щербак О. Древние рукописи охраняют десятки котов и кошек. Уса-тые охранники Российского государственного архива древних актов — это коты и кошки // Вечерняя Москва. № 227 (24761) от 5.12. 2007 г. Статья доступна на сайте газеты: <http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=45185>

470 электроанекдотов // Energo portal.ru : Электротехнический портал. <http://techenergo.energoportal.ru/info/elektroanekdotov-794.html>

СОКРАЩЕНИЯ

- АРАН — Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург)
БФ СИ РАН — Биографический фонд Социологического института Российской академии наук (СПб)
ГАО РАН — Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория Российской академии наук (СПб)
ГРЦРФ — Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный республиканский центр русского фольклора» (Москва)
ИНЭОС РАН — Учреждение Российской Академии наук «Институт элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова» (Москва)
ИЭ АН СССР — Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР
ЛЧ ИЭ АН СССР — Ленинградская часть того же института
МАПО — Медицинская академия постдипломного образования (СПб)
МАПРЯЛ — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы — неправительственное общественное объединение
ММА — Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РИИИ — Российский институт истории искусств Российской Академии наук и Министерства культуры РФ (СПб)
РФ — Русский фольклор
СИ РАН — Учреждение Российской академии наук «Социологический институт» (СПб)
СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СПб ГПМА — Санкт-Петербургская государственная педиатрическая медицинская академия
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ФТИ РАН — Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук (СПб)
ФЭЦ СПб ГК — Фольклорно-этнографический центр Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова
ЦНСИ — Центр независимых социологических исследований (СПб)
ЦСПГИ — Автономная некоммерческая организация «Центр социальной политики и гендерных исследований» (Саратов)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
ПРОФЕССИЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СООБЩЕСТВО, СИМВОЛИЗМ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ	3
1. Профессия: к определению понятия	6
2. Антропологическое исследование профессий	13
3. Профессиональное сообщество	22
4. Неформальные отношения, социальный контроль и трансформация экономики	30
5. Профессиональная традиция	32
6. Дискуссии о субкультуре	36
7. Лакуна: трудности studying up (изучения высокостатусных групп)	44
8. Моделирование профессиональной традиции	47
9. Источники	53
10. Структура работы	56
Глава 1	
ПРОФЕССИЯ, ТРАДИЦИИ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ	68
1. Социальный контроль и автономия профессий	68
2. Инстанции и формы контроля	72
3. Социальный контроль и неформальные традиции	77
4. Этнография нарушений	84
5. Мифология риска как система подкрепления	91
6. Система актуализации мифологии риска	93
Глава 2	
ПРОСТРАНСТВО ПРОФЕССИИ	104
1. Место работы и пространство профессии	104
2. Некросимволизация в практиках посвящения	106
3. Пространство риска	111
4. Пространство контроля (нормирования)	117
5. Расширенное пространство: профессия и дорога	126

Глава 3	
ТЕЛО И ДЕЛО.	132
1. Профессия как «болезнь»	133
2. Профессия как стигма	137
3. Тело в пространстве риска.	147
4. Атрибуты профессии: «достройка» тела	148
5. Репрезентация идентичности	151
6. Символическая защита (граница)	153
7. Определенное знание	156
8. Анимизация инструментария	158
9. Экспансия тела	161
Глава 4	
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА: ПРОЕКЦИЯ ТЕЛА.	165
1. Отцы-основатели	165
2. Идолы поля	169
3. Памятники и другие антропоморфные фигуры.	172
4. Кошки на работе	173
5. Анимизация пространства.	178
Глава 5	
ИНФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА.	183
1. «Одомашнивание» пространства работы	183
2. Курительные и туалетные комнаты:неформальные границы и группировки	187
3. Застолье: практика информализации	195
4. Ситуации, отмечаемые застольем	197
5. Символы профессии — маркеры идентичности	205
6. Застолье и сообщество	214
7. Застолье и саморегуляция	224
Глава 6	
ТРАДИЦИЯ И СТАТУС ПРОФЕССИОНАЛА	232
1. Конструирование объекта	233
2. Статус профессионала как производный от объекта	240
3. Опыт идентификации	243
4. Дистанцирование от объекта(табу на идентификацию)	249

5. Профессионал — клиент:асимметричная коммуникация	254
6. Профессионал — клиент:«энергия», «атмосфера» и социальный контроль	259
7. Профессиональная среда:традиция, конкуренция и сотрудничество	267
Глава 7	
КОНСТРУКЦИИ ГЕНДЕРАВ НЕФОРМАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПРОФЕССИЙ.	274
1. Профессионализм и маскулинность	276
2. Мужская идентификация профессионала	281
3. Инструментарий: проекция гендера	287
4. Табуирование женского	291
5. Мифологема «дефеминизации»	295
6. «Женские» профессии: феминность и подчиненность	305
Заключение.	315
Полевые материалы.	323
Список собирателей	324
Библиография	343
Публикации в прессе и Интернет-источники	355
Сокращения	360

